ISSN 2410-7190

Теоретическая и прикладная лингвистика

Выпуск 8, №1 2022

Издательство Амурского государственного университета

Теоретическая и прикладная лингвистика

Научный журнал

Основан в 2015 году.

Учредитель
Амурский государственный университет (АмГУ)

Журнал зарегистрирован в Роскомнадзоре
Свидетельство ПИ № ФС77-60424

Журнал входит в РИНЦ
Журнал входит в перечень ВАК с 12.02.2019 г.
Периодичность 4 раза в год

doi: 10.22250/24107190_2022_8_1

Выпуск 8, № 1, 2022

Материалы журнала содержат избранные статьи, посвящённые различным языкам (Славянским, Германским, Романским, Тюркским, Тунгусо-маньчжурским, Монгольским, Финно-угорским, Самодийским, Енисейским и Восточным), принадлежащим к различным языковым семьям (Индоевропейской, Балто-славянской, Уральской, Алтайской, Сино-тибетской, Палеоазиатской). Особое внимание уделяется языкам народов России, включая вымирающие языки и смешанные языковые образования (пиджины, креольские языки). Освещается актуальная проблематика многих разделов языкознания: фонетики и фонологии, лексикологии, ономастики, лексикографии, грамматики, стилистики, семантики, социолингвистики, психолингвистики, истории языка, сравнительно-исторического, сопоставительного и типологического языкознания. Затрагиваются аспекты интерференции, различные виды заимствований и калькирования. Обсуждаются вопросы теории и практики устного и письменного перевода. Рассматривается широкий спектр методов изучения языка, в том числе методы сбора и обработки языковых корпусов и построения баз данных, методы акустического и перцептивного анализа, анализа артикуляции, методы компьютерного моделирования языка. Не обходятся вниманием аспекты методики преподавания языков, в частности, особенности отражения результатов современных лингвистических исследований в методике преподавания родного и иностранного языков. Представленные в журнале статьи будут полезны как специалистам в указанных разделах, так и широкому кругу читателей, студентам и аспирантам.

Издательство Амурского государственного университета

Главный редактор

Андросова Светлана Викторовна	д-р филол. наук, профессор (РФ, Амурский государственный университет)

Заместители главного редактора

Деркач Светлана Викторовна	канд. филол. наук, доцент (РФ, Амурский государственный университет)
Морозова Ольга Николаевна	канд. филол. наук, доцент (РФ, Амурский государственный университет)

Редакционная коллегия

Аврутина Аполлинария Сергеевна	д-р филол. наук, профессор (РФ, Санкт-Петербургский государственный университет)
Архипова Нина Геннадьевна	канд. филол. наук, доцент (РФ, Амурский государственный университет)
Бай Лань	доцент (Академия общественных наук Внутренней Монголии, Хух-Хото, КНР)
Викулова Лариса Георгиевна	д-р филол. наук, профессор (РФ, Московский городской педагогический университет, Институт иностранных языков)
Гренобль Ленор	д-р филол. наук, профессор им. Джон Маттюс Манли (США, Чикагский университет)
Гусева Светлана Ивановна	д-р филол. наук, профессор (РФ, Санкт-Петербург)
Лаврилье Александра	д-р соц. антропологии, доцент (Франция, Версальский университет)
Манёрова Кристина Валерьевна	канд. филол. наук, доцент (РФ, Санкт-Петербургский государственный университет)
Наумов Владимир Викторович	д-р филол. наук, профессор (РФ, Санкт-Петербург)
Поржучек Анджей	д-р филол. наук, доцент (Польша, Университет Силезии)
Рянская Эльвира Михайловна	д-р филол. наук, доцент (РФ, Нижневартовский государственный университет)
Селютина Ираида Яковлевна	д-р филол. наук, профессор (РФ, Институт филологии Сибирского отделения РАН)
Скрелин Павел Анатольевич	д-р филол. наук, профессор (РФ, Санкт-Петербургский государственный университет)
Становая Лидия Анатольевна	д-р филол. наук, профессор (РФ, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена)
Старыгина Галина Михайловна	канд. филол. наук (РФ, Амурский государственный университет)
Тьен Дэвид	доцент (Австралия, ун-т Чарльз Стюрт)
Чой Мун-Джеонг	доцент (Южная Корея)
Чугаева Татьяна Николаевна	д-р филол. наук (РФ, Пермский научный Центр Уральского отделения РАН)
Шамина Елена Анатольевна	канд. филол. наук, доцент (РФ, Санкт-Петербургский государственный университет)
Шевченко Татьяна Ивановна	д-р филол. наук, профессор (РФ, Московский государственный лингвистический университет)
Шуйская Татьяна Викторовна	канд. филол. наук, доцент (РФ, Санкт-Петербургский государственный технологический институт (технический университет))

Редакционная коллегия журнала может не разделять точку зрения авторов публикаций.
С требованиями к оформлению статей можно ознакомиться на сайте АмГУ lingua.amursu.ru
Адрес редакции:
675027, г. Благовещенск Амурской обл., Игнатьевское шоссе, 21, кор. 7, аудитория 502
email: lingua.amursu.journal@gmail.com

Theoretical and Applied Linguistics

Scientific Journal

Founded in the year 2015

Publisher
Amur State University (AmSU)

Certified by the Russian Federal Service that provides oversight in the sphere of mass media and informational technologies
Certificate ПИ № ФС77-60424
RSCI
Included in the List approved by the Higher Attestation Commission from February 12, 2019
Appears quarterly: 1 volume per year (4 issues)

doi: 10.22250/24107190_2022_8_1

Volume 8, Issue 1, 2022

The journal contains selected articles devoted to various languages (Slavic, Germanic, Romance, Turkic, Tungus-Manchu, Mongolian, Finnish-Ugric, Samoyedic, Yeniseian, and Oriental) belonging to different language families (Indo-European, Balto-Slavic, Uralic, Altai, Sino-Tibetan, Paleo-Asiatic). Particular attention is paid to the languages of the peoples of Russia including endangered languages and mixed language formations (pidgins, creoles). Current issues of many linguistic fields are viewed: phonetics and phonology, lexicology, onomastics, lexicography, grammar, stylistics, semantics, sociolinguistics, psycholinguistics, historical linguistics and comparative-historical linguistics, cross-language studies, and linguistic typology. Aspects of second language acquisition, various borrowings and replications from a foreign language are addressed. Theory and practice of written and oral translation is observed. Wide range of methods of linguistic studies including data collection and data processing for corpus linguistics, methods of acoustic, perceptual and articulatory study and computer modeling of languages are described. Discussing methods of language teaching and applying results of modern scientific research for teaching native and foreign languages is encouraged. The articles published in this journal might be useful for both specialists in the fields mentioned and a wider audience including students.

Amur State University Press

General Editor

Svetlana V. Androsova	Doctor of Philology, professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

Associate editors

Svetlana V. Derkach	PhD, associate professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)
Olga N. Morozova	PhD, associate professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

Editorial Board

Apollinariya S. Avrutina	Doctor of Philology, professor (Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation)
Nina G. Arkhipova	PhD, associate professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)
Bai Lan	PhD (Chinese Academy of Social Sciences, Inner Mongolia, Hohhot, China)
Larisa G. Vikulova	Doctor of Philology, professor (Moscow City University, Institute of Foreign Languages, Moscow, Russian Federation)
Lenore Grenoble	PhD, John Matthews Manly Distinguished Service Professor (University of Chicago, Illinois, USA)
Svetlana I. Guseva	Doctor of Philology, professor (Saint Petersburg, Russian Federation)
Alexandra Lavrillier	PhD (University of Versailles, France)
Kristina V. Manerova	PhD, associate professor (Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation)
Vladimir V. Naumov	Doctor of Philology, professor (Saint Petersburg, Russian Federation)
Andrzej Porzuczek	PhD, (University of Silesia, Katowice, Poland)
El'vira M. Ryanskaya	Doctor of Philology, professor (Nizhnevartovsk State University, Nizhnevartovsk, Russian Federation)
Iraida Ya. Selyutina	Doctor of Philology, professor (Institute of Philology, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)
Pavel A. Skrelin	Doctor of Philology, professor (Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation)
Lidia A. Stanovaya	Doctor of Philology, professor (The Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russian Federation)
Galina M. Starigina	PhD, associate professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)
David Tien	PhD, (Charles Sturt University, Australia)
Moon-Jeong Choi	PhD (Institute of Humanities of Seoul National University, Republic of Korea)
Tatiana N. Chugaeva	Doctor of Philology (Perm Scientific Center of the Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Perm, Russian Federation)
Elena A. Shamina	PhD, associate professor (Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation)
Tatiana I. Shevchenko	Doctor of Philology, professor (Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation)
Tatiana V. Shuiskaya	PhD, associate professor (Saint-Petersburg State Institute of Technology, Saint Petersburg, Russian Federation)

The publisher might not share viewpoints of articles authors

Editorial Board Address:
Room 502, Building 7, 21 Ignatyevskoe Shosse, Blagoveshchensk, Amur Region, Russian Federation,
Zip Code 675027; website: lingua.amursu.ru, email: lingua.amursu.journal@gmail.com

УДК 81.23; 811.512.161; 811.531 doi: 10.22250/24107190_2022_8_1_5

Аврутина Аполлинария Сергеевна✉, Дармаева Оюн Бадмажаповна
Санкт-Петербургский государственный университет
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
a.avrutina@spbu.ru

Синтаксические модели в агглютинативном языке (на материале корейского и турецкого языков)

Аннотация
В статье ставится задача провести типологический анализ синтаксической подсистемы двух современных агглютинативных языков – турецкого и корейского, – в частности, описать три типа их базовых моделей синтаксических структур, которые, согласно формальной логике, свойственны всем языкам мира: 1) копулятивную, 2) предикативную, 3) разновидности атрибутивной. Эти типы синтаксических моделей были подробно проанализированы в трудах Г. П. Мельникова, а вслед за ним – В. Г. Гузева применительно к тюркским языкам. Применительно к корейскому языку, несмотря на типологическое сходство с тюркскими языками, подобного описания до настоящего времени не проводилось. Анализ специальной литературы показывает, что корейский синтаксический терминологический аппарат разработан слабо. Авторы статьи берут за основу турецкий синтаксический терминологический аппарат, разработанный В. Г. Гузевым, в силу очевидной взаимосвязи обоих языков, которая представлена в статье. Сравнительный анализ показал, что в целом синтаксические структуры корейского и турецкого языков демонстрируют типологическое сходство с некоторыми отличиями. Выявлены следующие сходства: во-первых, одинаковый порядок следования компонентов атрибутивных конструкций; во-вторых, высокая производительность компонентов конструкций, вводимых глагольно-именными формами; в-третьих, лексически выражаемый синтаксический субъект обычно предшествует лексически выражаемому синтаксическому предикату. Немало различий касается категории причастия. Кроме того, в корейском языке, в отличие от турецкого, есть морфологические способы маркирования темы и ремы. Продемонстрировано, что предложенная модель синтаксического описания продуктивна для корейского языка, что открывает пути для исследования данного языка как языка агглютинативного.

Ключевые слова: агглютинативный язык, синтаксис, модель синтаксической структуры, корейский язык, турецкий язык

© Аврутина А. С., Дармаева О. Б. 2022

Для цитирования: Аврутина А. С., Дармаева О. Б. Синтаксические модели в агглютинативном языке (на материале корейского и турецкого языков) // *Теоретическая и прикладная лингвистика.* 2022. Вып. 8, № 1. С. 5–19. https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_1_5

Apollinaria S. Avrutina✉, Oyun B. Darmaeva
St Petersburg State University
St Petersburg, Russian Federation
a.avrutina@spbu.ru

Syntactic models in the agglutinative language (Based on Korean and Turkish)

Abstract
The article aims to perform a typological analysis of the syntactic subsystem of 2 modern agglutinative languages: Turkish and Korean, in particular, to describe three types of their basic patterns of syntactic structures, which, according to formal logic, are characteristic of all languages of the world: (i) copulative,

(ii) predicative, (iii) attributive (in its varieties). These patterns were analyzed in detail in the works of G. P. Melnikov, and after him – V. G. Guzev in relation to the Turkic languages. With regard to Korean, despite typological similarity with Turkic languages, such a description has not yet been made. Specialized literature analysis shows that the Korean syntactic terminological apparatus is poorly developed. We take the Turkish syntactic terminological apparatus developed by Prof. V. G. Guzev as a framework due to obvious syntactic similarity of the two languages as presented in the article. A comparative analysis carried out in this study has shown that generally, syntactic structures in Korean and Turkish demonstrate typological similarities with some language-specific differences. The following similarities were discovered: first, similar word order in attributive patterns, second, high productivity of pattern components introduced by verbal-nominal forms, third, lexically expressed syntactical subject usually placed before lexically expressed syntactical predicate. Many differences were found for the category of Participle. Furthermore, in Korean, unlike in Turkish, there are morphological means to mark Theme and Rheme. We believe that the proposed model of syntactic description is productive for Korean, and this opens a new way to study it as an agglutinative language.

Keywords: languages of agglutinative type, syntax, syntactic structural pattern, Korean language, Turkish language

© Avrutina A. S., Darmaeva O. B. 2022

For citation: Avrutina, A. S., Darmaeva, O. B. (2022). Sintaksicheskie modeli v agglyutinativnom yazyke (na materiale koreyskogo i turetskogo yazykov) [Syntactic models in the agglutinative language (Based on Korean and Turkish)]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 8 (1), 5–19. https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_1_5

1. Введение [Introduction]

В научной литературе распространено традиционное понимание синтаксиса как части грамматики, объектом изучения которой является словосочетание и предложение, а также изучение способов соединения слов, словосочетаний, предложений, иными словами, изучение типов словосочетаний и типов предложений [Гаджиева, 1973, с. 53]. Такой подход является несколько устаревшим и уже неоднократно критиковался (см., напр., [Бодуэн де Куртенэ, 2017 ; Кацнельсон, 1986 ; Пешковский, 1959] и многих других). Однако не следует забывать и о синтаксисе, который является подсистемой языка, и тогда эта подсистема включает в себя: 1) внутриязыковые соответствия фигурирующих в речи слов и словоформ, представляющие собой синтаксический инвентарь, строительный материал, для речевых знаковых цепочек необходимой коммуниканту протяжённости, лишь воспроизводимые при порождении речи; 2) правила линейного расположения слов и словоформ в речи, представляющих собой разновидности знаков; 3) абстрактные модели, структуры всевозможных типов высказываний, больших, чем одно слово, сложившиеся в психике человека; 4) отвлечённые образы функций, в которых выступают знаменательные (автосемантические) слова в качестве компонентов высказываний (лексический субъект – лексический предикат, подлежащее – сказуемое, определение – определяемое, дополнение – дополняемое, обстоятельство – обстоятельственное уточняемое) [Гузев, Аврутина, 2013, с. 6].

Словосочетание, согласно распространённому в синтаксической литературе определению, понимается как соединение двух или более самостоятельных лексем, связанных по смыслу и грамматически [ЛЭС, 2002, с. 469], однако большинство исследователей игнорирует тот факт, что словосочетание, будучи единицей синтаксиса, представляет собой синтаксическую конструкцию. В научных работах, посвящённых структуре агглютинативных языков, был распространён подход, согласно которому словосочетание воспринималось исключительно как строительный материал для предложений, а кроме того, толковалось и рассматривалось в отрыве от общих синтаксических структур языка.

Во всех языках мира имеются всего лишь три типа наиболее общих синтаксических структур [Формальная логика, 1977, с. 20]: 1) копулятивная структура, которая в

речи реализуется как конструкция, состоящая из перечисляемых единиц; 2) двучленная предикативная структура, реализуемая в речи как конструкция, один компонент которой называет предмет мысли – субъект, другой – то, что сообщается, утверждается о предмете мысли, – предикат; 3) атрибутивная структура, один компонент которой представляет собой уточняемое (определяемое, дополняемое или обстоятельственное уточняемое), а другой – уточняющее (определение, дополнение или обстоятельство). В свою очередь атрибутивная структура распадается на три разновидности: 1) определительная структура, которая в речи реализуется конструкциями типа *белая дверь*; 2) дополнительная структура, на основе которой в речи формируются конструкции типа *читаю книгу*; 3) обстоятельственная структура, которая может реализовываться в конструкциях типа *поговорим завтра* [Гузев, Аврутина, 2013, с. 71].

Материал агглютинативных языков, а именно взятых в данной статье за основу корейского и турецкого, демонстрирует важнейшую строевую особенность: если в области копулятивных и предикативных конструкций указанные языки ничем не отличаются от привычных читателю индоевропейских языков, то в области атрибутивных конструкций рассматриваемый материал демонстрирует важное явление: каждый компонент такой конструкции располагается перед компонентом или словосочетанием, от которых он семантически либо грамматически зависит, иными словами, зависимый компонент предшествует главному [Гузев, 2015, с. 260] или, согласно терминологии Г. П. Мельникова, уточняющий компонент предшествует уточняемому [Мельников, 1969, с. 104–113]. Это правило настолько тотально, что полностью определяет структуру агглютинативного предложения в целом, что и будет показано в данной статье.

В качестве материала для исследования в статье были взяты два агглютинативных языка: турецкий и корейский. Источниками материала послужили два художественных произведения на турецком языке (1987 и 2004 гг. издания) и три художественных произведения на корейском языке (2009 и 2017 гг. издания). Выбор именно этих произведений обусловлен их популярностью и массовым вниманием турецких и корейских читателей соответственно. Из этих произведений методом сплошной выборки вручную было отобрано по 40 типичных реализаций интересующих синтаксических структур для корейского и турецкого языков для иллюстрации данных структур.

Кроме этого, была использована речь одного информанта – носителя стандартного варианта корейского языка (мужчина 28 лет, высшее образование, время записи сентябрь-октябрь 2021 года, объём записи 30 минут) и одного информанта – носителя турецкого языка с аналогичными социальными параметрами и объёмом записи.

Анализ специальной литературы демонстрирует, во-первых, некоторый разнобой в описании корейского синтаксиса, хотя в европейском, турецком и корейском языкознании некоторое количество сравнительных исследований турецкого и корейского языка уже проводилось; во-вторых, что корейский синтаксический терминологический аппарат разработан слабо. Для преодоления указанных проблем авторы статьи в порядке эксперимента взяли за основу турецкий синтаксический терминологический аппарат, разработанный В. Г. Гузевым, и применили его к корейскому материалу.

2. Копулятивная, предикативная и атрибутивная модели в корейском и турецком языках [Copulative, predicative and attributive patterns in Korean and Turkish]

2.1. Копулятивная модель [Copulative pattern]

Копулятивная модель представляет собой перечисление синтаксически равноправных единиц. Они могут употребляться как в функции развёрнутых компонентов других конструкций, так и в роли самостоятельных высказываний. Примеры:

벽은 주기율표, 세계지도 목검, 인간 해부도 같은 것들로 장식돼 있었다 [Ким, 2017, с. 219] *Byeog-eun* 'стена' *jugiyulpyo* 'таблица Менделеева', *segyejido* 'карта мира', *mokkeom* 'деревянный меч', *ingan haebudo* 'карта анатомии человека' *gat-eun geotteul-lo jangsiktwae iss-eot-ta* – 'Стену украшали таблица Менделеева, карта мира, деревянный меч и карта анатомии человека'.

Для сравнения, в турецком языке то же предложение выглядит таким образом: *Duvar* 'стена', *Mendeleev adına periyodik tablo* 'таблица Менделеева', *dünya haritası* 'карта мира', *tahta kılıç* 'деревянный меч' *ve insan anatomisi harıtası* 'карта анатомии человека' *ile süslenmiştir* (Информант, сентябрь 2021).

얼굴의 표정, 제스츄어, 자세 등 중요한 의미를 갖게 되다 [Ан, 2009, с. 149] *Eolgul-eui pyojeong* 'выражение лица', *jeseuchyueo* 'жесты', *jase* 'позы' *deung* 'и т. д.' *jungyohan euimi-reul gatke doeda* 'обладают очень важным смыслом' – 'Выражение лица, жесты, поза – всё это очень важные знаки'.

Yüz ifadeleri 'выражение лица', *jestler* 'жесты', *duruşlar* 'позы' *vb*. 'и т. д.' *önemli anlamlara sahiptir* 'обладают очень важным смыслом (pl)'.

Кроме того, в корейском языке соединительный аффикс -고 *go* часто выполняет функцию соединительной формы в ряду однородных членов предложения. Пример:

푸르고 노르고 붉은 꽃이*Pureu-go* 'синий' *noreu-go* 'желтый' *bulg-eun* 'красный' *kkoch-i* 'цветок' – 'Синий, жёлтый и красный цветок' [Мазур, 2001, с. 127]. Для сравнения, в турецком языке при создании копулятивной конструкции подобный аффикс отсутствует: *Mavi* 'синий', *sarə* 'желтый', *kərməzə* 'красный' *zizek* 'цветок'.

В то же время в турецком языке существует послелог «ile» 'с', который и передает связку. Примеры:

Fatih 'Фатих' *Sevgi ile (Sevgi'yle)* 'и Севги, с Севги' *evleniyor* 'женятся' (Информант, сентябрь 2021) – 'Фатих и Севги женятся'

Türkiye ile (Türkiye'yle) 'Турция и' *Rusya* 'Россия' *arasında* 'между ними – послелог' *iyi* 'хороший' *ilişkiler* 'отношения' *var* 'есть' (Информант, сентябрь 2021) – 'У Турции и России хорошие отношения / Турция и Россия имеют хорошие отношения'.

В корейском языке есть схожая с «ile» форма и она известна как совместный падеж. Признаком совместного падежа являются параллельные окончания –과/와 *gwa/wa* и вариант в разговорной речи –랑/이랑 *rang/irang*. Совместный падеж служит для связи двух однородных имен.

파티흐는 세브기**와** 결혼한다 *Patiheu-neun* 'Фатих' *sebeugi-wa* 'с Севги' *gyeorhonhanda* 'жениться' – 'Фатих и Севги женятся'.

터키와 러시아 사이에는 좋은 관계가 있다 *Teoki-wa* 'Турция и' *leosia* 'Россия' *sai-e-neun* 'между' *joeun* 'хороший' *gwangye-ga* 'отношения' *itta* 'есть' – 'У Турции и России хорошие отношения (Турция и Россия имеют хорошие отношения)'.

2.2. Предикативная модель [Predicative pattern]

Предикативная модель представляет собой реализацию логического суждения, выражающего какой-либо конкретный смысл. Модель может быть представлена следующей формулой: синтаксический субъект – синтаксический предикат. Функциональное предназначение предикативной модели – это внесение в сознание коммуниканта той или иной степени изменения предмета мысли (субъекта), это «акт выведения нового знания из наличного» [Мельников, 2003, с. 139].

Синтаксический субъект понимается как такой компонент предикативной конструкции в речи, который лексически представляет предмет мысли, субъект выражаемого конструкцией логического суждения. Синтаксический предикат – компонент конструкции, который лексически называет предикат логического суждения [Там же].

Значение предикативной синтаксической формы можно себе представить как «явление+сообщение о нём». Например:

나는 책을 읽어요 *Na-neun 'я' / chaeg-eul* 'книгу' *ilgeoyo* 'читать' – 'Я / читаю книгу'.

Ben 'я' / *kitabı* 'книгу' *okuyorum* 'читать' – 'Я / читаю книгу'.

В турецком языке субъект может быть опущен в контексте реализации закона экономии усилий, впервые сформулированного А. Мартине [Мартине, 1960], тогда субъект будет выражен личной финитной формой глагола, в то время как в корейском языке субъект может быть опущен, но при этом ни один грамматический показатель в предложении его не заменяет, и смысл в таком случае становится ясен по контексту. Например:

Fatih 'Фатих', / *bu* 'эту' *kitabı* 'книгу' *on* '10' *yıl* 'лет' *önce* 'назад' *okudu* 'прочитал' – 'Фатих / читал эту книгу 10 лет назад' (Информант, сентябрь 2021).

파티흐는/ 십년 전에 그 책을 읽은 적이 있다 *Patiheu-neun* 'Фатих' / *simnyeon* '10 лет' *jeon-e* 'назад' *geu* 'эту' *chaeg-eul* 'книгу' *ilgeun jeog-i itta* 'прочитать' – 'Фатих / читал эту книгу 10 лет назад'.

Компоненты предикативной модели можно связывать с логическими понятиями субъекта и предиката как с основными членами суждения, независимо от того, является ли этот логический субъект деятелем, или же это некоторый иной компонент ситуации, описываемой суждением, например, обстоятельство, объект, подвергнутый воздействию, адресат и т. п. Но ещё точнее природа компонентов, на которые расчленяется словопредложение, раскрывается терминами «тема» и «рема» [Мельников, 2000, с. 42].

Концепция о соответствии актуального членения предложения структуре логического суждения получила развитие в теории о логико-грамматическом членении предложения [Панфилов, 1963] – о выражении различными синтаксическими средствами языка (не именно членами предложения) логических субъекта (темы) и предиката (ремы). К этой концепции примыкает и В. Матезиус [Матезиус, 1967, с. 239–245], отождествляющий тему (основу) и рему (ядро) с психологическим (логическим) субъектом и предикатом [ЛЭС, 2002, с. 23].

Рема содержит главную (новую) информацию и имеет наибольшую степень коммуникативного динамизма, тема содержит второстепенную информацию и обладает наименьшей степенью коммуникативного динамизма, полнота информации создаётся динамическим сочетанием ремы и темы. По мнению А. А. Шахматова, Л. В. Щербы, В. В. Виноградова и других [ЛЭС, 2002, с. 410], рема соответствует логическому предикату суждения, а тема соответствует логическому субъекту суждения.

В некоторых языках слово, отвечающее теме, имеет специальные формальные способы выражения, в других – формально выражает категории тема-рематического членения, в-третьих, эти возможности каким-то образом сочетаются. В языках существует не менее четырёх способов маркирования темы: позиционный, грамматический, лексический и фонетический способы. Первый и последний из них являются универсальными [Ягунова, 2007, с. 36].

Корейский язык относится к такому типу, где тема маркируется грамматическим способом с помощью модификатора –은/는*eun/neun*, основное назначение которого состоит в указании на отнесённость оформляемого им члена предложения (в большинстве случаев – тематического подлежащего) к исходной части сообщения, т. е. к теме. Также модификатор используется для выделения, подчёркивания, привлечения внимания к имени (существительному, местоимению, числительному) или словосочетанию, называющему предмет последующей речи или мысли. В простом предложении посредством этого модификатора может быть выражено противопоставление или контраст. В сложносочинённом предложении основное назначение модификатора также состоит в указании на противопоставление, контраст, а в сложноподчинённом предложении – в выделении и отграничении подлежащего

главного предложения от подлежащего придаточного предложения (или подлежащих придаточных предложений) [Мазур, 2001, с. 111].

Модификатор –은/는*eun/neun* используется когда субъект уже известен собеседнику и упоминался ранее (тема), тогда как падежный показатель –이/가*i/ga* используется когда поступает новая информация (рема). Примеры:

1. 연필이 책상 위에 있어요 *Yeonpir-i* 'карандаш' *chaeksang* 'стол' *wi-e* 'на' *iss-eoyo* 'быть' – 'Карандаш на столе'. В этом примере падежный показатель –이/가*i/ga* сообщает нам, что на столе есть некий карандаш и мы не владеем какой-либо информацией о данном карандаше кроме этой. Ситуация: мы сообщаем собеседнику, что если он пойдёт в соседнюю комнату, то там будет лежать карандаш на столе. Собеседник не знает об этом карандаше, вы вводите новую информацию для него. Если в данном примере заменить падежный показатель –이/가*i/ga* и использовать модификатор -은/는(*-eun/-neun*), то мы получим следующее:

2. 연필은 책상 위에 있어요 *Yeonpir-eun* 'карандаш' *chaeksang* 'стол' *wi-e* 'на' *isseoyo* 'быть' – 'Карандаш на столе'. В этом случае ситуация такова, что данный карандаш уже упоминался в речи и мы конкретно знаем о каком карандаше идёт речь (и собеседник и слушатель). Данный пример может быть вариантом ответа на вопрос «Где тот (конкретный) карандаш?».

Модификатор – 은/는*eun/neun* кроме обозначения темы предложения имеет дополнительную функцию смещать фокус внимания на предикат, и так как он используется, когда у нас уже есть информация о субъекте (тема), и, как уже упоминалось выше, тема содержит второстепенную информацию и обладает наименьшей степенью коммуникативного динамизма, а следовательно акцент падает на предикат.

Рассмотрим примеры:

1. 영희는 1등 했어요*Yeonghi-neun* 'Ёнхи' *1 deung* '1 место' *haesseoyo* 'сделать' – 'Ёнхи заняла первое место'. В этом примере фокус падает на то, что Ёнхи (которую мы уже знаем) заняла первое место, то есть в этом примере важен предикат, а значит вопросом к примеру был бы «Какое место заняла Ёнхи?».

2. 영희가 1등 했어요 *Yeonghi-ga* 'Ёнхи' *1 deung* '1 место' *haesseoyo* 'сделать' – 'Ёнхи заняла первое место'. В этом случае акцент падает на субъект, нам важна информация «кто» занял первое место.

Для сравнения, в турецком языке подобный грамматический показатель отсутствует, как отсутствуют и специальные показатели для выражения темы и ремы высказывания: по сути, в турецком языке тема и рема высказывания определяются порядком слов [Юхансон, 1987].

2.3. Атрибутивная модель [Attributive pattern]

Атрибутивная модель – это такая модель, один компонент которой представляет собой уточняемое (определяемое, дополняемое или обстоятельственное уточняемое), а другой – уточняющее (определение, дополнение или обстоятельство).

Атрибутивная модель бывает трёх типов: а) определительная, которая в речи порождает конструкции типа *kırmızı elma* 'красное яблоко'; б) дополнительная, на основе которой в речи формируются конструкции типа *kitab(ı) okuyor* 'читает книгу'; в) обстоятельственная, которая может воплотиться, например, в конструкцию *yarın geleceğim* 'приду завтра'.

Одна из важнейших синтаксических строевых особенностей любого агглютинативного языка, заключается в том, что в обычной речи, в которой не используются особые стилистические приёмы, порядок компонентов конструкций обыкновенно следует единственному и универсальному правилу: каждый компонент располагается перед

компонентом или словосочетанием, от которого он семантически или грамматически зависит. Иными словами, нормальным, естественным, исконным порядком следования компонентов всех атрибутивных, т. е. определительных, дополнительных и обстоятельственных конструкций, является следующий: второстепенный, зависимый компонент предшествует главному, независимому компоненту. Соответственно, дополнение предшествует дополняемому, а обстоятельство – своему уточняемому признаку.

Представляется целесообразным дать определение каждой разновидности атрибутивных синтаксических моделей (определительных, дополнительных, обстоятельственных), и каждому их компоненту.

Определительные синтаксические модели – форма, в которой отражена и обобщена связь предмета или действия с приписываемым ему или констатируемым у него признаком. Формирующаяся в языковой системе путём отвлечения от разнообразных конкретных определительных конструкций в речи типа *kara bulut* 'чёрная туча', *çabuk koşmak* 'быстро бежать', эта форма может быть предварительно представлена в виде единства двух её компонентов – абстрактных образов: определение (признак) + определяемое (обладатель признака) [Гузев, Аврутина, 2013, с. 30].

Определяемое – один из двух находящихся в определительном отношении компонентов конструкции, который является главным, господствующим; он называет обладателя признака, т. е. предмет или действие, которому принадлежит или приписывается признак, выражаемый компонентом-определением.

Определение – один из двух находящихся в атрибутивных отношениях компонентов конструкции, являющийся подчинённым, зависимым и называющий тот признак, которым обладает предмет или действие, выражаемое главным компонентом синтаксической формы.

1. 하얀 조약돌 *hayan* 'белый' *joyaktol* 'галька' – 'белая галька'.

Для сравнения, данное словосочетание на турецком языке: *Beyaz* 'белый' *çakıl* 'галька'.

2. 작은*jageun* 'маленькая' 여인*yeoin* 'женщина' – 'крохотная женщина'.

На турецком языке: *Ufak tefek* 'крохотная' *bir* 'неопределённый артикль' *kadın* 'женщина'.

Функционирование в качестве определений – специализация прилагательных (как в примерах выше), ряда субстантивных падежных и глагольных именных форм и определительных субстантивных конструкций (в тюркологии – изафет).

Причастия в функции определения в корейском языке и турецкие глагольные именные формы с аналогичным функционалом (Субстантивно-адъективные формы) [Participles as attributes in Korean and Turkish verbal-substantive forms performing the same function (Substantive-adjective forms)]. В турецком языке существует три формы причастий, которые представляют собой именные формы глагола, объединённые общим значением представления действия, называемого основой, в образе признака. Особенностью турецких причастий является агентивная сема, которая сигнализирует, что носитель признака является производителем действия, которое представлено в виде признака [Гузев, 2015, с. 159].

В то же время, отдельно следует сказать о том, что в турецком языке существует особая категория именных глагольных форм – субстантивно-адъективные формы (САФ). В традиционной тюркологической литературе их нередко именуют «причастиями», однако от причастий они существенно отличаются, во-первых, наличием темпоральных сем, а во-вторых, способностью представлять действие не только в качестве признака, но и «опредмечивать» его, представлять в качестве предмета [Гузев, 2015, с. 161].

В данном исследовании эти турецкие формы, которые мы не считаем причастиями, упоминаются в разделе, посвящённом причастиям, только для того, чтобы показать их типологическое сходство с подобными формами в корейском языке, которые в корейском языкознании традиционно именуются «причастиями». В связи с этим, представляется необходимым пересмотреть принятую в корейском языкознании терминологию, и применить понятие «субстантивно-адъективная форма» (САФ) к корейскому материалу. Тем не менее, в силу сложившейся в специальной кореeведческой литературе традиции, ниже мы будем именовать рассматриваемую форму «причастием».

В корейском языке причастие имеет два значения: указание на зависимость предикатива от имени и выражение времени совершения действия или признака, обозначенного причастием. Есть причастия настоящего, прошедшего и будущего времени –는*neun*, –ㄴ/은 *n/eun*, –ㄹ/을*l/eul* соответственно. Время причастия является относительным и соотносится не с моментом речи, а с временем совершения другого действия или наличия другого признака [Мазур, 2001, с. 143–147].

Причастие настоящего времени: 이것은 니나가 공부하는 대학입니다 *Igeos-eun* 'это' *nina-ga* 'Нина' *gongbuha**neun*** 'учиться+причас.наст.в) *daehag-imnida* 'университет' – 'Это университет, в котором ***учится*** Нина'.

В турецком языке подобное предложение образуется с помощью субстантивно-адъективной (именной) глагольной формы (САФ):

İşte 'это' *Nina'nın* 'Нина в род. пад.' *okuduğu* 'учиться + САФ наст.вр.+ афф. прин' *üniversite* 'университет'.

Причастие прошедшего времени: 이것은 니나가 공부한 대학입니다 *Igeos-eun* 'это' *nina-ga* 'Нина' *gongbu**han*** 'учиться+причас.пр.в' *daehag-imnida* 'университет' – 'Это университет, в котором ***училась*** Нина'.

В турецком языке подобное предложение образуется с помощью субстантивно-адъективной (именной) глагольной формы (САФ):

İşte 'это' *Nina'nın* 'Нина в род. пад.' *okuduğu* 'учиться + САФ пр.вр.+ афф. прин' *üniversite* 'университет' 'САФ с показателем *–dık* обладает семой как прошедшего времени, так и настоящего'.

Причастие будущего времени: 이것은 니나가 공부할 대학입니다 *Igeos-eun* 'это' *nina-ga* 'Нина' *gongbu**hal*** 'учиться+причас.буд.в' *daehag-imnida* 'университет'. – 'Это университет, в котором ***будет учиться*** Нина'.

В турецком языке подобное предложение образуется с помощью субстантивно-адъективной глагольной формы (САФ) с семой будущего времени:

İşte 'это' *Nina'nın* 'Нина в род. пад.' *okuyacağı* 'учиться + САФ буд.вр.+ афф. прин' *üniversite* 'университет'.

Причастие может выступать либо в функции определения, либо в сочетании со служебным именем и связкой (-것*geos*) в функции сказуемого дополнительной предикатемы, однако проблема функции причастия в качестве сказуемого выходит за рамки темы данной статьи.

Разновидность определительной конструкции: изафет (определительная субстантивная конструкция) в корейском и турецком языках [Attributive subpattern: Isaphet (Attributive substantive variety) in Korean and Turkish]. Одной из отличительных особенностей синтаксиса агглютинативных языков является чрезвычайно высокая степень использования определительных конструкций, состоящих из имён существительных. Конструкции, в которых в функции и определяемого, и определения выступают существительные, называются определительными субстантивными конструкциями, в тюркологии – это изафет. В турецком языке три формы изафета:

И з а ф е т I – форма (безаффиксного) изафета, представляющая собой сочетание двух неаффигированных существительных, от значения первого из которых (определения) отвлекается относительный признак, например, материал, из которого состоит предмет, называемый вторым существительным (определяемым), его форма, пространственное соположение и прочее. Например:

fötr şapka 'фетровая шляпа', *taş köprü* 'каменный мост',

tahta masa 'деревянный стол', *oyuncak kayık* 'игрушечная лодка',

erkek sincap 'белка-самец'

Изафет II – форма, являющаяся определительным сочетанием двух существительных с аффиксом принадлежности 3-го лица у определяемого (одноаффиксный изафет), служащая средством выражения широчайшего спектра относительных признаков, отвлекаемых от значения компонента-определения: *kadın şapkası* 'женская шляпа', *ayak sesi* 'звук шагов', *uyku ilâcı* 'средство для сна, снотворное' и т. д. [Майзель, 1957, с. 30–43].

Представляется, что правильнее считать, что этот аффикс выполняет формально-грамматическую функцию, т. е. функцию формального признака изафета II, и его притяжательное значение вполне пригодно для передачи самых разнообразных связей в качестве смыслов. Подобное использование притяжательного значения «не по назначению», т. е. далёкого от принадлежности смысла, наблюдается во многих языках мира. Примеры:

1. *Yer altı çarşısı* (Стамбул, Аксарай, надпись у входа в рынок) – 'Торговые ларьки в подземном переходе'.

2. *Ellerinin arasında pırıl pırıl parlayan,* ***portakal büyüklüğünde****, top gibi bir cevher duruyordu* [Öngören, 1983, с. 19] – 'В его руках находился похожий на мяч ярко сияющий драгоценный камень величиной с персик'.

Именно безаффиксный и одноаффиксный изафеты освобождают тюркские языки от структурной потребности в относительных прилагательных.

Изафет III – модели, которые реализуются в речи как конструкции, представляющие собой определительное именное сочетание с существительным или местоимением в функции определения в родительном падеже и с существительным-определяемым, наделенным аффиксом принадлежности одного из трёх лиц (двухаффиксный изафет), служащее средством выражения связи между предметами, которую говорящий считает притяжательной и, следовательно, как можно полагать, имеет грамматическое значение «обладатель + предмет обладания»: *kadının şapkası* 'шляпка женщины', *ilmin faydası* 'польза науки', *aşkın kuvveti* 'сила любви' [Майзель, 1957, с. 24–30].

1. *Çocuk+lar+ın baş+ı* [Öngören, 1983, с. 9] – 'Предводитель детей';

2. *Kuyu+nun dib+in+de ışığ+ın kaynağ+ın+ı gördüler* [Öngören, 1983, с. 10] – 'На дне колодца они увидели источник света';

3. *Yıl+ın son gün+ü+ydü* [Nesin, 2004, с. 85] – 'Был последний день года'.

В сравнении с турецким языком в корейском тоже можно выделить несколько типов определительных конструкций, подобных турецкому изафету:

1. Определительная конструкция «с у щ е с т в и т е л ь н о е 1 + с у щ е с т в и т е л ь н о е 2», где существительные внутренне связаны определительными отношениями, без каких-либо внешних показателей (аффиксов).

전통 음식 *jeontong* 'традиция' *eumsik* 'пища' – 'традиционная еда';

대학생 기숙사 *daehaksaeng* 'студент' *gisuksa* 'общежитие' – 'студенческое общежитие';

러시아 *reosia* 'Россия' 겨울 *gyeoul* 'зима' – 'русская зима'.

2. Определительная конструкция «с у щ е с т в и т е л ь н о е 1 + р о д . п + с у щ е с т в и т е л ь н о е 2», где существительное или местоимение в функции определения в родительном падеже связано с существительным-определяемым.

Показателем родительного падежа в корейском языке является одновариантное окончание –의*eui*.

나의 책 *na+eui* 'я+род.п' *chaek* 'книга' – 'моя книга'

뉴욕의 여름 날씨 *nyuyog+eui* 'Нью-Йорк+род.п' *yeoreum* 'лето' *nalssi* 'погода' – 'Нью-Йоркская летняя погода'.

3. Определительная конструкция «существительное 1 + 적 jeog + существительное 2». В корейском языке образуются так называемые неспрягаемые прилагательные от основ имён китайского происхождения с помощью морфемы -적 *jeok*, которая служит показателем определения. Морфема -적 *jeok*, происходит из китайского 的 *de*, которая в свою очередь служит показателем притяжения и также участвует в создании определительных отношений. В корейском языке данная морфема присоединяется к существительному даёт ему значение «относящееся к этому существительному, обладающее его свойствами». Например:

사회 *sahoe* 'общество' – 사회적 *sahoe+jeok* 'общественный';

정치*jeongchi* 'политика' – 정치적 *jeongchi+jeok* 'политический'.

Формально прилагательные на -적 *jeok* характеризуются отсутствием категорий сказуемости, времени и прочих категорий, свойственных предикативам. В предложении такие прилагательные выступают, как правило в роли определения к имени. Например:

고전*gojeon* 'классика';

고전적 대학교 *gojeon+jeok* 'классический' *daehakkyo* 'университет' – 'классический университет'.

В позиции определения такое прилагательное может сопровождаться определительной формой связки - 인*in*, то есть используется связка -이다*ida* и определительная форма -ㄴ *n*. Например:

고전적인 대학교 *gojeon+jeog+in* 'классический' daehaggyo 'университет' – 'классический университет'.

Связка в этом случае уточняет определительную функцию прилагательного. Как и в случае с обычными прилагательными, однородные члены сопровождаются связкой -며*myeo* и -고*go*:

정치적이고 사회적인 활동 *Jeongchi+jeog+igo* 'политическая и' *sahoe+jeog+in* 'общественная' *hwaldong* 'деятельность' – 'Политическая и общественная деятельность'.

Дополнительные синтаксические модели [Attributive syntactic patterns]. Это такая разновидность атрибутивных синтаксических моделей, которая состоит из двух компонентов – дополняемого и дополнения и служит средством выражения связи какого-либо действия, признака или предмета с каким-либо предметом и, предположительно, обладает значением типа «предмет связан с действием, признаком или предметом» [Гузев, Аврутина, 2013, с. 44].

Дополняемое – главный компонент модели, который представляет собой образ действия, признака или предмета, уточняемых говорящим путём указания на их связь с каким либо предметом. В речи в функции дополняемого чаще всего фигурирует глагол, а также другие знаменательные слова (глаголы, существительные, числительные, местоимения, субстантивные формы глагола, прилагательные), способные выполнять эту функцию.

Дополнение – подчинённый, зависимый компонент модели, обобщенный образ предмета, посредством указания на связь с которым характеризуется, уточняется действие, признак или предмет, являющиеся главным компонентом синтаксической формы. Принято различать прямые и косвенные дополнения.

Прямое дополнение, как правило, сигнализирует о том, что предмет или воспринятое как предмет явление трактуется говорящим как объект прямого, непосредственного, прямого воздействия:

Kitab-ı 'книгу' *okudum* 'читал' – 'Я читал книгу'.

책을 읽었다 *Chaeg-eul* 'книгу' *ilgeottda* 'читал' – 'Я читал книгу'.

Косвенное дополнение сигнализирует о том, что предмет истолкован говорящим или как объект какого-либо непрямого, опосредованного воздействия:

Öğretmene sordum – '(Я) спросил у преподавателя'

선생님께 질문했습니다 *Seonsaengnimkke* 'у преподавателя' *jilmunhaesseumnida* 'спрашивать' – '(Я) спросил у преподавателя',

или как вторичный объект:

Ben bu kitabı kardeşime aldım – 'Я купил эту книгу моему брату'

나는 동생에게 이 책을 사주었다 *Naneun 'я' dongsaeng-ege* 'брату' *i* 'эту' *chaeg-eul* 'книгу' *sajueotta* 'покупать для' – 'Я купил эту книгу моему брату',

или как участник иной косвенной связи: *yardıma muhtaç*, 도움이 필요한 *doumi* 'помощь' *piryohan* 'нужный' – 'нуждающийся в помощи'.

Обстоятельственная синтаксическая модель [Adverbial syntactic pattern]. Это разновидность атрибутивной формы, которая состоит из обстоятельственного уточняемого и обстоятельства. Значение этой формы сигнализирует о том, что какое-либо явление (чаще всего действие) связано с другим сопутствующим ему и тем самым каким-либо образом характеризующим, уточняющим его явлением.

Обстоятельственное уточняемое – главный компонент модели, абстрактный образ события, которое уточняется путём указания на связь с сопутствующим ему обстоятельством. Чаще всего в функции уточняемого выступает глагол: *Dün geldim* 'Я приехал вчера'.

Обстоятельство, или обстоятельственное уточнение – подчинённый, зависимый компонент модели, называющий то или иное событие, явление (время, место, условие, цель, причину, объект количественного сопоставления и т. п.), сопутствующее главному событию.

Обстоятельственные модели в турецком языке широко представлены либо различными деепричастиями, либо конструкциями на базе деепричастий, субстантивно-адъективных и залоговых форм с различными значениями: обстоятельства образа действия, причины, цели и многих других. В. Г. Гузев под деепричастием в первую очередь понимал глагольную форму, означающую действие, воспринимаемое как обстоятельство. Турецкая категория деепричастий содержит в себе более 60 глагольных форм [Гузев, 2015, с. 173–175].

Обстоятельственные модели в корейском языке также представлены множеством разнообразных грамматических форм. Однако, как и в турецком языке, в корейском обстоятельственные модели представлены также деепричастиями и конструкциями с различными обстоятельственными значениями на основе деепричастий либо иных форм – условно назовём их субстантивно-адъективными.

Полного списка корейских грамматических форм с обстоятельственным значением на сегодняшний день нет, в отличие от турецкого языка (см. [Дениз-Йылмаз, 2006]). Далее рассмотрим некоторые примеры:

Модели со значением причины

제대 안 **했으니까** 당연히 군대에 있지 [Ким, 2017, с. 12]. *Jedae* 'демобилизация' *an* 'отр.' *haess-eunikka* 'делать+причина' *dang-yeonhi* 'конечно же' *gundaee* 'в армии' *itchi* 'быть' – 'Я не демобилизовался, конечно же я в армии'.

비가 많이 **<u>와서</u>** 댐이 무너졌다 (Информант, октябрь 2021) *Bi-ga* 'дождь' *manhi* 'много' *waseo* 'приходить+причина' *daem-i* 'дамба' *muneojyeotta* 'рухнула' – 'Дамба рухнула из-за сильного дождя'.

Terhis 'демобилизация' *olmadığım için* 'САФ не стать + послелог причины' *askerdeyim* 'в армии'.

Şiddetli 'сильный' *yağmur* 'дождь' *yağdığı için* 'САФ идти дождь' + 'послелог причины' *baraj* 'дамба' *çöktü* 'рухнула'.

Модели со значением цели

그날 엄마는 나를 **데리러** 오지 않았다 [Сон, 2017, с. 11] *Geunal* 'тот день' *eomma-neun* 'мама' *na-reul* 'меня' *derireo* 'брать+цель' *oji* 'приходить' *anh-atta* 'отр.' – 'В тот день моя мама не пришла забрать меня'.

나는 친구를 **만나고자** 고향을 찾아 왔다 (Информант, октябрь 2021) *Na-neun* 'я' *chingu-reul* 'друга' *mannagoja* 'встречать+цель' *gohyang-eul* 'родину' *chaja watta* 'посещать' – 'Я поехал на родину, чтобы встретиться с другом'.

O gün 'тот день' *annem* 'моя мама' *beni* 'меня' *almaya* 'брать +отриц.ф.+ глагольное имя в дат. п. со значением «цель»' *gelmedi* (приходить в отрицательной форме).

Bir arkadaşımla 'с другом' *buluşmak* 'встретиться' *için* 'чтобы послелог' *eve* 'на родину' *gittim* 'уезжать, я уехал'.

Модели со значением условия

내일 눈이 **오면** 그가 산에 안 갈 것이다 (Информант, октябрь 2021) *Naeil* 'завтра' *nun-i* 'снег' *omyeon* 'приходить+условие' *geuga* 'он' *san-e* 'в гору' *an* 'отр.' *gal geos-ida* 'идти' – 'Если завтра пойдёт снег, то он не пойдёт в горы'.

집에 **왔으면** 먼저 부모님께 인사를 울려야지 (Информант, октябрь 2021) *Jib-e* 'домой' *wass-eumyeon* 'приходить+условие' *meonjeo* 'сначала' *bumonimkke* 'родителям' *insa-reul* 'приветствие' *ullyeoyaji* 'звучать' – 'Если приходите домой, то в первую очередь нужно поприветствовать родителей'.

Yarın 'завтра' *kar* 'снег' *yağarsa* 'идти + условие', *dağlara* 'в горы' *gitmez* 'пойти в отрицательной форме'.

Eve 'домой' *gelirseniz* 'приходить + условие' *yapmanız* 'глагольное имя + принадлежность' *gereken* 'необходимое' *ilk* 'первая' *şey* 'вещь' *anne* (мать) *ve babanıza* 'ваш отец в дат. п.' *selam* 'приветствие' *vermektir* 'дать'.

Модели со значением уступки

그 아이는 키가 더 **커도** 형만큼 되지 못할 듯하다 (Информант, октябрь 2021) *Geu* 'этот' *ai-neun* 'ребёнок' *kiga* 'рост' *deo* 'ещё' *keodo* 'расти+уступка' *hyeongmankeum* 'как старший брат' *doeji* 'стать' *mothal* 'не мочь' *deuthada* 'вероятно' – 'Даже если этот ребёнок вырастет ещё, то вряд ли он будет таким же высоким, как старший брат'.

내가 **죽을망정** 민수와 절대 결혼하지 않겠다 (Информант, октябрь 2021) *Nae-ga* 'я' *jug-eulmangjeong* 'умереть+уступка' *minsu-wa* 'с Минсу' *jeoldae* 'точно' *gyeorhonhaji* 'вступать в брак' *anhketta* 'отр.' – 'Я точно не выйду замуж за Минсу, даже если умру'.

В турецком языке модели со значением уступки образуются с помощью условного наклонения, как и примеры в разделе «Модели со значением условия».

Bu (этот) *çocuk* (ребёнок) *büyüse* (вырастать + если) *bile* (даже), *ağabeyi* (старший брат) *kadar* (как) *uzun* (длинный) *olması* (быть-глагольное имя «его бытие») *pek mümkün değil* (не очень возможно) – 'Даже если этот ребёнок вырастет ещё, то вряд ли он будет таким же высоким, как старший брат'.

Ölsem (умирать + условие) *bile* (даже) *Ahmed'le* (за Ахмеда, с Ахмедом) *kesinlikle* (совершенно точно) *evlenmem* (вступлю в брак + нет) – 'Я точно не выйду замуж за Ахмеда, даже если умру'.

Как уже говорилось, эти модели характеризуются нормальным порядком следования компонентов: второстепенный, зависимый компонент предшествует главному, независимому компоненту, то есть обстоятельство – своему уточняемому признаку, что мы и увидели в примерах выше.

3. Заключение [Conclusion]

Проведённое исследование позволяет сделать следующие выводы. В целом синтаксические структуры агглютинативных корейского и турецкого языков демонстрируют типологическое сходство с некоторыми отличиями. Это означает, что терминологический аппарат тюркского синтаксиса, разработанный В. Г. Гузевым для турецкого языка, вполне применим для корейского языка и может быть использован для дальнейших исследований корейского языка как агглютинативного.

В результате сравнительно-сопоставительного анализа выявлено, что, во-первых, в турецком и корейском языках имеет место одинаковый порядок следования компонентов атрибутивных конструкций: уточнение предшествует уточняемому, т. е. определение предшествует определяемому, дополнение – дополняемому; обстоятельство предшествует своему уточняемому.

Во-вторых, в корейском и турецком языках лексически выражаемый синтаксический субъект обычно предшествует лексически выражаемому синтаксическому предикату. Значит, синтаксический предикат, компонент предикативных конструкций (или сказуемое предложения) передаёт наиболее важную часть сообщаемой информации, а точнее говоря, то новое, что сообщается о субъекте. Однако в отличие от турецкого языка в корейском языке есть морфологические способы маркирования темы и ремы, которые помимо референциального значения обеспечивают связность текста (дискурса).

В-третьих, категория глагольных именных форм в корейском и турецком языках имеет довольно много различий, поэтому данный материал представляет перспективу для дальнейших исследований.

Библиографический список

Бодуэн де Куртенэ, 2017 – Бодуэн де Куртенэ И. А. Общее языкознание. Избранные труды. М. : Изд-во Юрайт, 2017. 343 с. [1-е изд. 1963].

Гаджиева, 1973 – Гаджиева Н. З. Основные пути развития синтаксической структуры тюркских языков. М. : Наука, 1973. 408 с.

Гузев, 2015 – Гузев В.Г. Теоретическая грамматика турецкого языка. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2015. 320 с.

Гузев, Аврутина, 2013 – Гузев В. Г., Аврутина А. С. Функциональный синтаксис современного турецкого языка : учеб. пособие. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2013. 71 с.

Дениз-Йылмаз, 2006 – Дениз-Йылмаз О. Категория номинализации действия в турецком языке. СПб., 2006. 219 с.

Кацнельсон, 1986 – Кацнельсон С. Д. Общее и типологическое языкознание. Л. : Наука, 1986. 297 с.

ЛЭС, 2002 – Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. 2-е изд., доп. М. : Большая рос. энцикл., 2002. 709 с.

Майзель, 1957 – Майзель С. С. Изафет в турецком языке. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1957. 184 с.

Мартине, 1960 – Мартине А. Принцип экономии в фонетических изменениях. М. : Изд-во иностр. лит, 1960. 261 с.

Мазур, 2001 – Мазур Ю. Н. Грамматика корейского языка (Морфология. Словообразование). Теоретический курс. М. : Муравей-Гайд, 2001. 330 с.

Мельников, 1969 – Мельников Г. П. Синтаксический строй тюркских языков с позиций системной лингвистики // Народы Азии и Африки. М., 1969. № 6. С. 104–113.

Мельников, 1974 – Мельников Г. П. Системология и языковые аспекты кибернетики. М. : Советское радио, 1974. 368 с.

Мельников, 2000 – Мельников Г. П. Системная типология языков: синтез морфологической классификации языков со стадиальной : курс лекций. М. : Изд-во РУДН, 2000. 96 с.

Панфилов, 1963 – Панфилов В. З. Грамматика и логика: (грамматическое и логико-грамматическое членение простого предложения). М. : Изд-во Академии наук СССР, 1963. 79 с.

Пешковский, 1959 – Пешковский А. М. Избранные труды. М. : Учпедгиз, 1959. 250 с.

Формальная логика, 1977 – Формальная логика / отв.ред.-сост. И. Я. Чупахин, И. Н. Бродский. Л., 1977. 357 с.

Юхансон, 1987 – Юхансон Л. Определенность и актуальное членение в турецком языке // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 19 : Проблемы современной тюркологии / сост. А. Н. Барулин ; ред. А. Н. Кононов. М. : Прогресс, 1987. С. 398–425.

Ягунова, 2007 – Ягунова Е. В. Коммуникативная и смысловая структуры текста и его восприятие // Вопросы языкознания. 2007. № 6. С. 32–49.

Nesin, 2004 – Nesin A. Anıtı Dikilen Sinek. Yedinci Basım. İstanbul, 2004. 128 c.

Öngören, 1983 – Öngören V. Masalın Aslı. Birinci Kitap. Aydınlıktan Karanlığa. İstanbul, 1983. 181 c.

Сон, 2017 – 손원평, 아몬드. 창비, 2017 [Сон Вонпхён. Миндаль. Изд-во Чханби, 2017]. 233 с.

Ан, 2009 – 안영희, 한국 수화언어의 특징과 수화 성경 번역의 실제. 성경원문연구소, 2009 [Ан Ёнхве, Особенности корейского жестового языка и практика перевода Библии на жестовый язык. Изд-во Ин-та исследования библейских текстов, 2009]. 22 с.

Ким, 2017 – 김영하, 오직 두 사람. 문학동네, 2017 [Ким Ёнха, Только двое. Изд-во Мунхак Тонне, 2017]. 272 с.

References

Baudouin de Courtenay, I. A. (2017). *Obshchee yazykoznanie. Izbrannye trudy* [General linguistics. Selected papers]. Moscow : Yurayt Press. [1st edn. 1963]. (In Russ.).

Gadzhieva, N. Z. (1973). *Osnovnye puti razvitiya sintaksicheskoy struktury tyurkskikh yazykov* [Major ways of syntactic structure development in Turkic languages]. Moscow : Nauka Press. (In Russ.).

Guzev, V. G. (2015). *Teoreticheskaya grammatika turetskogo yazyka* [The theory of Turkish grammar]. St Petersburg : St Petersburg University Press. (In Russ.).

Guzev, V. G., Avrutina, A. S. (2013). *Funktsional'nyy sintaksis sovremennogo turetskogo yazyka* [Functional syntax of modrn Turkish]: A coursebook. St Petersburg : St Petersburg University Press. (In Russ.).

Deniz-Yilmaz, O. (2006). *Kategoriya nominalizatsii deystviya v turetskom yazyke* [The category of nominalization of an action in Turkish]. St Petersburg. (In Russ.).

Katsnel'son, S. D. (1986). *Obshchee i tipologicheskoe yazykoznanie* [General and comparative language studies]. Leningrad : Nauka Press. (In Russ.).

Yartseva, V. N. (Ed.). (2002). *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow : Bol'shaya ros. Entsikl. Press. (In Russ.).

Mayzel', S. S. (1957). *Izafet v turetskom yazyke* [Ezafe in Turkish]. Moscow ; Leningrad : Academy of Sciences of the USSR Press. (In Russ.).

Martinet, A. (1960). *Printsip ekonomii v foneticheskikh izmeneniyakh* [The economy principle in languages]. Moscow : Inostrannaya literatura Press. (In Russ.).

Mazur, Yu. H. (2001). *Grammatika koreyskogo yazyka (Morfologiya. Slovoobrazovanie). Teoreticheskiy kurs* [Korean grammar (Morphology. Word-building): Theoretical course]. Moscow : Muravey-Gayd Press. (In Russ.).

Mel'nikov, G. P. (1969). *Sintaksicheskiy stroy tyurkskikh yazykov s pozitsiy sistemnoy lingvistiki* [The syntax of Turkic languages: Systemic approach]. Narody Azii i Afriki [The peoples of Asia and Africa] (Vol. 6, pp. 104–113). Moscow. (In Russ.).

Mel'nikov, G. P. (1974). *Sistemologiya i yazykovye aspekty kibernetiki* [Systemology and language aspects of cybernetics]. Moscow : Sovetskoe radio Press. (In Russ.).

Mel'nikov, G. P. (2000). *Sistemnaya tipologiya yazykov: sintez morfologicheskoy klassifikatsii yazykov so stadial'noy* [System typology of languages: Synthesizing morphological classification and stadial approach] : A lecture course. Moscow : RUDN Press. (In Russ.).

Panfilov, V. Z. (1963). *Grammatika i logika* (grammaticheskoe i logiko-grammaticheskoe chlenenie prostogo predlozheniya) [Grammar and logic (Grammatical and logic-grammatical segmentation of a simple sentence)]. Moscow : Academy of Sciences of the USSR Press. (In Russ.).

Peshkovskiy, A. M. (1959). *Izbrannye trudy* [Selected papers]. Moscow : Uchpedgiz Press.

Chupakhin, I. Ya., Brodskiy, I. N. (Eds). (1977). Formal'naya logika [Formal logics]. Leningrad. (In Russ.).

Johansson, L. (1987). *Opredelennost' i aktual'noe chlenenie v turetskom yazyke* [Definiteness and actual articulation in Turkish]. In A. N. Barulin (compiler), A. N. Kononov (Ed.), Novoe v zarubezhnoj lingvistike [New in foreign linguistics]. Vol. 19 : Problemy sovremennoy tyurkologii [Problems of modern Turkology] (pp. 398–425). Moscow : Progress Press. (In Russ.).

Yagunova, E. V. (2007). Kommunikativnaya i smyslovaya struktury teksta i ego vospriyatie [Communicative and semantic structure of the text and its apperception]. *Voprosy yazykoznaniya* [Topics in the Study of Language], 6, 32–49. (In Russ.).

Nesin, A. (2004). *Anıtı Dikilen Sinek.* Yedinci Basım. İstanbul. (In Turkish).

Öngören, V. (1983). *Masalın Aslı. Birinci Kitap. Aydınlıktan Karanlığa.* İstanbul. (In Turkish).

Sohn, W.-P. (2017). *Amondeu* [Almond]. Changbi Press. (In Korean).

Ahn, Y.-H. (2009). *Hangung suhwaeoneoui teukjinggwa suhwa seonggyeong beonyeogui silje* [Feature of Korean Sign Language and Practice of the Sign Language Bible Translation]. Seonggyeong wonmun yeonguso [The Institute for Biblical Text Research]. (In Korean).

Kim, Y.-h. (2017). *Ojik du saram* [Only Two Person]. Munhakdongne Press. (In Korean).

Статья поступила в редакцию 15.11.2021; одобрена после рецензирования 18.02.2022; принята к публикации 21.02.2022.
The article was submitted 15.11.2021; approved after reviewing 18.02.2022; accepted for publication 21.02.2022.

УДК 81'42; 81'373 doi: 10.22250/24107190_2022_8_1_20

Алексеев Александр Борисович
Московский областной филиал Российской Академии народного хозяйства и государственной службы
г. Красногорск, Российская Федерация
neuausstatten@mail.ru

Консубстанциональные термины «политика», «политик» в политическом и масс-медийном дискурсах

Аннотация
В статье рассматриваются консубстанциональные термины «политика», «политик» и их функционирование в американском политическом дискурсе 2015–2016 гг. и в современном англоязычном индийском масс-медийном дискурсе. Установлено, что политика всё чаще превращается в политейнмент, т. е. несерьёзный, развлекательный тип общения, в котором политики играют роли как «актёр», «шоумен», «звезда» и т. п. Причём традиционно характерные для политиков роли – вождя, лидера и т. д. – всё реже актуализируются в коммуникативном пространстве. Слова *политика*, *политик* приобретают отрицательные коннотации – эта тенденция прослеживается как в политическом, так и масс-медийном дискурсах. Политиков журналисты и, как ни парадоксально это звучит, сами политики обвиняют в бездействии, пустом говорении, нечестности, неискренности. В результате нередко даже вполне системные политики предпочитают идентифицировать себя в качестве не-политиков или нетипичных политиков, что может быть объяснено с позиций политической теории маргинальности и лингвополитологической, только ещё разрабатывающейся теории коммуникативной стратегии маргинализации. Дальнейшее изучение терминов «политика», «политик» предполагает включение в орбиту исследований не только больших массивов текстов или различных типов дискурса, но и рассмотрение данных лексем в диахроническом аспекте.

Ключевые слова: термин, политический дискурс, масс-медийный дискурс, СМИ, политейнмент

© Алексеев А. Б. 2022

Для цитирования: Алексеев А. Б. Консубстанциональные термины «политика», «политик» в политическом и масс-медийном дискурсах // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2022. Вып. 8, № 1. С. 20–33. https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_1_20

Aleksandr B. Alekseev
The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow Region Branch)
Krasnogorsk, Russian Federation
neuausstatten@mail.ru

Consubstantial terms ‘politics, ‘politician’ in the political and mass-media discourses

Abstract
The article studies the consubstantial terms ‘politics’, ‘politician’ and their functioning in the American political discourse of 2015–2016 and modern Anglo-Indian mass-media discourse. It has been found that politics is often transformed into politiainment, i.e. not serious, entertaining type of communication where politicians play such roles as ‘actor’, ‘showman’, ‘star’, etc. The actualization of traditional political roles of leader and head of the nation is gradually becoming rare. The words *politics*, *politician* are getting negative connotations, and this tendency is apparent in the political as well as mass-media discourses. Journalists, and no matter how

paradoxical it might seem, politicians themselves often blame politicians for doing nothing, just talking, being dishonest and insincere. As a result, it is not uncommon even for consistent politicians to say that they are either non-politicians or untypical politicians. This new trend can be explained in connection with the political theory of marginalization and the linguistic political theory, now only being formed, of the communicative strategy of marginalization. The further study of terms 'politics', 'politician' presupposes including not only more texts for analysis and more types of discourse but also viewing them diachronically.

Keywords: term, political discourse, mass-media discourse, mass-media, politainment

© Alekseev A. B. 2022

For citation: Alekseev, A. B. (2022). Konsubstantsional'nye terminy «politika», «politik» v politicheskom i mass-mediynom diskursakh [Consubstantial terms 'politics, 'politician' in the political and mass-media discourses]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 8 (1), 20–33. https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_1_20

1. Введение [Introduction]

Универсального, общепризнанного определения понятия «термин» в лингвистической науке – нет, – но в рамках отечественного терминоведения сформировались, как минимум, две авторитетные точки зрения на это явление. Одни исследователи считают, что термины представляют собой лексические единицы, принципиально отличные от прочих языковых элементов. Другие – избирают функциональный подход, не без основания полагая, что «термин и нетермин ... совпадают по своей форме, но различаются по своим функциям» [Соколова, 2016, с. 18].

Основные вопросы, решаемые современными учёными-терминоведами, сводятся, по мнению М. А. Соколовой, к трём взаимосвязанным аспектам: проблеме многозначности терминов, проблеме неоднородности терминологий и проблеме консубстанциональных терминов [Там же, с. 12–13]. Причём консубстанциональные термины – слова, выражения, употребляющиеся как в профессиональной, так и непрофессиональной коммуникации, – вызывают наибольшую сложность для размежевания терминов и лексики общелитературного языка [Там же, с. 16].

Ц е л ь настоящей статьи продемонстрировать особенности употребления консубстанциональных терминов «политика» (*politics*, но не *policy*) и «политик» (*politician*) в двух типах дискурса – политическом и масс-медийном. Особый акцент делается на коннотативных аспектах использования данных лексических единиц, которые, маркируя профессиональный дискурс политологов и учёных, занимающихся междисциплинарным изучением политики[1], прочно входят в речи самих политиков и большинства журналистов. С точки зрения функционального подхода, ни в политическом, ни в масс-медийном дискурсах данные лексемы не являются терминами, скорее, это слова, входящие в общелитературный язык, как бы понятные для всех, но не имеющие строгого определения. В английской научной литературе по отношению к таким лексическим единицам используется обозначение essentially contested concepts [Collier et al., 2006, p. 214] 'принципиально спорные концепты'.

В. С. Бушин в своей книге отмечает интересный факт: в русском языке есть «слова, термины, выражения, которые, казалось бы, всегда несут только добрый смысл, только

[1] В качестве терминологических единиц слова *политик, политика* употребляются прежде всего в рамках политологии, но становление политической лингвистики – сравнительно нового междисциплинарного научного направления, призванного изучать политический дискурс, – а также в целом повышенный интерес учёных-гуманитариев к сфере политического, соотносимый с необходимостью более критического осмысления реальности (см., напр., книги С. Е. Эрлиха [Эрлих, 2012 а, б ; Эрдели, 2016]), делают рассматриваемые термины, по сути, тоже междисциплинарными.

положительный заряд. Во всяком случае, именно так многие воспринимают, например, слово *писатель* или выражение *властитель дум*» [Бушин, 2006, с. 5]. Соглашаясь с этой точкой зрения, будет справедливо сказать, что имеются и лексемы, по шаблону, без малейшей попытки их критического осмысления наделяемые отрицательными коннотациями. В англоязычном дискурсивном пространстве политики и масс-медиа, как выясняется, слова *политика, политик* маркированы знаком «минус» – это объясняет, почему даже вполне системные кандидаты, претендующие на высокий государственный пост, – сенаторы, губернаторы и т. п. – предпочитают идентифицировать себя в качестве не-политиков или нетипичных политиков, избирая политическую, или, точнее, коммуникативную стратегию маргинализации [см. Сорокина, Алексеев, 2019, с. 384].

В то время, как учёные-гуманитарии прилагают усилия, чтобы осветить сложный, порой противоречивый феномен политики, быстро изменяющийся в условиях глобализации, повсеместного распространения компьютерных технологий, диагностируемой апатии граждан ко всему политическому [Baudrillard, 1983, p. 28] и неожиданным, почти непрогнозируемым всплескам их политической активности, в политическом и масс-медийном дискурсах слова «политика», «политик» используются иногда по принципу «вы же знаете, что я имею в виду» (‘you know what I mean’) [Hajer, 2005, p. 302].

Особенно заметно такое поверхностное отношение к анализируемым терминам в среде непрофессиональных политиков, а поскольку рассматриваемые терминологические единицы консубстанциональны, они постоянно применяются людьми из самых различных социальных сред, даже малообразованными гражданами. Излишне говорить, что повсеместная диффузия лексических единиц «политика», «политик» ведёт к их нежелательной многозначности, игнорировать которую не могут даже исследователи: «Непросто употреблять слово «политика», главным образом из-за того, что оно означает настолько разные вещи для разных людей» [Hudson, 1978, p. 1]. Причём, как верно отметил французский философ Ж. Ф. Лиотар, «даже самый обездоленный никогда не бывает лишён власти над сообщениями, которые проходят через него и его позиционируют, – будь то позиция отправителя, получателя или референта» [Лиотар, 1998, с. 45]. Это означает, что каждый человек, каждая языковая личность вносит в известной мере свой вклад в семантику языковых единиц, в их коннотативное содержание и правила их употребления[2].

Как свидетельствуют исследователи, в современном мире наблюдается американизация многих коммуникативных сфер, но прежде всего виртуальной (цифровой) [Галичкина, 2019, с. 98], идеологической [Фефелов, 2014, с. 41] и политической [Ünlü, 2015], в связи с чем можно предположить, что негативная презентация политиков во многом обусловлена коммуникативными изменениями происходящими в США, где обозначаемый нами семантический сдвиг – негативное / несерьезное изображение всего, что относится к тематической сфере «политика», вследствие которого рассматриваемые консубстанциональные термины все чаще получают негативные коннотативные оттенки значений – наиболее очевиден [Сорокина, Алексеев, 2019, с. 398–392]. В связи с вышесказанным, была сформулирована г и п о т е з а исследования, согласно которой, на фоне апатии населения ко всему политическому и непрофессионального поведения ряда политиков, апеллирующих к обыденной картине мира, а не научным фактам, в выступлениях самих политиков и в средствах массовой информации ожидается большее количество негативных контекстов употребления консубстанциональных терминов «политика», «политик», чем позитивных.

[2] Здесь мы имеем в виду не столько сугубо языковые, сколько социокультурные правила использования языковых знаков, что соотносится с термином Л. Витгенштейна ‘der Sprachspiel’ в его широком значении.

2. Лексемы *политика, политик* в профессиональном дискурсе политиков и журналистов [Lexical units *politics, politician* in the professional discourse of politicians and journalists]

2.1. Материал и методика исследования [Material and methods]

В качестве материала исследования были избраны 12 текстов политического и масс-медийного дискурсов, в основном англоязычных[3], прежде всего по обозначенной уже причине американских, созданных в рамках избирательной кампании 2015–2016 гг. (6 речевых фрагментов, включающих жанры дебатов и выступлений кандидатов на митингах, средней продолжительностью 114 мин. каждый и 6 новостных передач / комментариев журналистов, средняя продолжительность каждого 30 мин.). Вместе с тем, преследуя цель подчеркнуть в известной мере универсальный характер происходящего семантического сдвига в употреблении лексем *политика*, *политик*, мы обращаемся одновременно и к современной индийской англоязычной дискурсивной практике, анализируем высказывания журналистов, работающих на телевизионном канале WION (англ. аббревиатура, обозначающая 'The World is One News', русс. 'Новости «Мир един»').

В ходе исследования применялись общенаучные и языковедческие методы. В числе первых – наблюдение, сравнение, описание, интерпретация. В числе вторых – критический дискурс-анализ, разработанный школой критической лингвистики, прежде всего Т. Ван Дейком, Р. Водак, Н. Фэркло (см, напр. [Fairclough, 1989]); элементы лингвостилистического анализа; контекстуальный анализ, представляющийся особенно актуальным в связи с поставленными задачами исследования, поскольку, по словам Г. А. Копниной, именно данный метод позволяет «сделать выводы об изменении коннотации слова в том или ином контексте и определить прагматическую функцию выявленных речевых фактов» [Копнина, 2020, с. 248].

Необходимо отметить, что в статье мы не делали особого акцента на использовании количественных методов, что объясняется проявленным интересом с нашей стороны не столько к вопросу, как часто употреблялись лексемы *политика*, *политик*, сколько к проблеме выявления их коннотативных значений в определённых коммуникативных средах, а именно политическом и масс-медийном дискурсах. Вместе с тем полностью обойти своим вниманием этот исследовательский аспект мы не могли, и поэтому в работе представляется процентное соотношение употребления рассматриваемых лексических единиц: мы группируем анализируемые высказывания по принципу отношения говорящего к политике и политикам, варьирующегося от положительного до резко негативного. Из общего количества отобранных методом сплошной выборки контекстов (около 80), как будет показано далее, около 2/3 характеризуется отрицательной категоризацией феномена политического.

2.2. Обсуждение результатов [Results and discussion]

Тенденция поверхностного, шаблонного восприятия лексем *политика*, *политик* характерна для политической коммуникации, характеризующейся очень высокой степенью манипулятивности[4]. Занимаясь преимущественно изучением американского политического дискурса, мы не раз констатировали, что политики всё чаще предпочитают идентифицировать себя в качестве не-политиков (этот неологизм образован нами по аналогии с англ. *non-politician*) [см., напр., Алексеев, 2017, 2018]. Приведём соответствующий пример и здесь:

---

[3] Единственное исключение – высказывание В. Зеленского о политике, которое мы тоже приводим, поскольку оно вполне точно отражает отношение к политике и политикам, сложившееся уже во всем мире, возможно, не без влияния американского политического дискурса 2015–2016 гг.

[4] Слова с размытой семантикой (напр., *демократия, справедливость, модернизация*), допускающие множество возможных научных и особенно ненаучных трактовок, регулярно применяются для манипуляции [Иссерс, 2009, с. 95].

Trump: *I left private business for public life. Do you believe I'm in public life – can you believe this?* ***Am I a politician? I hope not.*** *Because I understand that our country is in bad shape and needs to be turned around fast* (https://www.youtube.com/watch?v=4OwggVdiU18) – 'Трамп: Я бросил личный бизнес ради общественной деятельности. Вы верите, можете ли вы поверить, что я общественный деятель? ***Неужели я политик? Надеюсь – нет.*** Потому что я понимаю, что в нашей стране все плохо, и это надо исправить в ближайшее время'[5]

Данное явление нельзя трактовать, однако, исключительно в его привязке к американской политической коммуникации, поскольку оно наблюдается, например, и в политическом дискурсе ФРГ (подробнее см. [Алексеев, 2018]). Более того, в русскоязычном пространстве политического дискурса нами тоже обнаружены случаи самопрезентации политиков в качестве не-политиков, внесистемных, антисистемных кандидатов.

Зеленский: *У меня есть юридическое образование – и это плюс. Но* ***у меня нет опыта работы в политике и это – жирный плюс*** *[смех]. Хотя многие считают, что это минус* (https://www.youtube.com/watch?v=RD2Wf9itjIw).

Реплика построена на эффекте обманутого ожидания: употребляя противительный союз «но», В. Зеленский вводит в речь фразу «у меня нет опыта работы в политике», как будто это недостаток. На самом деле, оратор утверждает прямо обратное, хотя «объективности ради», и делает важную оговорку: нет однозначного мнения по вопросу, должен ли претендент на высший пост в стране быть политиком.

Представление политиком себя в образе не-агента политического дискурса может быть изучено с точки зрения политической теории маргинальности [Вафин, 2016]. Эта теория, на наш взгляд, востребована и в политической лингвистике, поскольку политическая стратегия маргинальности, описанная ещё российским философом А. Ю. Ашкеровым [Кто сегодня делает философию в России, 2007, с. 19][6], по существу, является коммуникативной и осуществляется несколькими способами, включая модели «Я не-политик», «Я нетипичный политик», «Я женщина» и др. [Сорокина, Алексеев, 2019, с. 384–392]). Она соотносится с тем фактом, что «в современном меняющемся мире ... отдельные сообщества ... утрачивают прежние признаки идентификации» [Кравчук, 2019, с. 94], а значит, находятся в постоянном поиске новых форм самоопределения и самовыражения.

В научной литературе достаточно подробно описаны роли, которые призваны выполнять политики в обществе. Причём категорию «роль» надо рассматривать широко – как выбор стратегии поведения, а соответственно, и говорения. С традиционной точки зрения, политики призваны исполнять следующие роли: лидера [Hermann, 2002, p. 1], вождя, отца, учителя [Хазагеров, 2006, с. 25] и т. п. С другой стороны, современная политика всё чаще превращается в политейнмент (от англ. *politics* и *entertainment*), т. е. несерьёзное, развлекательное общение, в котором собственно политическая составляющая редуцирована, а избираемые темы для обсуждения вращаются вокруг топосов (лат. *locus communis*) «внешность», «личная жизнь», «отношения» и т. п. В политейнменте политик, по всей видимости, выступает в иных ролях, а именно: знаменитости [Rountree, 2013, p. 349], гламурной персоны [Holly, 2011, S. 228], актера, шоумена, «жёсткого парня» (англ. *tough guy*). По свидетельству Дж. Лич, невежливость, проявв-

[5] Здесь и далее перевод наш – А. А.

[6] А. Ю. Ашкеров пишет следующее: «...маргинализация... является политической стратегией со своими маленькими и большими хитростями – иногда очень выгодной стратегией. Она, например, не предполагает ответственности, не связана с рутинной деятельностью... В итоге маргиналом оказывается не просто тот, кто не может быть никем другим, но тот, кто находит в этой возможности определённое удобство». И далее: «Эстетизация маргинальности как политического юродства связана с тем, что кому-то просто не предоставили клубного членства „во власти“ (или лишили этого клубного членства)» [Там же].

ленная в отношении третьего лица (не адресата!), часто способна развеселить аудиторию [Leech, 2014, p. 219].

Стратегии политейнмента требуют подробного изучения, а сами феномены развлекательной политики и политического развлечения нуждаются в научной рефлексии. По мнению А. Дернера, эти два термина – не одно и то же. К политическому развлечению автор относит ток-шоу (Talk-Shows), занимательные, но, как правило, необъективные фильмы о политике, содержащие все возможные конспирологические теории (Serien, Kriminalfilmen, Kinofilmen), криминальные романы, истории, базирующиеся на политическом сюжете (Polit-Krimis) и др. жанры. Возникновение и распространение этих и многих др. политических жанров немецкий учёный связывает со становлением не просто общества потребления, но и специфической культуры – медиальной, виртуальной культуры, основанной на вторичном переживании интересных моментов [Dörner, 2001, S. 45].

В большинстве случаев респектабельные, официальные СМИ не полностью трансформируют новостные программы в развлечение, но и они не могут воздержаться от представления политики как чего-то несерьёзного, лишённого смысла, возможно, ввиду того, что такая позиция им ближе всего.

If world politics were ***a soap opera****, the United States would be* ***a nosy judgmental neighbor. Its own house is in complete disarray*** *but that doesn't stop Washington from judging others* (https://www.youtube.com/watch?v=kNP0rMv362g) – 'Если бы политика была ***мыльной оперой***, Соединенные Штаты были бы в ней ***любопытным, вечно осуждающим соседом. Его собственный дом в полном беспорядке***, но это не останавливает Вашингтон от того, чтобы осуждать других'.

Используя сослагательное наклонение (*If world politics were...*), журналист сравнивает политику с мыльной оперой (*soap opera*). С одной стороны, ведущий понимает, конечно, что политика – это не мыльная опера – и сослагательное наклонение как бы передаёт эту идею. Но, с другой, метафорический образ, продуцируемый в дискурсе (США метафорически уподобляются вечно осуждающему, сующему нос не в свои дела соседу – *a nosy judgmental neighbor*) явно не способствует рациональному осмыслению политики. Слово *политика* наделяется скорее субъективно-эмоциональным, чем объективно-рациональным содержанием.

Дискредитируя США, журналист в той же новостной программе подбирает другой яркий метафорический образ – проповедника, который готов читать нравоучения даже в горящей церкви.

Washington believes it is endowed with the sacred right to preach. It doesn't matter that ***the church is burning around it*** (ibid.). – 'Вашингтон верит, что Бог даровал ему священное право читать проповедь. То, что *вокруг него горящая церковь*, никакого значения не имеет'.

В других новостных программах политика предстает изнурительным (*debilitating*) делом, а в условиях пандемии она, по утверждению корреспондента, пагубна (*deadly*), – имеется в виду, что якобы из-за бесконечных бессмысленных политических дискуссий умирают люди, не получающие вовремя медицинскую помощь:

Politics is ***debilitating*** *in the best of times. In the pandemic, it can be* ***deadly****. The second wave is taking lives* (https://www.youtube.com/watch?v=yOVfsbXBi40&ab_channel=WION) – 'Политика – ***изнурительное*** дело в самые лучшие времена. В условиях пандемии политика может быть ***убийственной***. Вторая волна уносит жизни'.

Эпитеты *debilitating, deadly* несут сильный эмоциональный посыл, программируют аудиторию на отторжение политики, политиков и всего политического.

Здесь можно провести параллели с американским политическим дискурсом 2015–2016 гг., когда кандидаты в президенты от Республиканской Партии заявляли о вредности, даже убийственности политкорректной риторики.

Cruz: *Political correctness is killing people* (https://www.youtube.com/watch?v=YHYk0K7iszo) – ‘Политическая корректность убивает людей’.

Претенденты возглавить США необоснованно утверждали, что «политический класс» уже объединился с четвёртой властью – СМИ.

Carson: *I’ll tell you a secret – political class comes from both parties and it comes from all over the place. Ok? And* ***it includes unfortunately even the media now*** (https://www.youtube.com/watch?v=ulsA8aFOkRs) – ‘Я открою вам секрет: политический класс происходит из обеих партий[7], и он происходит отовсюду. Так же? К сожалению, он теперь даже включает СМИ’.

В англоязычных индийских новостях такой ассимиляции политических и масс-медийных институтов не наблюдается. Напротив, журналисты активно осуждают политиков, отмечают, что они ничего не сделали хорошего, в частности критикуя их за попустительство по вопросу «спасения планеты».

Climate change is ***the punching bag of world politics****. It is the footnote of every joined diplomatic statement. Think about it – when rivals can’t find common ground,* ***what do they do****? They talk about climate instead. That’s what China and United States are doing. They can’t agree on anything. So they are discussing climate change. Same for Russia. ... What we are saying is very simple:* ***politicians love to call themselves allies of nature****.* ***But can they unite to deal with climate change? And we ask this because their track record is not impressive*** (https://www.youtube.com/watch?v=JFWixGrc8KU&ab_channel=WION) – ‘Изменение климата – ***боксерская груша мировой политики.*** Этот вопрос включён в конец каждого совместного дипломатического заявления. Подумайте, когда противники не могут ни о чём договориться, ***что они делают***? Они ведут разговоры о климате. Это то, чем занимаются Китай и США. Они не могут прийти ни к какому консенсусу. Они обсуждают климат. То же самое с Россией… Мы выражаем очень простую мысль: ***политики любят называть себя защитниками природы. Но смогут ли они объединиться, чтобы решить проблему изменения климата? И мы задаём этот вопрос, потому что послужной список политиков не впечатляет’***.

Употребляя метафору (*Climate change is the punching bag of world politics the punching bag of world politics* – «Изменение климата – это боксерская груша для мировой политики»), вопросно-ответную форму подачи информации (*...what do they do? They talk about climate instead...*), риторические вопросы (*But can they unite to deal with climate change?)*, журналист дискредитирует политиков, изображая их к тому же лицемерными людьми (*politicians love to call themselves allies of nature*), говорящими одно, а делающими – другое (*their track record is not impressive*).

Искусственно конструируемая в дискурсе оппозиция «говорить – делать» усиливается, когда корреспондент сравнивает две социальные проблемы – распространение коронавируса и изменение климата на планете. По её мнению, политики не могут справиться даже с требующей немедленного разрешения проблемой прогрессирующей коронаинфекции. Глобального же потепления для них вовсе не существует – они давно отложили этот вопрос «на потом»:

The call for social distancing was for individuals, not for countries. So we are back to the question: if the world could not unite against a deadly pandemic, can it join hands to fight climate change? You see the Wuhan virus is a pressing issue, people are dying today, now. Climate change, on the other hand, is a long-term problem. And we know how much politicians love the backburner. If it’s not on their calendar, it is not a pressing matter. That’s one reason why climate change is relegated to talking shops (https://www.youtube.com/watch?v=JFWixGrc8KU&ab_channel=WION) – ‘Призыв соблюдать социальную дистанцию от-

[7] Имеются в виду две главные политические партии США – Демократическая и Республиканская.

носился к индивидам, а не странам. Итак, мы снова возвращаемся к вопросу: если мир не может объединиться, чтобы остановить пандемию, может ли он бороться с изменением климата? Понимаете, вирус из Уханя – это неотложная проблема. Люди умирают сегодня, сейчас. Изменение климата, напротив, долгосрочная проблема. А мы знаем, как политики любят откладывать решение проблем на потом. Если вопрос не включён в их повестку дня, проблема не срочная. Вот почему изменение климата – это вопрос второстепенный, идущий после всех важных дел'.

Риторический эффект анализируемого текста достигается, прежде всего, за счёт противопоставлений (*was for individuals, not for countries; the Wuhan virus is* ***a pressing issue*** *... Climate change, on the other hand, is* ***a long-term problem***), риторических вопросов (*...if the world could not unite against a deadly pandemic, can it join hands to fight climate change?*), измененных фразеологизмов (*love the backburner* – аллюзия на фразеологизм *put something on the backburner; talking shops* – использование фразеологизма *talk shop* во множественном числе). Ведущий обращается к пресуппозиции (*And we know...*), «доказывает», что политики неспособны сделать ничего полезного.

В этой связи нельзя не вспомнить один из лозунгов Д. Трампа "Politicians all talk, no action" ('Политики только говорят, ничего не делают'), который был симптоматичен для дискурса большинства кандидатов, претендовавших на высшую должность в США.

Cruz: *You know,* ***everyone here talks about the need to take on Washington****. The natural next question is who actually has done so.* ***Who actually has stood up not just to Democrats, but to leaders in our own party****?* (https://www.youtube.com/watch?v=wpCOloV3DZk) – 'Видите, ***каждый здесь говорит о необходимости бросить вызов политическому истеблишменту в Вашингтоне***. Следующий закономерный вопрос: кто не отделял слов от дел. ***Кто противостоял не только демократам, но, на самом деле, и лидерам в нашей собственной партии***?'

Т. Круз заявил, что «каждый говорит о необходимости бросить вызов Вашингтону»[8], но задав риторический вопрос, поставил под сомнение честность и искренность своих коллег. Основная идея здесь имплицирована, но она вполне соотносится с утверждением Д. Трампа, что «Политики только говорят, ничего не делают».

В англоязычном индийском масс-медийном дискурсе политики дискредитируются также на основании настойчивого непризнания ими научных фактов, более того, вполне сознательного искажения этих фактов с целью заработать «политические очки».

…but let me put it this way: what if I told you that 60 percent people in the world believed the Earth is round. That still leaves 40 percent flat-earthers. You see, science is not a matter of opinion, it is based on facts. But politicians have used climate change to rally their support base. Donald Trump did it during his presidency, Jair Bolsonaro, Brazil, continues to do it in his country. Denying climate change has become a political strategy and scientists have not been able to bust these theories. – '…но позвольте мне, выразить эту мысль так: что если я бы сказала вам, что 60 процентов в мире верят: Земля круглая. Это означает, что 40 процентов по-прежнему живут на плоской Земле. Понимаете, наука – это не ваше мнение, наука базируется на фактах. Но политики прагматически использовали проблему изменения климата, чтобы объединять своих сторонников. Дональд Трамп делал это, когда был президентом. Жаир Болсонару из Бразилии продолжает это делать в своей стране. Отрицание изменения климата на планете превратилось в политическую стратегию, и учёные не смогли развеять эти теории'.

Употребляя неологизм *flat-earthers*, образованный с помощью словосложения (*flat* 'плоский' + *Earth* 'Земля'), а также добавления суффикса *er*, в английском индицирующего какую-либо профессию или просто указывающего на агента действия, упоми-

[8] Типичная стратегия маргинализации – стремление представить себя внесистемным кандидатом, готовым самым радикальным образом менять систему.

ная в качестве примера конкретных политиков (Д. Трампа, Ж. Болсонару), репортёр убеждена, что отрицание научно доказанного изменения климата на планете – политическая стратегия. Около 40% населения Земли и есть те *flat-earthers*, т. е. люди, не верящие в науку, живущие как будто наша планета – плоская. Они составляют, по мнению журналиста, главный электорат политиков-популистов, специально отказывающихся признавать происходящее глобальное потепление.

Точка зрения, что политики делают и говорят только то, что им выгодно (*politically expedient*), неоднократно высказывалась в ходе президентской кампании в США в 2015–2016 гг.

Carson: *Typically politicians do things that are* ***politically expedient and they are looking for whatever their particular goal is*** (https://www.youtube.com/watch?v=Dkom8nLdqpU) – ‘Обычно политики делают то, что ***политически целесообразно, и они добиваются реализации своих конкретных политических амбиций***’.

Ср.: Carson: *It gives us a very good example of certain types of Washington ethics. Washington ethics.* ***Washington ethics basically says, if it’s legal, you do what you need to do in order to win. That’s not my ethics.*** *My ethics is, you do what’s right* (https://www.youtube.com/watch?v=Nyl4xIVS-jw) – ‘Это хороший пример вашингтонской этики. Вашингтонской этики. ***Вашингтонская этика элементарно говорит нам: делай все, что необходимо, чтобы одержать победу.*** Это не моя этика. Моя этика: делай то, что правильно’.

В приводимом примере Б. Карсон чётко противопоставляет этические принципы, которых придерживается он, не-политик, народный кандидат, и «Вашингтонскую этику». Последнее выражение употреблено 3 раза, в том числе в качестве отдельного номинативного предложения. В представлении республиканца, политики не остановятся ни перед чем, чтобы одержать победу.

В масс-медийном дискурсе политика не только может конструироваться как политейнмент, но журналисты могут и рефлексировать по этому поводу.

Will Trump disappear from TV sets completely? Very unlikely, we say. This is one thing that we all agree on, I assume. ***Donald Trump is good television.*** *We already miss him. People like to watch him. They want to know more about him* (https://www.youtube.com/watch?v=a4MHn1rrFLQ) – ‘Исчезнет ли Трамп из наших телевизоров? Маловероятно, говорим мы. Думаю, мы все согласимся со следующим: ***Дональд Трамп делает телевидение хорошим.*** Мы уже скучаем по нему. Люди любят смотреть его. Они хотят знать о нем больше’.

Корреспондент обсуждает личность Д. Трампа, относясь к нему не как к политику, а шоумену, звезде, за чьей жизнью люди любят наблюдать.

Во время президентской кампании 2015–2016 гг. лидер Республиканской Партии активно создавал себе этот аполитичный имидж – имидж шоумена.

Trump: ***I have broken more Elton John records****, he seems to have a lot of records. And I, by the way, I don’t have* ***a musical instrument.*** *I don’t have* ***a guitar*** *or* ***an organ****.* ***No organ.*** *Elton has* ***an organ****. And lots of other people helping. No we’ve* ***broken a lot of records****. We’ve* ***broken virtually every record****. Because you know, look I only need this space. They need much more room. For* ***basketball****, for* ***hockey****, and all of the* ***sports****, they need a lot of room. We don’t need it. We have people in that space. So we* ***break all of these records****. Really we do it without like, the* ***musical instruments****. This is the only musical: the mouth. And hopefully the brain attached to the mouth. Right? The brain, more important than the mouth is the brain. The brain is much more important* (https://www.snopes.com/fact-check/trump-mouth-musical-instrument/) – ‘Я побил больше ***рекордов***, чем Сэр Элтон Джон. У него много ***музыкальных пластинок***. У меня нет ни ***гитары***, ни ***орга́на***. Нет ***орга́на***. Элтон выступает с ***орга́ном***. И много других людей помогают. Нет, мы ***побили много рекордов***. Мы ***фактически побили каждый рекорд***. Потому что, видите, мне нужно столько места. Им надо намного

больше места. Для ***баскетбола***, для ***хоккея***, для других ***спортивных игр***, им нужно много места. Нам его не нужно. Мы заполняем это место людьми. Таким образом мы бьём все рекорды. Правда, мы делаем это без музыкальных инструментов. Вот единственный музыкальный инструмент: язык[9]. И надеюсь, мозг, управляющий работой языка. Так же? Мозг, мозг более важен, чем язык. Мозг намного более важен'.

Все выделенные слова и выражения относятся к семантическим полям «развлечение», «музыка» (*Elton John, records, a musical instrument, a guitar, organ, etc.*) или «спорт» (*break a record, basketball, hockey, etc.*). Политик непосредственно сравнивает себя с известным музыкантом Элтоном Джоном, утверждая, что он побил все рекорды, превзошёл британского исполнителя. При этом развлекательный эффект речи Д. Трампа достигается и за счёт употребления им языковой игры (language play): ряд лексем актуализированы одновременно в различных значениях (*record* 'рекорд' и 'музыкальная запись'; *organ* 'оргàн' и 'òрган'). Синтаксис анализируемого фрагмента текста предельно простой: предложения короткие, – оратор использует парцелляцию, а ключевые идеи повторяются им несколько раз (*The brain, more important than the mouth is the brain. The brain is much more important*). Аудитория включена в «диалог», – этот эффект достигается не только обращениями к адресату, применением инклюзивного «мы» (***We*** *don't need it.* ***We*** *have people in that space. So* ***we*** *break all of these records*), но и посредством вопросов (*Right?*).

Иногда Д. Трамп сравнивал себя с боксёром.

Trump: *…and it's a rigged system but I said, you know, let it be rigged.* ***I talk about the boxers. I have a boxer, he's fantastic guy, sort of a friend of mine, he's a world champion*** *and he goes into a very unfriendly territory. I said: what are you doing? If you have a good match, you'd go into the blues, you'd gonna lose the decision with bad judges. He said, Mr. Trump, the only way I have* ***to knock this guy out, I have to knock him on the ass.*** *And he did! And* ***he picked up a big paycheck****. So what we are doing we are going to win on the first ballot, we only care about the first ballot* (https://www.youtube.com/watch?v=PumrY9VnYZk) – '…и это мошенническая система, но я сказал, знаете, пусть она будет мошеннической. Я провожу аналогии с ***боксёрами***. ***У меня есть друг-боксер, он прекрасный парень, чемпион мира,*** и он вступает на вражескую территорию. Я спросил: что ты делаешь? Если ты провёл хороший поединок, ничего еще не известно, с плохими судьями ты проиграешь решение. Он ответил, Мистер Трамп, только один способ – ***я должен нокаутировать противника***, ***я должен хорошенько надавать ему по заднице.*** И он так сделал! И ***он сорвал большой куш***. Таким образом мы победим в первом туре, нас интересует только победа в первом туре'.

Называя предстоящие выборы мошенничеством, Д. Трамп убеждён, что его единственный шанс победить – нокаутировать своих соперников. Политик рассказывает о своём друге-боксёре, чемпионе мира по боксу, который смог завоевать титул, несмотря на то, что судьи были предвзятыми. При этом говорящий употребляет разговорную лексику (*knock him on the ass, picked up a big paycheck, etc.*) и даже «спортивные» жаргонизмы (*go into the blues*). Разговор строится в диалоговой форме: основными участниками диалога являются Д. Трамп, боксёр и аудитория.

В индийском англоязычном масс-медийном дискурсе политика нередко презентуется в её крайностях и недоразумениях.

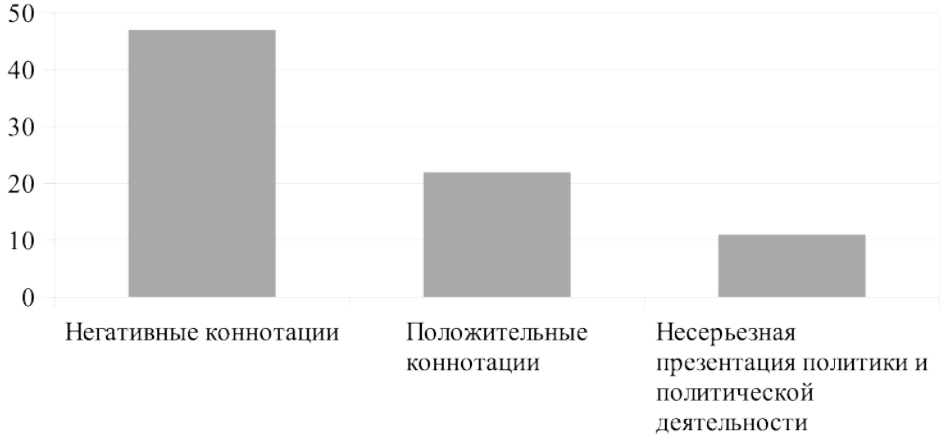
The Myanmar coup is playing out in London. The Burmese ambassador is locked out of the embassy by his staff. Britain's response? ***Hypocrisy and political correctness. And here's the other side of the spectrum:*** *Turkey's Erdogan, the opposite of the politically*

[9] В оригинале *mouth* 'рот'. Но в русской языковой картине мира рот преимущественно, хотя и не исключительно, ассоциируется с едой, а не процессом говорения (ср. разжевывать и в рот класть, в рот не возьмешь, маковой росинки во рту не было, проносить кусок мимо рта, лишний рот и т. д.). Использование вместо слова *рот* – слова *язык* может рассматриваться как контекстуальное межъязыковое соответствие [см. Тимофеева, 2020, с. 225].

correct. Two presidents visited his country. He had a chair only for the man – ‘Бирманский переворот разворачивается в Лондоне. Перед послом Мьянмы дипломаты закрыли двери посольства. Ответ Британии? ***Политическая корректность и лицемерие. А вот другая сторона медали:*** Эрдоган из Турции, прямая противоположность политкорректного политика. Два президента посетили его страну. У него был один стул только для президента-мужчины’.

С одной стороны, журналист осуждает лицемерие и политкорректность британского правительства, которое не в состоянии помочь послу из Мьянмы, лишившегося работы в результате военного переворота в его стране. Но с другой, она упоминает курьёзный случай, произошедший с неполиткорректным президентом Турции Р. Эрдоганом: пригласив к себе двух президентов, – а одним из них была женщина – турецкий лидер имел в наличии только один стул. И этот стул был предназначен для президента-мужчины.

На основании проведённого анализа можно представить полученные данные и в числовом эквиваленте (см. рис. 1).

Р и с у н о к 1. **Коннотативные значения консубстанциональных терминов «политика», «политик» в политическом и масс-медийном дискурсах**

Таким образом, из полученных данных видно, что процентное сочетание отрицательных и положительных коннотаций примерно 1 : 3 в пользу неприятия политики.

3. Заключение [Conclusion]

Проведённое исследование позволяет сделать следующий вывод: наблюдаемое в политическом и масс-медийных дискурсах поверхностное, стереотипное отношение к консубстанциональным терминам «политика», «политик» нельзя объяснить только тем, что политики и журналисты действуют в пределах не научной, а обыденной картины мира. Стоит допустить, что лексемы *политика, политик* приобретают отрицательные, не свойственные им коннотативные значения в связи с трендами растущей апатии населения к политике, американизации различных коммуникативных сред, превращения политического дискурса в политейнмент, всё более активного включения в политику непрофессиональных политиков, в том числе, благодаря новым техническим возможностям, социальным сетям, видеоплатформе YouTube и т. д. Как следствие, отдельные случаи нечестного, неискреннего поведения политиков, получающие огласку, абсолютизируются, переносятся на всю социальную, профессиональную группу политиков, которых люди больше не любят.

Результаты проведённого исследования позволяют говорить о том, что лексемы *политика, политик* в политическом и масс-медийном дискурсах получают значительно чаще негативные (2/3 изученных контекстов), чем положительные коннотативные зна-

чения. Для достижения наиболее эффективного лингвопрагматического воздействия на аудиторию говорящие употребляют разнообразные стилистические средства – метафоры, эпитеты, сравнения и т. д. Среди основных способов, которые субъекты дискурса могут использовать для негативной репрезентации политической сферы, выделяются (1) дискредитация; (2) (само)маргинализация, т. е. обособление себя от всего политического; (3) несерьёзная категоризация политики и деятельности её субъектов.

В качестве дальнейшего вектора изучения консубстанциональных терминов «политика», «политик» может послужить представление их в качестве сложных концептов (в связи с неоднозначностью трактовок самого понятия «концепт» мы не использовали его в данной статье), подверженных коннотативным изменениям, как с точки зрения диахронического, так, в сущности, и синхронического подходов.

Библиографический список

Алексеев, 2017 – Алексеев А. Б. Маргинализация как стратегия политического дискурса деконструкции // *Политическая лингвистика*. 2017. № 6 (66). С. 51–58.

Алексеев, 2018 – Алексеев А. Б. Особенности оппозиционного политического дискурса ФРГ // *Актуальные вопросы современной филологии и журналистики*. 2018. № 3 (30). С. 98–104.

Бушин, 2006 – Бушин В. С. Неизвестный Солженицын. М. : Алгоритм, 2006. 448 с.

Вафин, 2016 – Вафин А. М. Политические маргиналы в России и Европе: Лимонов, Фортейн, Кон-Бендит и другие случаи. М. : Изд-во «Канон+», 2016. 152 с.

Галичкина, 2019 – Галичкина Е. Н. Типология речевых жанров сетевой компьютерной коммуникации // *Известия ВГПУ*. 2019. № 2 (135). С. 97–100.

Иссерс, 2009 – Иссерс О. С. Речевое воздействие: учеб. пособие. М. : Флинта : Наука, 2009. 244 с.

Копнина, 2020 – Копнина Г. А. Речевое сопротивление навешиванию политических ярлыков как способ защиты в информационно-психологической войне // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. Т. 13. Вып. 11. С. 248–253. https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.11.52

Кравчук, 2019 – Кравчук Ю.С. Некоторые особенности юридической терминологии «недвижимость» / “realty” // *Терминология: становление, развитие, функционирование* / под ред. С. И. Маджаевой. Астрахань : Изд-во Астраханского ГМУ, 2019. С. 93–113.

Кто сегодня делает философию в России, 2007 – Кто сегодня делает философию в России: В 2 т. Т. 1 / под ред. А. С. Нилогова. М. : Изд-во Поколение, 2007. 576 с.

Лиотар, 1998 – Лиотар Ж. Ф. Состояние постмодерна / пер. с фр. СПб : Алетейя, 1998. 160 с.

Ратмайр, 2013 – Ратмайр Р. Русская речь и рынок: традиции и инновации в деловом и повседневном общении. М. : Языки славянской культуры, 2013. 456 с.

Соколова, 2016 – Соколова М. А. Многозначность в английской политической терминологии (на примере консубстанционального термина power) : дис. канд. филол. наук : 10.02.04 ; МПГУ. М., 2016. 176 с.

Сорокина., Алексеев, 2019 – Сорокина Э. А., Алексеев А. Б. Профессиональная языковая личность политика-маргинала как объект лингвополитологического изучения // Терминология: становление, развитие, функционирование. Астрахань : Изд-во Астраханского ГМУ, 2019. С. 369–401.

Тимофеева, 2020 – Тимофеева А. А. Некоторые особенности межъязыковой передачи лингвистических средств выражения «сверхъестественное» (на материале британской литературы викторианской эпохи и ее переводов на русский язык) // *Язык в жизни человека и общества : материалы междунар. конф*. (Москва, 28–29 ноября 2019 г.). М. : МПГУ, 2020. С. 222–227.

Фефелов, 2014 – Фефелов А. Ф. Расовые и расистские сигналы в детских романах Марка Твена в свете политкорректной правки // *Вестник НГУ.* Сер. : Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2014. Т. 12, Вып. 2. С. 40–49.

Хазагеров, 2006 – Хазагеров Г. Г. Партия, власть и риторика. М. : «Европа», 2006. 48 с.

Эрлих, 2012 а – Эрлих С. Е. Утопия бесов. СПб : Нестор-История, 2012 а. 136 с.

Эрлих, 2012 б – Эрлих С. Е. Бес утопии. СПб : Нестор-История, 2012 б. 150 с.

Эрлих, 2016 – Эрлих С. Е. Война мифов. Память о декабристах на рубеже тысячелетий. СПб. : Нестор-История, 2016. 552 с.

Baudrillard, 1983 – Baudrillard J. In the shadow of the silent majorities and other essays. New York : Columbia University Press, 1983. 129 p.

Collier et al., 2006 – Collier D., Hidalgo F. D., Maciuceanu A. O. Essentially contested concepts: debates and applications // *Journal of political ideologies*, 2006. N 11 (3). P. 211–246.

Dörner, 2001 – Dörner A. Politainment: Politik in der medialen Erlebnisgesellschaft. Frankfurt am Main : Suhrkamp Verlag, 2001. 272 S.

Fairclough, 1989 – Fairclough N. Language and power. London : Longman Group, 1989. 259 p.

Hajer, 2005 – Hajer M. Coalitions, practices and meaning in environmental politics: From acid rain to BSE // *Discourse Theory in European politics. Identity, Policy and Governance* / D. Howarth, J. Torfing (Eds.). London : Palgrave Macmillan, 2005. P. 297–315. https://doi.org/10.1057/9780230523364_13

Hermann, 2002 – Hermann M. Assessing leadership style: A trait analysis. URL : https://socialscience.net/docs/LTA.pdf (дата обращения : 14.10.2017).

Holly, 2011 – Holly W. Politische Inszinierungen. Guttenberg am Anfang vom Ende – ein audiovisueller Dementiversuch // *Mitteilungen des deutschen Germanistenverbandes.* 2011. Heft 3. S. 227–237.

Hudson, 1978 – Hudson K. The language of modern politics. London : Macmillan Press, 1978. 167 p.

Leech, 2014 – Leech G. The pragmatics of politeness. Oxford : Oxford University Press, 2014. 343 p.

Rountree, 2013 – Rountree C. Venomous speech. Santa Barbara : Praeger, 2013. 459 p.

Ünlü, 2015 – Ünlü Ç. Y. Amerikanvari Seçim Sonu Konuşmalarının Milli Bir Örneği Olarak 'Balkon Konuşmaları': 2014 Cumhurbaşkanlığı Seçimi Konuşması Üzerine Retoriksel Bir Analiz // *Galatasaray Üniversitesi İletişim Dergisi.* 2015. N 23. P. 67–95. https://doi.org/10.16878/gsuilet.285313

References

Alekseev, A. B. (2017). Marginalizatsiya kak strategiya politicheskogo diskursa dekonstrukysii. [Marginalization as a strategy of deconstruction political discourse] *Politicheskaya lingvistika* [Political linguistics], 6 (66), 51–58. (In Russ.).

Alexeyev, A. B. (2018). Osobennosti oppozitsionnogo politicheskogo diskursa FRG [Features of the German oppositional political discourse] *Aktual'nye voprosy sovremennoy filologii i zhurnalistiki* [Actual issues of modern philology and journalism], 3 (30), 98–104. (In Russ.).

Bushin, V. S. (2006). *Neizvestnyy Solzhenitsyn* [Unknown Solzhenitsyn]. Moscow : Algoritm Press. (In Russ.).

Vafin, A. M. (2016). *Politicheskie marginaly v Rossii i Evrope: Limonov, Forteyn, Kon-Bendit i drugie sluchai* [Political marginals in Russia and Europe: Limonov, Fortaine, Con-Bendit and other cases]. Moscow : Kanon+ Press. (In Russ.).

Galichkina, E. N. (2019). Tipologiya rechevykh zhanrov setevoy komp'yuternoy kommunikatsii. [Typology of speech genres of network computer communication]. *Izvestija VGPU* [Ivzestia of the Volgograd State Pedagogical University], 2 (135), 97–100. (In Russ.).

Issers, O. S. (2009). *Rechevoe vozdeystvie* [Speech influence] : A coursebook. Moscow : Flinta Press ; Nauka Press. (In Russ.).

Kopnina, G. A. (2020). Rechevoe soprotivlenie naveshivaniyu politicheskikh yarlykov kak sposob zashchity v informatsionno-psikhologicheskoy voyne [Verbal resistance to political labelling as a defensive means in information-psychological war]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], 13 (11), 248–253. (In Russ.). https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.11.52

Kravchuk, Yu. S. (2019). Nekotorye osobennosti yuridicheskoy terminologii "nedvizhimost'" / "realty" [Some peculiarities of legal terminology: "Nedvizhimost'" / "realty"]. In S. I. Madzhaeva (Ed.), *Terminologiya: stanovlenie, razvitie, funktsionirovanie* [Terminology: Formation, development, functioning]. Astrakhan : Astrakhan State Medical University Press. (In Russ.).

Nilogov, A. S. (Ed.). (2007). *Kto segodnya delayet filosofiyu v Rossii* [Who makes philosophy in Russia today]: In 2 volumes. Vol. 1. Moscow : Pokolenie Press. (In Russ.).

Lyotard, J. F. (1998). *Sostoyanie postmoderna* [The postmodern condition]. Translated from French by N. A. Shmatko. St Petersburg : Aleteyya Press. (In Russ.).

Ratmayr, R. (2013). *Russkaya rech' i rynok: traditsii i innovatsii v delovom i povsednevnom obshchenii* [Russian speech and market: The traditions and innovations in everyday business communication]. Moscow : Yazyki slavyanskoy kul'tury Press. (In Russ.).

Sokolova, M. A. (2016). *Mnogoznachnost' v angliyskoy politicheskoy terminologii (na primere konsubstantsional'nogo termina power)* [Polysemy in the English political terminology (The example of the consubstantial term "power")]: PhD in Philological sci. diss. Moscow : Moscow Pedagogical State University. (In Russ.).

Sorokina, E. A., Alekseev, A. B. (2019). Professional'naya yazykovaya lichnost' politika-marginala kak ob"ekt lingvopolitologicheskogo izucheniya [The professional language personality of a politician-as-marginal as an object of the political linguistic study]. In S. I. Madzhaeva (Ed.), *Terminologiya: stanovlenie, razvitie, funktsionirovanie* [Terminology: Formation, development, functioning] (pp. 369–401). Astrakhan : Astrakhan State Medical University Press. (In Russ.).

Timofeeva, A. A. (2020). Nekotorye osobennosti mezhyazykovoy peredachi lingvisticheskikh sredstv vyrazheniya «sverhyestestvennoe» (na materiale britanskoy literatury viktorianskoy epokhi i ee perevodov na russkiy yazyk) [Some features of rendering the concept "supernatural" (Based on the British literature of the Victorian epoch and its translations into Russian)]. *Jazyk v zhizni cheloveka i obshchestva* [Language in the life of man and society]: Conference Proc. (Moscow, November 28–29, 2019) (pp. 222–227). Moscow : MPGU Press. (In Russ.).

Fefelov, A. F. (2014). Rasovye i rasistskie signaly v detskikh romanakh Marka Tvena v svete politkorrektnoy pravki [Dialectics of race and racism markers in 'The Adventures of Tom Sawyer' and 'The Adventures of Huckleberry Finn']. *Vestnik NGU. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*. [NSU Vestnik. Series: Linguistics and Intercultural Communication], 12 (2), 40–49. (In Russ.).

Hazagerov, G. G. (2006). *Partiya, vlast' i ritorika* [Party, power, and rhetorics]. Moscow : Evropa Press. (In Russ.).

Erlih, S. E. (2012 a). *Utopiya besov* [The utopia of devils]. St Petersburg : Nestor-Istoriya Press. (In Russ.).

Erlih, S. E. (2012 b). *Bes utopii* [The devil of utopia]. St Petersburg : Nestor-Istoriya Press. (In Russ.).

Erlih, S. E. (2016). *Voyna mifov. Pamyat' o dekabristakh na rubezhe tysyacheletiy* [The war of myths. The memory about Decembrists on the millennium frontier]. St Petersburg : Nestor-Istoriya Press. (In Russ.).

Baudrillard, J. (1983). *In the shadow of the silent majorities and other essays*. New York : Columbia University Press.

Collier, D. Hidalgo, F., Maciuceanu, A. (2006). Essentially contested concepts: Debates and applications. *Journal of political ideologies*, 11 (3), 211–246.

Dörner, A. (2001). *Politainment: Politik in der medialen Erlebnisgesellschaft*. Frankfurt am Main : Suhrkamp Verlag.

Fairclough, N. (1989). *Language and power*. London : Longman Group.

Hajer, M. (2005). Coalitions, practices and meaning in environmental politics: from acid rain to BSE. In D. Howarth, J. Torfing (Eds.), *Discourse Theory in European politics. Identity, Policy and Governance* (pp. 297–315). London : Palgrave Macmillan. https://doi.org/10.1057/9780230523364_13

Hermann, M. (2002). *Assessing leadership style: A trait analysis*. Retrieved October 14, 2017 from <https://socialscience.net/docs/LTA.pdf>.

Holly, W. (2011). Politische Inszinierungen. Guttenberg am Anfang vom Ende – ein audiovisueller Dementiversuch. *Mitteilungen des deutschen Germanistenverbandes*, 3, 227–237.

Hudson, K. (1978). *The language of modern politics*. London : Macmillan Press.

Leech, G. (2014). *The pragmatics of politeness*. Oxford : Oxford University Press.

Rountree, C. (2013). *Venomous speech*. Santa Barbara : Praeger.

Ünlü, Ç. Y. (2015). Amerikanvari Seçim Sonu Konuşmalarının Milli Bir Örneği Olarak 'Balkon Konuşmaları': 2014 Cumhurbaşkanlığı Seçimi Konuşması Üzerine Retoriksel Bir Analiz. *Galatasaray Üniversitesi İletişim Dergisi*, 23, 67–95. https://doi.org/10.16878/gsuilet.285313

Статья поступила в редакцию 27.04.2021; одобрена после рецензирования 13.01.2022; принята к публикации 05.02.2022.
The article was submitted 27.04.2021; approved after reviewing 13.01.2022; accepted for publication 05.02.2022.

УДК 81-116 doi: 10.22250/24107190_2022_8_1_34

Al-Hasnawi Ali Radhi Mashjel
University of Thi-Qar
Nasiriya, Republic of Iraq
ali88.2000@utq.edu.iq

Structural organization of the utterances with the semantics of “transformation” in Russian

Abstract
The article examines structural organization of the utterance with the meaning of “transformation” 'in Russian. The study is based on the works of Russian writers, such as I. A. Bunin, F. M. Dostoevsky, K. Simonov, A. Solzhenitsyn, L. Tolstoy, A. P. Chekhov and others, as well as on the materials from the Russian National Corpus. The focus is made on identifying structural patterns, classifying their structure-forming components, combinability of their verbs and link-verbs with various nominates in the subject and object positions, as well as the specificity of the functioning of temporal forms of a propositional predicate. As a result, two structural patterns of statements were identified: (i) “who / what turns into who / what” and (ii) “who / what changes who / what into who / what”. The unproductive form of the present tense of the first pattern realizes both actual and non-actual semantics. The present form of the second pattern is not frequent. It objectifies only non-actual tense. Productivity in the functioning of the past tense form of the first pattern with actual and usual semantics was revealed, while the syntactic form of the past tense of the predicate of the second pattern was not numerous.

Keywords: bisubstantive sentences, verbal sentences, metaphor, nominates, transformation, structural patterns, predictive modality

© Al-Hasnawi A. R. M. 2022

For citation: Al-Hasnawi, A. R. M. (2022). Structural organization of the utterances with the semantics of “transformation” in Russian. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 8 (1), 34–52. https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_1_34

Аль Хаснави Али Ради Машджель
Университет Ти-кара
г. Насирия, Республика Ирак
ali88.2000@utq.edu.iq

Структурная организация высказываний с семантикой «превращение» в русском языке

Аннотация
Статья посвящена изучению структурной организации высказывания со значением ‘превращение’ в русском языке. Работа выполнена на материале произведений русских писателей, таких, как И. А. Бунин, Ф. М. Достоевский, К. Симонов, А. Солженицын, Л. Толстой, А. П. Чехов и др., а также на материале национального корпуса русского языка. Большое внимание в работе уделяется проблеме выявления структурных схем, наличествующих в построении данных высказываний, классификации их структурообразующих компонентов, сочетаемости глаголов и глаголов-связок с разными номинантами в позиции субъекта и объекта, а также специфике функционирования временных форм пропозиционального предиката. В результате выделены две структурных схемы утвердительных предложений: (i) «кто / что превращается в кого/что», (ii) «кто / что превращает кого / что в кого / что». Выявлено, что непродук-

тивная форма настоящего времени первой схемы реализует как актуальную, так и неактуальную семантику. Форма настоящего времени второй схемы нечастотна. Она объективирует только неактуальное время. Отмечена высокая продуктивность в функционировании формы прошедшего времени первой схемы с актуальной и узуальной семантикой, тогда как синтаксическая форма прошедшего времени предиката второй схемы была реализована редко.

Ключевые слова: бисубстантивные предложения, глагольные предложения, метафора, номинанты, превращение, структурные схемы, предиктивная модальность

© Аль Хаснави А. Р. М. 2022

Для цитирования: Al-Hasnawi A. R. M. Structural organization of the utterances with the semantics of “transformation” in Russian // *Теоретическая и прикладная лингвистика.* 2022. Вып. 8, № 1. С. 34–52. https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_1_34

1. Introduction

The discussion on syntactical signs, which flared up in 1960s–1980s, in particular, on the sentence as a double-sided linguistic unit that addressed, at the same time, both the content plan and the expression plan, allowed the grammarians to approach the sentence as both a language unit and a speech unit.

The sentence, as a unit of language, is understood as structural patterns, or, in another terminology, the models underlying the utterance: “... the fact of the language is the pattern of the sentence, and the fact of speech is the sentence itself” [Lomtev, 1979, p. 7, 41].

The sentence as a unit of language, in our terminology – structural pattern of simple sentence, is characterized by linguists as a construction independent of the verbal context and the communicative situation, “i.e. in fact, it is “nobody's”, has no author (speaker) and is not addressed to anyone” [Ivanova, 2001, p. 24].

The sentence, as a unit of speech is a concrete, lexically defined, actualized utterance, directly used in the process of communication. It is directly related to reality and to the living person speaking (the subject). The utterance is the use of linguistic means in certain conditions for certain purposes [Ivanova, 2001, p. 19 ; Plotkin, 1986, p. 33–35].

The sentence and the utterance do not deny each other, being the object of one science, they mutually presuppose each other, “coexist and, apparently, cannot exist without each other” [Zvegintsev, 1976, p. 19]. According to T. P. Lomtev, “The syntax represents a unified science in which the study of structural patterns of a sentence serves to use the knowledge of real sentences, and the study of real sentences – to deepen the knowledge of their internal organization” [Lomtev, 1979, p. 41]. “The sentence as a phenomenon of language must fulfill the conditions of grammatical, semantic, and logical correctness,” and the sentence as “a phenomenon of speech, as an utterance – “of purposefulness and situational correlation controlled by thought” [Zvegintsev, 1976, p. 242 ; Ivanova, 2001, p. 19].

In this study, the sentence is also approached as a linguistic sign, a structural pattern, and the utterance is defined as a concrete speech realization of a linguistic sign enriched with modus.

The structural pattern of a simple sentence is understood as “a linguistic sign, whose signifier is subjective and predicative with their syntactic positions, and whose signified is a typical proposition as a certain of mental construct of nominated by the sentence situation surrounding the real world”, conventionally called a syntactic concept [Volokhina, Popova, 2003, p. 8 ; Kazarina, 2002, p. 26].

The structure, organization and specifics of objective modality of the utterances with the semantics “transformation” have not yet been the focus of special study. Therefore, this study aims to identify the structure and arrangement of utterances with the semantics of

“transformation” whose basis is formed by 2 structural patterns of the simple sentence (i) “who / what turns into who / what”, (ii) “who / what changes who / what into who / what” and their objective modality.

In Russian syntax, starting with the publication of the Grammar of the Russian Language and the works of V. V. Vinogradov, the modality concept has been intensively discussed as an integral part of the sentence theory. However, as V. Z. Panfilov notes, in linguistics there is a controversy in the most basic issues concerning the nature of this category, its relationship to the modality of thought, types of sentence modality, attitudes to predicativity, and the like [Panfilov, 1971, p. 183]. The problems associated with the category of modality (modality in language and speech, semantics of modality, etc.) are of constant scientific interest (see e.g., [Bondarko, 1971, 1990 ; Kasevič, 1983 ; Panfilov, 1971 ; Shatunovsky, Vaulina, 1993 ; Wierzbicka, 1987]).

Modality is understood as a complex, multilayer, harmonious formation, “a functional-semantic category expressing different types of attitude of utterance to reality” [Lyapon, 1990, p. 303]. The variety of types of modal relation of the informative component of the Russian sentence to reality, the nature of this “relation” and its manifestation was later differentiated and represented by three types of relations, different in their semantic-syntactic essence: 1) the relation of the content of the utterance to reality from the point of view of the speaker; 2) the relation of the speaker to the content of the utterance; 3) the relation between the subjective and the predicative [Zolotova, 1973, p. 12]. With regard to the role of the modal component in forming a sentence and its modal semantics, these three types of relationships represent two types of modal meaning: o b j e c t i v e m o d a l i t y and s u b j e c t i v e m o d a l i t y.

The modality that forms the predicative axis of a sentence is classed as the o b j e c t i v e, which makes it possible to call it a p r e d i c a t i v e modality. It is ontological in nature, representing the subjective-objective relation of the content of the utterance to reality in terms of its reality or unreality [Zolotova, 1973, p. 12]. Unanimously qualified as an integral feature of the sentence, the objective modality in the special literature has different nominations. V. V. Vinogradov, not marking out the modality levels with regard to its role in the formation of the sentence-utterance, nonetheless focused on its functional-syntactic essence, represented by verb forms that actualize the syntactical category of mood, which enabled V. V. Vinogradov to call it syntactic modality [Vinogradov, 1954, p. 79]. G. A. Zolotova, also taking into account the functional-syntactic significance of modality that relates the content of the utterance to the real world, suggested the invariant of the modal meaning that forms the predicative axis of the sentence, and assigned to it the status of “basic” predicative modality [Zolotova, 1973, p. 141–142]. A. V. Bondarko, marking out the three “basic” levels of representation of modal relations, recognized the first level, the general modal level, as the highest. He called it dominant – the main specific property of modality interpreted as being related to the reality / unreality features represented in the meanings of actuality / potentiality [Bondarko, 1990, p. 59–60]. The category of mood is recognized as a marker of predicative modality.

As far as objective modality of the utterances with the semantics “transformation”, it is hypothesized that:

(i) Structural patterns of simple sentences with the semantics of “transformation” participate in forming the syntactical field and enter into paradigmatic relationships.

(ii) Structural patterns of simple sentences with the meaning “transformation” differ in the frequency of occurrence in speech but they both are located on the periphery of the syntactical field “change”.

(iii) The position of subjective, predicative and objective is marked by the nominates of various lexico-semantical classes of names and groups.

(iv) The difference is expected in the functioning (usage) of the temporal meanings of the present, past and future tenses.

To test the hypothesis, an empirical study was carried out of the transformation semantics embodiment by means of the two patterns in Russian fiction.

2. Experiment

2.1. Material and methods

The empirical base for the study were the works of Russian writers, such as I. A. Bunin, A. P. Chekhov, F. M. Dostoevsky, K. Simonov and others, as well as materials of the Russian National Corpus. The utterances, verbalizing the structural patterns (i) "who / what turns into who/what" and (ii) "who / what changes who/ what into who/ what" were selected as tokens for analysis.

The nature of the material determined the choice of the following research methods and techniques: a descriptive method including observation, generalization, interpretation, and classification; structural method using the techniques of component, cognitive interpretation and statistical method using the technique of quantitative analysis.

According to dictionary definitions, transformation is considered as a transition from one state to another; change in character, essence, structure [Baranov 1990], or "a thorough or dramatic change in the form, appearance, character, etc." [Thompson, 1993, p. 970]. This enables to relate to verbs of transformation some verbs with following typical semantics: "to take form, acquire any physical features, become somehow in shape, color, structure, etc.", to change, "to unite, come together with" and "to separate, divide to, etc".

The structural and semantic core of the isolated utterances form simple sentence patterns with a structure-forming transformation verb: выливаться (to develop into / take form), the components of synonymous row with meaning "to turn / transform into": *обёртываться*, *обращать*(-ся), *оборачиваться*, *перерождать*(-ся), *поворачивать*, *превращать*(-ся), *преображать*(ся); *окрашиваться* 'to become certain color / take on the sheen' *осунуться* 'to become haggard', *оформляться* 'to form/ turn into', *переделывать* 'to change / transform into', *перекрашиваться* 'to change color', *переходить* 'to transform into / become', *разорваться* 'to burst', *рассыпаться* 'to crumple into', *складываться* 'to form into / put together into', *слагаться* 'to shape into', *сливаться* 'to unite / merge into', *собираться* 'to unite / form', *соединяться* 'to unite / become', *сходиться* 'to unite'.

2.2. Results and discussion

As a result, 300 utterances containing these verbs were obtained by continuous sampling. The material analysis enabled to identify 2 structural patterns of the simple sentence: "who / what turns into who / what", "who / what changes who / what into who/ what". Both patterns are located on the periphery of the syntactic field "transformation", in addition, the second pattern with a low frequency of functioning (11%) was formed on the basis of the first one. This explains the lower frequency in the functioning of the pattern "who / what changes who / what into who/ what" compared to the pattern "who / what turns into who / what" accounting for 89% of the tokens.

2.2.1. The structural pattern "who / what turns into who / what"

The pattern "who / what turns into who / what" consists of three components: subjective, predicative and objective. The structure-forming component of this pattern is the verbs of transformation, which play the role of part of a predicate. They lose part of their independence in functional plan. The essential part of the predicate becomes the noun, which

names the object of reality. This new quality, named by noun, is an indispensable part of information about the subject of the utterance, that is, the meaning of the predicate is made up of semes “transformation” and a new quality (another object) [Gerasimenko, 2012, p. 240].

Such an independent type of two-part sentences in structure of which is a structural pattern of a simple sentence is called bisubstantive, by which we mean those “sentences whose predicative core is organized by two nouns (or their equivalents) with the participation of a copula” [Gerasimenko, 2012, p. 10].

Objectification of structure-forming component of the pattern. Taking into consideration the denotative semes that lay in the semantics of such link-verbs when combined with a subjective and an objective, all of them can be divided into the following groups:

(i) Link-verbs with the dominant seme “transformation”: *обёртываться*, (fig.), *обращаться* 'to turn into' “magically turn from one creature or object into another creature or into another object”; *обращаться* 'to turn into' “to turn into another state, changing its appearance, its shape; transform”; *превращаться* 'to transform into' “ to turn from one creature or object into another creature or into another object; take a completely different form; change to another state; take shape”; *оформляться* 'to turn into'; *перерождаться* 'to transform into' “to transfer to another state”:

1. *Пейте ваш чай, пока не превратился в мороженое* (Леонов. Дорога на океан) – 'Drink your tea until it turns into ice cream' (Leonov. Road to the Ocean).

2. *То есть в двух словах, – упирая на каждое слово, проговорил опять отец Паисий, – по иным теориям, слишком выяснившимся в наш девятнадцатый век, церковь должна перерождаться в государство* (Достоевский. Братья Карамазовы) – 'That is, in brief Father Paissy began again, laying stress on each word, according to certain theories only too clearly formulated in the nineteenth century, the Church ought to be transformed into the State' (Dostoevsky. The Brothers Karamazov).

3. *Видели, как она обратилась в чёрную собаку и как чёрная собака обратилась в твою жену* (Чехов. Грешник из Толедо) –'You saw how she (wife) turned into a black dog and how a black dog turned into your wife' (Chekhov. The Sinner from Toledo).

(ii) Link-verbs with the dominant seme “change”, “formation”: *обращаться* 'to change / become' “to change, taking a different character, meaning, a different sense”; *окрашиваться* 'to become a certain color / take on the sheen' “change color, become colored”; *превращаться* 'to change into' “to change its appearance with witchcraft”; *преображаться* 'to change' “to change, become different"; переходить (fig.) 'to change into' “to change, gradually become different, taking a new appearance, formation, value, quality”, *соединяться* (fig.) 'to become / grow to be; develop into':

4. *Настасья Филипповна вышла действительно бледная как платок; но большие чёрные глаза её сверкали на толпу как раскалённые угли; этого-то взгляда толпа и не вынесла; негодование обратилось в восторженные крики* (Достоевский. Идиот) – 'Nastasia Philipovna came out of the house looking as white as any handkerchief; but her large dark eyes shone upon the vulgar crowd like blazing coals. The spectators' cries were redoubled, and became more exultant and triumphant every moment' (Dostoevsky. The Idiot).

5. *Дружно работали заполярники в совхозе «Индустрия», и когда Хибинские горы окрасились в их обычный осенний бронзовый цвет, руководитель экспедиции доктор Аветисян вынул первую запечатанную пчёлами рамку заполярного меда и поехал в Мурманск к начальству* (Пришвин. Заполярный мёд) –'The members of the Idustria State farm worked with a will, and when the slopes of the Khibiny Mountains took on the sheen of burnished copper, Avetisyan, the head of expedition, extracted a sealed comb of the first arctic honey and carried it off for the authorities in Murmansk to see' (Prishvin. Arctic Honey).

(iii) Link-verbs with the dominant semes “joining”, “uniting operations”; *складываться* (fig.) 'to put together into', the components of synonymous row with the

meaning “to unite together, as a whole, into one organization, group; merge into”: сходиться (fig), соединяться, сливаться (fig.), собираться (fig):

6. *Красавец галантно подскочил к нему и подал руку калачиком. Второй прах сложился в вертлявую женщину в чёрных туфельках с чёрными перьями на голове* (Булгаков. Мастер и Маргарита) – 'The handsome man gallantly leaped over to it and offered it his bent arm. The second remains put itself together into a fidgety woman in black shoes, with black feathers on her head' (Bulgakov. Master and Margarita).

7.*Тогда деревья в лесу сливались в одну зелёную массу* (Пришвин. Лесная капель) – 'Then the trees in the forest merged into one green mass' (Prishvin. Forest Drops).

(iv) Link-verbs with the dominant semes “separation”, “division”: *разорваться* 'to burst' “to fall apart, fall to pieces during an explosion, with pressure from the inside”; *рассыпаться* 'to crumble into' “to fall into small parts”:

8. *Будь под колесами камни, камни б рассыпались в искры* (Чехов. Барыня) – 'If stones were under the wheels, they (stones) would crumble into sparks' (Chekhov. The Lady).

(v) Links-verb with the meaning “to take the form, acquire the form, shape, color”: *выливаться* (infml.-fig) 'to develop into / take form' “to take a certain shape, develop into something”; *оформляться* (to take shape) “to gain particular appearance, form in the process of development; take shape”; *перекрашиваться* (infml.) 'to change color' “to gain a different color”; слагаться 'to shape into' “ to take the form, acquire the form”:

9. *Итак, – стало слышно, когда оформилось в слова его бормотанье, – вы притащились за моим Кароном* (Леонов. Дорога на океан) – 'So – it could be heard, when his muttering took shape in the words, – you dragged after my Karon' (Leonov. Road to the Ocean).

The specifics of the predicates forming this pattern. The study showed that some of these links-verbs function in a figurative meaning when combined with different objects of reality.

The theory of metaphor is presented in the works of [Arutyunova, 1990 a, 1990 b; Gak, 1977 ; Nikitin, 1979 ; Paducheva, 2004 ; Shmelev, 1973 ; Vaulina, 1993 ; Black, 1990 ; Birdsli, 1990 ; Cassirer, 1990 ; Lakoff, Johnson, 1980 ; Miller, 1990], etc. A metaphor arises on the basis of a specific lexical meaning of the word that is included in “the composition of free combinations” [Cherkasova, 1968, p. 37] and, in its nominative technique, is an implicit comparison. Comparison means “consideration of objects to establish points of similarity and difference [Moskvin, 2006, p. 51]. According to N. D. Arutyunova, a metaphor, “leads to the creation of generalized, semantically colorless predicates that can connect with any subject – concrete and abstract, animate and inanimate. By demolishing semantic barriers, the metaphor at the same time removes the boundaries between logical orders” [Arutyunova, 1978, p. 337]. Researchers recognize the metaphor as a unit of thinking, a way of understanding the world, noting that our thinking, everyday experience and behavior are largely determined by metaphor [Lakoff, Johnsen, 1980, p. 4].

The process of interpreting metaphors is a real creative act that often requires a lot of effort for the recipient metaphor, as far as the metaphor conflicts with our traditional views about the properties of a particular denotation, challenges us, invites us to discover and comprehend the new [Swanson 1980, p. 162, 163]. According to K. Harris, the metaphor is often beyond human comprehension, she names that which cannot be named [Harries, 1980, p. 82]. Understanding metaphors requires special interaction between their creator and recipient, they have similar knowledge, intentions, relationships [Cohen, 1980. P. 7].

So, in the original meaning of the verb *обёртываться*, 'to turn into' a potential seme “transformation” can be distinguished, which is a symbol of metaphor:

10. Если бы можно было, сохраняя свой человеческий ум и сердце, *обернуться в голубя или ястреба, я бы выбрал себе ястреба* (Пришвин. Охота) – 'If it were possible, keeping my human mind and heart, to turn into a pigeon or a hawk, I would choose a hawk for myself' (Prishvin. Hunting).

The link-verb *оформляться* “to gain a certain form, get completeness; become institutionalized functions in a figurative meaning”. On the basis of similarity in the seme “to gain a form”, which is a common semantic component of the original and metaphorical meaning, it developed a secondary meaning:

11. *Если образ Деда Мороза успевал оформиться в мифологический <…>, то со Снегурочкой этого не случилось* [Елена Душечкина. Дед Мороз и Снегурочка // «Отечественные записки», 2003] (Национальный корпус русского языка, далее – НКРЯ) – 'If the image of Santa Claus have time to form into a mythological figure <…>, then this did not happen to the Snow-Maiden' [Elena Dushechkina. Santa Claus and Snow Maiden. “Domestic Notes”, 2003] (Russian National Corpus, further referred to as RNC).

Metaphorization of the link-verb *выливаться* 'to take form', combining its original meaning, usually with the nominate “liquid” occurs on the basis of personalization:

12. *В хоромах шили приданое; рара денно и нощно мечтал о займе денег для свадьбы, а между тем их отношения не вылились еще в определенную форму* (Чехов. Скверная история) – 'In the mansions sewed a dowry; papa dreamed day and night about borrowing money for a wedding, and yet their relationship had not yet take a definite form' (Chekhov. A Bad Story).

The link-verbs *сливаться, собираться* have a metaphorical meaning “to form, to unite together, in one organization, group”. In their semantic structure of the original meaning, there are hypersemes “to unite (with)”, which are the symbol of this metaphor:

13. *Другие деревья либо стояли угрюмыми великанами, с тысячью просветов, наподобие глаз, либо сливались в сплошные мрачные громады* (Тургенев. Рудин) – 'Other trees either stood sullen giants, with a thousand openings, like eyes, or merged into solid gloomy clusters' (Turgenev. Rudin).

14. *Всё моё внимание было обращено на верстовые столбы, которые я замечал издалёка, и на облака, прежде рассыпанные по небосклону, которые, приняв зловещие чёрные тени, теперь собирались в одну большую, мрачную тучу* (Толстой. Отрочество) – 'I concentrated my whole attention upon the distance-posts ahead and the clouds which, hitherto dispersed over the sky, were now assuming a menacing blackness, and beginning to form themselves into a single solid mass' (Tolstoy. Boyhood).

Lexical and grammatical nature of subjective. The second constitutive component of the analyzed structural pattern is the subjective, which subject to transformation (recipient). As a general rule, the named element is marked with a personal nouns or its substitutes:

15. *Мария в чёрную кошку не обратилась и не убежала* (Чехов. Грешник из Толедо) – 'Maria did not turn into a black cat and did not run away' (Chekhov. The Sinner from Toledo).

16. *Но каково было удивление почтительного сына, когда он совершенно неожиданно из богатого наследника превратился в бедняка!* (Тургенев. Записки охотника) – 'What was the amazement of the dutiful son when he found himself, utterly unexpectedly, transformed from a rich heir to a poor man!' (Turgenev. A Sportsman's Sketches).

In addition, in our sample, the subject is represented by nominates with a component characterizing from different sides: by relationship (*девочка* 'girlie', *девушка* 'girl'), estate status (*помещик* 'landowner'), type of disease (*раненый* 'wounded', *усопший* 'deceased'), by type of forces, forces structure, military units, formations (*кирасир* 'cuirassier'), in relation to unlawful action, to crime (*воровка* 'thief'), in the military sphere (*капитан* 'captain'), on the general designation of a person (*люди* 'people',*человек* 'person'), on the properties of nature, character traits (*сатир* 'satyr'), in trade, trading mediation (*продавщица* 'saleswoman'), in the sphere of religion, cults (*ведьма* 'witch'):

17. *Никулин появлялся в трюке, где девушки из клоунов превращались в артисток* (И. Э. Кио. Иллюзии без иллюзий (1995–1999)) [НКРЯ] – 'Nikulin appeared in the trick, where the girls of clowns turned into artists (I. E. Kio. Illusions without Illusions' (1995–1999)) [RNC].

18. *Примирясь, он решался купить капустки для стариковских щей, и миловидная продавщица посреди фразы превращалась в основательного верзилу в косоворотке* (Леонов. Дорога на океан) – 'Being reconciled, he decided to buy cabbages for old men soup, and the pretty saleswoman in the middle of the phrase became a solid strapper in a shirt' (Leonov. Road to the Ocean).

The references of domesticated animal (*собака* 'dog') are also used in the subjective position:

19. *Собака эта обратилась в тебя!* (Чехов. Грешник из Таледо) – 'This dog turned into you!' (Chekhov. The Sinner from Toledo).

The position of the subject is represented by the references of plants and their parts (*акация* 'acacia', *дерево* 'tree', *жимолость* 'honeysuckle', *кустик* 'bush', *лист* 'leaf', *почка* 'bud', *сосна* 'pine'), relief: elevations, valleys (*гора* 'mountain', *долина* 'valley'), water spaces (*море* 'sea', *речка* '(small) river'), human body parts (*лицо* 'face', *скула* 'cheekbone', *тело* 'body'), atmospheres of the earth, air spaces, heavenly glow (*облако* 'cloud'), substances (*пыль* 'dust'), hard natural rocks (*камень* 'stone'), parts of cities and towns (*двор* 'courtyard', *город* 'city'), religious buildings (*монастырь* 'monastery', *церковь* 'church'), vehicles, their aggregates and parts (*машина* 'car') the nature of residence or its limitations (*село* 'village'), administrative authorities (*государство* 'state'), means of paying (*рубль* 'rouble'), articles symbolizing generation, devotion to faith (*икона* 'icon'), a subject for scooping up liquid, crumbly food (*ложка* 'spoon'), aircrafts lighter than air lifted upward by light gas (*воздушный шар* 'balloon'), human settlements (*жильё* 'habitation'), vegetation areas (*опушка* 'forest border'), places for treatment, health improvement (*курорт* 'health resort'), utility, guard rooms (*служба* 'service'), moving fluids (*вода* 'water'), body excretions, products his vital activity (*слеза* 'tear'), military fortifications (*блиндаж* 'dugout'), processed and used places (*огород* 'kitchen garden'), etc.:

20. *Эта речка верст за пять от Льгова превращается в широкий пруд, по краям и кое-где посередине заросший густым тростником, по-орловскому – майером* (Тургенев. Записки охотника) – 'Five miles from Lgov, this river becomes a wide swampy pond, overgrown at the edges, and in places also in the centre, with thick reeds' (Turgenev. A sportsman's sketches).

21. *Вода превратилась в облако, в пар!* (Солженицын. В круге первом) – 'That water has turned into cloud, into steam!' (Solzhenitsyn. In the First Circle).

Subjective position is occupied by nouns with abstract meanings: physical states and properties of living beings, organisms, their vital activity (*голос* 'voice', *плач* 'crying', *стон* 'moan', *хохот* '(loud) laughter', *шорох* 'rustle'), mimic movements (*улыбка* 'smile'), parts of the day (*вечер* 'evening', *день* 'day'), social connections, relationships (*знакомство* 'acquaintance', *отношение* 'relationship'), spiritual world: consciousness, morality, feelings (*совесть* 'conscience', *стремление* 'aspiration'), different feelings, emotional states, their manifestations (*благодарность* 'gratitude', *горе* 'grief', *негодование* 'indignation', *симпатия* 'sympathy'), ceremonies associated with marriage (*свадьба* 'wedding'), the space, its main characteristics (*пространство* 'space'), the general notation of messaging. Conversation (*разговор* 'conversation'), speech that is not attached to the official or special sphere (*бормотание* 'muttering', *сказка* 'tale'), existence, substance, time (*жизнь* 'life', *материя* 'matter', *реальность* 'reality'), words deictic and evaluating (*вопрос* – 'question'), method, means, style (*орудие* 'means'), way of thinking (*дума* 'thought', *мысль* 'idea'), social activity, spheres of social life (*совещание* 'meeting'), industrial sectors (*охота* 'hunting'), music,

choreography (*песня* 'song'), world. social changes and upheavals (*война* 'war'), family naming (*фамилия* 'surname'), form, external state, image (*образ* 'image'):

22. *В нём симпатия к этой несчастной обратилась во что-то священное* (Достоевский. Братья Карамазовы) – 'His sympathy for the unhappy wife had become something sacred to him' (Dostoevsky. The Brother Karamazov).

23. *Дни слагались в недели, месяцы, осень сменяла лето, зима осень, весна зиму* (Бунин. Жизнь Арсеньева) – 'Days shaped themselves into weeks, and then months; autumn followed summer, and winter autumn, and spring winter' (Bunin.The Life of Arseniev).

Lexical filling of the objective component and its grammatical form. The third constitutive component of the structural pattern "who / what turns into who / what" is the objective represented by nominates with a characterizing component from different sides: by personal, social connections (*жена* 'wife'), sex and age (*девка* 'girl', *друг* 'friend', *женщина* 'woman', *мальчик* 'boy', *подросток* 'teenager', *юноша* 'youth'), character traits, and also by behavior (*кулак* 'wealthy peasant', *гордец* 'haughty person', *забияка* 'quarrelsome person'), aggregates of individuals (*общество* 'society'), in relation to the place of residence, location (*беженец* 'refugee'), non-possession of property, wealth (*бедняк* 'poor person'), by general designation of a person (*человек* 'person'), on participation in religion and, cults (*колдун* 'sorcerer', *пророк* 'prophet'), social dislocation (*попрошайка* 'beggar'), by characteristic or one-time action, behavior, function (*предатель* 'traitor'), type of disease (*раненный* 'wounded'), physical, physiological state (*верзила* 'lamppost'), in the field of art, creativity; by related occupation (*жонглер* 'juggler', *певец* 'singer'), transfer, reception or perception of information (*советчик* 'adviser'):

24. *Пантелей одичал, ожесточился. Из человека честного, щедрого и доброго, хотя взбалмошного и горячего, он превратился в гордеца и забияку* (Тургенев. Записки охотника) – 'Panteley was embittered, made misanthropical by it. From an honest, generous, good-natured fellow, though spoilt and hot-tempered, he became haughty and quarrelsome' (Turgenev. A Sportsman's Sketches).

25. *Один из ваших убийц в ваших глазах обратился в женщину, а из женщины в маленького, хитрого, гадкого карлика* (Достоевский. Идиот) – 'One of the murderers suddenly changed into a woman before your very eyes; then the woman was transformed into a hideous' (Dostoevsky. The Idiot).

The position of the objective is also represented by nominates of domestic animals (*кошка* 'cat', *собака* 'dog'), the general designation of animals (*животное* 'animal'), birds of prey (*голубь* 'pigeon', *ястреб* 'hawk'), general designation of (bird), correlated with any bird, insect (*комар* 'mosquito', *паук* 'spider'):

26. *Она (жена) обратилась в чёрную кошку и бежала от меня! – соврал Спаланцо* (Чехов. Грешник из Таледо) – 'She (wife) turned into a black cat and ran from me! – Spalantso lied' (Chekhov. The sinner from Toledo).

27. *Вы поймёте меня, если представите себе, что я превратился в маленького красного паучка на коре старой липы* (Пришвин. В краю непуганых птиц) – 'You understand me if you imagine that I turned into a little red spider on the bark of an old linden' (Prishvin. In the Land of not Frightened Bird).

The lexical filling of the objective is represented by nominates of metal coins (*копейка* 'copeck'), hard rock (*камень* 'stone'), relief (*гора* 'mountain'), water spaces (*река* 'river'), plants or their parts (*куст* 'bush', *растение* 'plant', *сад* 'garden'), natural phenomena (*лёд* 'ice', *ливень* 'heavy shower', *облако* 'cloud', *туча* '(black) cloud'), alcoholic drinks (*вино* 'wine'), object for cleaning, tidying up (*тряпка* 'duster'), body excretions, products of its vital activity (*слеза* 'tear'), household items (*сосуд* 'vessel'), sweets, floury and sugary products (*мороженое* 'ice cream'), simple substances, their compounds (*пар* 'steam'), heavenly bodies

(*земля* 'earth'), places of worship (*церковь* 'church'), buildings and their parts (*аттракцион* 'attraction'), administrative authorities (*государство* 'state'), the nature of residence or its limitations (*село* 'village'), prepared enterprises, their departments (*предприятие* 'enterprise'), human body parts (*глаз* 'eye'), names of the bases and parts of the whole (*скат* 'slope'), dilapidated buildings (*руина* 'ruin'):

28. *И даже весь человек может превратиться в льдину, то есть перестанет быть человеком, – ответил я, опять улыбнувшись* (В. Г. Короленко. Мороз (1900–1901)) [НКРЯ] – 'And even the whole person can turn into an ice floe, that is, it will cease to be a person, I replied, smiling again' (V. G. Korolenko. Frost (1900–1901)) [RNC].

29. *Ибо слишком будут помнить, что прежде, без нас, самые хлебы, добытые ими, обращались в руках их лишь в камни, а когда они воротились к нам, то самые камни обратились в руках их в хлебы* (Достоевский. Братья Карамазовы) – 'For they will remember only too well that in old days, without our help, even the bread they made turned to stones in their hands, while since they have come back to us, the very stones have turned to bread in their hands' (Dostoevsky. The Brothers Karamazov).

The objective position can be expressed by nouns with abstract meanings: state of mind, consciousness, mood (*уверенность* 'confidence'), existence, substance, time (*жизнь* 'life', *пожар* 'fire', *скука* 'boredom', *энергия* 'energy', *явь* 'reality'), faith, religion (*вера* 'faith'), the works of literature and folklore of different genres (*библия* 'bible', *легенда* 'legend', *сказка* 'fairy tale'), method, means, way (*средство* 'means', *орудие* 'means'), speech that is not attached to the official or special sphere (*говор* 'chat'), basic processes of vital activity (*дремота* 'drowsiness'), consciousness, mind, knowledge, understanding, thought. The way of thinking (*воспоминание* 'recollection', *мысль* 'thought', *секрет* 'secret', *созерцание* 'contemplation'), units of time, calculus of time periods (*день* 'day', *месяц* 'month', *неделя* 'week', *ночь* 'night'), spiritual world: (*мораль* 'morality', *чувство* 'feeling', *стремление* 'desire'), physical states and properties of living beings, organisms; their vital activity. states of nature, environment (*возня* 'hullabaloo', *всплывание* 'sobbing', *гвалт* 'rumpus', *крик* 'shout', *местожительство* '(place of) residence', *рёв* 'roar', *шум* 'hubbub'), different feelings, emotional states, their manifestations (*безразличие* 'indifference', *радость* 'joy', *раздражение* 'irritation', *тоска* 'boredom'), social connections, relationships; related actions, states (*борьба* 'struggle'), experience, skill, awareness (*практика* 'practice'), social foundations; (*обязанность* 'duty'), actions related to court examination, trial (*допрос* 'questioning'), speech acts characterized by content (*мольба* 'entreaty'), social activity, life society, spheres of social life (*месть* 'revenge'), disease, illness, injury (*глухота* 'deafness'):

30. *Шумный разговор превратился в мягкий, приятный говор, подобный весеннему жужжанью пчел в родимых ульях* (Тургенев. Записки охотника) – 'The noisy talk was transformed into a subdued pleasant chat, like the buzzing of bees in spring within their hives' (Turgenev. A Sportsman's Sketches).

31. *К певцам присоединялись, по-видимому, новые певцы, новые силы, и легкий шорох внизу под окном постепенно обращался в шум, гвалт, возню* (Чехов. Кот) – 'Powerful new voices were joining in, and what had started as a light rustle beneath the window gradually turned into a hubbub, then a rumpus, and finally a hullabaloo' (Chekhov. The Cat).

The specifics of objective modality of the pattern "who / what turns into who / what". Realization of the pattern in speech leads to forming the modality of the utterance.

The invariant of the pattern "who / what turns into who / what", represented by the present predicate form, is not productive in functioning (using): it was identified in 42 examples (15,7% of the total number of utterances).

The grammatical tense in fiction texts, as is well known, often does not coincide with the moment of speech. This enables to characterize it as non-topical, the time for which

Yu. S. Maslov proposed the term “epic, conditional, imaginable” [Maslov, 2004, p. 217]. However, in determining the temporal form semantics as topical / non-topical, we also take into account the marker of coincidence / non-coincidence of the situation with the moment of its reproduction or perception of the work by the author or by the character. When such a coincidence is present, the semantics of the temporal form is defined as topical (actual), and when it is absent, it is defined as non-topical (non-actual).

The topical present is a concrete time, which coincides with the moment of speech of the author of the utterance, underproductive in functioning (16 examples – 5,9%):

32. *Как это заметно у мужчин к сорока годам – взлёт жизненных сил! Особенно если избыток их плоти не направлен в деторождение, а таинственным образом преобразуется в сильные мысли* (Солженицын. В круге первом) – 'How often we notice it in men approaching their forties – that sudden uprush of vital forces! Especially if the surplus energy of the flesh is not expended in procreation but mysteriously transmuted into powerful thought' (Solzhenitsyn. In the first Circle).

33. *В этот час город не превращается ещё в тоскливые руины, каким он кажется ночью, но и не выставляется таинственной громадой, каким кажется днём* (В. Г. Распутин. Новая профессия (1998)) [НКРЯ] – 'At this hour, the city does not turn into the dreary ruins, as it seems at night, but it is not exposed as a mysterious community, as it seems during the day' (V. G. Rasputin. New Profession (1998)) [RNC].

The indicator of the topical semantics of the present syntactic tense is context, as well as a word combination with a demonstrative pronoun (*этот* 'this') with the meaning of proximity in time (*в этот час* 'at this hour').

Non-topical meaning of the present tense forms in the material (26 examples – 9,8%) is presented by its usage features and its timelessness. The usual meaning of the form (3 examples – 1,1%) is characterized by the presentation of transformation as a situation that is ordinary, repetitive, iteratively repeated, and abstract from a concrete time:

34. *Вот, наверно, почему иногда мастера слова, увлекаясь сравнительной лёгкостью рассказа внешнего о другом человеке, чем о себе, превращаются в словесных жонглёров* (Пришвин. Дорога к другу) – 'That is probably why sometimes the master of the word, being carried away by the comparative e easiness of telling the external about another person, than about himself, turn into verbal jugglers' (Prishvin. Road to a Friend).

The presence of the lexeme *иногда – sometimes* in example 34 indicates iterative situation in this sentence. Unproductivity in the functioning of usual semantics can be explained by the fact that the semantic content of the present tense form of the verb-link is characterized by a weak predisposition to be combined with the indicators of non-localization of the situation in time.

Timelessness (8 examples – 2,9%) is the semantics of a usual, generalized situation. It is abstracted from time, “rises to the level of cognition: the connections between the phenomena of reality do not appear as data directly observed, but as established by human intellect and having a timeless force” [Zolotova, 1973, p. 200]. A. V. Bondarko called this semantics of the present tense “qualitative present” [Bondarko, 1971, p. 70]. The formal maker of the timeless semantics of syntactic tense in the analyzed texts is the context:

35. *Такое «открытие мира» сопровождается, как и у путешественников в новые страны, неутолимым желанием поведать об этом другим людям и, наконец, когда собака подвела к выводку, превращается прямо в душевный пожар* (Пришвин. Моим молодым друзьям) – 'Such a “discovery of the world” is accompanied, like among travelers to new countries, an unquenchable desire to tell other people about it and, finally, when the dog led to the conclusion, it turns directly into a spiritual fire' (Prishvin. To my Young Friends).

Low productivity in the functioning of generalized semantics is explained by the fact that the most statements of this type begin with the designation of a generalized non-concrete subject, therefore, the predication must be generalized.

Metaphorized (figurative) semantics of the temporal form of a predicate is one of the types of abstract semantics. The figurative meaning of the present tense form of the predicate in the material is represented by its functioning in the meaning of the future (planned) (10 examples – 3, 7%):

36. *Знает ли, в какую смешную и невозможно жалкую птицу превращается эта блестящая воровка куриных и всяких яиц?* (Пришвин. Посрамление вора) – 'Does this excellent thief of chicken and all sorts of eggs know what a funny and impossibly pathetic bird turn into?' (Prishvin. Disgrace of a Thief).

The formal indicator of the present figurative meaning in example 36 is the context.

Low productivity in the functioning of figurative semantics is explained, on the one hand, by the fact that the number of link-verbs used in this case is lexically limited. On the other hand, it is necessary, for expressing the planned future, to introduce personal concrete names or nominates with a component characterizing the subject, but these lexemes are not frequent in the analyzed texts.

Less frequently, the present tense form of the predicate functions in plan of the past tense (3 examples – 1, 1%):

37. *Они и теперь редки. Всё превращается в чахохбили… Почему в «чахохбили», он не знает* (В. Г. Распутин. Новая профессия. 1998) [НКРЯ] – 'Today they are rare. Everything turns into chicken casserole... Why in the “chicken casserole”, he does not know' (V. G. Rasputin. New Profession. 1998) [RNC].

38. *Дни переходят в очень жаркие, но росы ещё сильные, прохладные* (Пришвин. Пастушья свирель) – 'The days become very hot, but the dew is still heavy and cool' (Prishvin. Shepherd's Pipe).

In a few examples, the present tense form functions in plan of historical present:

39. *Она попросила Рудина сесть. <…> Всё это сделалось в одно мгновение... Так вода внезапно превращается в твёрдый лёд* (Тургенев. Рудин) – 'She asked Rudin to sit down. <…> All this took place in a single instant … so water is suddenly transform into solid ice' (Turgenev. Rudin).

The syntactic form of the past tense in the material is productive (218 examples – 81,6%). It represents the actual (178 examples – 66,6%) and non-actual tenses (40 examples – 14,9%).

The specificity of past tense forms functioning in such cases lies in the fact that the time of each action semantically correlates not with the present tense of speech (the speech of the author of a fiction text) but with the corresponding moment in the narrative plan (conventionally past tense).

The actual time of past tense, the preceding moment of speech is reflected in the following statements:

40. *Это была привычка обстоятельного человека, который воюет уже не первый год и для которого блиндаж давно превратился в постоянное местожительство* (Симонов. Солдатами не рождаются) – 'It was the habit of a thorough person who has been fighting for more than a year and for whom the dugout has long ago become a permanent residence' (Simonov. Man is not Born a Soldier).

41. *Обширное пепелище превратилось в огород* (Тургенев. Записки Охотника) – 'The blackened site of the immense house was transformed into a kitchen-garden' (Turgenev. Sportsman's Sketches).

The non-actual temporal meaning of the past tense form is represented by its usual semantics (30 examples – 11, 2%):

42. *Но как только он представлял себе на своём месте кого-нибудь другого, всё мгновенно менялось, – всё превращалось в нечто бесстыдное, возбуждающее жажду задушить Катю и, прежде всего, именно её, а не воображаемого соперника* (Бунин. Митина любовь) – '… But the moment he imagined another man in his place, everything

changed, became utterly indecent, and stirred in him a violent urge to strangle Katya – strangle her and not his phantom rival' (Bunin. Mitya's Love).

43. *Глеб вздохнул. Лицо его, помолодевшее в предсвиданных хлопотах, опять осунулось в пепельные морщины* (Солженицын. В круге первом) – 'Gleb sighed. His face, which had looked youthful while he was busy preparing for his wife's visit, again had become haggard and ashen' (Solzhenitsyn. In the First Circle).

44. *Но в комнате понимал это, может быть, лишь один Алёша. Что же до штабс-капитана, то он весь как бы обратился в самого маленького мальчика* (Достоевский. Братья Карамазовы) – 'But Alyosha was perhaps the only person in the room who realized it. As for the captain he behaved as if a small child' (Dostoevsky. The Brothers Karamazov).

The indicator of the usual semantics of the past syntactic tense in (43) and (44) is the context, as well as the specifiers опять 'again', как бы 'as if'.

The non-actual past tense is characterized by its orientation to the future (10 examples – 3,7%):

45. *Лет через пятьдесят, много семьдесят, эти усадьбы, «дворянские гнёзда», понемному исчезали с лица земли, <…> каменные службы превращались в груды развалин, яблони вымирали и шли на дрова* (Тургенев. Записки охотника) – 'Within the last fifty, or seventy years at most, these mansions – 'noblemen's nests,' as they call them – have gradually disappeared off the face of the earth. <…> the stone outhouses have ***become*** piles of rubbish; the apple-trees are dead and turned into firewood' (Turgenev. A Sportsman's Sketches).

The formal indicator of the figurative meaning of the named form in (45) is a temporary construction *лет через пятьдесят* 'in fifty years'.

The forms of the future tense in the speech realization of the structural pattern "who / what turns into who / what" are unproductive (7 examples – 2,6%). It marks only a concrete time, a situation correlated with a certain point on the time axis:

46. *Я буду... Я обращусь лишь в средство для его счастия (или как это сказать), в инструмент, в машину для его счастия, и это на всю жизнь, на всю жизнь* (Достоевский. Братья Карамазовы) – 'I will- I will become nothing but a means for his happiness, or- how shall I say? – an instrument, a machine for his happiness, and that for my whole life, my whole life' (Dostoevsky. The Brothers Karamazov).

47. *Вот-вот стремление осуществится, обратится в подвиг… и тогда, господи!* (И. А. Гончаров. Обломов. Главы I-VII. 1859) [НКРЯ] – 'The aspiration any time now will come true, will turn into a feat ... and then, my God!' (I. A. Goncharov. Oblomov. Chapters I-VII. 1859) [RNC].

The subjunctive mood realizing seme 'conditionality' is not productive in the analyzed texts (5 examples – 1,8%):

48. *Постоянно упрекают нас, охотников, за жестокость милые голуби, но все-таки если бы можно было обернуться в птицу, сохраняя свой человеческий опыт, я бы обернулся не в голубя, а в охотника-ястреба* (Пришвин. Охота) – 'We, hunters, are constantly reproached for cruelty by cute pigeons, but still, if it were possible to turn back into a bird, preserving my human experience, I would not turn into a pigeon, but into a hawk hunter, and then I would stay alive and well' (Prishvin. Hunting).

49. *Если бы Травкин или кто-нибудь из его людей сделали хоть малейшее движение удивления или испуга <…>, немцы, вероятно, подняли бы тревогу, и эта туманная лесная опушка превратилась бы в арену короткой и кровавой схватки* (Э. Г. Казакевич. Звезда. 1946) [НКРЯ] – 'If Travkin or any of his men made even the slightest movement of surprise or fright <…>, the Germans would probably have raised the alarm, and this foggy forest edge would have turned into an arena of a short and bloody struggle' (E. G. Kazakevich. Star.1946) [RNC].

In a few examples, the subjunctive mood appears in the meaning of 'recommendation':

50. *Таким образом (то есть в целях будущего), не церковь должна искать себе определённого места в государстве <…> а, напротив, всякое земное государство должно бы впоследствии обратиться в церковь* (Достоевский. Братья Карамазовы) – 'In that way (that is, with a view to the future) it is not the Church that should seek a definite position in the State <…> but, on the contrary, every earthly State should be, in the end, completely transformed into the Church' (Dostoevsky. The Brothers Karamazov).

2.2.2. The structural pattern " who / what changes who / what into who / what"

The four-component pattern "who / what changes who / what into who / what" is not very productive (33 examples). It is formed by the subjective, predicative and objective-1. – objective-2. In it, two objects are affected by the same predicative [Volokhina, Popova, 2003, p. 129].

In this pattern, the situation of transformation is represented as the action of the subject, causing a change in the object. The transformation occurs not with the subject of the situation, but with another actant, the object. The subject performs certain actions that cause the transformation of one object into another [Gerasimenko, 2012, p. 239].

Lexical filling of structure-forming component. Structure-forming component of the pattern are predicative verbs with dominant semes of 1) "transformation", for example the components of synonymous row with meaning "to transfer to another state, give a different look, different form": *обращать, поворачивать* (fig.), *преображать, превращать, перерождать*; 2) "change": *переделывать* "to change, transform, give someone, something a different form, shape, etc.":

51. *Давно ли мы читали, что фордовский конвейер превращает рабочего в машину и что это есть самое бесчеловечное выражение капиталистической эксплуатации?* (Солженицын. В круге первом) – 'Not so long ago, we used to read that the Ford conveyor belt turns the worker into a machine and is the most inhuman form of capitalist exploitation' (Solzhenitsyn. In the First Circle).

Lexical and grammatical nature of subjective. The second component of the analyzed structural pattern is the subjective. It is represented by the nominative case of concrete personal lexemes or their substitutes, words indicating an object feature (*другой* 'another'), as well as nominates characterizing the subject from different sides: by age (*ребёнок* 'child', *старуха* 'old woman'), location, settlement, living quarters (*горожанин* 'city dweller'), in the field of art, creativity: by related occupations (*фокусник* 'magician'), in the sphere of power (*царь* 'king'):

52. *Деттер овладел Тайванем и превратил его в базу питания для будущего шанхайского фронта* (Леонов. Дорога на океан) – 'Detter has captured Taiwan and turned it into a power base for the future of the Shanghai front' (Leonov. Road to the Ocean).

Nominates of crawling invertebrate animals (*червь* 'worm'), complex machines, machine tools (*конвейер* 'conveyor'), natural phenomena (*дождь* 'rain') can also occupy in this position. Sometimes, nominates of abstract names, marking the state of a healthy or unhealthy organism (*пьянство* 'hard drinking'), idle behavior can occur in the position. Indifferent, formal attitude (*безделье* 'idleness'), physical states and properties of living beings, organisms, their vital activity (*тепло* 'warmth'), existence, substance, time (*время* 'time'):

53. *Я хочу рассказать, как я тебя любил, <…> как над моей могилой был поставлен крест и как время и черви превратили этот крест в труху* (Иванов. Распад Атома) – 'I want to tell you how I loved you, <…> how a cross was put over my grave, and how time and worms turned this cross into dust' (Ivanov. Atom Decay).

Lexical and grammatical nature of objective-1. The third constitutive component of the analyzed pattern is objective-1 whose position is occupied by nominates of personal names representing an object feature in relation to an illegal action, to a crime (*преступник* 'criminal'), to the general designation of a person (*люди* 'people').

In addition, the position of objective can also be occupied by nominates of buildings (*дом* 'house'), hard rocks (*камень* 'rock'), moving fluids (*вода* 'water'), objects of worship (*крест* 'cross'), and relief: elevations, valleys (*гора* 'mountain'). In this position, there might be nominates of abstract names denoting social foundations (*преступление* 'crime'), speech acts characterized by rich content (*завещание* 'testament'), existence, substance, time (*жизнь* 'life'), natural world (*природа* 'nature') words indicating an indefinite object (*всё* 'everything'), words pointing to a feature of the object (*её* 'her', *их* 'their'):

54. *Страшен величием пред нами, ужасен высотою своею, но милостив бесконечно, нам из любви уподобился и веселится с нами, воду в вино превращает, чтобы не пресекалась радость гостей, новых гостей ждёт, новых беспрерывно зовёт и уже на веки веков* (Достоевский. Братья Карамазовы) – 'He is terrible in His greatness, awful in His sublimity, but infinitely merciful. He has made Himself like unto us from love and rejoices with us. He is changing the water into wine that the gladness of the guests may not be cut short' (Dostoevsky. The Brothers Karamazov).

Lexical and grammatical nature of objective-2. The fourth constitutive component of the pattern is the objective-2. Object markers are nominates that characterize a person on various features: gender (*мальчик* 'boy'), general designation of a person (*человек* 'person, man'), occasional state caused by the situation, circumstances, event (*посмешище* 'laughingstock'), in the field of finances, trade, cost accounting, (*кассир* 'cashier'):

55. *Я чувствовал себя на шестнадцатом небе: меня, человека, переделали в кассира!* (Чехов. Исповедь) – 'I felt in the sixteenth heaven: I, a man, was turned into a cashier!' (Chekhov. Confession).

The position of object is also represented by lexemes denoting cloven-hoofed animals (осёл 'donkey'):

56. *Поручение редактора он всё же выполнил – приятели из газеты смеялись, что теперь рассерженный фокусник превратит его, например, в осла* (И. Э. Кио. Иллюзии без иллюзий. 1995–1999) [НКРЯ] – 'He fulfilled the order of the editor yet – the friends from the newspaper laughed that now an angry magician would turn him, for example, into a donkey' (I. E. Kio. Illusions without Illusions. 1995–1999) [RNC].

Besides nominates of living objects, various non-living object nominates can be found in this position: plants (*дерево* 'tree'), mechanical devices, (*машина* 'machine'), alcoholic drinks (*вино* 'wine'), foodstuffs (*хлеб* 'bread'), buildings for animals, for embryos (*зверинец* 'menagerie'), for plants (*парник* 'greenhouse'), precious metals (*золото* 'gold'), agricultural bases, storages (*зернохранилище* 'granary'), buildings and their parts (*квартира* 'flat'), special tableware (*подойник* 'milk pail'), as well as words with abstract concepts that mark types of musical and choreographic art (*музыка* 'music'), social foundations, law (*воровство* 'theft'), names of residential places in function, quality (*вертеп* 'sink of debauchery'):

57. *Пока он докучал всем своими слезами и жалобами, а дом свой обратил в развратный вертеп, трёхлетнего мальчика Митю взял на своё попечение верный слуга этого дома Григорий* (Достоевский. Братья Карамазовы) – 'While he was wearying everyone with his tears and complaints, and turning his house into a sink of debauchery, a faithful servant of the family, Grigory, took the three-year old Mitya into his care' (Dostoevsky. The Brothers Karamazov).

The object can be represented by connective words (*что* 'that' or *который* 'which') whose content is revealed in the previous context:

58. *Рекомендую вам... – начал было Воланд и сам себя перебил: – Нет, я видеть не могу этого шута горохового. Посмотрите, во что он себя превратил под кроватью* (Булгаков. Мастер и Маргарита) – 'Allow me to present ... Woland began and interrupted himself: 'No, I simply cannot look at this buffoon. See what he's turned himself into under the bed!' (Bulgakov. Master and Margarita).

The specifics of objective modality of this pattern. The invariant of the structural pattern "who / what changes who / what into who / what" is represented by the present tense of indicative mood is not productive (7 examples – 21,4%). Present actual – a concrete time coinciding with the moment of speech of the author of the statement – was not found in the material. Examples where the moment of speech does not correlate with the extra-linguistic situation, and the form of the predicate denotes the non-actual present, are rare:

59. *О Арсентьич, ты, как древний Мидас , <...> Ты обращаешь в золото всё, к чему протянешь руку* (Леонов. Дорога на океан) – 'O Arsentich, you are like the very old Midas , <…> You turn into gold everything to which you will touch your hand' (Leonov. Road to the Ocean).

60. *Разве мы можем превратить резервации в зверинец для любопытных?* (Д. А. Гранин. Месяц вверх ногами. 1966) [НКРЯ] – 'Can we turn reservations into a menagerie for the curious?' (D. A. Granin. The Moon Upside Down. 1966) [RNC].

In (59), modal coloring combined with a temporary meaning, creates modal-temporal shades. Syntactic time is characterized as non-actual, abstract, and potential. The present tense form in the second example functions in the meaning of the future tense.

The syntactic form of the past tense predicate in the material is not numerous (23 examples – 69,6%). It represents the actual past tense (21 examples – 63,6%), preceding the moment of the author's speech:

61. *Один только затесался между ними старичок с лысой и острой, как ракушка, головой <...> (Вдумчивый ребёнок преобразил его в дерево, покрытое жёлтыми, вроде одуванчика, цветами)* (Леонов. Дорога на океан) – 'One only old man wormed between them, with a bald and sharp, as a shell, head <…> (A thoughtful child transformed him into a tree covered with yellow flowers, like a dandelion.)' (Leonov. Road to the Ocean).

62. *Пьянство и безделье превратили его в посмешище* (Бунин. Деревня) – 'Drunkenness and lack of employment had converted him into laughing-stock' (Bunin. The village).

The non-actual temporal meaning of the past tense form is represented by its usual semantics (2 examples – 6%):

63. *Как царь Мидас своим прикосновением обращал всё в золото, так Сталин своим прикосновением обращал всё в посредственность* (Солженицын. В круге первом) – 'Just as Midas turned all that he touched to gold, so Stalin turned all that he touched to lead ' (Solzhenitsyn. In the First Circle).

Transformational changes in the form of the past tense are presented by its ability to objectify the time of a situation following the moment of speech, thus directed towards the future:

64. *Ха, вы и это забыли, во что превратили его впоследствии* (Леонов. Дорога на океан) – 'Ha, you forgot about it, to what they turned it later' (Leonov. Road to the Ocean).

The form of the future tense in the analyzed texts is not productive in functioning. It marks only the actual future (3 examples – 9%):

65. *Пока я был доцентом, меня ещё как-то жалели, теперь я – профессор, <...> а когда я стану академиком, меня, наверно, совсем превратят в мальчика на побегушках* (Симонов. Парень из нашего города) – 'While I was an associate professor, I was somehow pitied somehow, now I am a professor, <…> and when I become an academician, they probably will turn me completely into an errand boy' (Simonov. Guy from our town).

66. *Как он ни мал, а рано ли, поздно ли он всю гору размоет и мало того: превратит в плодородную землю* (Пришвин. Лесная капель) – 'Small as he is, sooner or later, he will erode the whole mountain and not only will it turn into fertile land' (Prishvin. Forest Drops).

3. Conclusion

This paper aimed to study the manifestation of 2 structural patterns with the meaning of "transformation" based on Russian fiction and dictionaries: first, "who / what turns into who / what" and second, "who / what changes who / what into who / what". The data analysis enabled to draw a number of conclusions.

(i) Both structural patterns are not productive.

(ii) The sentences based on a three-component structural pattern "who / what turns into who / what" belong to bisubstantive type, while sentences whose basis is formed by the pattern "who / what changes who / what into who / what" are verbal.

(iii) The structure-forming component of the patterns are conjugated verbs and link-verbs in the literal and figurative meaning – markers of the transformation predicate. The structural pattern "who / what turns into who / what" is formed by link-verbs in their literal meaning. In the pattern "who / what changes who / what into who / what", the slot is occupied with verbs with the meaning of "to turn into".

(iv) In the structural pattern "who / what turns into who / what", verbs function in their figurative meaning.

(v) The position of the subjective in the first pattern is represented by personal concrete names and nominates with a component characterizing the subject, as well as zoonyms and inanimate objects. The markers of the subject of the proposition of the second pattern are nominates characterizing the subject from different sides: by location, settlement, living quarters, in the field of art, creativity: by related occupations and in the sphere of power; insects, as well as inanimate objects and names of abstract concepts.

(vi) The position of the objective of the first pattern is represented by the form of the accusative case (with the preposition) of nominates with a component characterizing the object from different sides, zoonyms, as well as inanimate objects. The position of the objective-1 of the second pattern is objectified by the accusative case without the preposition of the names of animated nouns and nominates of inanimate objects.

(vii) The unproductive form of the present tense of the first pattern realizes both actual and non-actual semantics. Its usual and timeless form represents the non-actual meaning of the present form. The present form of the second pattern is not frequent. It objectifies only non-actual tense.

(viii) The past tense form is frequent for the first pattern with actual and usual semantics while the syntactic form of the past tense of the predicate of the second pattern is not numerous. It is represented by usual semantics. The future tense form of both patterns is not frequent. It marks only actual meaning.

References

Arutyunova, N. D. (1978). Funktsional'nye tipy yazykovoy metafory [Functional types of language metaphor]. *Izvestiya AN SSSR.* Ser. lit. i yaz. [The Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language], 37, 333–343. (In Russ.).

Arutyunova, N. D. (1990 a). Metafora i diskurs [Metaphor and discourse]. In N. D. Arutyunova & M. A. Zhurinskaya (Eds.), *Teoriya metafory* [Theory of metaphor] (pp. 5–32); Moscow : Progress Press. (In Russ.).

Arutyunova, N. D. (1990 b). Obraz, metafora, simvol v kontekste zhizni i kul'tury [Image, Metaphor, Symbol in the Context of Life and Culture]. In D. S. Likhachev (Eds.), *Res philologia.*

Filologicheskie issledovaniya [Philological Research] (pp. 71–88). Moscow, Leningrad : Nauka Press. (In Russ.).

Baranov, O. S. (1990). *Ideograficheskiy slovar' russkogo yazyka* [Ideographic dictionary of Russian]. Moscow : Prometheus Press. (In Russ.).

Birdsli, M. (1990). Metaforicheskoe spletenie [Metaphorical plexus]. In N. D. Arutyunova & M. A. Zhurinskaya (Eds.), *Teoriya metafory* [Theory of metaphor] (pp. 201–218). Moscow : Progress Press.

Black, M. (1990). Metafora [Metaphor]. In N. D. Arutyunova & M. A. Zhurinskaya (Eds.), *Teoriya metafory* [Theory of metaphor] (pp. 153–172). Moscow : Progress Press. (In Russ.).

Bondarko, A. V. (1990). Temporal'nost' [Temporality]. In A. V. Bondarko (Ed.), *Teoriya funktsional'noy grammatiki. Temporal'nost'. Modal'nost'* [Theory of functional grammar. Temporality. Modality] (pp. 5–58). Leningrad : Nauka Press. (In Russ.).

Bondarko, A. V. (1971). *Vid i vremya russkogo glagola (znachenie i upotreblenie)* [Aspect and tense of the Russian verb (meaning and usage)]. Moscow : Prosveshchenie Press. (In Russ.).

Cassirer, E. (1990). Sila metafory [The power of metaphor]. In N. D. Arutyunova & M. A. Zhurinskaya (Eds.), *Teoriya metafory* [Theory of metaphor] (pp. 33–42). Moscow : Progress Press. (In Russ.).

Cherkasova, E. T. (1968). Opyt lingvisticheskoy interpretacii tropov (metafora) [Experience linguistic interpretation of tropes (metaphor)]. *Voprosy yazykoznaniya* [Topics in the Study of Language], 2, 28–38. (In Russ.).

Cohen, T. (1980). Metaphor and the Cultivation of Intimacy. In S. Sacks (Ed.), *On Metaphor* (pp. 1–10). Chicago ; London : University of Chicago Press.

Gak, V. G. (1977). Metafora: universal'noe i specificheskoe [Metaphor: universal and specific]. In V. N. Teliya (Ed.), *Metafora v yazyke i tekste* [Metaphor in language and text] (pp. 11–26). Moscow : Nauka Press. (In Russ.).

Gerasimenko, N. A. (2012). *Bisubstantivnye predlozheniya v russkom yazyke: struktura, semantika, funktsionirovanie* [Bi-substantive sentences in the Russian language: structure, semantics, functioning]. Moscow : MGU Press. (In Russ.).

Harries, K. (1980). Metaphor and transcendence. In S. Sacks (Ed.), *On Metaphor* (pp. 71–88); Chicago ; London : University of Chicago Press.

Ivanova, V. I. (2001). *Predlozhenie, vyskazyvanie: sistemno-funktsional'nyy aspekt* [The sentence, the utterance: system-functional aspect]: Author's abstract of Doctoral in Philological sci. diss. Tver : Tver State University. (In Russ.).

Kasevič, V. B. (1983). *Fonologicheskie problemy obshchego i vostochnogo yazykoznaniya* [Phonological problems in general and oriental linguistics]. Moscow : Nauka Press. (In Russ.).

Kazarina, V. I. (2002). *Sintaksicheskiy kontsept «sostoyanie» v sovremennom russkom yazyke (k voprosu o ego formirovanii)* [The syntactic concept of "state" in modern Russian language (on the question of its formation)]. Yelets : Yelets State Ivan Bunin University. (In Russ.).

Lakoff, G., Johnsen, M. (1980). *Metaphors we live by.* Chicago : University of Chicago Press.

Lomtev, T. P. (1979). *Struktura predlozheniya v sovremennom russkom yazyke* [The structure of the sentence in modern Russian]. Moscow : MGU. (In Russ.).

Lyapon, M. V. (1990). Modal'nost' [Modality]. In V. N. Yartseva (Ed.), *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar* [Encyclopedic Dictionary] (pp. 303–303); Moscow : Sovetskaya entsiklopediya Press. (In Russ.).

Maslov, Yu. S. (2004). *Izbrannye trudy: Aspektologiya. Obshchee yazykoznanie* [Selected works: Aspectology. General linguistics]. Moscow : Yazyki slavyanskoy kul'tury Press. (In Russ.).

Miller, J. (1990). Obrazy i modeli, upodobleniya i metafory [Images and models, assimilations and metaphors]. In N. D. Arutyunova & M. A. Zhurinskaya (Eds.), *Teoriya metafory* [Theory of metaphor] (pp. 236–230). Moscow : Progress Press. (In Russ.).

Moskvin, V. P. (2006). *Russkaya metafora: Ocherk semioticheskoy teorii* [Russian metaphor. Essay on semiotic theory]. Moscow : Lenand Press. (In Russ.).

Nikitin, M. V. (1979). O semantike metafory [On the semantics of metaphor]. *Voprosy yazykoznaniya* [Topics in the Study of Language], 1, 91–102. (In Russ.).

Paducheva, E. V. (2004). Metafora i ee rodstvenniki [Metaphor and its relatives]. In Yu. D. Apresyan (Ed.), *Sokrovennye smysly: Slovo. Tekst. Kul'tura* [Concealed meanings: The word. Text. Culture] (pp. 187–204). Moscow : Yazyki slavyanskoy kul'tury Press. (In Russ.).

Panfilov, V. Z. (1971). *Vzaimootnoshenie yazyka i myshleniya* [Relationship between language and thought]. Moscow : Nauka Press. (In Russ.).

Plotkin, V. Ya. (1986). Semantika i sintaksis predlozheniya i vyskazyvaniya [Semantics and syntax of the sentences and the utterances]. *Sintaksicheskaya i leksicheskaya semantika na materiale raznykh yazykov* [Syntax and lexical semantics (Based on different languages)] (pp. 33 –43). Novosibirsk : Nauka Press. (In Russ.).

Shmelev, D. N. (1973). *Russkiy yazyk v ego funktsional'nykh raznovidnostyakh* (K postanovke problemy) [Russian language in its functional varieties (To statement of the problem)]. Moscow : Nauka Press. (In Russ.).

Swanson, D. R. (1980). Towards a Psychology of Metaphor. In S. Sacks (Ed.), *On Metaphor* (pp. 161–164). Chicago ; London : University of Chicago Press.

Thompson, D. (Ed.). (1993). Oxford dictionary of current language (OCDL). 2nd edn. Oxford : Oxford University Press.

Vaulina, E. Yu. (1993). *Glagol'naya metafora v sovremennom russkom yazyke* (Materialy dlya speckursov po leksikologii) [Verbal metaphor in modern Russian language. (Materials for special courses in lexicology)]. St Petersburg : Nauka Press. (In Russ.).

Vinogradov, V. V. (Ed.). (1954). *Grammatika russkogo yazyka* [Russian language grammar]. In 2 volumes. Vol. 1 : Sintaksis. [Syntax]. Part 1. Moscow : Academy of Sciences of the USSR Press. (In Russ.).

Volokhina, G. A., Popova, Z. D (2003). *Sintaksicheskie koncepty russkogo prostogo predlozheniya* [Syntactic Concepts of the Russian Simple]. Voronezh. (In Russ.).

Wierzbicka, A. (1987). The semantics of modality. *Folia Linguistica*, 21 (1), 25–44. https://doi.org/10.1515/flin.1987.21.1.25

Zolotova, G. A. (1973). *Ocherk funkcional'nogo sintaksisa russkogo yazyka* [An essay on the functional syntax of Russian]. Moscow : Nauka Press. (In Russ.).

Zvegintsev, V. A. (1976). *Predlozhenie i ego otnoshenie k yazyku i rechi* [The sentence and its relation to language and speech]. Moscow : MGU Press. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 28.08.2021; одобрена после рецензирования 01.10.2021; принята к публикации 28.10.2021.
The article was submitted 28.08.2021; approved after reviewing 01.10.2021; accepted for publication 28.10.2021.

УДК 811.111-26 doi: 10.22250/24107190_2022_8_1_53

Гаврилова Ирина Александровна
Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет
г. Челябинск, Российская Федерация
gavrilovaia@cspu.ru

Особенности функционирования русизма *gulag* в англоязычном медиапространстве

Аннотация
В статье рассматривается функциональная и коммуникативная специфика русизма *gulag* в англоязычных средствах массовой информации. В основу исследования положена комплексная методология: метод лингвистического наблюдения, описания и систематизации, метод словарных дефиниций, компонентный и контекстуальный анализы, а также статистическая обработка данных. В фокусе внимания находятся вопросы лексикографической регистрации заимствования русского происхождения и его семантического освоения языком-реципиентом. С опорой на данные корпуса English Web 2020 (enTenTen20) и иллюстративный материал установлено подчинение русизма *gulag* грамматической системе английского языка по целому ряду параметров. В ходе изучения прагматического потенциала лексемы *gulag* в англоязычном медийном дискурсе конкретизированы реализуемые ею функции. Результаты могут быть применимы в курсах лексикологии, межкультурной коммуникации, лингвокультурологии.

Ключевые слова: заимствование, советизмы, медийный дискурс, лексико-семантический вариант, словообразовательное гнездо, прагматический потенциал

© Гаврилова И. А. 2022

Для цитирования: Гаврилова И. А. Особенности функционирования русизма *gulag* в англоязычном медиапространстве // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2022. Вып. 8, № 1. С. 53–62. https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_1_53

Irina A. Gavrilova
South Ural State Humanitarian Pedagogical University
Chelyabinsk, Russian Federation
gavrilovaia@cspu.ru

Functioning peculiarities of the Russism *gulag* in English-language mass media

Abstract
The paper considers the functional and communicative specificity of the Russism *gulag* in English-language mass media. The research is based on complex methodology: the method of linguistic observation, description and systematization, the method of dictionary definitions, component and contextual analyses, as well as statistical data processing. Attention is focused on the issues of lexicographic registration of the loan of Russian origin and its semantic development by the recipient language. Basing on the data of the English Web 2020 Corpus (enTenTen20) and illustrative material, the author of the article describes the subordination of the Russism *gulag* to the grammatical system of the English language in a number of parameters. While studying the pragmatic potential of the lexeme *gulag* in English-language media discourse, the researcher concretizes the functions implemented by it. The results can be applied in the courses of lexicology, intercultural communication, or linguoculturology.

Keywords: borrowing, sovietisms, media discourse, lexico-semantic variant, word family, pragmatic potential

© Gavrilova I. A. 2022

For citation: Gavrilova, I. A. (2022). Osobennosti funktsionirovaniya rusizma gulag v angloyazychnom mediaprostranstve [Functioning peculiarities of the Russism gulag in English-language mass media]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 8 (1), 53–62. https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_1_53

1. Введение [Introduction]

В настоящее время наблюдается интенсивное межъязыковое взаимодействие, способствующее не только обогащению словарного состава контактирующих языков, но и культурному полилогу, обмену социальными ценностями, а также преодолению бытующих в исторической памяти стереотипов, что определяет актуальность представленного исследования. Ц е л ь ю статьи является описание функциональной и коммуникативной специфики русизма *gulag* в англоязычном медийном пространстве.

Проблема инокультурных заимствований достаточно широко освещена в работах российских и зарубежных ученых. Общие вопросы и подходы к определению понятия представлены в трудах Л. Блумфильда [Блумфилд, 2002], Л. П. Крысина [Крысин, 1968], Ж. Марузо [Марузо, 1960]. Способы классификации заимствованной лексики разработаны Н. Н. Амосовой [Амосова, 1956], И. В. Арнольд [Арнольд, 2012], В. И. Заботкиной [Заботкина, 1989]. Анализу роли русизмов в английском языке посвящены современные исследования Е. В. Белоглазовой [Beloglazova, 2019], В. В. Кабакчи [Кабакчи, 2015], О. В. Поповой [Попова, 2019], Л. К. Халитовой [Халитова, 2016] и др.

Если термином «заимствование» в языкознании принято обозначать «элемент чужого языка (слово, морфема, синтаксическая конструкция и т. п.), перенесённый из одного языка в другой в результате языковых контактов, а также сам процесс перехода элементов одного языка в другой» [ЛЭС, 1990, с. 158], то под понятием «русизм» подразумевается слово, заимствованное в иностранный язык исключительно через русский.

Появление новых слов и словосочетаний трактуется учеными как ответ языка на вызовы эпохи, «это реакция языка на воздействие других языков и культур, на перемены общественно-политической и экономической жизни общества, обусловленные временем» [Богданова, 2015, с. 42].

До публикации художественно-исторического романа «Архипелаг Гулаг, 1918−1956» А. Солженицына в 1973 г. слово *gulag* было практически неизвестно на Западе. Оно стало чрезвычайно востребовано в условиях холодной войны, когда Советский Союз ассоциировался с «империей зла», произволом тоталитарного режима, отрицавшего наличие у личности естественных и неотчуждаемых прав, универсальным символом которого стал ГУЛАГ.

Г и п о т е з а исследования состояла в том, что на данный момент, спустя менее, чем полвека, русизм *gulag* прочно закрепился в английском языке как в словарном режиме фиксации, так и в режиме реального функционирования.

2. Эксперимент [Experiment]

2.1. Материал и методика исследования [Material and methods]

Источниками языкового материала выступают электронные версии популярных британских и американских периодических изданий The Guardian, The Economist, The New York Times, новостные сайты, толковые словари и энциклопедии, а также материалы корпуса English Web 2020 (enTenTen20).

Для достижения достоверных результатов в работе применяется совокупность методов научного исследования: метод сплошной выборки фактического материала, метод лингвистического наблюдения, описания и систематизации, метод словарных дефиниций, компонентный и контекстуальный анализ, а также статистическая обработка данных.

2.2. Обсуждение результатов [Results and discussion]

*2.2.1. Семантические изменения русизма **gulag** в англоязычных средствах массовой информации [Semantic changes of the Russism **gulag** in English-language mass media]*

Толковый словарь русского языка С. И. Ожегова определяет слово *ГУЛАГ* [прописными буквами] как «Сокращение: Главное управление исправительно-трудовых лагерей, поселений и мест заключения (существовало в СССР в 1934−56 гг.)» [Ожегов, 2012, с. 131]. Эта словарная дефиниция коррелирует с толкованием понятия *gulag* одной из наиболее известных универсальных англоязычных энциклопедий Britannica: «Acronym of Glavnoye Upravleniye Ispravitelno-Trudovykh Lagerey, (Russian: Chief Administration of Corrective Labour Camps), system of Soviet labour camps and accompanying detention and transit camps and prisons that from the 1920s to the mid-1950s housed the political prisoners and criminals of the Soviet Union» (акроним Главного управления исправительно-трудовых лагерей, система советских трудовых лагерей и связанных с ними пересыльных пунктов и тюрем, в которых с 1920-х по середину 1950-х годов размещались политические заключенные и преступники Советского Союза) [Encyclopædia Britannica].

Словарь Webster's New World college dictionary фиксирует написание заимствованного слова *gulag*, его произношение в виде транскрипции [goo'läg]; принадлежность к именам существительным с помощью унифицированной лингвистической пометы n. (noun), отражает в первом лексическом значении его национальную маркированность, а также деонимизацию и расширение семантической структуры двумя лексико-семантическими вариантами (ЛСВ): «1. The system of prisons and labor camps, esp. for political prisoners, in the Soviet Union, with 'the' 2. Such a prison or forced-labor camp, as in the Soviet Union 3. Any place or situation regarded as like such a prison» (1. Система тюрем и трудовых лагерей, особенно для политических заключенных, в Советском Союзе 2. Такая же тюрьма или лагерь принудительных работ, как в Советском Союзе 3. Любое место или ситуация, напоминающие такую тюрьму) [Webster's..., 2004, с. 632].

В своём изначальном смысле с социально-политическим и правовым ореолом ксеноним *gulag* употребляется в статьях о советском прошлом, о лагерной системе изоляции и приобщения, с помощью принуждения, к перевоспитанию вредных для общества элементов в удалённых местах с экстремальными климатическими условиями (1):

(1) *His father, Alexander, a doctor in the Soviet military and a hero of the Revolution, fell out of favor with Joseph Stalin, the Soviet leader, and was banished in 1938 to a **gulag** in Siberia* [The New York Times, 07.06.2021] − 'Его отец, Александр, врач советской армии и герой революции, впал в немилость у советского лидера Иосифа Сталина и был сослан в 1938 году в ***ГУЛАГ*** в Сибири'.

Во втором словарном значении, лишенном исконно-национальной специфики, русизм *gulag* используется для описания трудовых концентрационных лагерей в Корейской Народно-Демократической Республике (2) и учреждений, исполняющих наказание в виде лишения свободы, в любых странах мира (Российской Федерации (3), Соединённых Штатах Америки (4), Китайской Народной Республике (5), Австралии (6) и др.), например:

(2) *The total number of prisoners held in **the North Korean gulag** is not known but one current estimate puts it at about 200,000, held in 12 or more centres* [The Guardian,

18.07.2002] − 'Общее число заключённых, содержащихся в ***северокорейском ГУЛАГе***, неизвестно, но, по одной из текущих оценок, оно составляет около 200 000 человек, содержащихся в 12 или более центрах'.

(3) *A day after protests swept across Russia in support of a jailed opposition leader, the authorities said Monday that some participants face harsh punishment, including spells in the prison system once known as the* ***gulag*** [The New York Times, 01.02.2021] − 'Через день после того, как по всей России прокатились протесты в поддержку заключенного в тюрьму лидера оппозиции, власти заявили в понедельник, что некоторым участникам грозит суровое наказание, в том числе тюремный срок в исправительных учреждениях, некогда известных как ***ГУЛАГ***.

(4) *She said the US claimed to be promoting freedom in Iraq, yet its troops had committed appalling torture and had ill-treated detainees. She described Guantánamo Bay as "the* ***gulag*** *of our time*" [The Guardian. 26.05.2005] − 'Она сказала, что США утверждали, что продвигают свободу в Ираке, однако их войска совершали ужасающие пытки и жестоко обращались с задержанными. Она описала залив Гуантанамо как «***ГУЛАГ*** нашего времени»'.

(5) *And few people even imagined that, within two years, China would be building a* ***gulag*** *in Xinjiang to incarcerate more than 1m ethnic Uyghurs because of their religious and cultural beliefs* [The Economist, 27.03.2021] − 'И мало кто даже предполагал, что в течение двух лет Китай построит ***ГУЛАГ*** в Синьцзяне, чтобы заключить в тюрьму более 1 миллиона этнических уйгуров из-за их религиозных и культурных убеждений'.

(6) *The truth is that there exist in our plain outer suburbs, such as Villawood in Sydney, and in our desert towns, such as Port Hedland in Western Australia, double-walled* ***gulags*** *for would-be refugees* [The Guardian, 21.02.2004] − 'Правда в том, что в наших равнинных пригородах, таких как Виллавуд в Сиднее, и в наших пустынных городах, таких как Порт-Хедленд в Западной Австралии, существуют ***ГУЛАГи*** с двойными стенами для потенциальных беженцев'.

Третье наиболее абстрактное значение возникло в результате переноса по сходству (метафоры). Произошла внутренняя перестройка в структуре исходного идентифицирующего ЛСВ (система советских трудовых лагерей и тюрем 1920-х − середины 1950-х гг.). Образовался новый ЛСВ квалитативного типа с широким кругом денотатов, которые могут обозначать любые предметы, объекты, признаки или события, актуализирующие ассоциации и эмоционально-оценочные характеристики, связанные с феноменом ГУЛАГа как пенитенциарного института. Этот процесс способствует расширению диапазона употребления слова, или его детерминологизации.

По лексической сочетаемости и синонимическим связям лексемы *gulag* в представленном ниже примере делаем вывод о формировании дифференциальной семы insane asylum or rehabilitation hospital (психиатрическая больница или реабилитационный центр), при этом общей семой, вероятно, выступают такие признаки, как принудительный характер и скверное медицинское обслуживание (7):

(7) *To protect society from the insane, feebleminded and physically defective, states invested enormous public capital in institutions, often scattered in remote areas. Into this state-created disability gulag people disappeared, one by one. [...] Today, more than 1.7 million mothers and fathers, daughters and sons, are lost in* ***America's disability gulag*** [The New York Times, 23.11.2003] − 'Чтобы защитить общество от безумных, слабоумных и физически неполноценных, штаты инвестировали огромный государственный капитал в учреждения, часто разбросанные в отдаленных районах. В этом созданном государством ***ГУЛАГе для инвалидов*** люди исчезали один за другим. [...] На сегодняшний день более 1,7 миллиона матерей и отцов, дочерей и сыновей погибли в американском ГУЛАГе инвалидов'.

Аналогичный перенос на основе общности ассоциативного признака − широкомасштабное истребление − наблюдаем в следующем словоупотреблении. Актуализиру-

ется потенциальная сема poultry slaughtering and processing facilities (предприятие по забою и переработке птицы) (8):

(8) *Two hundred of us work nights in the **"gulag"** as some of us call the giant chicken slaughterhouse and processing factory* [The Guardian, 09.02.1999] − 'Двести из нас работают по ночам в ***«ГУЛАГе»***, как некоторые из нас называют гигантскую линию убоя на птицефабрике'.

Следующий пример демонстрирует, как в результате введения в семантический фокус импликационных признаков «подчинение, эксплуатация» развивается ЛСВ colonial policy (колониальная политика) (9):

(9) *Her study, **Britain's Gulag**, chronicled how the British had battled this anticolonial uprising by confining some 1.5 million Kenyans to a network of detention camps and heavily patrolled villages. It was a tale of systematic violence and high-level cover-ups* [The Guardian, 18.08.2016] − 'В её исследовании ***«Британский ГУЛАГ»*** рассказывалось о том, как британцы боролись с антиколониальным восстанием, заключив около 1,5 миллиона кенийцев в сеть специальных лагерей и усиленно патрулируемых деревень. Это было повествование о систематическом насилии и масштабных сокрытиях'.

Как показывает эмпирический материал, анализируемое заимствование русского происхождения активно сочетается с исконными лексическими единицами, что, помимо развития новых ЛСВ, указывает на его семантическое освоение языком-реципиентом.

*2.2.2. Специфика адаптации русизма **gulag** к грамматической системе английского языка [Specificity of adaptation of the Russism **gulag** to the grammatical system of the English language]*

Грамматическая ассимиляция состоит в приобретении заимствованным словом новых грамматических категорий и парадигм по аналогии с английскими словами [Иванова, 2011, с. 297]. Исследование лексемы *gulag* в функциональном аспекте позволяет сделать вывод об обретении ею грамматических категорий числа и падежа, характерных для имени существительного в английском языке. Форма множественного числа образуется путем добавления окончания *-s* (10), притяжательный падеж передаётся при помощи флексии *-'s* с апострофом (11):

(10) *Today, Russia's **gulags** are long gone, as is the Communist Party of the Soviet Union that operated them* [The New York Times, 02.01.2019] − 'Сегодня российские ***ГУЛАГи*** давно исчезли, как и Коммунистическая партия Советского Союза, которая ими управляла'.

(11) *An extraordinary look at the **gulag's** impact on desperate individuals and families struggling to survive* [The New York Times, 02.12.2007] − 'Необычный взгляд на влияние ***ГУЛАГа*** на отчаявшихся людей и семьи, борющиеся за выживание'.

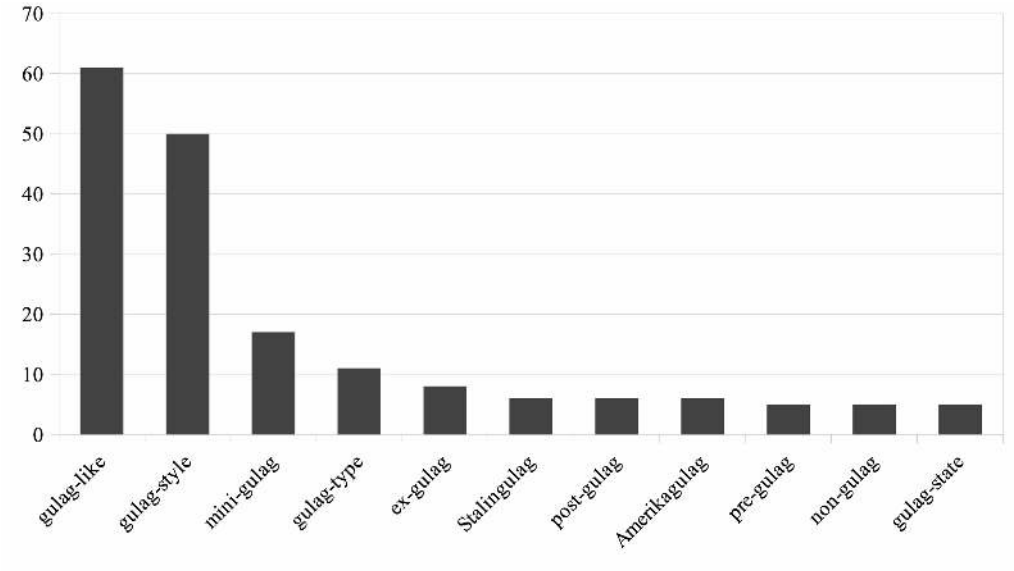
Кроме того, как любое исчисляемое существительное, русизм *gulag* сопровождается определённым *the* (12) или неопределённым *a* (13) артиклями, подчиняясь общим грамматическим правилам использования артиклей в английском языке:

(12) *Is Andrei Tarkovsky's Stalker about **the gulags**?* [The Guardian, 06.02.2009] − '«Сталкер» Андрея Тарковского − это фильм о ***ГУЛАГах***?'.

(13) *Surely the Chinese government was not running **a gulag** for Muslims?* [The Economist, 17.10.2020] − 'Действительно ли китайское правительство не устраивало ГУЛАГ для мусульман?'.

Будучи функционально активным (абсолютная частота в корпусе English Web 2020 (enTenTen20) − 24529), слово *gulag* достаточно быстро включилось в словообразовательную систему принимающего языка и приобрело гнездо производных слов: *gulag-like, gulag-style, mini-gulag, gulag-type, ex-gulag, Stalingulag, post-gulag, Amerikagulag, pre-gulag, non-gulag, gulag-state*. При составлении словообразовательного гнезда нами

исключались словоформы и рандомные лексемы с буквосочетанием *-gulag-*, автоматически отобранные корпусом. Словоупотребления с частотностью менее 5 информационно-справочной системой не учитывались (рис.1).

Р и с у н о к 1. **Частотность дериватов русизма *gulag* по материалам корпуса English Web 2020 (enTenTen20)**
[F i g u r e 1. **Frequency of derivatives of the Russism *gulag* based on the English Web 2020 Corpus (enTenTen20)**]

Словообразовательное гнездо составляют членимые гибридные слова, восходящие к одной корневой морфеме русского происхождения с добавлением к производящей основе морфем английского языка. Дериваты с разной частеречной принадлежностью − имя существительное (14) и имя прилагательное (15) − образованы продуктивными способами − аффиксацией (префиксацией и суффиксацией) и словосложением.

(14) *Reagan then championed draconian drug laws and «mandatory sentencing» rules that transformed the American justice system into a vast* ***gulag-state*** *that imprisons more people than any nation on earth* [Annoy.com] − 'Затем Рейган выступил в защиту драконовских законов о наркотиках и правил «обязательного вынесения приговоров», которые превратили американскую систему правосудия в огромное ***государство-ГУЛАГ***, в котором заключено в тюрьму больше людей, чем в любой другой стране на Земле '.

(15) *A jailed member of the Russian punk group Pussy Riot has been moved to solitary confinement the day after she announced a hunger strike in protest at* ***gulag-style*** *prison conditions* [The Guardian, 24.09.2013] − 'Заключённая в тюрьму участница российской панк-группы Pussy Riot была переведена в одиночную камеру на следующий день после того, как объявила голодовку в знак протеста против условий содержания в тюрьмах ***в стиле ГУЛАГа***'.

Словообразовательная активность русизма *gulag* и его грамматическое переоформление на почве принимающего языка − показатель высокой степени его освоенности. Высказывается также мнение о том, что «всякое слово, претерпевшее в воспринимающем языке адаптацию, связанную с использованием морфемных средств (исконных или нет), с точки зрения функционирующей системы уже не является собственно заимствованием, несмотря на то что всегда может указывать на свой иноязычный прототип. Или, говоря ещё проще, слово, над которым «поработал» язык-реципиент, − терминологически уже не заимствование» [Баш, 1989, с. 29].

*2.2.3. Функционально-прагматическая нагрузка русизма **gulag** в англоязычных интернет-публикациях [Functional and pragmatic load of the Russism **gulag** in English-language online media]*

Функциональный статус русизма *gulag* в англоязычных СМИ связан в первую очередь с его номинативным потенциалом: он обозначает новое понятие, отсутствующее в языке-реципиенте. Следовательно, для него характерны номинативная и коррелирующие с ней информативная, констатирующая и информационно-конкретизирующая функции, связанные с пополнением фонда читательских знаний фактами и событиями реального мира. Наиболее явно они проявляются в статьях и репортажах о судьбах советских политзаключённых и маховике сталинских репрессий. Следующий пример обнаруживает, как русизм *gulag* наряду с другими ксенонимами (*Stalin-era*, *Kolyma*, *Soviet-era*) вводится в англоязычный текст для создания аутентичного культурно-исторического фона (16):

(16) *But there are also signs of renewed interest in Stalin-era acts of repression among young Russians, including a 2019 YouTube documentary by the journalist Yury Dud about Kolyma, the site of a large Soviet-era **Gulag** camp, that became a breakaway hit with more than 20 million views* [The Guardian, 03.05.2020] − 'Но есть также признаки возобновления интереса к актам репрессий сталинской эпохи среди молодых россиян, в том числе документальный фильм журналиста Юрия Дудя на YouTube 2019 года о Колыме, месте большого лагеря ***ГУЛАГа*** советской эпохи, который стал хитом с более чем 20 миллионами просмотров'.

В подобных случаях русскоязычным заимствованиям может быть приписана общая позитивная прагматика, связанная с их способностью передавать значимую информацию.

В ряде контекстов выделяются воздействующая и информационно-пропагандистская функции. При этом, журналисты оперируют уже вторичными значениями, играя коннотациями. Например, в редакционной статье, названной «Lukashenko's Gulag» [The Guardian, 10.01.2011], проводятся ассоциативные параллели между диктаторским правлением белорусского президента и зловещей страницей в истории советского народа. Русизм, вынесенный в заголовок, прагматически маркирован, экстраполируя образ массового беззакония и преступного нарушения человеческих прав на политику другого государств, тем самым влияя на взгляды и поведение читательской аудитории. «Само введение чужеродного элемента обладает особой прагматикой: интертекстуальный знак воспринимается как средство экспрессии с коннотацией новизны» [Гаврилова, 2018, с. 15].

Стимулирование потребительского спроса на товары и услуги и стремление вызвать интерес потенциальных клиентов – спектр задач, нацеленный на реализацию рекламной и фатической функций. В очерке Кевина Бакстера (Kevin Baxter) о Цирке дю Солей, к примеру, лексема русского происхождения целенаправленно употребляется в значении своего аналога *military* (стилевое направление в одежде с использованием камуфляжа, военных ботинок, жетонов, нашивок, имитации погон и др.), привлекая внимание новизной и интригуя экзотичностью (17):

(17) *Here, it is nothing more than marching across the floor in **gulag-style** outfits, but it adds so much to the performance and the story* [Theme Park Insider] − 'Здесь это не что иное, как марш по залу в костюмах ***в стиле ГУЛАГа***, но это так много добавляет к спектаклю и истории'.

В перечень прагматических функций русизма *gulag* в англоязычном медиадискурсе могут быть внесены также экспрессивная и эмотивная, заключающиеся в способности выражать субъективное отношение автора публикации к обозначаемым

предметам и явлениям действительности через экспликацию ассоциативных признаков «нетипичной» лексической единицы. В случае с лексемой *gulag* − это в основном негативные, нелестные и неодобрительные эмоции, как, например, в заглавии статьи об импорте в Европу китайских товаров, предположительно произведённых в лагерях принудительного труда (18):

(18) *Europe eyes ban on* ***gulag-style*** *imports from China* [Terra Daily] − Европа рассматривает запрет на импорт товаров из китайских ***ГУЛАГов***.

Суммируя наблюдения над прагматическими возможностями русизма *gulag* в англоязычных средствах массовой информации, можно сделать вывод о его функциональном синкретизме.

3. Заключение [Conclusion]

На основании проведённого исследования можно сделать следующие выводы. Во-первых, СМИ создают коммуникативный фон, в который вовлекаются все члены социума, что, с одной стороны, отражает особенности речевой культуры и языкового сознания носителей языка, а с другой − оказывает значительное влияние на эволюцию языка в целом.

Во-вторых, заимствование русского происхождения *gulag* достаточно частотно в англоязычном медиапространстве. Попав в чужую языковую среду, оно получило лексикографическое описание, свободно сочетается с исконными лексическими единицами и развивает многозначность, что свидетельствует о его лексико-семантической ассимиляции в английском языке.

С опорой на материалы корпуса English Web 2020 (enTenTen20) и эмпирический материал выявлено подчинение русизма *gulag* английской грамматической системе по целому ряду параметров: лексема употребляется в типичных формах множественного числа и притяжательного падежа, оформляется определённым и неопределённым артиклями, приобретает способность к словопроизводству, при этом образование новых слов происходит по тем моделям, которые уже установились в языке.

Прагматический потенциал русизма *gulag* в англоязычных средствах массовой информации раскрывается широким кругом реализаций частных функций: номинативной, информативной, констатирующей, информационно-конкретизирующей, информационно-пропагандистской, воздействующей, рекламной, фатической, экспрессивной и эмотивной.

Результаты представленной работы могут найти применение при разработке курсов лексикологии, межкультурной коммуникации, лингвокультурологии, теории и практики перевода. Возможно дальнейшее продолжение исследования с расширением анализируемых языков и медийных дискурсов.

Источники иллюстративного материала

Annoy.com. URL : http://www.annoy.com/covers/doc.html?DocumentID=100625 (дата обращения : 17.07.2021).

Terra Daily. URL : https://www.terradaily.com/reports/Europe_eyes_ban_on_gulag-style_imports_from_China_999.html (дата обращения : 17.07.2021).

The Economist. URL : https://www.economist.com/ (дата обращения : 17.07.2021).

The Guardian. URL : https://www.theguardian.com/international (дата обращения : 17.07.2021).

The New York Times. URL : https://www.nytimes.com/ (дата обращения : 17.07.2021).

Theme Park Insider. URL : https://www.themeparkinsider.com/columns/kevin/87.cfm (дата обращения : 17.07.2021).

Библиографический список

Амосова, 1956 − Амосова Н. Н. Этимологические основы словарного состава современного английского языка. М. : Изд-во лит. на иностр. яз., 1956. 218 с.

Арнольд, 2012 − Арнольд И. В. Лексикология современного английского языка : учеб. пособие. 2-е изд., перераб. М. : Флинта ; Наука, 2012. 374 с.

Баш, 1989 − Баш Л. М. Дифференциация термина «заимствование» : хронологический и этимологический аспекты // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 1989. № 4. С. 20−34.

Блумфильд, 2002 − Блумфилд Л. Язык / пер. с англ. Е. С. Кубряковой и В. П. Мурат ; Коммент. Е. С. Кубряковой ; под ред. и с предисл. М. М. Гухман. 2. изд., стер. М. : УРСС, 2002. 606 с.

Богданова, 2015 − Богданова Л. И. Новые слова в аспекте взаимодействия языков и культур // Вестник Российского ун-та дружбы народов. Сер. : Лингвистика. 2015. № 2. С. 41−50.

Гаврилова, 2018 − Гаврилова И. А. Прагматический потенциал заголовков в правовой периодике // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах : материалы IX Международ. науч. конф., Челябинск, 18−20 апр. 2018 г. : в 2 т. Т. 2 / отв. ред. Л. А. Нефедова. Челябинск : Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2018. С. 13−16.

Заботкина, 1989 − Заботкина В. И. Новая лексика современного английского языка : учеб. пособие. М. : Высшая школа, 1989. 124 с.

Иванова, 2011 − Иванова Е. В. Лексикология и фразеология современного английского языка = Lexicology and Phraseology of Modern English : учеб. пособие. СПб. : Филологический факультет СПбГУ; М. : Академия, 2011. 352 с.

Кабакчи, 2015 − Кабакчи В. В. Реалии русской культуры в большом Оксфордском словаре // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2015. № 1 (45). С. 16−22.

Крысин, 1968 − Крысин Л. П. Иноязычные слова в современном русском языке. М. : Наука, 1968. 208 с.

ЛЭС, 1990 − Лингвистический энциклопедический словарь / науч.-ред. совет изд-ва «Сов. энцикл.», Ин-т языкознания АН СССР; гл. ред. В. Н. Ярцева. М. : Сов. энцикл., 1990. 685 с.

Марузо, 1960 − Марузо Ж. Словарь лингвистических терминов / пер. с фр. Н. Д. Андреева ; под ред. А. А. Реформатского ; предисл. В. А. Звегинцева. М. : Изд-во иностранной литературы, 1960. 436 с.

Ожегов, 2012 − Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка : Ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / под ред. проф. Л. И. Скворцова. 27-е изд., испр. М. : Оникс : Мир и образование, 2012. 736 с.

Попова, 2019 − Попова О. В. Сопоставительный анализ заимствований из русского языка в английском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. № 6. С. 222−226. https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.6.48

Халитова, 2016 − Халитова Л. К. Русизмы в современных англоязычных интернет-изданиях // Ученые записки Казанского ун-та. Сер. : Гуманитарные науки. 2016. Т. 158. № 5. С. 1404−1414.

Webster's..., 2004 − Webster's New World college dictionary. Ed. by M. Agnes, D. B. Guralnik. 4th edn. Indianapolis : Wiley Publ., 2004. 1716 p.

Beloglazova, 2019 − Beloglazova E. V. Russkij jazyk in native English-language fiction : towards the poetics of Russisms in non-Russian literature // Дискурс. 2019. Т. 5. № 3. С. 90−98. https://doi.org/10.32603/2412-8562-2019-5-3-90-98

Encyclopædia Britannica. URL : https://www.britannica.com/place/Gulag (дата обращения : 17.07.2021).

References

Amosova, N. N. (1956). *Etimologicheskie osnovy slovarnogo sostava sovremennogo angliyskogo yazyka* [Etymological bases of Modern English vocabulary]. Moscow : Literatura na inostrannykh yazykakh Press. (In Russ.).

Arnold, I. V. (2012). *Leksikologiya sovremennogo angliyskogo yazyka* [Lexicology of the modern English language] : A Coursebook. 2nd edn. Moscow : Flinta Press ; Nauka Press. (In Russ.).

Bash, L. M. (1989). Differentsiatsiya termina «zaimstvovanie» : khronologicheskiy i etimologicheskiy aspekty [Differentiation of the term «borrowing» : chronological and etymological aspects]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9. Filologiya* [Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology], 4, 20−34. (In Russ.).

Bloomfield, L. (2002). *Yazyk* [Language] : Ed. by M. M. Gukhman. 2nd edn. Moscow : URSS Press. (In Russ.).

Bogdanova, L. I. (2015). Novye slova v aspekte vzaimodeystviya yazykov i kultur [New words in interaction of languages and cultures]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Ser. : Lingvistika* [Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Linguistics], 2, 41−50. (In Russ.).

Gavrilova, I. A. (2018). Pragmaticheskiy potentsial zagolovkov v pravovoy periodike [Pragmatic potential of headlines in legal periodicals]. In L. A. Nefedova (Ed.), *Slovo, vyskazyvanie, tekst v kognitivnom, pragmaticheskom i kulturologicheskom aspektakh* [Word, Utterance, Text: Cognitive, Pragmatic and Cultural Aspects] : Proc. of IX International Conference, April 18−20, 2018 (Vol. 2, pp. 13−16). Chelyabinsk : Chelyabinsk State University Press. (In Russ.).

Zabotkina, V. I. (1989). *Novaya leksika sovremennogo angliyskogo yazyka* [New vocabulary of the modern English language] : A Coursebook. Moscow : Vysshaya shkola Press. (In Russ.).

Ivanova, E. V. (2011). *Leksikologiya i frazeologiya sovremennogo angliyskogo yazyka* [Lexicology and Phraseology of Modern English] : A Coursebook. Moscow : Akademiya Press. (In Russ.).

Kabakchi, V. V. (2015). Realii russkoy kultury v bolshom Oksfordskom slovare [The realia of Russian culture in the Oxford English Dictionary]. *Sotsialnye i gumanitarnye nauki na Dalnem Vostoke* [The Humanities And Social Studies in the Far East], 1 (45), 16−22. (In Russ.).

Krysin, L. P. (1968). *Inoyazychnye slova v sovremennom russkom yazyke* [Foreign words in Modern Russian]. Moscow : Nauka Press. (In Russ.).

Yartseva, V. N. (Ed.). (1990). *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar* [Linguistic encyclopedic dictionary]. Moscow : Sovetskaya entsiklopediya Press. (In Russ.).

Marouzeau, J. (1960). *Slovar lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms]. Translated from French by N. D. Andreev ; ed. by A. A. Reformatskiy ; foreword by V. A. Zvegintsev. Moscow : Inostrannaya literatura Press. (In Russ.).

Ozhegov, S. I. (2012). *Tolkovyy slovar russkogo yazyka : Ok. 100 000 slov, terminov i frazeologicheskikh vyrazheniy* [Explanatory dictionary of the Russian language: About 100,000 words, terms and phraseological expressions] : Ed. by L. I. Skvortsova. 27th edn. Moscow : Oniks Press ; Mir i obrazovanie Press. (In Russ.).

Popova, O. V. (2019). Sopostavitelnyy analiz zaimstvovaniy iz russkogo yazyka v angliyskom yazyke [Comparative analysis of the Russian borrowings in the English language]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], 12 (6), 222−226. (In Russ.). https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.6.48

Khalitova, L. K. (2016). Rusizmy v sovremennykh angloyazychnykh internet-izdaniyakh [Russianisms in Contemporary English Online Media]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya : Gumanitarnye nauki* [Proceedings of Kazan University. Humanities Series], 158 (5), 1404−1414. (In Russ.).

Agnes, M., Guralnik, D. B. (Ed.). (2004). *Webster's New World college dictionary*. 4th edn. Indianapolis : Wiley Publ.

Beloglazova, E. V. (2019). Russkiy yazyk in native English-language fiction: Towards the poetics of Russisms in non-Russian literature. *Discourse*, 5 (3), 90−98.https://doi.org/10.32603/2412-8562-2019-5-3-90-98

Encyclopædia Britannica. Retrieved July 17, 2021 from <https://www.britannica.com/place/Gulag>.

Статья поступила в редакцию 19.07.2021; одобрена после рецензирования 19.11.2021; принята к публикации 20.11.2021.
The article was submitted 19.07.2021; approved after reviewing 19.11.2021; accepted for publication 20.11.2021.

УДК 81'373 doi: 10.22250/24107190_2022_8_1_63

Грищенко Наталия Анатольевна✉, Васильева Дарья Олеговна
Сибирский федеральный университет
г. Красноярск, Российская Федерация
ashatanatal@mail.ru

Пополнение лексического состава английского языка в период пандемии Covid-19

Аннотация
В настоящей статье анализируются неологизмы, собранные за период пандемии COVID-19 на англоязычных новостных каналах Великобритании, США и Канады, англоязычных сайтах, а также на каналах популярных блогеров. В ходе исследования методом сплошной выборки идентифицировано около 140 неологизмов, которые были распределены по шести тематическим группам, отразившим новые тенденции в жизни людей и широкий срез остросоциальных проблем. Распределение по группам оказалось неравномерным. Высокая наполняемость групп с тематиками «эпидемиологические меры», «изоляция», «дискриминация / раскол» и низкая наполняемость групп экономической и цифровой тематик свидетельствуют о большей вовлечённости в обсуждение карантинных мер и негативного отношения к ним, нежели новшеств, связанных с цифровизацией сфер жизни людей. Далее в статье проводится анализ наиболее интересных неологизмов, объясняются их значения, уточняются способы их образования. Результаты показывают, что, поскольку лексический уровень языка является наиболее пластичным, он оперативно отреагировал на изменения в жизни общества, обогатив английский язык новыми лексическими единицами, возникшими в процессе пользования языком.

Ключевые слова: лексический запас, пандемия, словообразование, тематические группы, COVID-неологизмы

© Грищенко Н. А., Васильева Д. О. 2022

Для цитирования: Грищенко Н. А., Васильева Д. О. Пополнение лексического состава английского языка в период пандемии Covid-19 // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2022. Вып. 8, № 1. С. 63–71. https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_1_63

Nataliia A. Grischenko✉, Darya O. Vasilieva
Siberian Federal University
Krasnoyarsk, Russian Federation
ashatanatal@mail.ru

Enlarging the lexical body of the English language during the Covid-19 pandemic

Abstract
This article aims to analyze neologisms collected during COVID-19 pandemic from English news channels in the UK, USA and Canada, as well as from English sites and popular blogs. The material was collected using continuous sampling. As a result, about 140 units were identified as neologisms and further classified into 6 groups according to the current societal issues they denote. The distribution turned out unequal. The largest number of neologisms in the groups of “anti-epidemiological measures”, “isolation”, “discrimination/split” and much fewer units in “economy” and “digitalization” groups indicate considerably higher involvement in discussing quarantine measures and negative attitude towards them rather than novelties connected with

digitalization of different spheres in people's lives. The most interesting examples of neologisms are viewed with the focus on their meanings and word-building patterns. The findings show that English lexical system being the most flexible among other systems of the language, has given an immediate response to the changes of reality embracing the new lexical units generated during language use.

Keywords: vocabulary, pandemic, word formation, realm-based classification, COVID-neologisms

© Grischenko N. A., Vasilieva D. O. 2022

For citation: Grischenko, N. A., Vasilieva, D. O. (2022). Popolnenie leksicheskogo sostava angliyskogo yazyka v period pandemii Covid-19 [Enlarging the lexical body of the English language during the Covid-19 pandemic]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 8 (1), 63–71. https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_1_63

1. Введение [Introduction]

Пандемия COVID-19 оказала влияние на все сферы нашей жизни всех стран без исключения. Находясь, вероятно, всё ещё в воронке пандемии мы уже почувствовали, как изменяется всё, что нам казалось вполне стабильным: наша реальность, ставшая *новой реальностью* / *новой нормальностью* (*a New Normal*) и наши языки, обогатившиеся за это время новыми понятиями. Итак, вот уже более года мы наблюдаем «рождение» неологизмов, точнее, COVID-неологизмов, к которым лингвисты проявляют повышенное внимание. Эти неологизмы (способы образования, частотность, особенности функционирования) начали активно изучаться в китайском языке (в произведениях мастеров нематериальной культуры [Ли, Стародубцева, 2021], на материале ведущих СМИ [Васина, Тё, 2021]), русского [Громенко и др., 2021], казахского [Анищенко, Абуталипова, 2020 ; Borankulova, Proshina, 2021] и др. и, конечно, английского [Павлова, 2020 ; Al-Salman, Haider, 2021].

Существует ряд определений неологизма. D. Crystal рассматривает неологизм, как новый лексический элемент языка, принятый к использованию в обществе в отдельный период [Crystal, 2001]. P. Stenetorp, определяет неологизм, как лексему, не закреплённую в словаре [Stenetorp, 2010]. И. В. Арнольд описывает неологизм, как лексическую единицу, созданную по словообразовательным моделям или заимствованную для обозначения нового предмета или нового значения для уже существующего слова, вновь появившегося в языке на определенном этапе его развития [Арнольд, 2012]. В нашей работе мы объединили эти дефиниции, уточнив, что исследуем неологизмы английского языка, появляющиеся во время пандемии COVID-19.

Научная литература предлагает различные классификации неологизмов. В 1999 г. С. И. Алаторцевой была предложена классификация неологизмов по пяти основным характеристикам:

1) по форме языковой единицы (семантические, лексические, фразеологические) [Алаторцева, 1999, с. 18];

2) по принадлежности к языку – речи (узуальные, неузуальные);

3) по продолжительности существования;

4) по степени новизны (абсолютные, относительные) [Алаторцева, 1999, с. 24];

5) по цели формирования (номинативные, стилистические) [Алаторцева, 1999, с. 32].

Данная классификация используется нами, как основа для анализа лексических новообразований английского языка. Также, для уточнения способов формирования лексических неологизмов английского языка, мы используем классификацию И. А. Воробьевой, в которой исследователь перечисляет следующие способы: аффиксация,

обратное словообразование, конверсия, словосложение, усечение, аббревиация, акронимия, блендинг, удвоение [Воробьёва, 2019, с. 164].

2. Эксперимент [Experiment]

2.1. Материал и методика исследования [Material and methods]

За период (марта 2020–май 2021) были просмотрены и проанализированы на предмет наличия неологизмов следующие источники: трансляции наиболее известных новостных англоязычных каналов Великобритании, США, Канады (PBS NewsHour, Democracy NOW!, NBC NEWS, Fox NEWS channel, Talk RADIO, Global News – просмотр каналов происходил ежедневно). Для анализа материала привлекались данные нормативного толкового словаря Oxford English Dictionary, а также англоязычные сайты, которые, обрабатывались рандомно, по мере их появления в ленте поисковика google.com при запросах типа COVID, coronavirus infection и т. п. Также материал исследования включает в себя неологизмы «коронавирусной» тематики, извлечённые из подкастов англоязычных изданий и блогеров, на каналы которых была осуществлена подписка (Dr. John Campbell channel, Prof. Sam Vaknin channel, UnHerd with Freddie Sayers channel, DarkHourse Podcast Clips, Covexit News and Analysis и др.). Неологизмы отбирались методом сплошной выборки. Был собран материал в объёме около 140 неологизмов, часть которых проанализирована в данной статье. Для отобранного материала были применены методы контекстного, лексико-семантического и функционально-стилистического анализа. При составлении классификации неологизмов за основу была взята тематическая составляющая.

2.2. Обсуждение результатов [Results and discussion]

В соответствии с тематикой, собранный материал можно разделить на шесть основных тематических групп.

1. Неологизмы эпидемиологической ситуации и эпидемиологических мер (к этой категории были отнесены неологизмы, связанные с эпидемиологической ситуацией в обществе, борьбой с коронавирусной инфекцией): *COVID-19, novel coronavirus, Pandemic* (не является неологизмом в прямом смысле этого слова, однако в исследуемый период произошло сужение понятия с COVID-19 pandemic до Pandemic – образовался семантический неологизм), *corona, the rona, coronials (coronavirus+millennials), to flatten the curve, tier (tier covid lockdown system), Lockdown, Shutdown, Coronacare, PPE (personal protection equipment), to mask up (to put on a mask to protect yourself and others), quarantrolls (quarantine+trolls), QuaranTeens (quarantine+teenages), mitigation strategy, herd immunity, a New normal, elbump (elbow+bump / new way of greetings during pandemic), contact tracing, contact-tracer, COVID-curve, coronacation (coronavirus+ vacation), long-haulers, long COVID, jab, vaccine hunters, to have in arm (about vaccine), vaccine rollouts, to roll the sleeves (about vaccine), vaccine hesitancy, one-dose-summer, two-dose-summer, VITT (Vaccine-Induced Immune Thrombotic Thrombocytopenia – rare blood clots syndrome), COVID-19 fatigue, maskne (mask+acne), coronaphobia, short-term unknowns, long-term unknowns (биржевые термины, приобрели новое значение)* и др. (~50 единиц – 36%, Ранг 1).

2. Неологизмы изоляции (к этой категории были отнесены неологизмы, освещающие карантинные меры, принимаемые правительством в борьбе с распространением коронавирусной инфекции, и отражающие социально-психологические последствия данных изоляционных мер): *to cocoon, cocooning, to bubble up, COVID bubble, viral bubble, social bubble, support bubble, germ bubble, in person, shelter-in-place mode (order), self-quarantine, social-distancing, lockdown, lockdowners, to self-isolate, self-isolation,*

WFH (working from home), pillow work, loxit (lockdown + exit), a New normal, quaranteams (quarantine+team), homacation (home+vacation) и др. (~30 единиц – 21,5%, Ранг 2).

3. Неологизмы военной тематики (сравнение данного периода с военным временем): *frontline worker, anti-lockdown march, curfew, COVID outbreak* (термин был отнесён к данной группе, так как первоначальное его значение совмещает следующие явления: вспышка заболевания / начало военных действий), *COVID hot-spots, face shield* (термин был определён в данную группу по первоначальному значению одного из его элементов – *shield* 'доспехи для защиты тела во время боя') и др. (~10единиц – 7%, Ранг 4).

4. Неологизмы дискриминации / раскола (к этой категории были отнесены неологизмы, отражающие негативные последствия пандемии – рост насилия в обществе, рост уровня нетерпимости к мнению и поведению «другого»): *Anti-Asian Incidents, Racism-virus (по аналогии от Corona-virus), Chinese virus (дискриминация по национальному признаку), mask-shaming (психологическое давление на человека (посрамление), причиной которого является как ношение маски, так и её неиспользование), maskless, masklessness, anti-masker, "To mask, or not to mask", non-essential travelling, travel shaming (психологическое давление на человека (посрамление), причиной которого являются его поездки во время пандемии / стыд и вина которые испытывает сам человек в этой ситуации), super-spreader, super-spreading events, snitch line, snitcher, vaccine passport, immune passport, green pass, covid-refuser, covid-deniar, covidiot (covid+idiot), corohara (coronavirus+harassment)* и др. (~30 единиц – 21,5%, Ранг 2).

5. Неологизмы экономической тематики: *PPP (Paycheck protection Program), shecession, slowbalization* др. (10 единиц – 7%, Ранг 4).

6. Неологизмы цифровой тематики: *zoombombing, zoom fatigue, digital dark, Zoom mullet, homeference* и др. (~10 единиц – 7%, Ранг 4).

Отметим, что собранный материал демонстрирует многоаспектность влияния пандемии на общество. Наполняемость групп отражает повышенное внимание к принимаемым эпидемиологическим мерам и их беспрецедентность, а также выраженное негативное отношение к ним. В то же время, связанные с ковидом новшества в экономике и повышение уровня цифровизации сфер жизни общества, судя по проанализированному материалу, нашли отражение в английском языке в заметно меньшей степени.

Проанализируем наиболее интересные, на наш взгляд, примеры, свидетельствующие не только о процессе пополнения словарного запаса английского языка, причиной которого стала пандемия, но и способствующие выявлению социальных процессов, происходящих в обществе.

Одно из действительно новых понятий, появившихся за время пандемии, – это COVID-19. Данный неологизм является номинативным, так как называет совершенно новое явление, с которым пришлось столкнуться населению Земли. COVID-19 является лексическим неологизмом, образованным путём усечения двух существительных: *coronavirus+disease*, и добавлением к получившемуся неологизму числительного – 19, (2019), даты первой официально зафиксированной вспышки заболевания.

Вполне объяснимо, что немало неологизмов имеют COVID в качестве обязательного компонента, который сочетается с существительными *curve, fatigue, bubble, outbreak, hot-spots, refuser, deniar* в постпозиции, с прилагательным *long* в препозиции.

Covidiot – стилистический неологизм, эмоционально-экспрессивный с явным элементом агрессии, лексический неологизм, образованный путём блендинга: *covid +idiot* / сущ.+сущ. /, используется в отношении человека, который нарушает ограничения, введённые с целью предотвращения распространения инфекции, по степени новизны является абсолютным, поскольку называет феномен, не существовавший ранее (до периода пандемии). Наравне с ним в английском языке в данный момент циркулируют более нейтральные синонимы: *COVID-refuser, COVID-denier* [COVID19 refuser,

2021]. В русском языке данное явление также нашло своё отражение, вызвав к жизни такой неологизм, как *ковид-диссидент*.

COVID-пандемия изолировала людей от внешнего мира на уровне стран, регионов, семей, поместив нас в своего рода изоляционный пузырь. Это явление нашло отражение в английском языке в ряде неологизмов с корнем *bubble*, которые, в соответствии с предложенной классификацией, могут быть отнесены к неологизмам изоляции.

Оксфордский словарь [Hornby, 1995, p. 144] даёт следующее определение понятию *a bubble*.

1) плавательный пузырь, сформированный из жидкости и наполненный каким либо газом или воздухом;

2) область округлой формы из газа или воздуха, ограниченная стенками жидкости либо стекла.

Составные существительные, закреплённые в словаре: *bubble and squeak* 'жаркое из картошки и капусты'; *bubble bath* 'добавление в виде жидкости, кристаллов или порошка для образования пузырьков в воде и приятного запаха'; *bubble-gum* 'вид жевательной резинки, которая может быть использована для выдувания пузырей'.

К данному списку за период пандемии COVID-19 были добавлены следующие понятия: *germ-bubble* (сущ.+сущ.), *covid-bubble* (сущ.+сущ.), *viral bubble* (прил.+сущ.), *social bubble* (прил.+сущ.). Данные неологизмы являются лексическими неологизмами, образованными по образной аналогии путём сложения двух частей речи, общее значение которых включает в себя следующее: немногочисленное окружение (ограниченный круг), состоящее из определённых индивидов (членов семьи, друзей и др.), с которыми человек находится в постоянном контакте без использования масок и соблюдения социальной дистанции, так как каждый член группы чётко выполняет карантинные меры при общении с кем-либо за пределами данной группы. Появление таких «антиковидных пузырей» исходит из невозможности терпеть полную изоляцию длительное время и стремления к реальному человеческому общению для поддержания психического здоровья и позитивного психологического настроя человека, о чём говорят лексические неологизмы, синонимичные представленным ранее – *support bubble* (сущ.+сущ. – 'поддержка'+'пузырь') и *travel bubble* (сущ.+сущ. – 'путешествие'+'пузырь', характеризующий территорию с низким уровнем заражения, следовательно безопасную для посещения).

Была замечена определённая трансформация фразового глагола *to bubble up*. К значению данного фразового глагола 'бурлить, пузыриться, бить ключом' было добавлено дополнительное значение – 'создать изолированную группу для общения', что преобразовало его в семантический неологизм.

Особый интерес представляет семантический, экспрессивно-окрашенный неологизм с ирландскими корнями, созданный по образной аналогии – *to cocoon* (из группы неологизмов изоляции).

В оксфордском словаре [Hornby, 1995, p. 216] приведено следующее значение существительного и образованного от него методом конверсии глагола:

a cocoon

1) тонкое покрытие по подобию шелковых нитей, созданное личинками для собственной защиты;

2) любое мягкое защитное покрытие.

to cocoon ~ sb/sth (in sth) (from sth)(usu passive) – используется в пассивном залоге.

1) обмотать что-либо, кого-либо в мягкое защитное покрытие.

С начала пандемии глагол *to cocoon* укоренился как понятие напрямую относящиеся к локдауну. Правительство Ирландии настоятельно рекомендовало всем жителям старше семидесяти лет не покидать пределы своего дома – именно это значение и легло в основу данного семантического неологизма. По эмоционально-экспрессивной оценке

этот стилистический неологизм может иметь как положительную, так и отрицательную коннотацию в зависимости от ситуации использования и отношения говорящего к эпидемиологическим мерам. Неологизм имеет положительную коннотацию, если используется тем, кто является сторонником принятых эпидемиологических мер, при этом его значение будет близко к 'защитить'. Если же он используется *ковид-диссидентом*, данный глагол приобретает значение – 'изолировать, отрезать от общества'. Стоит добавить, что в настоящее время используются и производные этого неологизма *to be cocooned* 'быть в безопасности / быть изолированным', *cocooning* – понятие, обозначающее процесс сохранения / изолирования [Roberts, 2020].

Наше внимание привлекли некоторые стилистические неологизмы, выявляющие социально-экономические проблемы общества, возникшие или усугубившиеся во время пандемии.

snitch line (*hot line+snitch* on 'горячая линия+доносить' – «горячая линия» для информирования властей в случае, если вы являетесь свидетелем нарушения ограничений, введённых с целью предотвращения распространения инфекции) – стилистический неологизм, с яркой экспрессивной окраской, построенный методом словосложения по аналогии с уже существующей лексической единицей, появившийся в Канаде, выявляет отношение говорящего к происходящему в обществе.

shecession (*she+recession* / мест.+сущ. / 'она+упадок') – стилистический неологизм, образованный путём блендинга, выявляющий тот факт, что экономический спад, наблюдающийся как последствие пандемии и карантинных мер, особенно негативно отразился на жизни женщин) [Gupta, 2020].

slowbalization (*slow+globalization* / прил+сущ / 'медленный+глобализация') – стилистический неологизм, лексический неологизм, образованный путём блендинга, выявляющий тот факт, что процесс всемирной экономической, политической, культурной и религиозной интеграции и унификации, набирающий силу до пандемии, замедлит свой темп [Kupelian, 2020].

Помимо новых лексем, в данный период появились неологизмы идиоматического характера. Для более подробного рассмотрения мы предлагаем следующие идиомы:

to roll up one's sleeves – данная идиома уже была зафиксирована в Оксфордском словаре со значением 'приготовиться работать, приготовиться воевать, «засучить рукава»'. Начиная с момента внедрения идеи вакцинации и массовой пропаганды вакцинации, идиома, основываясь на своём буквальном смысле, – 'закатать рукава' – приобрела новое значение – 'быть готовым вакцинироваться'. Данный фразеологический семантический неологизм был использован в названии компании по продвижению вакцинации в Нью-Йорке – *"Roll Up Your Sleeve" campaign* [Roll up your sleeves…, 2021].

(not) out of the woods – В Оксфордском словаре данной идиоме дано следующее объяснение: быть вне опасности [Hornby, 1995 p. 1373]. За период пандемии данное идиоматическое выражение сузило свое значение до ситуации выздоровления именно от COVID-19.

to have in arm(s) – Данное словосочетание на сегодняшний день не закреплено в словаре в качестве фразеологизма, однако, с началом вакцинации частотность его использования (именно в такой зафиксированной форме) увеличилось в разы, и оно приобрело значение 'иметь возможность вакцинироваться от COVID-19'. Именно поэтому мы можем предположить, что данное выражение уже оформилось как неузуальный фразеологический неологизм и, возможно, в скором времени будет зафиксировано в словаре.

"To mask, or not to mask" – пример окказионального фразеологизма, построенного по аналогии с известной фразой из монолога Гамлета. Данный неологизм был использован в новостной трансляции Global National News (15.05.2021) при описании ситуации с возможной отменой ношения масок в результате активной вакцинации населения в США.

3. Заключение [Conclusion]

В ходе просмотра новостных англоязычных каналов, англоязычных сайтов и блогов было идентифицировано около 140 ковидных неологизмов, которые были распределены по шести тематическим группам. Самой крупной – ранг 1 – ожидаемо оказалась группа эпидемиологических мер, куда вошли около 36% найденных неологизмов. Ранг 2 был присвоен двум тематическим группам – изоляция и дискриминация / раскол – куда было отнесено около 21,5% единиц в каждую. На остальные группы пришлось около 10% на каждую. Такое распределение, во-первых, отражает важность принимаемых мер и широкую вовлечённость независимо от отношения к ним. Во-вторых, очевидно крайне негативное отношение к создавшейся ситуации, о чём свидетельствует сумма групп с рангом 2 – 43% всех неологизмов. В-третьих, поскольку военная, экономическая и цифровая тематики едва прошли порог статистической значимости (7% каждая), это говорит о том, что средства массовой информации и блогеры скорее отражают меры, их неприятие, а также их катастрофические психологические последствия для социума, нежели имеющую место перестройку сфер жизни на «цифровой лад», которая, впрочем, может быть объективно недостаточно выражена. Не исключено, что такой результат обусловлен спецификой анализируемого материала.

Насколько прочно выявленные неологизмы укоренятся в английском языке, как долго и как активно они будут использоваться, спрогнозировать сложно. Однако анализ собранного материала дал основание полагать, что английский язык, отреагировав на изменяющийся мир, уже пополнил и продолжает пополнять свой лексический запас неологизмами, различающимися по форме и методу формирования, по цели формирования и степени новизны. Предложенная классификация неологизмов даёт представление о новых тенденциях в жизни людей и о самых острых проблемах, с которыми общество столкнулось в период пандемии.

Библиографический список

Алаторцева, 1999 – Алаторцева С. И. Проблемы неологии и русская неография : автореф. дис. … д-ра филол. наук : 10.02.01. СПб, 1999. 40 с.

Анищенко, Абуталипова, 2020 – Анищенко О. А., Абуталипова Б. М. Пандемия коронавируса: новые русские и казахские слова в лексиконе казахстанцев // *Новые слова и словари новых слов*. 2020 : сб. науч. ст. / отв. ред. Н. В. Козловская. СПб. : Ин-т лингв. исслед. РАН, 2020. С. 28–33.

Арнольд, 2012 – Арнольд И. В. Лексикология современного английского языка. 2-е изд.,перераб. М. : ФЛИНТА ; Наука, 2012. 376 с.

Васина, Тё, 2021 – Васина, К. С., Тё, О. Е. Неологизмы в общественно-политических текстах на китайском языке в период пандемии коронавируса (COVID-19) // *Теоретическая и прикладная лингвистика*. 2021. Вып. 7, № 4. С. 16–28. https://doi.org/10.22250/2410-7190_2021_7_4_16_28

Воробьева, 2019 – Воробьёва И. А. Понятие «Неологизм». Классификация неологизмов в английском языке // *Вестник Хабаровского гос. ун-та экономики и права*. 2019. № 3 (101). С. 158–166.

Громенко, 2021 – Громенко Е. С., Павлова А. С., Приёмышева М. Н. О «ковидно-коронавирусных» процессах в русском языке 2020 года // *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*. 2021. Вып. 65 (1). С. 51–70. URL : https://akjournals.com/view/journals/060/65/1/article-p51.xml

Ли, Стародубцева, 2021 – Ли С., Стародубцева Н. С. Лозунги на работах мастеров нематериального культурного наследия Китая как средство борьбы с эпидемией коронавирусной инфекции (COVID-19) // *Теоретическая и прикладная лингвистика.* 2021. Вып. 7, № 3. С. 116–130. https://doi.org/10.22250/2410 7190_2021_7_3_116_130

Павлова, 2020 – Павлова А. С. Наименования коронавирусной инфекции COVID-19 в русском, английском и немецком языках: культурно национальная специфика // *Новые слова и словари новых слов.* 2020 : сб. науч. ст. / отв. ред. Н. В. Козловская. СПб. : Ин-т лингв. исслед. РАН, 2020. С. 126–139.

Al-Salman, Haider, 2021 – Al-Salman S., Haider A. S. COVID-19 trending neologisms and word formation processes in English // Russian Journal of Linguistics. 2021. Vol. 25 (1). P. 24–42. https://doi.org/10.22363/2687-0088-2021-25-1-24-42.

Borankulova, Proshina, 2021 – Borankulova B. E., Proshina Z. G. New vocabulary related to coronavirus: The potential of its use in the Kazakh language and the problem of translation. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 7 (3), 18–25. https://doi.org/10.22250/2410-7190_2021_7_3_18_25.

COVID-19 refuser, URL : https://www.covid19refusers.com (дата обращения : 17.05.2021).

Crystal, 2001 – Crystal D. Language and Internet. Cambridge, UK : CUP, 2001. 272 p.

Gupta, 2020 – Gupta A. H. Why some women call this recession “Shecession”, The New York Times. URL : https://www.nytimes.com/2020/05/09/us/unemployment-coronavirus-women.html (дата обращения : 17.05.2021).

Hornby, 1995 – Hornby A.S. Oxford Advanced Learner`s dictionary of current English. 5th edn. N.Y. : Oxford University Press, 1995. 1428 p.

Kupelian, 2020 – Kupelian B. Predictions for 2020: “Slowbalisation” is the new globalization. URL : https://www.pwc.com/gx/en/research-insights/economy/global-economy-watch/predictions-2020.html (дата обращения : 17.05.2021).

Roberts, 2020 – Roverts A. ‘Living in a cocoon’: As coronavirus pandemic grows longer, experts fear isolation’s impact on Baltimore-area seniors – Baltimore Sun. URL : https://www.baltimoresun.com/coronavirus/bs-hs-senior-mental-health-pandemic-20201117-4dekecoa7jacvost7ueepkinta-story.html (дата обращения : 17.05.2021).

Roll up your sleeves, get vaccinated New York, 2021. URL : https://covid19vaccine.health.ny.gov/roll-your-sleeve (дата обращения : 17.05.2021).

Stenetorp, 2010 – Stenetorp P. Automated Extraction of Swedish Neologisms using a Temporally Annotated Corpus : Master of Science Thesis. Stockholm, 2010. 62 p.

References

Alatortseva, S. I. (1999). *Problemi neologi I russkaya neografia* [Issues of neology and Russian neography] : Author’s abstract of Doctoral in Philological sci. diss. St Petersburg. (In Russ.).

Anishchenko, O. A., Abutalipova, B. M. (2020). Pandemiya Coronavirusa: novie russkie i kazachskie slova v leksikone kazakhstantsev [Coronavirus pandemic: New Russian and Kazakh words in the vocabulary of Kazakhstanis]. In N. V. Koxlovskaya (Ed.), *Novye slova i slovari novykh slov* [New words and dictionaries of new words] (pp. 28–33). St Petersburg : Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences. (In Russ.).

Arnold, I. V. (2012). *Leksikologiya sovremennogo angliyskogo yazika* [Lexicology of modern English]. Moscow : Nauka Press. (In Russ.).

Vasina, K. S., Te, O. E. (2021). Neologizmy v obshchestvenno-politicheskikh tekstakh na kitayskom yazyke v period pandemii koronavirusa (COVID-19) [Neologisms in socio-political texts in Chinese during the coronavirus (COVID-19) pandemic]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 7 (4), 16–28. (In Russ.). https://doi.org/10.22250/2410-7190_2021_7_4_16_28

Vorobyeva, I. A. (2019) Ponyatie “Neologizm”. Klassifikatsiya neologizmov v angliyskom yazyke [The definition of “Neologism”. Classifications of neologisms in the English language]. *Vestnik Khabarovskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava* [Vestnik: Khabarovsk State University of Economics and Law], 3 (101), 158–166. (In Russ.).

Gromenko, E. S., Pavlova, A. S., Priemysheva, M. N. (2021). O «kovidno-koronavirusnykh» protsessakh v russkom yazyke 2020 goda [An overview of the processes and innovations in Russian caused by the COVID-19 pandemic in 2020]. *Studia Slavica Academiae Scientiarum*

Hungaricae, 65 (1), 51–70. Retrieved from <https://akjournals.com/view/journals/060/65/1/article-p51.xml>. (In Russ.).

Borankulova, B. E., Proshina, Z. G. (2021). New vocabulary related to coronavirus: The potential of its use in the Kazakh language and the problem of translation. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 7 (3), 18–25. (In Russ.). https://doi.org/10.22250/2410-7190_2021_7_3_18_25.

Li, X., Starodubtseva, N. S. (2021). Lozungi na rabotakh masterov nematerial'nogo kul'turnogo naslediya Kitaya kak sredstvo bor'by s epidemiey koronavirusnoy infektsii (COVID-19) [Slogans on the works of masters of China's intangible cultural heritage as a means of combating the epidemic of coronavirus infection (COVID-19)]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 7 (3), 116–130. (In Russ.). https://doi.org/10.22250/2410-7190_2021_7_3_116_130.

Pavlova, A. S. (2020). Naiminovaniya coronovirusnoy infektsii COVID-19 v russkom, angliyskom i nemetskom yazikakh: kul'turno natsional'naya spezifika [The names of the COVID-19 coronavirus infection in Russian, English and German: Cultural and national specifics]. In N. V. Koxlovskaya (Ed.), *Novie clova I clovari novich slov* [New words and dictionaries of new words] (pp. 126–139). St Petersburg : Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences. (In Russ.).

Al-Salman, S., Haider, A. S. (2021). COVID-19 trending neologisms and word formation processes in English. Russian Journal of Linguistics, 25 (1), 24–42. https://doi.org/10.22363/2687-0088-2021-25-1-24-42.

COVID-19 refuser. Retrieved May 17, 2021 from <https://www.covid19refusers.com>.

Crystal, D. (2001). Language and Internet. Cambridge, UK : CUP.

Gupta, A. H. (2020). Why some women call this recession "Shecession", *The New York Times.* Retrieved May 17, 2021 from <https://www.nytimes.com/2020/05/09/us/unemployment-coronavirus-women.html>.

Hornby, A. S. (1995). *Oxford Advanced Learner`s dictionary of current English*. 5th edn. N.Y. : Oxford University Press.

Kupelian, B. (2020). *Predictions for 2020: "Slowbalisation" is the new globalization*. Retrieved May 17, 2021 from <https://www.pwc.com/gx/en/research-insights/economy/global-economy-watch/predictions-2020.html>.

Roverts, A. (2020). *'Living in a cocoon': As coronavirus pandemic grows longer, experts fear isolation's impact on Baltimore-area seniors – Baltimore Sun*. Retrieved May 17, 2021 from <https://www.baltimoresun.com/coronavirus/bs-hs-senior-mental-health-pandemic-20201117-4dekecoa7jacvost7ueepkinta-story.html>.

Roll up your sleeves, get vaccinated New York, 2021. Retrieved May 17, 2021 from <https://covid19vaccine.health.ny.gov/roll-your-sleeve>.

Stenetorp, P. (2010). *Automated Extraction of Swedish Neologisms using a Temporally Annotated Corpus* : Master of Science Thesis. Stockholm.

Статья поступила в редакцию 20.05.2021; одобрена после рецензирования 25.01.2022; принята к публикации 31.01.2022.
The article was submitted 20.05.2021; approved after reviewing 25.01.2022; accepted for publication 31.01.2022.

УДК: 811.161.1 doi: 10.22250/24107190_2022_8_1_72

Каксин Андрей Данилович
Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова
г. Абакан, Российская Федерация
adkaksin@yandex.ru

Замечания, наставления, расспросы: разнообразие речевых жанров в поэме Н. В. Гоголя «Мёртвые души»

Аннотация
Статья основана на одной из возможных модификаций широко известной в лингвистике теории речевых актов – классификации жанровых форм в аспекте прагматики. Исследование нацелено на выявление возможностей отражения разнообразия речевых актов в отдельно взятом художественном произведении. Гипотеза исследования состояла в том, что в художественном произведении возможна яркая репрезентация очень многих жанров речевой практики. Источником материала для исследования послужило одно из выдающихся произведений русской классической литературы – поэма Н. В. Гоголя «Мёртвые души». Из поэмы методом сплошной выборки были отобраны реплики главных и второстепенных героев, а также слова автора, содержащие речевые практики, вербализующие черты русского этнического характера. В ходе контекстного анализа выявлено девять таких черт и соответствующих им речевых практик: 1) религиозность (проповедь, покаяние, молитва, исповедь, раскаяние, хула, благодарение), 2) желание жаловаться на судьбу (плач), 3) любопытство (расспросы, замечания), 4) страсть помещиков к азартным играм (реплики картёжников, спор, расспрос, убеждение), 5) желание привлечь внимание («свойский» разговор), 6) несговорчивость (молчание), 7) строгость к слугам и детям (наставление, повеление, приказ, требование), 8) эмоциональность (повторение, крик), 9) непостижимость (невысказанная мысль, песня). В них характерно употребление глаголов, наречий и деепричастий, существительных, прилагательных и причастий, а также клише и стилистически окрашенных конструкций, вербализующих указанные черты и практики.

Ключевые слова: прагматика, речевой акт, жанр речевой практики, вербализация, лексическая единица, клише, стилистически окрашенная конструкция

© Каксин А. Д. 2022

Для цитирования: Каксин А. Д. Замечания, наставления, расспросы: разнообразие речевых жанров в поэме Н. В. Гоголя «Мёртвые души» // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2022. Вып. 8, № 1. С. 72–81. https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_1_72

Andrey D. Kaksin
Katanov Khakass State University
Abakan, Russian Federation
adkaksin@yandex.ru

Comments, instructions, inquiries: Variety of speech genres in the poem of N. V. Gogol “Dead souls”

Abstract
The article is based on one of the modifications of the widely known theory of speech acts in linguistics – the classification of genre forms in the aspect of pragmatics. The research aimed to reveal the possibilities for reflecting various speech acts in a single work of fiction. The hypothesis was that in a single work of fiction, a considerable amount of speech practices genres can be brightly represented. The source of the material for the study was N. V. Gogol’s poem “Dead souls” – one of the outstanding works of Russian classical literature.

Continuous sampling was used to select the characters' utterances and the author's remarks containing speech practices that verbalize ethnic Russian character traits. During contextual analysis, 9 traits were identified, each characterized by corresponding practices: 1) religiousness (preaching, penance, prayer, confession, repentance, blasphemy, thanksgiving), 2) a desire to complain (cry), 3) inquisitiveness (questions, comments), 4) landowners' passion for gambling (gamblers' shouts, hot discussions, inquiry, persuasion), 5) desire to attract attention («friendly» talk), 6) intractability (silence), 7) strictness to servants and children (guidance, command, order, demand), 8) emotionality (repetition, shout), 9) impossibility to understand (unuttered thought, song). These practices are characterized by the use of verbs, adverbs and adverbial participles, nouns, adjectives and participles, cliches and stylistically colored patterns that verbalize the traits.

Keywords: pragmatics, speech act, speech practice genre, verbalization, lexical unit, cliche, stylistically colored pattern

© Kaksin A. D. 2022

For citation: Kaksin, A. D. (2022). Zamechaniya, nastavleniya, rassprosy: raznoobrazie rechevykh zhanrov v poeme N. V. Gogolya «Mertvye dushi» [Comments, instructions, inquiries: Variety of speech genres in the poem of N. V. Gogol "Dead souls"]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 8 (1), 72–81. https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_1_72

1. Введение [Introduction]

Теория речевых актов, в своей целостности и завершённости, сложилась в середине XX в., и далее успешно развивалась совместными усилиями философов, логиков, лингвистов и психологов. Согласно одному из известных определений, любой речевой акт как «единица нормативного социоречевого поведения» обладает такими признаками, как «намеренность (интенциональность), целеустремлённость и конвенциональность. Речевые акты всегда соотнесены с лицом говорящего» [Арутюнова, 1990 b, с. 412]. Таким образом, речевые акты – это целенаправленные речевые действия, совершаемые в соответствии с принципами и правилами речевого поведения (осознаваемыми, прежде всего, самим говорящим). К числу подобных актов можно отнести, к примеру, такие прагматические разновидности речи как «сообщение, вопрос, приказ, просьба, совет, обещание, извинение, приветствие, жалоба» [Арутюнова, 1990 a, с. 390]. Данная теория возникла на основе осознания факта, что человеческая речь успешно сегментируется и, прежде всего, в отношении общей целесообразной интонации (повествование – вопрос – побуждение).

Выделение жанров основывается на том же принципе, но предполагает, что это первоначальное деление имеет дальнейшее расширение и уточнение. Разнообразие частных реализаций (каждого из видов речевых актов) обусловлено огромным числом потенциальных ситуаций речи, а одной из наиболее важных переменных при их исчислении выступает личность адресата (собеседника). Обстановка в момент речи, намерение, цель говорящего лица, а также и расчёт на определённую реакцию собеседника (или других лиц), – всё вместе влияет на форму и содержание высказывания, придаёт ему связность и цельность [Леонтьев, 1976 ; Гак, 1990, с. 90].

Выявляется несколько оснований таксономии речевых жанров, соответственно, возникает несколько видов классификаций. Внутривидовая разница определяется, как правило, степенью детализации. При этом с самого начала надо постулировать наличие первичных, всеобщих, можно сказать – нейтральных, высказываний. К самым распространённым жанрам речевой практики можно отнести: реплики, разговор, фразы, мысли (вслух), рассказы, вопросы, расспросы, просьбы, наставления, требования, повеления. Жанровые формы поддаются таксономии на многих основаниях: по объёму, преобладающей интонации, форме сопровождения жестами и мимикой, преобладанию в устной или письменной форме. Можно анализировать их по стилистике, степени много-

значности, наличию (или отсутствию) оценки, способу проявления (в том числе – имплицитного) [Чуханова, 2009 ; Трегубов, 2011 ; Каксин, 2018, с. 68–69 ; Радомская, 2020].

Исследователями давно доказано, что в речевой практике имеются жанры, явно соотносимые с той или иной сферой деятельности человека, и есть речевые произведения, достаточно сильно привязанные к определённой исторической эпохе или этнической культуре [Туфанова, 2015 ; Трофимова, 2017 ; Крейдлин, 2017, 2018 ; Люстров, 2019]. Таковым является и выбранное для анализа произведение – поэма Н. В. Гоголя «Мёртвые души», отражающее жизнь в российской глубинке в середине XIX века.

Ц е л ь исследования – выявить возможности отражения разнообразия речевых актов с характерными чертами соответствующей эпохи в данном художественном произведении. Г и п о т е з а исследования состояла в том, что в художественном произведении, в нашем случае – в поэме «Мёртвые души», возможна яркая репрезентация очень многих жанров речевой практики.

2. Многообразие речевых жанров в поэме «Мёртвые души» [Variety of speech genres in “Dead souls”]

2.1. Материал и методика исследования [Material and methods]

Материалом для исследования послужили реплики героев поэмы и слова автора, которые были отобраны методом сплошной выборки. Основанием для отбора послужило наличие лексем со значением речевого действия (т. е. глаголов говорения и их производных). Всего было отобрано около 200 реплик, которые подверглись дальнейшей обработке с помощью контекстного анализа. В ходе анализа были выявлены черты эпохи и русской этнической культуры в это время. Эти черты были соотнесены с найденными в произведении речевыми практиками.

2.2. Обсуждение результатов [Results and discussion]

В результате исследования выявлено девять черт палитры русского этнического характера, сформированного в глубинке в середине XIX века (табл. 1).

Т а б л и ц а 1. **Этнические черты и речевые практики**
[T a b l e 1. **Ethnic features and speech patterns**]

№ п/п	Черта характера	Речевые практики
1	религиозность	проповедь, покаяние, молитва, исповедь, раскаяние, хула, благодарение
2	желание жаловаться на судьбу	плач
3	любопытство	расспросы, замечания
4	страсть помещиков к азартным играм	реплики картёжников, спор, расспрос, убеждение
5	желание привлечь внимание	«свойский» разговор
6	несговорчивость	молчание
7	строгость к слугам и детям	наставление, повеление, приказ, требование
8	эмоциональность	повторение, крик
9	непостижимость	невысказанная мысль, песня (лирические отступления)

Приступим к иллюстрации и анализу выявленных черт и речевых практик. Если посмотреть на изображение Гоголем жизни в российской глубинке в середине XIX века, можно заметить, что часть людей достаточно религиозна, и в этой среде частотны такие жанры речевой практики, как проповедь, покаяние, молитва, исповедь, раскаяние, хула, благодарение. В этом плане можно, видимо, дать соответствующее определение и репликам Коробочки, для которой так характерно частое упоминание бога. Возможно, что помещица действительно религиозна, вера её – искренняя, оттого и в речь её органично вплетены соответствующие формулы:

– *Святители, какие страсти!* [Гоголь, 2008, с. 45].

– *Дай бог, чтобы прошло!* [Гоголь, 2008, с. 47].

– *Да беда, времена плохи, вот и прошлый год был такой неурожай, что боже храни* [Гоголь, 2008, с. 48].

– *Бог приберёг от такой беды, пожар бы ещё хуже; сам сгорел, отец мой* [Гоголь, 2008, с. 49].

– *С нами крестная сила!* [Гоголь, 2008, с. 52].

– *Ох, не припоминай его, Бог с ним!* [Гоголь, 2008, с. 53].

Эта характеристика Коробочки – конечно, не единственная: более полно она предстаёт в других эпизодах, а также и в том обобщённом представлении такого типа помещиц, которое автор даёт вначале, при первом появлении Коробочки. Важно то, что в нём упоминается особенность речи, характерная для таких людей – они «плачутся»:

Минуту спустя вошла хозяйка, женщина пожилых лет, в каком-то спальном чепце, надетом наскоро, с фланелью на шее, одна из тех матушек, небольших помещиц, которые плачутся на неурожаи, убытки и держат голову несколько набок, а между тем набирают понемногу деньжонок в пестрядевые мешочки, размещённые по ящикам комодов [Гоголь, 2008, с. 43].

Вообще, такого рода «плач» можно отнести к достаточно распространённым, обыденным речевым практикам.

В повседневной жизни люди пользуются в основном нейтральными жанрами речевых практик (в том числе – в письменном их виде). Среди наиболее употребительных (они фигурируют и в «Мёртвых душах») – записки, афиши, слухи, известия, разговоры, комплименты, приказания, просьбы, расспросы. В ходе анализа выявлено, что именно расспросы очень часто фигурируют в начальных главах поэмы. Изредка упоминания о них встречаются и в последующем повествовании. Ситуаций с этим речевым жанром в «Мёртвых душах» так много, что вполне можно составить отдельную классификацию расспросов.

Все вышеназванные и многие другие речевые жанры достаточно полно представлены в бессмертном творении Н. В. Гоголя. Уже в первом абзаце поэмы, живописующем въезд героя в ворота гостиницы губернского города, упоминается о такой характерной речевой практике, как замечания (в последующем – разговор):

… Только два русские мужика, стоявшие у дверей кабака против гостиницы, сделали кое-какие ***замечания****, относившиеся, впрочем, более к экипажу, чем к сидевшему в нём. «Вишь ты, – сказал один другому, – вон какое колесо! Что ты думаешь, доедет то колесо, если б случилось, в Москву или не доедет?» – «Доедет», – отвечал другой. «А в Казань-то, я думаю, не доедет?» – «В Казань не доедет», – отвечал другой. Этим* ***разговор*** *и кончился* [Гоголь, 2008, с. 5].

Как видим, в целом сцена названа разговором, но вначале употреблён более ёмкий и точный термин (для характеристики реплик персонажей) – это именно «замечания». Замечания, по сравнению с разговором, более объёмны, информативны, поскольку в них содержится оценка. В определённых случаях возможна и очень строгая оценка – «указание на ошибку; выговор» [Ожегов, Шведова, 1992, с. 215]. Но в этой сцене случайные прохожие ограничиваются лишь краткими оценочными суждениями.

Далее на страницах поэмы мы находим ещё более выразительные характеристики речи героев, причём всех – и главных, и второстепенных, и мимолётных. Постепенно, привыкнув к авторской манере, мы удостоверяемся в том, что каждая из этих характеристик дана не случайно: писатель опирается на своё знание жизни, он стремится к реалистичному её изображению. Многоголосье является неотъемлемым свойством человеческой жизни; в ней существует огромное множество речевых нюансов. Уже в первой главе поэмы мы встречаем упоминания о таких речевых практиках, как называние (напр., *их* ***называют***), вопросы из любопытства (интересоваться *о всех подробностях проезжающего*), советы (***советы*** *везших их курьеров*), наставления (*снабжая приличными* ***наставлениями****, как закутываться*), повеления (***велел*** *подать себе обед*), расспросы (***заставил*** *слугу* ***рассказывать*** *всякий вздор*), стандартные ответы (половой, по обыкновению, отвечал), пустые разговоры (***поговорить*** *с слугою*), подробные расспросы (*расспросил внимательно о состоянии края*), приказы (***приказал*** *отвести себя в нумер*) и т. д.

Но особенно показательно, в части речевых характеристик, завершение первой главы. Оно пестрит замечаниями о характере речи героев – то во время карточной игры, то в перерывах между танцами на губернаторской вечеринке, а также и по её завершении. Очень интересно, по-особенному, высказываются персонажи, играющие в вист. Заметно, что у каждого из них есть свои любимые выражения при игре в карты:

Выходя с фигуры, он [почтмейстер] ударял по столу крепко рукою, ***приговаривая****, если была дама «Пошла, старая попадья!», – если же король: «Пошёл, тамбовский мужик!» А председатель* ***приговаривал****: «А я его по усам! А я её по усам!» Иногда при ударе карт по столу* ***вырывались выражения****: «А! была не была, не с чего, так с бубен!» Или же просто* ***восклицания****: «черви! червоточина! пикенция!» или: «пикендрас! пичурущих! пичура!» и даже просто: «пичук!» – названия, которыми перекрестили они масти в своём обществе* [Гоголь, 2008, с. 14].

Как видим, игра в карты – особый вид времяпровождения, и для него характерны особого типа выражения. Примечательно то, что в этом случае происходит сближение людей в манере речи. Но вне игры каждый из героев демонстрирует свой особенный стиль речи, стиль, являющийся речевой репрезентацией характера в целом:

По окончании игры ***спорили****, как водится, довольно* ***громко****. Приезжий наш гость также* ***спорил****, но как-то* ***чрезвычайно искусно****, так что все видели, что он спорил, а между тем* ***приятно спорил****. Никогда он* ***не говорил****: «вы пошли», но: «вы изволили пойти», «я имел честь покрыть вашу двойку» и тому подобное. … Он тотчас же* ***осведомился*** *о них [о Манилове и Собакевиче]… **Несколько вопросов****, им сделанных, показали в госте не только любознательность, но и основательность; ибо* ***прежде*** *всего* ***расспросил*** *он, сколько у каждого из них душ крестьян и в каком положении находятся их имения, а* ***потом уже осведомился****, как имя и отчество. … [Манилов] очень долго жал ему руку и* ***просил убедительно*** *сделать ему честь своим приездом в деревню… На что Чичиков с весьма вежливым наклонением головы и искренним пожатием руки* ***отвечал****, что он не только с большою охотою готов это исполнить, но даже почтёт за священнейший долг. Собакевич тоже* ***сказал несколько лаконически****: «И ко мне прошу»* [Гоголь, 2008, с. 14–15].

По завершении данного эпизода можно сделать вывод о том, что и в этом случае Чичиков проявляет свои актёрские способности: чтобы достичь своей цели, ему нужно привлечь внимание определённых лиц. Это ему удаётся именно потому, что он умеет по-свойски разговаривать с разными по характеру людьми. Всякий раз он искусно меняет общий стиль беседы, чтобы заинтересовать собеседника. Речевые пристрастия Манилова и Собакевича в целом соответствуют их общему облику: Манилов – сладкий до приторности, и речь его также – витиеватая и сладко-тягучая; Собакевич – краток, основателен, деловит и по внешнему, и по речевому облику. Далее появляется ещё один яркий персонаж.

На другой день Чичиков отправился на обед и вечер к полицеймейстеру… Там, между прочим, он познакомился с помещиком Ноздрёвым, человеком лет тридцати, разбитным малым, который ему после трёх-четырёх слов начал ***говорить «ты»****. С полицеймейстером и прокурором Ноздрёв тоже* ***был на «ты»*** *и* ***обращался по-дружески*** [Гоголь, 2008, с. 15].

Относительно этого героя сразу становится ясно: речевые манеры выдают в Ноздрёве человека резкого, открытого и бесшабашного.

По прочтении первой главы можно смело предполагать, что на страницах поэмы можно встретить ещё много эпизодов, живописующих речевую сторону поведения героев. К примеру, интересно общение господ со слугами. Слуга Чичикова Петрушка неразговорчив: он, безусловно, имеет своё мнение, но его не высказывает. Нельзя сказать, что он игнорирует воззвания хозяина, но старается не обращать на них внимания.

Чичиков, будучи человек весьма щекотливый и даже в некоторых случаях привередливый, потянувши к себе воздух на свежий нос поутру, только помарщивался да встряхивал головою, ***приговаривая****: «Ты, брат, чёрт тебя знает, потеешь, что ли. Сходил бы ты хоть в баню». На что Петрушка ничего* ***не отвечал*** *и старался тут же заняться каким-нибудь делом… Что думал он в то время, когда* ***молчал****, – может быть, он* ***говорил про себя****: «И ты, однако ж, хорош, не надоело тебе сорок раз повторять одно и то же», – бог ведает, трудно знать, что думает дворовый крепостной человек в то время, когда барин ему даёт* ***наставление*** [Гоголь, 2008, с. 18].

Показательно то, что именно с образом Петрушки легко соотносится сентенция о том, что иногда молчание красноречивее всяких слов.

В упомянутой мизансцене встретилось слово *наставление* – этим словом обозначается один из разрядов большого класса побудительных высказываний. Конечно, упоминаемое наставление Чичикова Петрушке – не единственное в поэме. Далее в тексте встречаются самые разные сцены бесед господ со слугами в подобном режиме. Это целый спектр речевых идиом, ранжировать которые можно по степени остроты, накала требований господина по отношению к своему подчиненному. Вот, к примеру, как легковесно и однообразно протекают беседы Манилова с его приказчиком и мужиками.

Когда приказчик ***говорил****: «Хорошо бы, барин, то и то сделать», – «Да, недурно», –* ***отвечал*** *он обыкновенно, куря трубку … «Да, именно недурно», –* ***повторял*** *он. Когда приходил к нему мужик и, почесавши рукою затылок,* ***говорил****: «Барин, позволь отлучиться на работу, подать заработать», – «Ступай», –* ***говорил*** *он, куря трубку, и ему даже в голову не приходило, что мужик шёл пьянствовать* [Гоголь, 2008, с. 23].

И в этой, и в других сценах Манилов склонен выражаться нетребовательно, мягко, обтекаемо.

Коробочка более адекватна и в обращении к приехавшему незнакомцу, и в своих распоряжениях слугам (форма – повелительное наклонение, чёткие директивы типа *принеси, возьми, просуши* и т. д.):

– Вот здесь и расположитесь, батюшка, на этом диване. Эй, Фетинья, ***принеси*** *перину, подушки и простыню. …*

– Слышишь, Фетинья! … Ты ***возьми*** *ихний-то кафтан вместе с исподним и прежде* ***просуши*** *их перед огнем, как делывали покойнику барину, а после* ***перетри*** *и* ***выколоти*** *хорошенько* [Гоголь, 2008, с. 44–45].

Как видим, Коробочка не особо изыскана в искусстве речи: её обращение даже к Чичикову – незатейливое, а уж указания служанке – вовсе просты, предельно точны и конкретны. Определённые речевые клише, в части наставлений, свойственны, конечно, и остальным героям. Образцом родительского напутствия являются, безусловно, слова старшего Чичикова. Предназначены они для усвоения сыном, остающимся учиться в городе. Особенно показательно то, что в этой тираде неосознанно, но как будто очень

умело, переплетены прямые предостережения (*не дури, не повесничай*) и апелляция к неким отрицательным жизненным примерам (*товарищи добру не научат; приятель надует и выдаст*). В этом случае речь героя пестрит изъявительными конструкциями (есть в них и легкая патетика):

При расставании слёз не было пролито из родительских глаз; дана была полтина меди на расход и лакомства и, что гораздо важнее, умное наставление: «Смотри же, Павлуша, учись, не дури и не повесничай, а больше всего угождай учителям и начальникам. Коли будешь угождать начальнику, то, хоть и в науке не успеешь и таланту Бог не дал, всё пойдёшь в ход и всех опередишь. С товарищами не водись, они тебя добру не научат; а если уж пошло на то, так водись с теми, которые побогаче, чтобы при случае могли быть тебе полезными. Не угощай и не потчевай никого, а веди себя лучше так, чтобы тебя угощали, а больше всего береги и копи копейку: эта вещь надёжнее всего на свете. Товарищ или приятель тебя надует и в беде первый тебя выдаст, а копейка не выдаст, в какой бы беде ты ни был. Всё сделаешь и всё прошибёшь на свете копейкой» [Гоголь, 2008, с. 227–228].

Возвращаясь к Ноздрёву, отметим, что в его манере речи присутствует высоко эмоциональное начало. Речь этого персонажа, не только со слугами, но и равными себе, поражает также своей беглостью и непредсказуемостью. Он со всеми на «ты», часто позволяет себе самое бесцеремонное обращение (в том числе с малознакомыми людьми). В его речи часты грубые, просторечные выражения. Кроме того, Ноздрёв очень подвижен, у него очень живое лицо; так что всегда выразительны его мимика и жестикуляция:

– Так ты не хочешь доканчивать партии? – ***повторил*** *Ноздрёв* ***с лицом, горевшим, как в огне****.*

– Если бы ты играл, как прилично честному человеку. Но теперь не могу.

– А! так ты не можешь, подлец! Когда увидел, что не твоя берет, так и не можешь! Бейте его! – ***кричал*** *он* ***исступленно****, обратившись к Порфирию и Павлушке, а сам* ***схватил в руку*** *черешневый чубук* [Гоголь, 2008, с. 85].

Чтобы еще выразительнее передать оттенки речевого поведения Ноздрёва, автор обращается к приёму образного сравнения:

– Бейте его! – ***кричал*** *Ноздрёв,* ***порываясь вперёд*** *с черешневым чубуком, весь в жару, в поту, как будто подступал под неприступную крепость. – Бейте его! –* ***кричал*** *он таким же голосом,* ***как*** *во время великого приступа* ***кричит*** *своему взводу: «Ребята, вперёд!» – какой-нибудь* ***отчаянный поручик****, которого взбалмошная храбрость уже приобрела такую известность, что дается нарочный приказ держать его за руки во время горячих дел. Но поручик уже почувствовал бранный задор, все пошло кругом в голове его; перед ним носится Суворов, он лезет на великое дело. «Ребята, вперёд!» – кричит он, порываясь, не помышляя, что вредит уже обдуманному плану общего приступа* [Гоголь, 2008, с. 86].

Вообще, в тексте поэмы, иногда очень бегло, говорится о многих разновидностях человеческой речи (к примеру, в начале седьмой главы упомянуты перебранки, радостные крики, тихие речи, а также и гром речей, упреки и поношенья).

В поэме Н. В. Гоголя есть упоминания о двух способах человека производить (или, напротив, не производить) звуки, о которых пишут достаточно редко. Это невысказанная мысль и песня. Оба вместе эти проявления человеческой души фигурируют в заключительной главе первого тома, в знаменитом лирическом отступлении о Руси. Причём о песне говорится дважды, вначале («затянутая вдали песня») и в завершающих строчках. Также в завершение упоминаются еще какие-то непонятные звуки (часть из них, возможно, – пророчества), и всем этим комплексом создаётся представление о протяжённой (как текст), непознанной (много вопросов – ответов нет), таинственной и величественной стране:

*Что в ней, в этой **песне**? Что зовёт, и рыдает, и хватает за сердце? Какие **звуки** болезненно лобзают, и стремятся в душу, и вьются около моего сердца? Русь! Чего же ты хочешь от меня? Какая непостижимая связь таится между нами? Что глядишь ты так, и зачем всё, что ни есть в тебе, обратило на меня полные ожидания очи?.. И ещё, полный недоумения, неподвижно стою я, а уже главу осенило грозное облако, тяжёлое грядущими дождями, и **онемела мысль** пред твоим пространством. Что **пророчит** сей необъятный простор? Здесь ли, в тебе ли не родиться **беспредельной мысли**, когда ты сама без конца? Здесь ли не быть богатырю, когда есть место, где развернуться и пройтись ему? И грозно объемлет меня могучее пространство, страшною силою отразясь во глубине моей; неестественной властью осветились мои очи: у! какая сверкающая, чудная, незнакомая земле даль! Русь!..* [Гоголь, 2008, с. 223].

Эти лирические отступления – очень особенные фрагменты. Этот жанр, конечно, придуман не Гоголем, но именно в «Мёртвых душах» стремление вплести в ткань повествования своё, авторское доведено до совершенства, исполнено стилистически точно и безупречно.

Заключение [Conclusion]

Итак, проведённое исследование показало, что в отдельно взятом художественном произведении возможна яркая репрезентация многих жанров речевых практик. Текст бессмертной поэмы Н. В. Гоголя даёт множество прекрасных иллюстраций для описания разнообразных речевых практик, отражающих черты этнического характера русской глубинки середины XIX века. Речь персонажей подтверждает мысль о том, что эти практики естественным образом группируются по сфере человеческой деятельности.

В результате исследования выявлено девять основных черт с присущими каждой речевыми практиками: 1) религиозность (проповедь, покаяние, молитва, исповедь, раскаяние, хула, благодарение), 2) желание жаловаться на судьбу (плач), 3) любопытство (расспросы, замечания), 4) страсть помещиков к азартным играм (реплики картёжников, спор, расспрос, убеждение), 5) желание привлечь внимание («свойский» разговор), 6) несговорчивость (молчание), 7) строгость к слугам и детям (наставление, повеление, приказ, требование), 8) эмоциональность (повторение, крик), 9) непостижимость (невысказанная мысль, песня). Подчеркнём, что этот перечень не носит исчерпывающего характера.

Среди лексем, характерных для указанных речевых практик, часто встречались 1) глаголы (*называть, велеть, заставить, приказать, говорить рассказывать, поговорить, приговаривать, сказать, отвечать, молчать, повторять, кричать, взять, просушить* и др.) в изъявительном или повелительном наклонении в зависимости от интенции речевого акта; 2) существительные (*замечания, разговор, наставления, советы, выражения, восклицания, вопрос, мысль, песня*); глаголы сопровождались 3) наречиями (*громко, чрезвычайно, искусно, приятно, убедительно, по-дружески, лаконически, неистово, вперёд* и др.) и 4) деепричастиями (*порываясь, приговаривая*), а существительные – 5) прилагательными (эпитеты *отчаянный, беспредельный* и др.) и 6) причастиями (*горевшим*). Помимо них употреблялись религиозные клише (*Дай Бог* и др.), сравнительные обороты (образное сравнение с *лицом, горевшим как в огне*) и некоторые другие стилистически окрашенные конструкции (олицетворение *онемела мысль* и др.).

Библиографический список

Арутюнова, 1990 a – Арутюнова Н. Д. Прагматика // Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. М. : Советская энциклопедия, 1990. С. 389–390.

Арутюнова, 1990 b – Арутюнова Н. Д. Речевой акт // Лингвистический энциклопедический словарь. М. : Советская энциклопедия, 1990. С. 412–413.

Гак В. Г. Высказывание // Лингвистический энциклопедический словарь. М. : Советская энциклопедия, 1990. С. 90–90.

Гоголь Н. В. Мёртвые души. Поэма. М. : Профиздат, 2008. 384 с.

Каксин А. Д. Воспевание “широты русской натуры” в раннем творчестве И. С. Тургенева: «Певцы» и «Муму» // Уральский филологический вестник. Сер. Русская классика: динамика художественных систем. 2018. № 4. С. 65–76.

Крейдлин Г. Е. Вербальные, невербальные и смешанные приветствия в языках и культурах: общее и национально-специфичное // Коммуникативное поведение человека. Вербальные и невербальные составляющие / под ред. Е. А. Вансяцкой. Иваново : ЛИСТОС, 2017. С. 151–161.

Крейдлин Г. Е. Невербальные и смешанные коммуникативные табу в разных культурах // Известия Российской академии наук. Сер. литературы и языка. 2018. Т. 77. № 4. С. 5–14.

Леонтьев А. А. Признаки связности и цельности текста // Лингвистика текста: сборник научных трудов. М. : МГПУ, 1976. С. 60–70.

Люстров М. Ю. Панегирики «старых солдат» молодым монархам в русской и шведской литературах XVIII в. // Studia Litterarum. 2019. Т. 4. № 1. С. 202–213.

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 72500 слов и 7500 фразеологических выражений. М. : Азъ Ltd., 1992. 960 с.

Радомская Т. И. «Обратный перевод» и генетическая память литературы – современные методы текстологии и анализа художественного текста // Слово. Текст. Источник: Методология современного гуманитарного исследования : материалы междунар. науч. конф. / отв. ред. Г. Н. Кораблева, С. Н. Переволочанская. М. : Российский гос. ун-т им. А. Н. Косыгина, 2020. С. 199–210.

Трегубов А. Н. Полисемия: проблемы и пути возможного решения // Знание. Понимание. Умение. 2011. № 1. С. 179–183.

Трофимова Н. В. Похвала в древнерусском воинском повествовании // Русская речь. 2017. № 1. С. 78–84.

Туфанова О. А. Мотив покаяния в общегосударственных видениях смутного времени // Актуальные вопросы текстологии: традиции и инновации (Кусковские чтения – 2015) : материалы междунар. науч. конф. М., 2015. С. 70–73.

Чуханова А. В. Композиция как элемент имплицитного содержания речевого жанра (на материале рекламных очерков) // Активные процессы в различных типах дискурсов: политический, медийный, рекламный дискурсы и Интернет-коммуникация : материалы междунар. конф., 19–21 июня 2009 г. М. – Ярославль, 2009. С. 573–576.

References

Arutyunova, N. D. (1990 a). Pragmatika [Pragmatics]. In V. N. Yartseva (Ed.), *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistic Encyclopedic Dictionary] (pp. 389–390). Moscow : Sovetskaya entsiklopediya Press. (In Russ.).

Arutyunova, N. D. (1990 b). Rechevoy akt [Speech act]. In V. N. Yartseva (Ed.), *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistic Encyclopedic Dictionary] (pp. 412–413). Moscow : Sovetskaya entsiklopediya Press. (In Russ.).

Gak, V. G. (1990). Vyskazyvanie [Statement]. In V. N. Yartseva (Ed.), *Lingvisticheskiy* entsiklopedicheskiy slovar' [Linguistic Encyclopedic Dictionary] (pp. 90–90). Moscow : Sovetskaya entsiklopediya Press. (In Russ.).

Gogol', N. V. (2008). Mertvye dushi. Poema [Dead Souls: Poem]. Moscow : Profizdat Press. (In Russ.).

Kaksin, A. D. (2018). Vospevanie “shiroty russkoy natury” v rannem tvorchestve I. S. Turgeneva: «Pevtsy» i «Mumu» [Chanting of width of the Russian nature in Ivan Turgenev's creativity: “The Singers” and “Mumu”]. *Ural'skiy filologicheskiy vestnik. Ser. Russkaya klassika: dinamika khudozhestvennykh sistem* [Ural Journal of Philology. Russian Classics: The Dynamics of Artistic Systems], 4, 65–76. (In Russ.).

Kreydlin, G. E. (2017). Verbal'nye, neverbal'nye i smeshannye privetstviya v yazykakh i kul'turakh: obshchee i natsional'no-spetsifichnoe [Verbal, non-verbal and mixed greetings in languages and

cultures: general and national-specific]. In E. A. Vansyatskaya (Ed.), *Kommunikativnoe povedenie cheloveka. Verbal'nye i neverbal'nye sostavlyayushchie* [Human communicative behavior. Verbal and non-verbal components] (pp. 151–161). Ivanovo : LISTOS Press. (In Russ.).

Kreydlin, G. E. (2018). Neverbal'nye i smeshannye kommunikativnye tabu v raznykh kul'turakh [Nonverbal and combined communicative taboos in different cultures]. *Izvestiya Rossiyskoy akademii nauk. Seriya literatury i yazyka* [The Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language], 77 (4), 5–14. (In Russ.).

Leont'ev, A. A. (1976). Priznaki svyaznosti i tsel'nosti texta [Feeatures of text cohesion and coherence]. *Lingvistika texta* [Text linguistics]: A collection of scientific papers (pp. 60–70). Moscow : MPGU Press. (In Russ.).

Lyustrov, M. Yu. (2019). Panegiriki «starykh soldat» molodym monarkham v russkoy i shvedskoy literaturakh XVIII v. [The "Old Soldier's" Panegyrics to the young monarchs in Russian and Swedish literatures of the 18th century]. *Studia Litterarum,* 4 (1), 201–213. (In Russ.).

Ozhegov, S. I., Shvedova, N. Yu. (1992). Tolkovyy slovar' russkogo yazyka: 72500 slov i 7500 frazeologicheskikh vyrazheniy [Explanatory dictionary of the Russian language: 72500 words and 7500 phraseological expressions]. Moscow : Az Ltd. Press. (In Russ.).

Radomskaya, T. I. (2020). «Obratnyy perevod» i geneticheskaya pamyat' literatury – sovremennye metody tekstologii i analiza khudozhestvennogo teksta ["Back translation" and the genetic memory of literature – modern methods of textology and analysis of literary text]. In G. N. Korableva, S. N. Perevolochanskaya (Eds), *Slovo. Tekst. Istochnik: Metodologiya sovremennogo gumanitarnogo issledovaniya* [Word. Text. Source: Methodology of modern humanitarian research] : International Conference Proc. (pp. 199–210). Moscow : Russian State University im. A. N. Kosygin Press. (In Russ.).

Tregubov, A. N. (2011). Polisemiya: problemy i puti vozmozhnogo resheniya [Polysemy: Problems and ways of possible solution]. *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Skill], 1, 179–183. (In Russ.).

Trofimova, N. V. (2017). Pokhvala v drevnerusskom voinskom povestvovanii [Praise in the Old Russian military narrative]. *Russkaya rech'* [Russian Speech], 1, 78–84. (In Russ.).

Tufanova, O. A. (2015). Motiv pokayaniya v obshchegosudarstvennykh videniyakh smutnogo vremeni [Motive of repentance in the national visions of the time of troubles]. *Aktual'nye voprosy tekstologii: traditsii i innovatsii (Kuskovskie chteniya – 2015)* [Topical issues of text-studies: Traditions and innovations (Kuskov readings – 2015): Proc. of the International Scientific Conference] (pp. 70–73). Moscow. (In Russ.).

Chuhanova, A. V. (2009). Kompozitsiya kak element implitsitnogo soderzhaniya rechevogo zhanra (na materiale reklamnykh ocherkov) [Composition as an element of implicit content of the speech genre (Based on advertising essays)]. *Aktivnye processy v razlichnykh tipakh diskursov: politicheskiy, mediynyy, reklamnyy diskursy i Internet-kommunikatsiya* [Active processes in various types of discourses: Political, media, advertising discourses and Internet communication]: Proc. of the International Conference, 19–21 June 2009 (pp. 573–576). Moscow – Yaroslavl. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 15.04.2021; одобрена после рецензирования 06.02.2022; принята к публикации 15.02.2022.
The article was submitted 15.04.2021; approved after reviewing 06.02.2022; accepted for publication 15.02.2022.

УДК 811.512.1 doi: 10.22250/24107190_2022_8_1_82

Кошева (Гочияева) Астра Шагабановна
Северо-Кавказская государственная академия
г. Черкесск, Российская Федерация
kosheva57@bk.ru

Семантика и функциональный потенциал дискурсива *керти* в карачаево-балкарском языке

Аннотация
Предлагаемая работа выполняется в рамках описания феномена эвиденциальности в карачаево-балкарском языке. В фокусе внимания находится лексема *керти* и её потенциальные возможности в качестве маркера эвиденциальности. Актуальность исследования обусловлена потребностью в системном анализе функций дискурсивных частиц и определении специфики этого класса слов в карачаево-балкарском языке. Цель исследования – выявить особенности семантики и функционального потенциала отдельно взятого дискурсивного маркера карачаево-балкарского языка. Научная новизна работы определяется тем, что предложено более системное и подробное описание дискурсива *керти* по сравнению с тем, что представлено в существующих грамматиках карачаево-балкарского языка. Материалом для исследования послужил корпус примеров-контекстов, содержащих дискурсив *керти*, отобранных методом сплошной выборки. Установлено что: 1) исследуемая лексема обладает большой функциональной гибкостью и может быть охарактеризована как средство организации речевого акта вопроса, согласия, уступки, оценки; 2) является средством выражения трех разновидностей эвиденциальной семантики (инферентив, презумптив, адмиратив). Результаты исследования могут быть использованы в лексикографической практике при составлении словарей карачаево-балкарского языка, при разработке компьютерных приложений для автоматического анализа текстов на карачаево-балкарском языке, а также в сравнительно-типологических исследованиях.

Ключевые слова: дискурс, маркер эвиденциальности, прагматика, инферентив, инференциальность, полифункциональность, карачаево-балкарский язык

© Кошева А. Ш. 2022

Для цитирования: Кошева А. Ш. Семантика и функциональный потенциал дискурсива *керти* в карачаево-балкарском языке // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2022. Вып. 8, № 1. С. 82–94. https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_1_82

Astra Sh. Kosheva (Gochiiaeva)
North-Caucasian State Academy
Cherkessk, Russian Federation
kosheva57@bk.ru

Semantics and functional potential of discursive marker *kerti* in Karachay-Balkar language

Abstract
This paper presents the research in the sphere of lexical evidentiality. It is aimed to study the pragmatic potential of widely used discursive marker *kerty* in Karachay-Balkar discourse. Being an integral component of discourse, evidential markers are of special significance in any language. Karachay-Balkar discourse contains a considerable amount of different parenthetical patterns to express evidential meanings. However, there is a lack of special studies of evidentiality in this language which was a motivation for this study. The sources of material

for the study were the works of Karachay-Balkar fiction rich in colloquial speech. Continuous sampling was used to select the tokens containing *kerty*. A combination of contextual and semantic methods was used to analyze the tokens found. The results showed that discourse marker *kerty* 1) is characterized by high functional flexibility being the means to arrange the speech acts of question, agreement, concession and evaluation, 2) is a means to express three types of evidentiality (inferentive, presumptive and admirative). The obtained results can be used in lexicographic practices of compiling dictionaries of Karachay-Balkar language, in designing applications for automatic Karachay-Balkar text analysis as well as for further typological research.

Keywords: discourse, markers of evidentiality, pragmatics, inferentive, inferential meaning, polyfunctionality, Karachay-Balkar language

© Kosheva A. Sh. 2022

For citation: Kosheva, A. Sh. (2022). Semantika i funktsional'nyy potentsial diskursiva *kerti* v karachaevo-balkarskom yazyke [Semantics and functional potential of discursive marker *kerti* in Karachay-Balkar language]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 8 (1), 82–94. https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_1_82

1. Введение [Introduction]

В словаре структурных слов [Морковкин и др., 1997] дискурсивные слова определяются как средства текстовой связи и рассматриваются в составе группы структурных слов, которые формируют реляционную, синтаксическую и модальную структуру текста.

Последние десятилетия в фокусе лингвистических исследований как в России, так и за рубежом остаётся семантический потенциал незнаменательных слов и их функционирование в дискурсе. К настоящему времени накоплен значительный материал в этой области. Появились специальные словари, посвящённые классу незнаменательных слов [Морковкин и др., 2003]. Однако в лингвистике до сих пор нет общепринятого мнения о корпусе незнаменательных слов, определении их статуса и функций, грамматической многомерности и коммуникативной многофункциональности. В отечественном и зарубежном языкознании признаётся тот факт, что «из всех существующих классов слов дискурсивные слова являются самым неоднородным по составу классом» [Николаева, 2014, с. 123]. К ним относят частицы, вводные и вводно-модальные слова, союзы, междометия, стереотипные высказывания и прочее.

Анализ работ по теме исследования позволяет говорить о существовании различных исследовательских подходов к дискурсивным единицам: семантический, прагматический, функциональный, коммуникативный, текстовый, стилистический. Так, Дж. Браун и Дж. Юл выделяют характерные грамматические особенности маркеров дискурса [Brown, Yule, 1983, p. 106]. Ч. Бауэр-Рамазани за основу классификации маркеров берёт их синтаксическую роль в предложении [Bauer-Ramazani, 2006]. Д. Шифрин рассматривает дискурсивные маркеры с позиций функционального подхода и характеризует их «как единицы дейксиса, которые выступают связующим элементом между говорящим, слушающим, местом и временем» [Schiffrin, 1987, p. 323–333]. Б. Фрейзер [Fraser, 1999] отмечает прагматический характер дискурсивных маркеров и рассматривает их роль для обеспечения когерентности дискурса. Предлагая для таких единиц термин «прагматема», Н. В. Богданова-Баглярян исходит из того, что в устном дискурсе отдельные незнаменательные лексемы переходят на коммуникативно-прагматический уровень языка и становятся сугубо прагматическими единицами. При этом «в процессе прагматикализации происходят изменения в семантике лексических единиц, повышается роль прагматического компонента и уменьшается значимость денотативного и сигнификативного элементов» [Богданова-Бегларян, 2014]. С. Бризер [Brizer, 2012] относит

подобные единицы к «образующим дискурс элементам» (discourse structuring elements). К. Фишер отмечает полифункциональный характер дискурсивов и описывает их функции, как в устном, так и в письменном дискурсе [Fischer, 2014, p. 277–278].

Стремительное развитие корпусной лингвистики и появление языковых корпусов дало новый импульс в изучение дискурсивных маркеров методами корпусной лингвистики (см. напр., [Шилихина, 2015]). Полифункциональность грамматических и лексических дискурсивных маркеров исследована на материале четырёх корпусов английского языка в [Шустова, Царенко, 2019].

Общий вывод, к которому можно прийти, проанализировав результаты, полученные авторами вышеуказанных работ состоит в том, что, обладая достаточно бедным лексическим значением, дискурсивные слова нагружены содержательной информацией и разнообразными прагматическими смыслами.

В настоящей статье представлены промежуточные результаты исследования лексических средств выражения эвиденциальности и миративности в одном из тюркских языков Северного Кавказа. В карачаево-балкарском языке (далее КБЯ) дискурсивы не были объектом фундаментального исследования, они представлены в основном лишь разделами в грамматиках. Как и в других языках, употребление незнаменательных слов в КБЯ связано с прагматикой дискурса и отражает специфические принципы функционирования национального языка [Кошева, 2021, с. 45]. Предлагаемая работа посвящена исследованию семантики и текстового потенциала отдельной лексемы КБЯ в различных речевых жанрах. В фокусе внимания статьи находится многофункциональный дискурсивный маркер *керти*.

Являясь универсальным средством человеческого языка, дискурсивы управляют процессом общения. Как класс единиц, они не имеют чётких границ и объединяют единицы самых разных уровней, от фонетического до синтаксического. Большинство исследователей сходятся в том, что частеречный статус дискурсивных слов определяется на основании функциональных критериев (см., в частности [Киселева, Пайар, 2003, с. 9]).

Различное понимание границ данного класса языковых единиц и их терминологическое разнообразие указывает на транскатегориальный характер исследуемых единиц. В данной работе мы будем использовать наиболее общие термины – «дискурсивные маркеры» и «дискурсивные единицы», которые не ограничивают транскатегориальный характер исследуемых языковых единиц. Кроме того, эти термины указывает на функциональную природу данных языковых единиц, которые функционируют в качестве сигналов наличия дополнительных смыслов в высказывании. Дискурсивы восходят к разным частям речи, однако отмечается, что особенностью их семантики является «преобладание коммуникативного над номинативным в зависимости от сферы действия» [Шерстяных, 2016, с. 43].

В разное время предпринимались попытки классификации дискурсивных слов в разных языках. Репрезентация эвиденциальности и функционирование дискурсивных частиц были исследованы в немецком языке [Журавлева, Шустова, 2018 ; Иванов, 2019], хакасском [Каксин, 2013], русском [Киселева, Пайар, 2003], корейском [Трофименко, 2009], японском [Хафизова, Шафигуллина, 2021]. Р. Вальтерайт [Waltereit, 2006] рассматривает сходства и различия между дискурсивными и модальными частицами в романских языках. Имеется значительное количество описаний отдельных дискурсивных слов (см. напр., [Падучева, 2014 ; Кобозева, 2007 ; Аверина, 2016 ; Шерстяных, 2016 ; Кошева, 2021]).

В тюркологии подход к изучению эвиденциальности на первых этапах повторял традицию русистики, т. е. эвиденциальные значения рассматривались в совокупности с модальными значениями (см. [Современный татарский…, 1969 ; Кононов, 1956, 1997 ;

Петров, 1984 ; Щербак, 1987]. Это связано с тем, что категория эвиденциальности в турецком языке имеет тесные связи с видовременной системой. В турецком языке такие формы, как *-mıştır*, *-mış olmalı* часть исследователей относят к маркерам перфекта (напр., [Гузев, 2015]), часть – отмечают у них и наличие значения эвиденциальности (напр., [Johansen, 2000, p. 61–87]).

Теоретической базой исследования послужили работы, посвящённые категории эвиденциальности в турецком и алтайском языках [Эйюп, 2005 ; Скрибник, Озонова, 2005], якутском языке [Ефремов, 2010], финно-угорских, самодийских и тюркских языках [Каксин, 2013, 2019], татарском языке [Кадырова, 2014].

В зарубежном языкознании исследования сосредоточены на типологии и классификации языков по наличию эвиденциальных систем и стратегий исходя из средств выражения. Среди современных работ общего характера следует отметить монографию А. Айхенвальд [Aikhenvald, 2004], которая содержит одну из наиболее разработанных типологических систем данной категории и представляет собой полный путеводитель по истории изучения эвиденциальности в языках мира.

Значительный вклад в исследование категории эвиденциальности в турецком языке внесли работы [Кононов, 1997 ; Гузев, 2015 ; Aksu-Koc, Slobin 1986 ; Johanson, 2003]. Сборник «Evidential: Turkic, Iranian and Neighbouring Languages» под редакцией Л. Юхансона и Б. Утаса (2000 г.) стал итогом работы симпозиума, посвящённого эвиденциальности в тюркских и иранских языках.

В отечественной тюркологии рассматриваемая категория изучена во многих языках. Примером анализа в этих работах являются не только морфологические эвиденциальные формы, но и лексические средства. Так, Е. К. Срибник и А. А. Озонова, рассматривая исследуемую категорию в алтайском языке, выявили, что, помимо грамматических форм выражения, косвенная засвидетельствованность в алтайском языке может выражаться особыми частицами. Обилие средств для выражения миративности приводит авторов к выводу о «расцвете миративности» в тюркских языках Южной Сибири [Скрибник, Озонова, 2005]. Н. Н. Ефремов, исследуя категорию эвиденциальности в якутском языке в сопоставлении с некоторыми тюркскими языками Южной Сибири, выделил и описал совмещённые и специализированные средства выражения данной категории и отметил, что последние в якутском языке представлены частицами, образованными от имён [Ефремов, 2010].

Тюркские языки всё чаще становятся предметом сопоставительного, а не отдельного изучения. В [Исхакова и др., 2007] авторы анализируют данные татарского и узбекского языков, с привлечением шорского. Исследователи отмечают необязательность выражения эвиденциальных значений в тюркских языках: в значении косвенной засвидетельствованности могут выступать формы эвиденциальных перфектов, имеющие разный эвиденциальный статус в упомянутых языках, и некоторые другие. Рассматриваются и лексические средства выражения эвиденциальности. На материале английского и татарского языков описана категория пересказывательности как компонент поля косвенной эвиденциальности [Кадырова, 2014]. Сравнительный анализ средств выражения косвенной эвиденциальности представлен в [Кадырова, 2014 ; Хафизова, Шафигуллина, 2021].

Всё же дискурсивы в тюркских языках остаются недостаточно изученными отчасти из-за того, что среди тюркологов нет единства в определении границ служебных частей речи. Одни рассматривали части речи лишь как лексические разряды слов, другие обращали внимание на типы словообразования и словоизменения без учёта лексико-семантических особенностей. Таким образом, проблема всестороннего анализа незнаменательных слов (дискурсивов) и определение их места в составе частей речи остаётся актуальной. Служебные слова, характеризующиеся многоплановостью и полифункци-

нальностью, нуждаются в выявлении индивидуальных свойств и особенностей их функционирования.

В карачаево-балкарском языкознании к числу таких лексем относится дискурсив *керти*, который до настоящего времени не являлся предметом отдельного исследования. Краткие классификационные сведения о нём можно найти в трудах общего характера [Алиев, 2012, с. 267 ; ГКБЯ, 1976, с. 516 ; Гузеев,1999, с. 262–267 ; Кошева, 2006, с. 154].

Проведённый анализ научной литературы позволяет прийти к выводу о том, что семантика данной лексемы недостаточно изучена, существующие работы по теме являются немногочисленными и по большей части носят фрагментарный характер, а лексикографические данные не дают исчерпывающей и адекватной информации. В карачаево-балкарском языкознании лексикографическая традиция описания дискурсивных маркеров ещё только формируется. При всей важности дискурсивных маркеров для процесса коммуникации современные словари включают описания лишь отдельных дискурсивов и не дают, как правило, сколько-нибудь полного описания их функций. Обычно составители словарей ограничиваются одним-двумя значениями. Например, в [КБРС, 1989, с. 327] дискурсив *керти* имеет следующие соответствия: 1. правда, правдивый, правильный. 2. действительный, действительно. 3. объективный, реальный.

По нашим наблюдениям, данный перечень не отражает всех значений и ситуаций употребления исследуемого дискурсива. Смысл, образуемый на основе прототипического значения дискурсива *керти*, может включать в себя концепты различных эмоций или оценки. Ж. М. Гузеев объясняет это «недостаточно полным изучением лексической сочетаемости слова в типичном и нетипичном для него контексте, неразличением уникальных и типичных условий реализации слова» [Гузеев,1999, с. 71].

Многозначные слова находятся в прямой зависимости от контекста, поэтому без тщательного анализа условий реализации их значений сложно установить и обоснованно квалифицировать эти значения. Для толковых словарей тюркских языков характерно нечёткое определение сущности и характера многозначных слов, и, как следствие, излишне дробное членение содержания слова на значения. Карачаево-балкарско-русский словарь не является исключением.

Суммируя данные литературных источников, можно отметить следующие характерные особенности дискурсивных маркеров:

– преимущественно препозитивное местоположение в высказывании;

– свободный тип синтаксической связи со структурой, в которой они употребляются;

– факультативность употребления;

– принадлежность к различным грамматическим классам слов – междометиям, наречиям, частицам;

– зависимость от контекста.

Всеми этими характеристиками в той или иной степени обладает исследуемая единица *керти*.

2. Семантика и текстовой потенциал дискурсива *керти* 'действительно / действительный / правда' [Semantics and functional potential of *керти* 'really / real / true']

2.1. Материал и методика исследования [Material and methods]

В качестве источников фактического материала были использованы данные карачаево-балкарско-русского словаря и произведения карачаево-балкарской художественной прозы. Выбор произведений обусловлен тем, что они содержат фрагменты спонтанной разговорной речи. Примеры без отсылки взяты из ГКБЯ и полевых материалов автора, которые были собраны в процессе работы над диссертационным исследо-

ванием, посвящённым категории модальности. Сбор эмпирического материала проводился методом сплошной выборки. Перевод всех первоисточников выполнен автором статьи, носителем карачаевского диалекта исследуемого языка. В исследовании применялись методы дискурсивного и контекстуально-ситуативного анализа, а также описательный метод.

2.2. Обсуждение результатов [Results and discussion]

Анализ материала свидетельствует, что лексема *керти* обладает большой функциональной гибкостью и может иметь разные интерпретации в разных коммуникативных режимах. Перейдём к более детальному рассмотрению функций и иллюстрации их примерами.

I. В смысловой структуре слова *керти* одной из сем является «подтверждение истинности утверждения», которая по-разному реализуется в функциональных вариантах этой единицы.

(1) ***Кертиди**, теңлик болмагъан жерде къарыулу къарыусузну къыйынын ашайды* (ГКБЯ) – '***Правду говорят***, там, где нет дружбы, сильный слабого поедает'.

(2) *Гюллю биз айланганг джерледе тюбеген эм сейирлик эллени бириди, деучендиле къонакъгъа келгенле.* ***Кертиси да**, бизни ата-бабаларыбыз джашаргъа джер сайлай билгендиле* (Б. С.) – 'Все гости, бывало, говорили, что не видели более красивого места. ***Что правда, то правда***, умели наши предки выбирать место для жилья'.

(3) *Майна джан, – деб, къамчисини учу бла колхоз гардош бачханы кёргюзду.* ***Керти да**, анда бир эркиши, бёркюн атыб, джюлюнген джалан башыджилтираб, гардош къаза турады* (Г. К.) – 'Вон кто-то, – сказал он, указав кнутом в сторону колхозного картофельного поля. ***И действительно***, там копал картошку мужчина с непокрытой лысой головой'.

II. Дискурсив *керти* употребляется как универсальный показатель речевого акта согласия или положительного ответа, проявляя при этом семантическую гибкость:

(4) *Услу, огъурсуз джерле болурла, хо тейри. Аяз къакъса, къысылыр ышыкъ табаллыкъ тюлсе, башхасын къой. Суу ыщан да кёрюнмеди, эслеймисиз?...* – 'Да, суровые, наверное, земли. Даже от ветра негде укрыться, не говоря о другом. И воды нигде не видно, заметили?' – ***Керти алай**, оллахий. Къайдан къайры келдик суу ышанга тюбемей* (Г. К.) – '***И правда***, сколько едем, а воды нигде нет'.

Дискурсив *керти* участвует в координации и согласовании действий говорящего и слушающего, а также способствует интеракции между говорящим и слушающим:

(5) ***Керти** айтасыз. Акъ-Къаланы къаты аскерден толу эсе, бизге алайтын чырмалмай озуб кетген бек къыйын боллукъду* (Т. Т.) – '***Вы правы***. Новый Карачай окружён войсками и мы не сможем там прорваться без потерь'.

Лексема *керти* соединяет фрагменты текста, проявляя себя как дискурсивная частица, позволяющая установить взаимодействие между говорящим и слушающим через утверждение:

(6) ***Кертиди**, алада былайда бир кесек ишлеб кетген эдиле* [К., с. 28] – '***Действительно***, они какое-то время здесь работали'.

(7) *Сен мени закон излейди деме, не ючюн десег, сен кесинг тюз закон этмегенсе. Бу ишни законсуз болгъанын билесе, джукълат, мен да юйюме, атама къайтайым. Ол инджилиб джашайды. Мындан кёб сюрме, – деб, Темирджан андан джууаб изледи.* ***Керти айтаса**. Къайт. Законсуз зат этдирмезме, – деди Солтан* (Г. Б.) – '«Ты не думай, что я пришел качать права, потому что ты первым нарушил закон. Ты прекрасно знаешь, что это решение незаконно, отзови его, и я вернусь домой к отцу. Он страдает. И давай покончим с этим», – сказал Темирджан, вопросительно взглянув на него. ***Лад-***

но / хорошо / договорились, возвращайся. Я не позволю свершиться беззаконию», – ответил Султан'.

(8) ...***Керти*** *айтасыз, биз да алгъы бурун былайын бегитирге деб сизге аз сауут бергенбиз аны ючюндю.Сауут джетишмейди…* (Т. Т.) – '***Согласен / признаю***, мы хотели сначала укрепить это участок и поэтому выдали вам мало оружия. Его не хватает…'.

В примерах (7), (8) «буквальное значение дискурсивного маркера оказывается в тени значения прагматического, и поэтому его можно анализировать только в контексте» [Шилихина, 2015, с. 121].

III. В определённом контексте исследуемый дискурсив выступает средством выражения предположительной инференциальной семантики, основанной на логическом умозаключении. Инференция как важнейшая мыслительная операция представляет собой умозаключение о наличии факта. Она основана на интерпретации тех или иных сведений, базирующихся на «причинно-следственных связях и знаниях об устройстве мира» [Падучева, 2014, с. 530]. Инференциальная деятельность даёт возможность анализировать известные сведения в качестве предпосылок для вывода, давая человеку возможность сделать заключение о событии, свидетелем которого он не является:

(9) ***Кертиди****, экиси да ол узакъ жыллада кёп къыйынлыкъ сынагъан болурла* – '***Видимо***, во время долгих странствий оба многое пережили'.

(10) ***Керти да****, Къууатланы Рамазан деб бир майор къуллукъ эте эди* (Г. К.) – '***Точно / И действительно***, там служил некий майор Куатов Рамазан'.

Выражение уверенности, сомнения или догадки, которые содержатся в примерах (9), (10) – это результат собственных мыслительных действий говорящего.

В следующем фрагменте эвиденциальную семантику анализируемой лексемы можно охарактеризовать как презумптив (или конклузив) – говорящий выдвигает гипотезу, основанную на личном опыте / знании мира. Герой отрывка сетует на то, как трудно ездить верхом после длительного перерыва Исследуемый маркер вводит позитивные воспоминания действующего лица, причём эти воспоминания контрастируют с нынешним положением дел [Аверина, 2016, с. 73]:

(11) *Атха хар аллахны кюнюнде мине турмасанг, гёбел болуб къаласа.* ***Кертиси****, джаш заманымда аны юсюнден тюшмегенлей, джукъуму да тындыра, зртденден ингирге, ингирден да тангнга дери барыучан эдим* (Г. Б.) – 'Если регулярно не ездить верхом, отвыкаешь, оказывается. А в молодости, бывало, я сутки напролёт проводил в седле, даже засыпал иногда в седле'.

IV. Лексема *керти* обладает целым рядом интересных свойств в плане употребления в разных типах речевых актов. Полученные данные свидетельствуют о возможных различиях в употреблении эвиденциального показателя в утверждении и в вопросе, в диалоге и нарративе [цит. по: Падучева, 2014, с. 540]. Являясь единицей, обладающей в дискурсе ситуативно-прагматическим содержанием, *керти* регулярно употребляется в речевом акте вопроса.

(12) *Кертими айтаса? – деб сорду Бадимат* (К. К.) – 'Это правда? – спросила Бадимат'.

В составе вопроса дискурсив *керти* может осложняться значением укора, упрёка, а также служит для выражения удивления, восхищения или недоверия к сказанному:

(13) ***Керти окъуна****, Мухтар, сен кесинг а нек ичмейсе, бизни къыса билесе да?* – '*И правда*, Мухтар, что это ты сам не пьёшь, а на нас наседаешь?'

(14) ***Керти****, бизге тансыкъ болгъанмы эдинг* – '***Неужели действительно*** ты по нам соскучился?'

В некоторых случаях частица *да* в составе вопроса подчёркивает ориентированность вопроса на собеседника:

(15) ***Керти да**, Алибек, нек мыдахса? – Ол къызны къолтугъундан кириб баргъанын юй бичеси эслеб кетгенди… . Энди юч кюнню сёлеширик тюлдю* (А.) – '***Ну, правда,*** Алибек, о чём ты так грустишь? – Да жена видела его под руку с другой женщиной. Теперь три дня не будет разговаривать'.

(16) ***Керти?** Неге айтмай тураса **да?** – Мен да сен келирни аллында билгенме* – '***Да ты что / Неужели?*** Что же ты молчишь до сих пор? – Да я сам узнал только перед твоим приходом'.

В подобных высказываниях лексема *керти*, выполняя прагматическое задание, берёт на себя основное фразовое ударение.

V. В определённых контекстах дискурсив *керти* может акцентировать фрагмент высказывания, содержащий коммуникативную оценку информации говорящим:

(17) ***Кертиди**, жаш ал кезиуде бир кесек хаулерек болгъанды* – '***Действительно / на самом деле***, в молодости у него была не очень хорошая репутация'.

В данном контексте маркер вводит аргументацию ранее высказанной позиции и тем самым усиливает её весомость.

VI. Исследуемый дискурсив может употребляться в составе присоединительных уступительных конструкций. В подобных случаях *керти* вносит уточнение или какую-то поправку, ограничивающую то, о чём говорится в предыдущей части высказывания [Морковкин и др., 2003, с. 280]. Уступительное значение при этом проявляется исключительно в контексте.

(18) ***Керти**, алгъаракъда Сафарны мен жаратмагъан жерлери болгъандыла, алай ол жаш эди, ким да, анасындан туугъанлай, аламат болуп къалмайды* (Гузеев, 1999) – 'Вначале Сапар мне не понравился, ***правда / хотя***, тогда он был молод, да что там, никто не рождается идеальным / все мы не без греха'.

В следующих примерах сфера действия дискурсивного маркера распространяется не только на предложение, но и на несколько предложений [Waltereit, 2006, S. 7].

(19) *Кертиди, Тауджанны ауузу бир кесек шибижиге тартады. Алай болгъанлыкгъа бир джартылыгъы болмагъан кимди?* (К. К.) – '***Правда***, у Тауджан есть один недостаток – слишком остра на язык. А с другой стороны, кто без изъяна?'

(20) ***Керти да**, Апанасны, хунагъа джарашмагъанча, къылыкълары бардыла- юйдегиси, кеси да дауурладан асыры джанламагъан чёрегирек адамладыла. Тийрени джамагъаты аланы асыры джаратмайды алай а бары бирча ашхылы къайдан болсунла дегенлик бла, къабыргъаларын бир-бирлерине джараштыра барадыла* (Б. Дж.) – '***Действительно***, у Апанаса не очень хорошая репутация – и он, и члены его семьи часто бывают замешаны в каком-нибудь скандале. В округе их не жалуют, но понимая, что не всем же быть одинаково хорошими, пытаются сохранять добрососедские отношения'.

В последнем примере значение эвиденциальности есть «интерпретируемый говорящим чужой взгляд на ситуацию» [Плунгян, 2000, с. 325]. *Керти*, в данном случае как уступительное слово, выступает синонимом союза хотя и передаёт мнение говорящего о действительности.

3. Заключение [Conclusion]

Итак, анализ практического материала свидетельствует, что лексема *керти* активно употребляется в речи и обладает:

– экспрессивно-эмоциональной окраской;

– проявляет функциональную и семантическую гибкость;

– обладает фразообразующей возможностью и вступает в различные свободные и несвободные сочетания слов: *керти, кертиди, керти да, кертиси да, керти алай, керти окъуна*;

– может быть классифицирована как многофункциональная модально-эвиденциальная частица.

В рамках данной работы нас интересовали эвиденциальные характеристики исследуемой единицы. В результате исследования установлено, что дискурсивный маркер *керти* характеризует три разновидности косвенной эвиденциальности: а) инферентив – говорящий сообщает о событии, основываясь на логическом умозаключении; б) презумптив – говорящий сообщает о событии, основываясь на личном опыте или знаниях о мире; в) адмиратив – неожиданное открытие, изумление. При этом приобретение исследуемой лексемой эвиденциальных значений происходит исключительно в пространстве дискурса.

Перспективным, на наш взгляд, является дальнейший анализ незнаменательных слов в КБЯ, их типологизация, выявление их прототипических функций в текстах различного жанра.

Источники материала

Б. С. – Аппаев Б. Биринчи сюймеклик (=Первая любовь). Карачаево-Черкесское отделение Ставропольского книжного изд-ва, 1976.160 с.

Г. К. – Лайпанов С. Гюрге кюн. Ставропольское книжное изд-во (Карачаево-Черкесское отделение), 1991. 288 с.

Т. Т. – Кубанов Д. Х-А. Таулада Тауш. Ставропольское книжное изд-во, Карачаево-Черкесское отделение, 1989. 328 с.

К. – Кагиева Н. М. Къарча. Черкесск : Карач.-Черк. книжное изд-во, 1994. 240 с.

Г.Б. – Коркмазов К. М. Горда бычакъ Т. 3. Черкесск : Карачаево-Черкесское отделение Ставропольского книжного изд-ва,1984. 248 с.

К.К. – Аппаев Х. Къара кюбюр. Черкесск : Карачаево-Черкесское отделение Ставропольского книжного изд-ва, 1986. 325 с.

Б.Дж. – Лайпанов С. З. Бырмамытны джыры. Карачаево-Черкесское отделение Ставропольского книжного издательства,1987. 280 с.

А. – Урусова А. М. Айсанат. Ставропольское книжное изд-во. Карачаево-Черкесское отделение, 1987. 272 с.

Библиографический список

Аверина, 2016 – Аверина А. В. Заметки о свойствах частицы Ja в немецком языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 3.1 (57). С. 69–74.

Алиев, 2012 – Алиев У. Б. Избранные труды: В 3 т. Т. 2 : Работы по языкознанию. Нальчик : Полиграфсервис и Т, 2012. 368 с.

Богданова-Бегларян, 2014 – Богданова-Бегларян Н. В. Прагматемы в устной повседневной речи: определение понятия и общая типология // Вестник Пермского. ун-та. Российская и зарубежная филология. 2014. Вып. 3 (27). С. 7–20.

ГКБЯ, 1976 – Грамматика карачаево-балкарского языка. Фонетика, морфология, синтаксис / под общ. ред. Н. А. Баскакова. Нальчик : Эльбрус, 1976. 571 с.

Гузев, 2015 – Гузев В. Г. Теоретическая грамматика турецкого языка. СПб. : Изд-во Санкт-Петерб. гос. ун-та, 2015. 319 с.

Гузеев, 1999 – Гузеев Ж. М. Современный балкарский язык : учебник (на балкарском языке). Нальчик : Изд-во «Эльбрус», 1999. 235 с.

Ефремов, 2010 – Ефремов Н. Н. Средства выражения косвенной эвиденциальности в якутском языке // Сибирский филологический журнал. 2010. № 1. С. 152–156

Журавлева, Шустова, 2018 – Журавлева Е. Р., Шустова С. В. Функциональный потенциал дискурсивных маркеров в немецком языке // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2018. Вып. 4 (3). С. 18–31. https://doi.org/10.22250/2410-7190_2018_4_3_18_31

Исхакова и др., 2007 – Исхакова Х. Ф., Насилов Д. М., Невская И. А., Шенцова И. В. Эвиденциальность в тюркских языках // Эвиденциальность в языках Европы и Азии : сб. статей памяти Н. А. Козинцевой / отв. ред. В. С. Храковский. СПб. : Наука, 2007. С. 469–518.

Кадырова, 2014 – Кадырова Л. Б. Сопоставительное исследование категории пересказывательности как компонента поля косвенной эвиденциальности (на материале английского и татарского языков) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 ; Казанский гос. энерг. ун-т. Казань, 2014. 209 с.

Каксин, 2013 – Каксин А. Д. Репрезентация эвиденциальности и миративности в хакасском языке: способы и средства // Мир науки, культуры и образования. 2013. № 3 (40). С. 247–249.

Каксин, 2019 – Каксин А. Д. О грамматическом оформлении эвиденциальных значений в финно-угорских, самодийских и тюркских языках // Вестник Тувинского гос. ун-та. Социальные и гуманитарные науки. 2019. № 4 (52). С. 6–20. https://doi.org/10.24411/2072-8980-2019-10015

КБРС, 1989 – Карачаево-балкарско-русский словарь / под. ред. Э. Р. Тенишева и Х. И. Суюнчева. М. : Русский язык, 1989. 832 с.

Киселева, Пайар, 2003 – Дискурсивные слова русского языка: контекстное варьирование и семантическое описание / сост. К. Киселева, Д. Пайар. М. : Азбуковник, 2003. 207 с.

Кобозева, 2007 – Кобозева И. М. Полисемия дискурсивных слов и попытка ее разрешения в контексте предложения (на примере слова вот) // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : труды Международной конференции «Диалог 2007» (Бекасово, 30 мая – 3 июня 2007 г.) / под ред. Л. Л. Иомдина, Н. И. Лауфер, А. С. Нариньяни, В. П. Селегея. М. : РГГУ, 2007. С. 250–255.

Кононов, 1956 – Кононов А. Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1956. 569 с.

Кононов А. Н. Турецкий язык // Языки мира: тюркские языки / отв. ред. Э. Р. Тенишев. М. : Индрик, 1997. С. 394–411.

Кошева, 2006 – Кошева А. Ш. Функционально-семантическое поле модальности в разносистемных языках (на материале английского и карачаево-балкарского языков) : дис ... канд. филол. наук : 10.02.19 ; Кабардино-Балкарский гос. ун-т. Нальчик, 2006.192 с.

Кошева, 2021 – Кошева А. Ш. Дискурсивный маркер СОРА: семантика и прагматика (на материале карачаево-балкарского языка) // Вестник ЧГПУ им. И. Я. Яковлева. 2021. № 1 (110). С. 43–51. https://doi.org/10.37972/chgpu.2021.110.1.006

Морковкин и др., 1997 – Словарь структурных слов / В. В. Морковкин, Н. М. Луцкая, Г. Ф. Богачева [и др.]. М. : Лазурь,1997. 420 с.

Морковкин и др., 2003 – Объяснительный словарь русского языка: структурные слова: предлоги, союзы, частицы, междометия, вводные слова, местоимения, числительные, связочные глаголы / В. В. Морковкин, Н. М. Луцкая, Г. Ф. Богачева [и др.]. М. : Астрель ; АСТ, 2003. 421 с.

Падучева, 2014 – Падучева Е. В. Эвиденциальные показатели и их режимы интерпретации // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2014. Т. 10, Ч. 3. С. 529–541.

Петров, 1954 – Петров Н. Е. Модальные слова в якутском языке. М. : Наука, 1984. 204 с.

Плунгян, 2000 – Плунгян В. А. Общая морфология: введение в проблематику: учеб. пособие. М. : Эдиториал УРСС, 2000. 384 с.

Скрибник, Озонова, 2005 – Скрибник Е. К., Озонова А. А. Средства выражения засвидетельствованности и миративности в алтайском языке // Пути формирования лингвистического ландшафта Сибири. Новосибирск : Ника, 2005. С. 12–146.

Современный татарский…, 1969 – Современный татарский литературный язык. Лексикология, фонетика, морфология. М. : Наука, 1969. 380 с.

Трофименко, 2009 – Трофименко О. А. Эвиденциальность в корейском языке // Вестник ИГЛУ. 2009. № 4 (8). С. 140–147.

Шерстяных, 2016 – Шерстяных И. В. Дискурсивные слова как средство организации речевых жанров (на примере лексемы правда) // Жанры речи. 2016. № 1 (13). С. 42–49. https://doi.org/10.18500/2311-0740-2016-1-13-42-49

Шилихина, 2015 – Шилихина К. М. Изучение дискурсивных маркеров методами корпусной лингвистики // Вестник Воронежского гос. ун-та. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 3. С. 120–125.

Шустова, Царенко, 2019 – Шустова С. В., Царенко Н. М. Прагматический потенциал дискурсивных маркеров // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2019. Вып. 5, № 4. С. 163–170. https://doi.org/10.22250/2410-7190_2019_5_4_163_170

Щербак, 1987 – Щербак А. М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (наречия, служебные части речи, изобразительные слова). Л. : Наука, 1987. 150 с.

Эйюп, 2005 – Баджанлы Эйюп. Категория эвиденциальности в турецком языке в функционально-семантическом аспекте (в сопоставлении с алтайским языком) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.22 ; МГУ. М., 2005. 209 с.

Aikhenvald, 2004 – Aikhenvald A. I. Evidentiality. Oxford : Oxford University Press, 2004. 452 p.

Aksu-Koc, Slobin, 1986 – Aksu-Koc A. A., Slobin D. I. A psychological account of the development and use of evidentials in Turkish // Evidentiality: The Linguistic Coding of Epistemology / ed. by W. Chafe, J. Nichols. New Jersey : Ablex Publishing Corporation, 1986. P. 159–167.

Bauer-Ramazani, 2006 – Bauer-Ramazani Ch. English Discourse Markers [Electronic Resource]. 2006. URL: http://academics.smcvt.edu/cbauerramazani/ AEP/BU113/ English/discmarkers.ht/ (дата обращения : 14.07.2021).

Brizer, 2012 – Brizer S. From Subject to Subjectivity: Russian Discourse Structuring Elements Based on the Adverbial Participle Govorya «Speaking» // Russian Linguistics. 2012. Vol. 36, Iss. 3. P. 221–249.

Brown G., Yule G. Discourse Analysis. Cambridge : Cambridge University Press, 1983. 288 p.

Fischer, 2000 – Fischer K. From cognitive semantics to lexical pragmatics: the functional polysemy of discourse particles. Berlin : Mouton de Grouter, 2000. 374 p.

Fraser, 1999 – Fraser B. What are discourse markers? // Journal of Pragmatics. 1999. Vol. 31. P. 931–952.

Johanson, 2003 – Johanson L. Evidentiality in Turkic // Studies in Evidentiality / ed. by A. Y. Aikhenvald, R. M. W. Dixon. Amsterdam, 2003. P. 273–293

Johanson, 2000 – Johanson L. Turkic indirectives // Evidentials: Turkic, Iranian, and neighboring languages / ed. by B. Utas, L. Johanson. Berlin – New York : Mouton de Gruyter, 2000. P. 61–87.

Schiffrin, 1987 – Schiffrin D. Discourse Markers. Cambridge : Cambridge University Press, 1987. 364 p.

Waltereit, 1983 – Waltereit R. Abtönung: Zur Pragmatik und historischen Semantik von Modalpartikeln und ihren funktionalen Äquivalenten in romanischen Sprachen. Tübingen : Max Niemeyer Verlag, 2006. 205 S.

References

Averina, A. V. (2016). Zametki o svoystvakh chastitsy Ja v nemetskom yazyke [On the features of the particle Ja in the German language]. *Filologicheskiye nauki Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], 3.1 (57), 69–74. (In Russ.).

Aliyev, U. B. (2012). *Izbrann·yye trudy* [Selected papers]. In 3 volumes. Vol. 2: Raboty po yazykoznaniyu [Papers in the study of language]. Nalchik : Poligrafservis i T Press. (In Russ.).

Bogdanova-Beglarian, N. V. (2014). Pragmatemy v ustnoy povsednevnoy rechi: opredelenie ponyatiya i obshchaya tipologiya [Pragmatic items in everyday speech: Definition of the concept and general typology]. *Vestnik Permskogo un-ta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 3 (27), 7–20. (In Russ.).

Baskakov, N. A. (Ed.). (1976). *Grammatika karachayevo-balkarskogo yazyka. Fonetika, morfologiya, sintaksis* (GKBYA) [Karachay-Balkar grammar. Phonetics, morphology, syntax]. Nalchik : Elbrus Press. (In Russ.).

Guzev, V. G. (2015). *Teoreticheskaya grammatika turetskogo yazyka* [The theory of Turkish grammar]. St Petersburg : St Petersburg University Press. (In Russ.).

Guzeyev, Zh. M. (1999). *Sovremennyy balkarskiy yazyk* [Modern Balkar] : A coursebook. Nalchik : Elbrus Press. (In Balkar).

Yefremov, N. N. (2010). Sredstva vyrazheniya kosvennoy evidentsial'nosti v yakutskom yazyke [Means of expressing indirect evidentiality in the Sakha language]. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal* [Siberian Journal of Philology], 1, 152–156. (In Russ.).

Zhuravleva, E. R., Shustova, S. V. (2018). Funktsional'nyy potentsial diskursivnykh markerov v nemetskom yazyke [Functional potential of discourse markers in German]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 4 (3), 18–31. (In Russ.). https://doi.org/10.22250/2410-7190_2018_4_3_18_31

Iskhakova, Kh. F., Nasilov, D. M., Nevskaya, I. A., Shentsova, I. V. (2007). Evidentsial'nost' v tyurkskikh yazykakh [Evidentiality in Turkic languages]. In V. S. Khrakovskiy (Ed.), *Evidentsial'nost' v yazykakh Evropy i Azii. Sbornik statey pamyati N. A. Kozintsevoy* [Evidentiality in languages of Europe and Asia: A commemorative volume in honor of N. A. Kozintseva] (pp. 469–518). St Petersburg : Nauka Press. (In Russ.).

Kadyrova, L. B. (2014). *Sopostavitel'noye issledovaniye kategorii pereskazyvatel'nosti kak komponenta polya kosvennoy evidentsial'nosti (na materiale angliyskogo i tatarskogo yazykov)* [Comparative study of the category of rendering as indirect evidentiality field component] : PhD in Philological sci. diss. Kazan : Kazan State Power Engineering University. (In Russ.).

Kaksin, A. D. (2013). Reprezentatsiya evidentsial′nosti i mirativnosti v khakasskom yazyke: sposoby i sredstva [Evidentially and mirative representation in the Khakass: Ways and means]. *Mir nauki, kul 'tury i obrazovaniya* [The World of Science, Culture and Education], 3 (40), 247–249. (In Russ.).

Kaksin, A. D. (2019). O grammaticheskom oformlenii evidentsial'nykh znacheniy v finno-ugorskikh, samodiyskikh i tyurkskikh yazykakh [On the grammatical design of evidential senses in Finno-Ugric, Samodian and Turkic languages]. *Vestnik Tuvinskogo gosudarstvennogo universiteta. Sotsial'n·yye i gumanitarn·yye nauki* [Bulletin of Tuva State University. Social and human Sciences], 4 (52), 6–20. (In Russ.). https://doi.org/10.24411/2072-8980-2019-10015

Tenishev, E. R., Suyunchev, Kh. I. (Eds). (1989). *Karachayevo-balkarsko-russkiy slovar'* (KBRS) [Karachay-Balkar-Russian dictionary]. Moscow : Russkiy yazyk Press. (In Russ.).

Kiseleva, K., Payar, D. (Eds). (2003). *Diskursivnyye slova russkogo yazyka: kontekstnoye var'irovaniye i semanticheskoye opisaniye* [Russian discursive words: Context variation and semantic description]. Moscow : Azbukovnik Press. (In Russ.).

Kobozeva, I. M. (2007). Polisemiya diskursivnykh slov i popytka yeye razresheniya v kontekste predlozheniya (na primere slova vot) [Polysemy of discursive words and the attemt to overcome it in the context of a sentence (The example of the word vot)]. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nyye tekhnologii* [Computer linguistics and IT]: Proc. International Conference “Dialog 2007” (Bekasovo, May 30 – June 3, 2007) (pp. 250–255). Moscow : RGGU Press. (In Russ.).

Kononov, A. N. (1956). *Grammatika sovremennogo turetskogo literaturnogo yazyka* [Modern Turkish grammar]. Moscow ; Leningrad : USSR Academy of Aciences Press. (In Russ.).

Kononov, A. N. (1997). Turetskiy yazyk [The Turkish language]. In E. R. Tenishev (Ed.), *Yazyki mira: tyurkskiye yazyki* [Languages of the World: Turkic languages] (pp. 394–411). Moscow : Indrik Press. (In Russ.).

Kosheva, A. Sh. (2006). *Funktsional'no-semanticheskoye pole modal'nosti v raznosistemnykh yazykakh (na materiale angliyskogo i karachayevo-balkarskogo yazykov)* [Functional-semantic field of modality in typologically different languages (Based on English and Karachay-Balkar)]. PhD in Philological sci. diss. Nalchik : Kabardino-Balkarian State University. (In Russ.).

Kosheva, 2021 – Kosheva A. SH.Diskursivnyy marker SORA: semantika i pragmatika (na materiale karachayevo-balkarskogo yazyka) [Semantics and functioning of discourse marker sora in Karachay-Balkar language]. *Vestnik CHGPU im. I. Ya. Yakovleva* [I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University Bulletin], 1 (110), 43–51. (In Russ.). https://doi.org/10.37972/chgpu.2021.110.1.006

Morkovkin, V. V., Lutskaya, N. M., Bogacheva, G. F. et al. (Eds). (1997). *Slovar' strukturnykh slov* [Dictionary of structural words]. Moscow : Lazur' Press. (In Russ.).

Morkovkin, V. V., Lutskaya, N. M., Bogacheva, G. F. et al. (Eds). (2003). *Ob"yasnitel'nyy slovar' russkogo yazyka: strukturn·yye slova: predlogi, soyuzy, chastitsy, mezhdometiya, vvodn·yye slova, mestoimeniya, chislitel'nyye, svyazochnyye glagoly* [Russian explanatory dictionary. Structural words: Prepositions, conjunctions, particles, interjections, numerals, link verbs]. Moscow : Astrel' Press ; AST Press. (In Russ.).

Paducheva, Ye. V. (2014). Evidentsial'n·yye pokazateli i ikh rezhimy interpretatsii [Evidential markers and their registers of interpretation]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy instituta lingvisticheskikh issledovaniy* [Acta Linguistica Petropolitana. Transactions of the Institute for Linguistic Studies], 10 (3), 529–541. (In Russ.).

Petrov, N. E. (1984). *Modal'nyye slova v yakutskom yazyke* [Modal words in Yakut]. Moscow : Nauka Press. (In Russ.).

Plungyan, V. A. (2000). *Obshchaya morfologiya: vvedenie v problematiku* [General morphology: Introducing the topic]: A coursebook. Moscow : Editorial URSS Press. (In Russ.).

Skribnik, Ye. K., Ozonova, A. A. (2005). Sredstva vyrazheniya zasvidetel'stvovannosti i mirativnosti v altayskom yazyke [Means of expressing evidentiality and mirativity in the Altai language]. *Puti formirovaniya lingvisticheskogo landshafta Sibiri* [The ways of forming the language landscape of Siberia] (pp. 12–146). Novosibirsk : Nika Press. (In Russ.).

Sovremennyy tatarskiy literaturnyy yazyk. Leksikologiya, fonetika, morfologiya [Modern Tartar language: Lexicology, phonetics, morphology]. (1969). Moscow : Nauka Press. (In Russ.).

Trofimenko, O. A. (2009). Evidentsial'nost' v koreyskom yazyke [Evidentiality in Korean]. *Vestnik IGLU* [The ISLU Philological Review], 4 (8), 140–147. (In Russ.).

Sherstyanykh, I. V. (2016). Diskursivn·yye slova kak sredstvo organizatsii rechevykh zhanrov (na primere leksemy pravda) [Discursive words as a means of organizing speech genres (On the example of lexeme true)]. *Zhanry rechi* [Speech Genres], 1 (13), 42–49. (In Russ.). https://doi.org/10.18500/2311-0740-2016-1-13-42-49

Shilikhina, K. M. (2015). Izucheniye diskursivnykh markerov metodami korpusnoy lingvistiki [Corpus-based study of discourse markers]. *Vestnik Voronezhskogo gos. un-ta. Ser.: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and intercultural communication], 3, 120–125. (In Russ.).

Shustova, S. V., Tsarenko, N. M. (2019). Pragmaticheskiy potentsial diskursivnykh markerov [Pragmatic potential of discourse markers]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 5 (4), 163–170. (In Russ.). https://doi.org/10.22250/2410-7190_2019_5_4_163_170

Shcherbak, A. M. (1987). *Ocherki po sravnitel'noy morfologii tyurkskikh yazykov (narechiya, sluzhebnyye chasti rechi, izobrazitel'nyye slova)* [Essays of comparative morphology in Turkic languages (Adverbs, functional words, onomatopoeic words)]. Leningrad : Nauka Press. (In Russ.).

Badzhanly Eyyup. (2005). *Kategoriya evidentsial'nosti v turetskom yazyke v funktsional'no-semanticheskom aspekte (v sopostavlenii s altayskim yazykom)* [Evidentiality category in Turkish: Functional and semantic aspects]. PhD in Philological sci. diss. Moscow : Lomonosov Moscow State University. (In Russ.).

Aikhenvald, A. I. (2004). *Evidentiality*. Oxford : Oxford University Press.

Aksu-Koc, A. A., Slobin, D. I. (1986). A psychological account of the development and use of evidentials in Turkish. In W. Chafe, J. Nichols (Eds), *Evidentiality: The Linguistic Coding of Epistemology* (pp. 159–167). New Jersey : Ablex Publishing Corporation.

Bauer-Ramazani, Ch. (2006). *English Discourse Markers*. Retrieved July 14, 2021 from <https://academics.smcvt.edu/cbauerramazani/AEP/BU113/English/discmarkers.ht/>.

Brizer, S. (2012). From subject to subjectivity: Russian discourse structuring elements: Based on the adverbial participle govorya «speaking». *Russian Linguistics*, 36 (3), 221–249.

Brown, G., Yule, G. (1983). *Discourse Analysis*. Cambridge : Cambridge University Press.

Fischer, K. (2000). *From cognitive semantics to lexical pragmatics: the functional polysemy of discourse particles*. Berlin : Mouton de Grouter.

Fraser, B. (1999). What are discourse markers? *Journal of Pragmatics*, 31, 931–952.

Johanson, L. (2003). Evidentiality in Turkic. In A. Y. Aikhenvald, R. M. W. Dixon (Eds), *Studies in Evidentiality* (pp. 273–293). Amsterdam.

Johanson, L. (2000). Turkic indirectives. In Utas, B., Johanson, L. (Eds), *Evidentials: Turkic, Iranian, and neighboring languages* (pp. 61–87). Berlin – New York : Mouton de Gruyter.

Schiffrin, D. (1987). *Discourse Markers*. Cambridge : Cambridge University Press.

Waltereit,R. (1983). *Abtönung: Zur Pragmatik und historischen Semantik von Modalpartikeln und ihren funktionalen Äquivalenten in romanischen Sprachen*. Tübingen : Max Niemeyer Verlag.

Статья поступила в редакцию 09.07.2021; одобрена после рецензирования 12.11.2021; принята к публикации 01.02.2022.
The article was submitted 09.07.2021; approved after reviewing 12.11.2021; accepted for publication 01.02.2022.

УДК 81-116 doi: 10.22250/24107190_2022_8_1_95

Лян Мэнцзе
Мурманский арктический государственный университет
г. Мурманск, Российская Федерация
mentsze2018@gmail.com

Семиотический подход к исследованию русских примет (на материале примет о птицах)

Аннотация
Статья посвящена исследованию русских примет с ключевыми словами – видовыми названиями птиц (*курица, ворона, ласточка, кукушка, петух*), а также с родовым названием *птица*. Утверждается, что если принять за основу идею знаковой природы примет, то можно считать доказанным, что их культурные коды реализуются в определённых бинарных семантических оппозициях: для погодных примет это оппозиции «локус – погода», «пространство – погода», «время – погода», «действие – погода», «образ действия – погода» и «количество – погода», а для суеверных примет – «локус – судьба», «пространство – судьба», «время – судьба», «действие – судьба», «образ действия – судьба» и «количество – судьба». Цель работы – проанализировать русские приметы о птицах с семиотической точки зрения. Применение семиотического подхода даёт новый ракурс анализу содержательной структуры русских примет и оценке его роли в процессе расшифровки культурного кода. В ходе исследования использованы: метод бинарных оппозиций, метод классификации, количественный метод и этнокультурологический анализ. Установлено, что для погодных примет с ключевыми словами – названиями птиц отмечено явное доминирование оппозиций «локус – погода» и «время – погода». Для суеверных примет с ключевыми словами – названиями птиц символическим считается и место действия (локус), и само действие и способ его осуществления, и количественный фактор, представляя дохристианское, мифологическое сознание. Для погодных и суеверных примет с ключевым словом – родовым названием *птица* характерно доминирование оппозиции «локус – погода / судьба». Показано, что оппозитивный анализ примет орнитологического кода позволяет выдвинуть некоторые предположения о специфике воззрения народа на разные стороны его хозяйственной жизни, быта и деятельности.

Ключевые слова: приметы, орнитологический код культуры, метод бинарных оппозиций

© Лян М. 2022

Для цитирования: Лян М. Семиотический подход к исследованию русских примет (на материале примет о птицах) // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2022. Вып. 8, № 1. С. 95–112. https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_1_95

Liang Mengjie
Murmansk Arctic State University
Murmansk, Russian Federation
mentsze2018@gmail.com

Semiotic approach to studying omens in the Russian culture (Based on the omens related to birds)

Abstract
The article studies omens in the Russian culture by investigating their key words that denote species of birds (*chicken, crow, swallow, cuckoo, rooster*), as well as *bird* as a category name. It is argued that if we consider the symbolic nature of omens then we can prove that their cultural codes are realized in certain binary semantic oppositions. Thus, for weather omens, these oppositions are “locus – weather”, “space – weather”, “time –

weather", "action – weather", "image actions – weather", "quantity – weather", and for superstitious omens, they are "locus – fate", "space – fate", "time – fate", "action – fate", "mode of action – fate" and "quantity – fate". This study aims to analyze Russian omens related to birds from the semiotic viewpoint. Applying the semiotic approach that contributes into cultural code deciphering gives a new angle to Russian omens analysis. During the study, the following methods were used: the method of binary oppositions, the method of classification, the quantitative method and ethnocultural analysis. It has been found that for the omens related to bird species, there is a clear prevalence of the oppositions "locus – weather" and "time – weather". For the superstitious omens related to bird species, the place of action (locus), the action itself, the method of its implementation, the quantitative factor, representing the pre-Christian, mythological consciousness – all of them are considered symbolic. For the omens related to *bird* as a category name, the opposition "locus – weather / fate" prevails. It is shown that the oppositional analysis of the ornithological code features enables to put forward certain assumptions about the people's views on different aspects of their economic activities and lifestyle.

Keywords: omens, ornithological culture code, method of binary oppositions

© Liang M. 2022

For citation: Liang, M. (2022). Semioticheskiy podkhod k issledovaniyu russkikh primet (na materiale primet o ptitsakh) [Semiotic approach to studying omens in the Russian culture (Based on the omens related to birds)]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 8 (1), 95–112. https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_1_95

1. Введение [Introduction]

Актуальность работы обусловлена стремлением учёных исследовать языковую, в том числе паремиологическую, картину мира, тесно связанную с традициями народа и компетенцией носителя языка. Ценность примет заключается, по мнению А. Н. Афанасьева, в том, что в них содержится драгоценный материал для науки, обнаруживающий глубокие основания метафорических сближений, на которых и держится толкование примет, и отражает наклонность народного ума во всем находить аналогию [Афанасьев, 1988, с. 69–70].

Примета как часть паремиологического фонда языка – многоаспектный объект исследования. Её изучение охватывает структурно-семантические, структурно-логические, функциональные, прагматические и лингвокультурные характеристики этого малого жанра. В рамках структурно-семантического направления проводится анализ синтаксической структуры и содержания примет (см., напр., [Иванова, 2005 ; Фаттахова, 2002 ; Тонкова, 2007]), в рамках функционального направления представлен их функциональный аспект [Вагнер, 2008], в рамках структурно-логического подхода исследуются сходства и различия логико-синтаксических структур примет [Фидарова, 2001], в работах анализируются также их прагматические и лингвокультурные характеристики [Садова, 2004 ; Харченко, Тонкова, 2008].

1.1. Орнитологический код культуры [Ornithological culture code]

Код культуры определяется как формирующая определённый фрагмент картины мира совокупность ментефактов, связанных с наделёнными культурными смыслами [Красных, 2016, с. 379]. Культурные коды являются непременным атрибутом всех семиотических систем. Именно они помогают перевести глубинные смыслы культуры на уровень выражения [Страусов и др., 2020, с. 41]. Среди базовых (наиболее значимых) кодов выделяется зооморфный (зоологический, биоморфный) код, в состав которого входит код, связанный с птицами, – орнитологический. Учёные отмечают, что зооморфный код культуры способствует выявлению её универсальных и национально-специфи-

ческих особенностей [Быкова, 2005 ; Гукетлова, 2009 ; Гура, 1997, с. 22 ; Гуревич, Изотова, 2018]). Опираясь на идеи В. Н. Телия, под орнитологическим кодом вслед за С. Хо в данном исследовании понимается совокупность названий птиц, обладающих добавочными культурно значимыми смыслами [Хо, 2021, с. 133–134].

Каждый фольклорный жанр, по мнению А. В. Гура, имеет специфику и различную ценность в плане реконструкции мифологических представлений. Наиболее непосредственно они отражаются в таких элементах духовной культуры, как поверья и приметы [Гура, 1997, с. 23]. Под культурным кодом примет понимается вербализованные объекты реальной действительности или действия, наделённые сакральным содержанием и имеющие высокую значимость для организации жизнедеятельности этноса [Страусов и др., 2020, с. 39].

По А. В. Гура, в традиционной культуре образы животных (включая птиц) служат одним из средств выражения представлений о мире в различных его проявлениях [Гура, 1997, с. 22]. Орнитонимы (названия птиц) занимают особое место и являются воплощением национально-культурных особенностей мышления, концептуально важной и эмоционально нагруженной частью языковой картины мира [Кутьева, 2009, с. 3–4]. Кроме того, орнитонимы являются лексической группой, которая испытала влияние мифологической, религиозной, а также обрядовой символики.

Птицы особенно тесно соприкасаются с календарным циклом, которому подчинена вся хозяйственная деятельность человека. Некоторые птицы, кроме того, являются вещими (кукушка, ворон) [Гура, 1997, с. 528–532]. Эти факторы объясняют наличие большого количества погодных и суеверных примет орнитологического кода.

1.2. Основания семиотического подхода к исследованию примет [The foundations of the semiotic approach to the study of signs]

Семиотический подход к исследованию примет основан на положении о том, что примета – это знак. Идея знаковой природы примет представлена во многих исследованиях [Христофорова, 1998 а ; Ваганова, 2013; Евстафьева, Цветкова, 2019 ; Страусов и др., 2020 и др.].

Знаковая теория предполагает выделение единиц и отношений между ними в структуре объекта. Поэтому важно определить, знаками чего являются исследуемые объекты, и выявить структуру этих знаков через соотношение оппозиций разных уровней. В. Н. Телия считает, что знаковую специфику можно определить, если выявить, какие особенности характерны для соотнесения «тела» знака со «значением» знака, а это предполагает, что специфика идиомы как знака должна соответствовать специфике того, что им обозначается, т. е. таким элементам действительности, которые «охватываются» только идиомами [Телия, 1996, с. 132].

По мнению Л. Г. Пермякова, паремии, к которым относятся приметы, – это знаки ситуаций или отношений между вещами в отличие от фразеологических оборотов, которые являются знаками вещей или понятий [Пермяков, 1975, с. 252 ; Пермяков, 1988, с. 21].

В работе В. Н. Страусова и соавторов отмечено, что примета – это сложный знак, состоящий из двух частей: означающего (событийная часть) и означаемого (прогноз), отношения между которыми определяют структурно-семиотические модели примет [Страусов и др., 2020, с. 20–31]. В означающих и означаемых примет используются коды, имеющие высокую степень культурной значимости. А эти коды реализуются в определённых бинарных семантических оппозициях [Страусов и др., 2018, с. 20–31].

Оппозиционная структура характерна, как известно, для древнего мировоззрения. Т. В. Цивьян отмечает, что самый простой и удобный способ описания архетипической модели мира является система бинарных оппозиций, и выделяет 10–20 пар

противопоставленных друг другу признаков, связанных со структурой пространства (оппозиции «верх – низ», «небо – земля», «земля – подземное царство», «правый – левый», «север – юг», «запад – восток» и др.), времени (оппозиции «день – ночь», «свет – мрак», «лето – зима», «весна – осень» и др.), связанных с цветом (оппозиции «белый – чёрный», «красный – чёрный» и др.), с оппозицией «природа – культура» («мокрый – сухой», «сырой – варёный» и др.), с социальными категориями (оппозиции «мужской – женский», «старший – младший», «свой – чужой», «близкий – далёкий», «внутренний – внешний» и др.). Все левые и правые части оппозиций образуют единства, отношения между которыми могут быть описаны с помощью более общих оппозиций: «счастье – несчастье»; «жизнь – смерть»; «чёт – нечет» [Цивьян, 1990, с. 5–6]. В работе В. В. Иванова и В. Н. Топорова представлены четыре группы универсальных бинарных оппозиций: общие, нелокализованные характеристики («счастье – несчастье»; «жизнь – смерть»; «чёт – нечет»); характеристики, приуроченные к пространственным отношениям («правый – левый»; «верх – низ»; «небо – земля»; «север – юг»; «восток – запад»; «море – суша»); характеристики, приуроченные ко времени, цвету или стихии («день – ночь»; «зима – весна»; «светлый – тёмный»; «сухой – мокрый» и др.); характеристики социальных отношений в широком смысле («свой – чужой»; «мужской – женский»; «старший – младший») [Иванов, Топоров, 1965, с. 64]. А. В. Гура отмечает, что при характеристике птиц в культуре прежде всего выделяется оппозиция «чистый (святой, добрый) – нечистый (дьявольский злой)» [Гура, 1997, с. 527]. По наблюдениям А. В. Никитиной, ведущими оппозициями в представлении кукушки как вещей птицы, в том числе в приметах и поверьях, являются оппозиции «жизнь – смерть», «доля – недоля», «богатство – бедность» [Никитина, 1999, с. 4].

Ц е л ь настоящей работы – проанализировать русские приметы о птицах с семиотической точки зрения. Именно в семиотическом подходе к анализу содержательной структуры русских примет и оценке его роли в процессе расшифровки культурного кода состоит новизна данного исследования.

2. Эксперимент [Experiment]

2.1. Материал и методика исследования [Material and methods]

Материалом исследования послужили приметы с ключевыми словами – названиями птиц, которые относятся к типу примет орнитологического кода, состав которых определяется в количестве 50 единиц. Ключевое слово понимается в настоящей работе как опорная, самая важная лексическая единица, «держащая» на себе все текстовое единство [Агапова, 2012, с. 5]. Кроме этого, в анализируемом материале мы ориентировались на субъектную доминанту, которая понимается нами как субъект производимого действия в первой части приметы (в означающем, или событийной части).

В рамках исследования было проанализировано 786 примет, представляющих орнитологический код. В данной работе представлены результаты анализа 472 примет (60,1% всех проанализированных единиц) с ключевыми словами – видовыми понятиями: *курица* (17% общего числа из них), *ворона* (9,6%), *ласточка* (7,8%), *кукушка* (7,4%), *петух* (6,9%), *ворон* (3,9%) – и родовым понятием *птица* (7,5%). Выбор этих групп примет определялся их культурной значимостью и, как следствие, популярностью в употреблении. При этом имеется в виду значимость и частотность употребления русских примет в этнокультурной общности в целом, хотя мы согласны с мнением К. Р. Вагнер о том, что частотность употребления тех или иных лексем в русских приметах с компонентом «зооним» обусловлена экстралингвистическими факторами: географическим расположением, климатом, бытом, особенностями ведения хозяйства и т. д. [Вагнер, 2008, с. 6]. Учитывая специфику материала, мы придерживаемся классификации,

предложенной А. Н. Афанасьевым, который разделил приметы на приметы, выведенные из действительных наблюдений (в современной терминологии погодные / календарные / метеорологические. – М. Л.), и приметы суеверные, в основании которых лежит не опыт, а мифическое представление [Афанасьев, 1988, с. 63–67]. В настоящей статье анализировались только приметы с ключевым словом в качестве субъекта действия (субъектной доминанты). Так, в приметах *Если, находясь весной на природе, при первых криках кукушки нажать кнопку вызова баланса, то до конца года на счёту будут водиться деньги* [БСП, 2009, с. 63]; *Если при первой кукушке брякнуть деньгами – они всегда будут водиться* [БСП, 2009, с. 63]; *Если соловья услышишь раньше кукушки, лето будет удачное* [Иванова, 2005, с. 50]; *Если кукушку услышишь раньше соловья, несчастливо проведёшь лето – прокукуешь* [БСП, 2009, с. 12] ключевое слово *кукушка* не является субъектом действия. Этим субъектом является человек, который выполняет действия *нажать, брякнуть, услышать*. По этой же причине в сферу нашего внимания не попадают и приметы о сновидениях: *Петух снится – к везению* [БСП, 2009, с. 37].

Источниками материала являются словари русского языка и сборники примет, поверий, суеверий, а также работы о русских приметах.

Основной метод исследования в настоящей работе – метод бинарных оппозиций. Кроме того, в работе использовались такие методы, как метод классификации, количественный метод и этнокультурологический анализ.

Метод бинарных семантических оппозиций представлен в некоторых работах, посвящённых приметам (см., напр., [Туганова, 2006, с. 14–17]. Авторы подобных исследований, как утверждают В. Н. Страусов и соавторы, рассматривают этот метод как частный случай образования некоторых примет. Тем самым имплицируется мысль о возможных других способах их формирования. Но бинарные оппозиции – это системное явление, свойственное абсолютно всем приметам [Страусов и др., 2020, с. 46].

Анализ примет при семиотическом подходе в нашем исследовании построен на следующих основаниях: классификации означающего (событийная часть) и классификации отношений между означающим (событийная часть) и означаемым (прогноз).

При построении классификаций означающего следует основываться на типологии ситуаций, поскольку эти ситуации относятся к приметам как инварианты к своим вариантам. В литературе встречаются в связи с этим логико-тематическая, тематическая и прагматическая классификации.

Так, ситуации, лежащие в основе пословичных изречений, Л. Г. Пермяков распределил по логико-тематическим группам, например «Причина и следствие», «Порождающее и порождаемое», «Свое или чужое?» [Пермяков, 1988, с. 22–24]. В работе М. А. Евстафьевой и А. А. Цветковой классификация ситуаций проводится по тематическому признаку, т. е. более узкому, конкретному, чем у Л. Г. Пермякова. Учёные отмечают, что народные приметы ориентированы на узкий круг тем по сравнению со сновидениями – это «рождение», «свадьба», «похороны», «бытовая жизнь», «важные изменения в жизни», «природные явления» [Евстафьева, Цветкова, 2019, с. 58]. В работе Т. Ройтер, посвящённой суеверным приметам, события классифицируются по типу «природа – человек» и «человек – человек», хотя автор отмечает недостаточность такого разграничения и выделяет следующие типы событий: «собственно природные явления», «события в отношениях с другими людьми», «события с созданными и / или используемыми человеком предметами или веществами», «события с самим человеком / в самом человеке», комбинации из выше представленных случаев [Ройтер, 1994, с. 189].

Прагматическая классификация ситуаций может быть представлена приметами с признаками таких речевых актов, как «наказ», «совет», «инструкция», «предостережение», «запрет», «утешение», «разрешение» [Кулькова, 2011, с. 48, 52, 117–119 ; Садова, 2004, с. 92].

В литературе также представлены более частные классификации ситуаций, которые являются контекстом для восприятия ключевых слов примет-сновидений: «свёрнутая» информация о типовой ситуации и информация о каком-либо признаке или действии, сопряжённых с ключевым словом [Иванилов, 2006, с. 9–10].

О. Б. Христофорова рассматривает как отдельно левые и правые части примет с целью выяснить, каковы прогнозирующие ситуации и какая информация представляется носителям традиции наиболее важной, так и то, как связаны левые и правые части. Последнее представлено учёным с точки зрения семантического / смыслового соотношения: какой прогноз сделан на основе конкретной прогнозирующей ситуации [Христофорова, 1998 б, с. 62, 65, 67].

Как отмечает Т. С. Садова, примета, будучи устойчивой речевой единицей, составляет звено национальной культуры и отражает познавательные (когнитивные) усилия человека в ненаучном (наивном, эмпирическом) освоении мира [Садова, 2012, с. 79]. Поэтому важно представить арсенал когнитивных моделей, заложенных в приметах [Васильев, Васильева, 2013, с. 153]. Такие модели могут быть представлены через оппозиции.

Мы полагаем, что при характеристике отношений между означающим (событийная часть) и означаемым (прогноз) в приметах принципиальным является выделение оппозиций – как базовых, так и частных. Необходимо отметить, что инвариантный характер знаков-примет имеют не столько тематические группы, т. е. содержание ситуаций, сколько базовые оппозиции, поскольку характерной чертой примет является бинарность их структуры.

В рамках настоящего исследования представляются важными идеи В. Н. Страусова и соавторов о том, что в модели примет представлены два типа оппозиций: бинарная оппозиция «означающее – означаемое», которая является поверхностной структурой знака, и бинарные оппозиции, презентирующие глубинную структуру, в которых оппозиция поверхностной структуры реализуется. Например, в означающем приметы *«Большой иней, бугры снега, глубоко промёрзлая земля – к хлебородию»* используются культурные коды *иней, снег* и *промёрзлая земля*. Коды *иней* и *снег* реализуются в оппозиции «много – мало», а код *промёрзлая земля* – в оппозиции «глубоко – не глубоко». Прилагательное *большой* культурных знаков *снег* и *иней* и прилагательное *глубокий* культурного знака *промёрзлая земля* связаны с прогнозом *плодородие* не на уровне словарных дефиниций, а на уровне ментальных структур знаний. Понятия *большой, глубокий* получают дополнительный семантический признак, исходящий от понятия *урожай хлеба*. И наоборот понятие *урожай хлеба* обогащается за счёт понятий *большой, глубокий* [Страусов и др., 2020, с. 20–31].

Анализ содержания примет представлен в научной литературе такими базовыми оппозициями, как оппозиции «верх – низ», «чистый – грязный», «молодой – старый», «светлый – тёмный», а также в рамках оценочной оппозиции «хорошо – плохо» [Евстафьева, Цветкова, 2019, с. 59–61]. Этим списком перечень базовых оппозиций, разумеется, не ограничивается. В данной статье мы рассмотрим базовые оппозиции, актуализированные в приметах орнитологического кода.

2.2. Обсуждение результатов [Results and discussion]

2.2.1. Оппозиционный анализ содержания примет о птицах [Analysis of bird-related omen oppositions]

В настоящей работе выделены базовые оппозиции, являющие основой содержания примет, основываясь на идее наличия категорий мышления как универсального способа логического освоения мира. Из истории философии общеизвестны 10 таких категорий, названных Аристотелем: сущность / субстанция, количество, качество, отношение, место, время, положение, состояние, действие и страдание [ФЭС, 1983, с. 251].

Содержание базовых оппозиций, с нашей точки зрения, обусловлено разновидностью примет о птицах: погодные (календарные) и суеверные. Поскольку основной функцией примет признается прогностическая, то логичным будет утверждать, что второй парой оппозиции следует считать концептуальные понятия «погода» и «судьба».

Анализ нашего материала показал, что базовыми оппозициями в погодных приметах орнитологического кода являются такие оппозиции, как «локус – погода», «пространство – погода», «время – погода», «действие – погода», «образ действия – погода» и «количество – погода». Для суеверных примет выделяются следующие базовые оппозиции: «локус – судьба», «пространство – судьба», «время – судьба», «действие – судьба», «образ действия – судьба» и «количество – судьба». На значимость некоторых из этих категорий указывал в частности А. В. Гура, определяя минимальных набор смыслоразличительных признаков для выделения больших групп животных: единичность / множественность, локус и модус передвижения [Гура, 1997, с. 19].

Метод классификации языкового материала по группам в соответствии с той или иной оппозицией в нашем исследовании состоит в выделении языковых показателей (лексических и грамматических), которые мы вслед за Н. Н. Фаттаховой будем называть экспликаторами [Фаттахова, 2002, с. 73]. При наличии в тексте приметы экспликаторов разных оппозиций определяющим является сущность смысловой доминанты. Например, в примете *Осенью птицы летят высоко – к тёплой зиме* [БСП, 2009, с. 98] актуализируется оппозиция «пространство – погода», так как экспликатор – лексема *высоко* (пространственное значение) является первостепенной в определении прогноза, а лексема *осенью* (временное значение) является второстепенной, дополнительной к основному смыслу приметы.

Наличие / отсутствие базовых оппозиций в группах примет с разными ключевыми словами представлено в таблице 1.

Т а б л и ц а 1. **Базовые оппозиции в русских приметах орнитологического кода**
[T a b l e 1. **Basic oppositions in Russian omens of the ornithological code**]

Группа помет с ключевым словом	птица	курица	петух	ворона	ворон	ласточка	кукушка
Локус - погода	+	+	-	+	-	+	+
Локус-судьба	+	-	-	-	+	+	+
Пространство - погода	+	-	+	+	+	+	+
Пространство - судьба	-	-	-	-	-	-	-
Время - погода	+	+	+	+	-	+	-
Время - судьба	-	-	+	-	-	-	+
Действия - погода	+	+	+	+	+	+	+
Действия - судьба	-	-	+	-	+	-	+
Образ действия - погода	+	+	+	+	-	-	+
Образ действия - судьба	-	+	-	-	+	-	+
Количество - погода	-	+	-	+	-	-	-
Количество - судьба	-	+	-	-	+	-	+

П р и м е ч а н и е к т а б л и ц е 1 : Знаком «+» обозначено наличие оппозиции, знаком «-» – отсутствие оппозиции.

2.2.2. Оппозитивный анализ примет с ключевым словом – родовым понятием «птица» в качестве субъектной доминанты [Analysis of bird-related omen oppositions with "bird" as a subjective dominant]

В данной группе в основном представлены оппозиции со вторым элементом «погода»: «локус – погода» (42% общего количества примет с данным вторым элементом), «действие – погода» (17,1%), «пространство – погода» (12,5%), «образ действия – погода» и «время – погода» (по 4,85%).

В приметах данной группы значение локуса эксплицируется предложно-падежными сочетаниями соответствующего значения (*на землю, в воду, на солнечной стороне, на крыши, под крышу, на нижних ветках, по полю*): *Птицы вьют гнезда на солнечной стороне – к холодному лету* [ГМ, 2000, с. 297]; *Птицы на землю садятся – к вёдру* [ГМ, 2000, с. 298]; *Птицы садятся на крыши – к непогоде* [ГМ, 2000, с. 298]; *Птицы сидят на нижних ветках деревьев – к ветру* [БСП, 2009, с. 42]; *Если птицы входят в воду – будет дождь* [БСП, 2009, с. 71]; *Мелкая птица под крышу лезет – к дождю* [БСП, 2009, с. 75]; *Пиговка (пигалица, птичка) приседает по полю – на дождь* [БСП, 2009, с. 76]. В приметах, представляющих оппозицию «действия – погода», смысловой акцент перенесён на предикаты – глаголы «авторизующего значения» [Кулькова, 2011, с. 150] (*приумолкнуть*), глаголы физического действия (*играть*), глаголы собственно-возвратного значения (*ощипываться, хохлиться*): *Дворовая птица ощипывается – к ненастью / к дождю* [Бурцев, 2010, с. 566 ; БСП, 2009, с. 69, 132]; *Домашняя птица ощипывается – к ненастью* [БСП, 2009, с. 132]; *Если птицы играют – будет ветер / дождь* [БСП, 2009, с. 41, 77]; *Птицы приумолкли – жди грома* [БСП, 2009, с. 60]; *Птица хохлится – перед строгой зимой* [БСП, 2009, с. 97]. В оппозитивной группе «пространство – погода» актуализируются логические связи «вверх / вниз», которые эксплицируются за счёт употребления наречий (*низко, высоко, ниже*), а также предложно-падежных сочетаний с предлогами со значением пространственного отношения (к, над): *Птички, ласточки низко залетают – перед дождём* [БСП, 2009, с. 77]; *В октябре птицы летят ниже к земле – быть ранней и холодной зиме* [БСП, 2009, с. 95]; *Осенью птицы летят низко – к холодной зиме* [БСП, 2009, с. 97]; *Осенью птицы летят высоко – к тёплой зиме* [БСП, 2009, с. 98]; *Если весною перелетная птица летит низко, над землею, то будет раннее, хорошее лето* [БСП, 2009, с. 111]; *По весне перелётные птицы стелются над землёю – к тёплому лету* [БСП, 2009, с. 111]. В группе примет оппозиции «образ действия – погода»: *Птица дружно на отлёт пошла – к холодной зиме* [БСП, 2009, с. 97]; *Перелётные птицы вдруг примолкли – к грозе* [БСП, 2009, с. 60] – актуализируется способ действия за счёт употребления наречий со значением образа действия (*дружно, вдруг*). В приметах из группы оппозиции «время – погода» временные отношения представлены словами определённой семантики – наречиями времени (*рано, долго*): *Прилётные птицы долго весной не щебечут – к холодам* [ГМ, 2000, с. 394]; *Рано полиняли звери и птицы – к суровой зиме* [БСП, 2009, с. 97].

В группе оппозиции «локус – судьба» значение места эксплицируется за счёт употребления предложно-падежных сочетаний с соответствующим значением (*на гнездо, в дом, в окно, в комнату, в поле*): *Если эта птица не вернётся по весне на старое гнездо – там будет пожар* [ГМ-СС, 1995, с. 244]; *Птица в дом влетела – к беде* [БСП, 2009, с. 15]; *Птичка бьётся в окно – к хорошим вестям* [ПЧК, 1993, с. 13]; *Птица стучит в окно – к большому горю* [БСП, 2009, с. 52]; *Залетела дикая птица в дом – к беде, несчастью, покойнику* [Заянчковский, 2021]; *Птица в дом (в комнату и т. п.) влетела – к беде* [СТРППМ, 2020, с. 474]; *Птичка, залетевшая в чистом поле прямо в руки, – к добру* [БСП, 2009, с. 67].

По частотности прогноза погоды в группе с родовым понятием птица самым популярным является прогноз на *ненастье* (*гроза, гром, буря, ветер, гром, непогода*)

(28,2% общего количества примет), на *дождь* (25,6%), на *тёплую* (*вёдро, тёплое / хорошее лето, тёплая зима*) (25,6%) и *холодную погоду* (*холодная / суровая зима, холода)* (18%).

По частотности прогноза судьбы анализируемые суеверные приметы с ключевым словом *птица* в своём большинстве прогнозируют *счастье / добро / богатство* (40% общего количества примет), *несчастье* (*горе, беда, авария*) (40%), предсказывают *смерть* (10%), *стихийное бедствие* (*пожар*) (10%).

2.2.3. Оппозитивный анализ погодных примет с ключевыми словами – видовыми понятиями птиц в качестве субъектной доминанты [Analysis of bird-related omen oppositions with a kind of birds as a subjective dominant]

Во всех анализируемых группах погодных примет представлены следующие оппозиции: «локус – погода» (40% общего количества примет), «время – погода» (24,8%), «действие – погода» (22,8%), «пространство – погода» (16,1%) и «образ действия – погода» (6%). Очень ограниченно в анализируемом материале отмечена оппозиция «количество – погода» (3,5%).

В приметах, представляющих оппозицию «действия – погода», смысловой акцент перенесен на предикаты – глаголы движения (*лететь, гоняться*), глаголы «авторизующего значения» [Кулькова, 2011, с. 150] (*кричать, петь, кудахтать, куковать*), глаголы физического действия (*махать, вертеть, трясти, ловить*), глаголы взаимновозвратного значения (*драться*), глаголы характеризующего значения (*хохлиться*), глаголы собственно-возвратного значения (*ощипываться, охорашиваться*): Ласточка ловит рыбёшку – жди грозы [БСП, 2009, с. 59]; *Ласточки разгонялись – перед дождем* [БСП, 2009, с. 74]; *Кукушка кукует – будет хорошая погода* [Иванова, 2005, с. 44–45]; *Вороны ощипываются – к дождю* [БСП, 2009, с. 68]; *Вороны хохлятся – к дождю* [БСП, 2009, с. 68]; *Ворона купается – к ненастью* [ГМ, 2000, с. 55]; *Ворон летит и каркает – к дождю* [ГМ, 2000, с. 55]; *Курица охорашивается – к дождю* [ГМ, 2000, с. 168]; *Курица машет крыльями и вертит хвостом – на ветер* [БСП, 2009, с. 42]; *Куры кудахчут – к ненастью* [Иванова, 2005, с. 131]; *Петух головой трясёт – к беде в доме* [БСП, 2009, с. 15 ; ДП, 1989, с. 383]; *Петухи меж собою дерутся – к хорошей погоде* [ГМ, 2000, с. 276]; *Петушок поёт – значит, дождь пойдёт* [Иванова, 2005, с. 51].

Приведём примеры актуализации оппозиции «локус – погода» в анализируемых группах примет: *Вороны играют на земле – к дождю* [БСП, 2009, с. 68]; *Когда вороны и лесные птицы купаются в реках и озёрах, то последует бурная погода и дождь* [Бурцев, 2010, с. 620]; *Кукушка кукует на сухом дереве – к морозу* [Бурцев, 2010, с. 578 ; БСП, 2009, с. 126]; *Курица летает по избе – к морозу* [Иванова, 2005, с. 131]; *Навесились ласточки на провода, дождь будет* [Васильев, Васильева, 2013, с. 155]; *Ласточки задевают крыльями поверхность воды – к дождю* [БСП, 2009, с. 74]. В приметах данной оппозитивной группы значение локуса эксплицируется за счёт употребления предложно-падежных сочетаний (*на земле, в реках и озёрах, на сухом дереве, по избе, на провода, на поверхности воды*). В отличие от оппозиции «локус – погода» в оппозитивной группе «пространство – погода» актуализируются логические связи «вверх / вниз», которые эксплицируются за счёт предлогов со значением пространственного отношения (*над, в (во), перед, через, на*): *Ласточки летают над землёй – не жди погоды сухой* [Заянчковский, 2021]; *Ворон купается во дворе – к несчастью* [БСП, 2009, с. 11]; В*орон через двор летит – не к добру* [БСП, 2009, с. 11]; *Галки и вороны, сидящие с криком перед домом, особенно утром, – к худу* [БСП, 2009, с. 12]; В*орон закаркал над головой – к беде* [Заянчковский, 2021]; *Если ворон сядет на крышу дома – то будет покойник* [Бурцев, 2010, с. 571]; *Если ворон пролетит над тобой три раза – отдавай концы* [Заянчковский, 2021].

В группе примет оппозиции «образ действия – погода»: *Кукушка кукует так, будто смеётся – к дождю* [БСП, 2009, с. 73]; *Кукушка регулярно кукует и поёт длинную песню – к тёплой погоде* [ССС, 2012, с. 158]; *Ворона ходит разинув рот – перед грозой* [БСП, 2009, с. 59]; *Куры россыпью ходят – к дождю* [ГМ, 2000, с. 168]; *Курица на одной ноге – к стуже* [Бурцев, 2010, с. 576]; *Курица запела петухом – не перед добром* [Иванова, 2005, с. 131]; *Петухи кричат вперемежку с лягушками – к дождю* [БСП, 2009, с. 76] – актуализируется способ произведения действия употреблением наречий со значением образа действия (*регулярно, россыпью, петухом, вперемежку*), предложно-падежных сочетаний (*на одной ноге*) и сравнительных конструкций (*будто смеётся*) того же значения.

В приметах из группы оппозиции «время – погода» временные отношения представлены словами временной семантики: наречиями времени (*рано, поздно, летом, зимой, днём, вечером, вовремя*), существительными, обозначающими время суток (*полдень*), прилагательными со значением времени (*ранний, поздний, летний*) и событийными именами собственными, в том числе именами собственными, номинирующими календарные дни (*Евдокия, Благовещение*): *Петух запел в ненастье – жди ясной погоды* [Иванова, 2005, с. 132]; *В летнюю пору петухи вдруг ни с того ни с сего начинают кукарекать среди белого дня, по всей деревне устраивая перекличку, – будет дождь* [БСП, 2009, с. 68]; *Петух ночью поёт не вовремя – к ненастью* [Пермяков, 1970, с. 198]; *На эту Евдокию курочка водички напьётся, то год хороший будет* [РНК-ЭС, 2021, с. 129]; *Куры кукарекают днём – к дождю* [БСП, 2009, с. 74]; *Вороны купаются ранней весной – к теплу* [Пермяков, 1970, с. 191]; *На Филиппа вороны каркают – к оттепели* [РНК-ЭС, 2021, с. 461]; *Ворона купается весной и летом – к дождю* [БСП, 2009, с. 68]; *Благовещение (7 апреля) без ласточек – холодная весна* [БСП, 2009, с. 40].

Оппозиция «количество – погода» представлена наименьшим количеством примеров: *Вороны часто кричат – к дурной погоде* [БСП, 2009, с. 36]; *Куры носом колотят часто – к морозу* [ГМ, 2000, с. 168]. Количественные отношения эксплицированы с помощью употребления наречий со значением частотности (*часто*).

Согласно нашему исследованию самыми «популярными» птицами в исследованном материале при определении прогноза погоды являются *ворона, курица* и *кукушка*. По частотности прогноза погоды «на первое место» выходит *дождь* (41% общего количества примет), затем идёт *хорошая, ясная, тёплая погода* (*вёдро*) (13%), а потом *мороз* (6%).

2.2.4 Оппозитивный анализ суеверных примет с ключевыми словами – видовыми понятиями птиц в качестве субъектной доминанты [Analysis of bird-related superstitious omen oppositions with a kind of birds as a subjective dominant]

Во всех группах суеверных примет представлена оппозиция «локус –судьба», «действия – судьба», «образ действия – судьба» и «количество – судьба» (по 21,4% общего количества примет), затем по распространённости следует оппозиция «время – судьба» (14,4%). Оппозиция «пространство – судьба» в анализируемом материале не представлена.

В группе оппозиции «локус – судьба» значение места действия эксплицированы при употреблении предложно-падежных сочетаний с соответствующим значением (*во дворе, через двор, перед домом, на крыше дома, в дом, под крышей дома, над тобой, над головой, над коровой*): *Ворон купается во дворе – к несчастью* [БСП, 2009, с. 11]; *Ворон через двор летит – не к добру* [БСП, 2009, с. 11]; *Галки и вороны, сидящие с криком перед домом, особенно утром, – к худу* [БСП, 2009, с. 12]; *Ворон закаркал над головой – к беде* [Заянчковский, 2021]; *Если ворон сядет на крышу дома – то будет покойник* [Бурцев, 2010, с. 571]; *Если кукушка закукует на голый лист – будет год голодный* [БСП, 2009, с. 51]; *Кукушка кукует на сыром (зелёном) дереве – урожай будет хороший* [Иванова, 2005, с. 131]; *Ранняя кукушка (до опушки дерева) – к неурожаю*

[Иванова, 2005, с. 131]; *Кукушка летает по деревне – к пожару* [Иванова, 2005, с. 131]; *Ласточка стучится в окно – будет известие / к смерти* [Иванова, 2005, с. 129, 131]; *Ласточка залетела в дом – к покойнику* [Заянчковский, 2021]; *Если ласточка построит гнездо, а потом его покинет – это предвещает беду* [PY, 2021]; *Если ласточка пролетит над самым твоим плечом – это верная примета близкой смерти* [PY, 2021]; *Ласточка строит гнездо под твоей крышей – значит, удача придёт в твой дом* [PY, 2021].

В приметах, представляющих оппозицию «действия – судьба», как и в подобных погодных приметах, смысловой акцент перенесён на предикаты – глаголы «авторизующего значения» [Кулькова, 2011, с. 150] (*каркать*), глаголы физического действия (*трясти*), глаголы собственно-возвратного (*искупаться*) и взаимно-возвратного значения (*собираться*): *Ворон каркает – к худу* [БСП, 2009, с. 11]; *Если ворон искупался (в прорубке. – М. Л.) – год тяжёлый будет* [РНК-ЭС, 2021, с. 220]; *Ворон в кучу собираются – к ненастью* [Бурцев, 2010, с. 558]; *Петух головой трясёт – к беде в доме* [ДП, 1989, с. 383]. В группе примет оппозиции «образ действия – судьба»: *Через который двор ворон перелетел каркая, там будет покойник* [ДП, 1989, с. 383]; *Кукушка натощак кукует – не к добру* [Иванова, 2005, с. 131]; *Хором куры кудахчут – к семейной ссоре* [Иванова, 2005, с. 132]; *Курица запела петухом – к беде* [БСП, 2009, с. 13], *к покойнику* [СТРППМ, 2020, с. 478]; *к огню, к пожару* [Заянчковский, 2021] экспликаторами являются наречия способа и образа действия (*натощак, хором, петухом*), а также необособленные одиночные деепричастия (*каркая*).

В приметах группы «количество – судьба»: *Если ворон пролетит над тобой три раза – отдавай концы* [Заянчковский, 2021]; *Сколько кукушка прокукует, столько лет будешь жить* [БСП, 2009, с. 80]; *Если наседка высиживает нечётное количество яиц – это принесёт несчастье дому и его обитателям* [БСП, 2009, с. 12] – актуальна семантическая доминанта единичность / множественность (*три раза, нечётное количество, большое количество*).

В группе оппозиции «время – судьба» временные отношения представлены словами временной семантики: сочетаниями местоимение + существительное, обозначающими время суток и продолжительность (*всю ночь*), прилагательными со значением времени (*ранний, первый*) и событийными именами собственными, в том числе антропонимами, номинирующими календарные дни (*Егорий*): *Ранняя кукушка до опушки дерева – к голоду* [БСП, 2009, с. 52]; *Кукушка до Егория – к неурожаю и падежу скота* [РНК-ЭС, 2021, с. 137]; *Ранние ласточки – к счастливому году* [ГМ-СС, 1995, с. 244]; *Петухи всю ночь поют – не к добру* [БСП, 2009, с. 15].

В группе оппозиции «пространство – судьба» в анализируемом материале приметы не отмечены.

Согласно нашему исследованию самыми «популярными» птицами в исследованном материале при предсказании судьбы являются *кукушка* и *ворон*. По частотности прогноза анализируемые суеверные приметы в своем большинстве прогнозируют *счастье / удачу / богатство* (24% общего количества примет), предсказывают *беду* (21,3%), *смерть* (17,3%), *несчастье / неудачу* (13,3%) и *голод / сытость* (9,3%).

2.2.5. Семиотический подход к исследованию примет как способ расшифровки орнитологического кода [Semantic approach to studying omens as a way to decipher ornithological code]

По мнению Д. В. Гудкова, объекты окружающего человека мира обретают знаковую функцию, так как имеют значение в рамках особой семиотической системы, которая называется культурным кодом. Этот код, по мнению учёного, подчас не упрощает, а усложняет мир, заставляя воспринимать его как магическую книгу, которую предстоит расшифровать, давая в то же время подсказки для подобной расшифровки [Гудков,

2005, с. 25–26]. Такие подсказки мы находим в тексте примет, и путём к расшифровке культурного кода, как показывает анализ материала, оказывается использование семиотического подхода и метода бинарных оппозиций.

Так, установлено, что оппозитивный анализ примет орнитологического кода позволяет выдвинуть некоторые предположения о специфике «воззрений народа на разные стороны его хозяйственной жизни, быта и деятельности и на те условия, среди которых народная жизнь протекает» [Ермолов, 2013, с. 7].

Например, приоритет оппозиций «локус – погода» и «время – погода» в группе погодных примет с ключевыми словами – названиями птиц можно объяснить спецификой русской традиционной культуры – по словам В. Я. Проппа, архаической культуры «сил», связанной со временем пробуждения сил земли, нужных земледельцу [Пропп, 1995, с. 108, 32]. Связь земли и того, что происходит под ней и над ней, всегда было важно для крестьянина. Локус (*земля*) тесно переплетался со временем в рамках календарных обрядов. Поэтому в качестве предварительного вывода проанализированный материал подтверждает наблюдения этнографов о том, что главную роль с точки зрения практики сельского хозяйства играют *год, пора, погода*, т. е. влиянию метеорологических факторов придаётся больше значения, чем трудам человека [Афанасьев, 1988, с. 19].

В погодных приметах с ключевым словом – названиями птиц представлена зависимость поведения птиц и времени его осуществления. Как отмечают исследователи, некоторые птицы в народном сознании прочно «закреплены» за определённым типом погоды. Так, показано, что носителями среднесрочного прогноза дождя, как правило, выступают такие птицы, как куры, ворона и воробей [Васильев, Васильева, 2013, с. 158]. Наш материал позволяет выделить важную роль такой домашней птицы, как курица, и такой дикой птицы, как ворона, в прогнозировании прежде всего дождливой погоды в отличие от засухи. Часть таких прогнозов имеет в виду именно весенний или летний дождь, который «дарует всем, кто им умывается, силы, здоровье, красоту и чадородие» [Афанасьев, 1988, с. 314–315].

Кроме того, прилёт птиц всегда олицетворял приход весны в сознании человека, хотя в этой зависимости, по мнению В. Я. Проппа, отмечено неверное представление о причинно-следственной связи. Учёный утверждает, что первобытный земледелец не до конца понимал закономерности смены времён года. В предотвращении бедствия, что зима будет длиться долго, люди пытались её призвать. А так как начало весны связывали с прилётом птиц, то полагали, что птицы приносят её с собой [Пропп, 1995, с. 41].

Распространённость оппозиции «действия – погода» в погодных приметах с ключевыми словами – названиями птиц, с нашей точки зрения, подтверждает факт возрастающего внимания человека к поведенческим чертам и совокупности устойчивых свойств в поведении представителя животного мира, т. е. к его характеру, который обнаружен Е. В. Болговой при исследовании зоонимов современного русского языка [Болгова, 2021, с. 159].

Разнообразие аспектов судьбы, которые отражены в суеверных приметах рассматриваемых групп (*счастье, несчастье, беда, богатство, сытость, урожай, неурожай, голод, смерть*), сводятся к противопоставлению доли / недоли, считающемуся одной из главных семиотических оппозиций в модели мира [Никитина, 1994, с. 132] и отражающему дуалистический взгляд славянских племен на явления природы [Афанасьев, 1988, с. 125].

Доминирование оппозиции «локус – погода / судьба» в погодных и суеверных приметах с ключевым словом – родовым названием птица отчасти объясняется тем, что образ жизни птиц тесно связан с периодической сезонной сменой места их обитания [Гура, 1997, с. 529].

3. Заключение [Conclusion]

1. Анализ примет с ключевыми словами – названиями птиц показывает, что семиотический подход позволяет установить структуру смыслового содержания примет путём анализа оппозиций. За основу противопоставления берутся оппозиции, которые обозначают базовые логические установки, представленные в архаическом сознании, и базовые понятия погодных и суеверных примет: в левой части бинарной оппозиции это установки на локус, пространство, время, действие, образ действия, количество, а в правой части – погода и судьба.

2. Сопоставительный анализ оппозиций в приметах с родовым и видовыми понятиями (птица – конкретные птицы) показал преобладание / отсутствие той или иной логической категории в первой части приметы.

3. Для погодных примет с ключевыми словами – названиями птиц отмечено явное доминирование оппозиций «локус – погода» и «время – погода». Для суеверных примет с ключевыми словами – названиями птиц символическим считается и место действия (локус), и само действие и способ его осуществления, и количественный фактор, представляя дохристианское, мифологическое сознание. Для погодных и суеверных примет с ключевым словом – родовым названием птица характерно доминирование оппозиции «локус – погода / судьба».

4. В группе проанализированных суеверных примет отмечено отсутствие оппозиции «пространство – судьба» в связи со спецификой понятия «судьба», которое в силу своего содержания не соотносится с представлением «вверх / вниз».

5. Значение экспликаторов бинарных оппозиций погодных и суеверных примет во всех типах совпадают: это значение образа и способа действия, времени, пространства, реализуемых в наречиях и предложно-падежных сочетаниях. Исключение составляет пара оппозиций «количество – погода» и «количество – судьба»: в первой оппозиции у экспликаторов актуализируется значение частотности, а во второй – единичности / множественности.

6. Действительность, моделируемая орнитологическим кодом русских примет, требует расшифровки, возможность для которой создаёт метод бинарных оппозиций. Анализ примет показал особую важность для сознания русского человека поведения птиц, связанного с образом их жизни и с сезонной сменой места их обитания, в прогнозировании конкретных проявлений погоды / непогоды и смене времен года, а также в предвидении будущего.

Библиографический список

Агапова, 2012 – Агапова Н. А. Ключевое слово народной приметы в лингвокультурологическом аспекте // Язык и культура. 2012. № 2 (18). С. 5–14.

Афанасьев, 1988 – Афанасьев А. Н. Живая вода и вещее слово. М. : Советская Россия, 1988. 512 с.

Болгова, 2021 – Болгова Е. В. Зоонимы русского языка в современном речевом употреблении : семантико-прагматический подход : дис. … канд. филол. наук : 10.02.01 ; Мурманский арктический гос. ун-т. Мурманск, 2021. 254 с.

БСП, 2009 – Никитина Т. Г., Рогалева Е. И., Иванова Н. Н. Большой словарь примет. М. : АСТ ; Астрель, 2009. 687 с.

Бурцев, 2010 – Бурцев А. Е. Народный быт великого севера. Его нравы, обычаи, предния, предсказания, предрассудки, притчи, пословица, присловья, прибаутки, перегудки, припевы, сказки, присказки, песни, скороговорки, загадки, счеты, задачи, заговоры и заклинания. М. : МООО «Экологический союз Подмосковья», ИЦ «Слава!», 2010. 624 с.

Быкова, 2005 – Быкова О. И. Этноконнотация как вид культурной коннотации (на материале номинативных единиц немецкого языка) : дис. … д-ра филол. наук : 10.02.19 ; Воронежский гос. ун-т. Воронеж, 2005. 396 с.

Ваганова, 2013 – Ваганова Е. Н. Фольклор мордвы-мокши: к проблеме бытования народных примет // Финно-угорский мир. 2013. № 3. С. 58–66.

Вагнер, 2008 – Вагнер К. Р. Семантика и синтаксис русских народных примет с компонентом «зооним» (в зеркале английских примет) : дис. … канд. филол. наук : 10.02.01; 10.02.20 ; Татарский гос. гум.-пед. ун-т. Казань, 2008. 246 с.

Васильев, Васильева, 2013 – Васильев В. П., Васильева Э. В. Примета как культурно-ассоциативный слот метеонимического концепта // Слово: фольклорно-диалектологический альманах. Материалы научных экспедиций. Вып. 10 / под ред. Н. Г. Архиповой, Е. А. Оглезневой. Благовещенск : АмГУ, 2013. С. 152–160.

ГМ, 2000 – Грушко Е. А., Медведев Ю. М. Энциклопедия русских примет. Нижний Новгород : «Русский купец», «Братья славяне», 2000. 356 с.

ГМ-СС, 1995 – Грушко Е. А., Медведев Ю. М. Словарь русских суеверий, заклинаний, примет и поверий. Нижний Новгород : «Русский купец» и «Братья славяне», 1995. 560 с.

Гудков, 2005 – Гудков Д. Б. Коды русской культуры : проблемы описания // Мир русского слова. 2005. № 1–2. С. 25–31.

Гукетлова, 2009 – Гукетлова Ф. Н. Зооморфный код культуры в языковой картине мира (на материале разноструктурных языков: французского, кабардино-черкесского и русского языков) : автореф. дис. … д-ра филол. наук : 10.02.02; 10.02.20 ; Институт языкознания РАН. М., 2009. 47 с.

Гура, 1997 – Гура А. В. Символика животных в славянской народной традиции. М. : Индрик, 1997. 912 с.

Гуревич, Изотова, 2018 – Гуревич Т. М., Изотова Н. Н. Специфика зоологического кода японской культуры // Культура и цивилизация. 2018. Т. 8. № 2 А. С. 28–36.

ДП, 1989 – Пословицы русского народа : сб. В. Даля. В 2-х т. Т. 2. М. : Художественная литература, 1989. 447 с.

Евстафьева, Цветкова, 2019 – Евстафьева М. А., Цветкова А. А. Семантические инварианты пророческих сновидений и народных примет // Вестник Балтийского фед. ун-та им. И. Канта. Сер. : Филология, педагогика, психология. 2019. № 3. С. 55–64.

Ермолов, 2013 – Ермолов А. С. Народная сельскохозяйственная мудрость в пословицах, поговорках и приметах. М. : Институт русской цивилизации, 2013. 880 с.

Заянчковский, 2021 – Заянчковский И. Ф. Животные, приметы и предрассудки. URL : Royallib.com (дата обращения : 14.12.2021).

Иванова, 2005 – Иванова Н. Н. Структурно-семантические особенности и лингвокультурологический потенциал приметы : дис. … канд. филол. наук : 10.02.01 ; Псковский гос. пед. ун-т им. С. М. Кирова. Псков, 2005. 274 с.

Иванилов, 2006 – Иванилов В. М. Ассоциативный потенциал слова как основа толкования сновидений : автореф. дис. … канд. филол. наук : 10.02.01 ; Уральский гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2006. 24 с.

Иванов, Топоров, 1965 – Иванов В. В, Топоров В. Н. Славянские языковые моделирующие семиотические системы (Древний период). М. : Наука, 1965. 246 с.

Красных, 2016 – Красных В. В. Словарь и грамматика лингвокультуры. Основы психолингвокультурологии. М. : Гнозис, 2016. 496 с.

Кулькова, 2011 – Кулькова М. А. Когнитивно-смысловое пространство народной приметы : дис. … д-ра филол. наук : 10.02.01; 10.02.20 ; Татарский гос. гум.-пед. ун-т. Казань, 2011. 410 с.

Кутьева, 2009 – Кутьева М. В. Национально-культурная специфика переносных значений орнитонимов в русском и испанском языках : автореф. дис. … канд. филол. наук : 10.02.20 ; Российский ун-т дружбы народов. М., 2009. 23 с.

Никитина, 1994 – Никитина С. Е. Концепт судьбы в русском народном сознании (на материале устно-поэтических текстов) // Понятие судьбы в контексте разных культур / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М. : Наука, 1994. С. 130–136.

Никитина, 1999 – Никитина А. В. Образ-символ в традиционной народной культуре: русско-славянские взаимосвязи на материале фольклора о кукушке : автореф. дис. … канд. филол. наук : 10.01.09 ; Ин-т русской литературы ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН. СПб., 1999. 19 с.

Пермяков, 1970 – Пермяков Л. Г. От поговорки до сказки (Заметки по общей теории клише). М. : Наука, 1970. 240 с.

Пермяков, 1975 – Пермяков Л. Г. К вопросу о структуре паремиологического фонда // Типологические исследования по фольклору : сб. статей памяти Владимира Яковлевича Проппа (1895–1970). М. : Наука, 1975. С. 247–274.

Пермяков, 1988 – Пермяков Л. Г. Основы структурной паремиологии. М. : Наука, 1988. 236 с.

Пропп, 1995 – Пропп В. Я. Русские аграрные праздники: (Опыт историко-этнографического исследования). СПб. : Терра – Азбука, 1995. 176 с.

ПЧК, 1993 – Прошина Л. Черный кот и разбитое зеркало. М. : Отечество, 1993. 48 с.

РНК-ЭС, 2021 – Моргунова О. В., Кривощапова Ю. А., Осипова К. В. Русский народный календарь. Этнолингвистический словарь. М. : АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2021. 544 с.

Ройтер, 1994 – Ройтер Т. Суеверные представления о судьбе: русские приметы в сознании современного городского жителя // Понятие судьбы в контексте разных культур / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М. : Наука, 1994. С. 187–190.

Садова, 2004 – Садова Т. С. Народная примета как текст и проблемы лингвистики фольклорного текста : дис. … д-ра филол. наук : 10.02.01 ; Санкт-Петербургский гос. ун-т. СПб., 2004. 376 с.

Садова, 2012 – Садова Т. С. Народная примета о традиционных ценностях // Русский язык в школе. 2012. № 3. С. 78–81.

ССС, 2012 – Свиридов С. Словарь славянских символов. М. : Велигор, 2012. 235 с.

Страусов и др., 2018 – Страусов В. Н., Страусова С. К., Фролова А. В. Семантико-функциональные классы примет с бинарной оппозицией «часть-целое» // Juvenis Scientia. 2018. № 7. С. 14–17.

Страусов и др., 2020 – Страусов В. Н., Страусова С. К., Заврумов З. А., Акопянц А. М. Основы структурно-семиотического анализа народных примет. Казань : Бук, 2020. 170 с.

СТРППМ, 2020 – Зимин В. И. Словарь-тезаурус русских пословиц, поговорок и метких выражений. М. : АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2020. 736 с.

Телия, 1996 – Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с.

Тонкова, 2007 – Тонкова Е. Е. Народная примета с позиций лингвокогнитивистики и лингвокультурогии : дис. … канд. филол. наук : 10.02.01 ; Белгородский гос. ун-т. Белгород, 2007. 189 с.

Туганова, 2006 – Туганова С. В. Синтагматика и парадигматика русских и английских суеверных примет антропологической направленности : автореф. дис. … канд. филол. наук : 10.02.20 ; Татарский гос. гум.-пед. ун-т. Казань, 2006. 24 с.

Фаттахова, 2002 – Фаттахова Н. Н. Семантика и синтаксис народных примет в русском и татарском языках: сопоставительный аспект : дис. … д-ра филол. наук : 10.02.20 ; 10.02.01 ; Казанский гос. пед. ун-т. Казань, 2002. 401 с.

Фидарова, 2001 – Фидарова Ф. Т. Логико-дискурсивная структура текстов фольклорного жанра примет и поверий (на материале французских и русских примет) : дис. … канд. филол. наук : 10.02.20 ; Московский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. М., 2001. 150 с.

ФЭС, 1983 – Философский энциклопедический словарь / гл. ред. Л. Ф. Ильичев, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалев, В. Г. Панов. М. : Советская энциклопедия, 1983. 840 с.

Харченко, Тонкова, 2008 – Харченко В. К., Тонкова Е. Е. Лингвистика народной приметы. Белгород : Изд-во ОАО «Белгородская областная типография», 2008. 224 с.

Хо, 2021 – Хо С. Орнитологический код культуры в русских паремиях, отражающих брачные отношения: лингвокультурологический аспект (на фоне китайского языка) // Известия Волгоградского гос. пед. ун-та. Филологические науки. 2021. № 6 (159). С. 133–141.

Христофорова, 1998 а – Христофорова О. Б. К вопросу о структуре приметы // Arbor mundi. Международный журнал по теории и истории мировой культуры. 1998. № 6. С. 30–47.

Христофорова, 1998 б – Христофорова О. Б. Логика толкований: Фольклор и моделирование поведения в архаических культурах М. : Российский гос. гум. ун-т, 1998. 80 с.

Цивьян, 1990 – Цивьян Т. В. Лингвистические основы балканской модели мира. М. : Наука, 1990. 207 с.

PY, 2021 – URL : http://primeta.yaxy.ru/ (дата обращения : 14.12.2021)

References

Agapova, N. A. (2012). Klyuchevoe slovo narodnoy primety v lingvokul'turologicheskom aspekte [A key word of a folk sign: position, properties, specification]. *Yazyk i kul'tura* [Language and Culture], 2 (18), 5–14. (In Russ.).

Afanas'ev, A. N. (1988). *Zhivaya voda i veshchee slovo* [Living water and a prophetic word]. Moscow : Sovetskaya Rossiya Press. (In Russ.).

Bolgova, E. V. (2021). *Zoonimy russkogo yazyka v sovremennom rechevom upotreblenii: semantiko-pragmaticheskiy podkhod* [Zoonyms of the Russian language in modern speech use: a semantic-pragmatic approach]. PhD in Philological sci. diss. Murmansk : Murmansk Arctic State University. (In Russ.).

Nikitina, T. G., Rogaleva, E. I., Ivanova, N. N. (2009). *Bol'shoy slovar' primet* [A large dictionary of Omens] (BSP). Moscow : AST Press ; Astrel' Press. (In Russ.).

Burtsev, A. E. (2010). *Narodnyy byt velikogo severa. Ego nravy, obychai, predniya, predskazaniya, predrassudki, pritchi, poslovitsa, prislov'ya, pribautki, peregudki, pripevy, skazki, priskazki, pesni, skorogovorki, zagadki, schety, zadachi, zagovory i zaklinaniya* [Folk life of the Great North. Morals, customs, predictions, predictions, prejudices, parables, proverbs, proverbs, jokes, rhymes, refrains, fairy tales, sayings, songs, tongue twisters, riddles, abacus, tasks, conspiracies and spells]. Moscow : “Ekologicheskiy soyuz Podmoskov'ya” Press ; “Slava!” Press. (In Russ.).

Bykova, O. I. (2005). *Etnokonnotatsiya kak vid kul'turnoy konnotatsii (na materiale nominativnykh edinits nemetskogo yazyka)* [Ethnoconnotation as a kind of cultural connotation (Based on the nominative units of the German language)]. PhD in Philological sci. diss. Voronezh : Voronezh State University. (In Russ.).

Vaganova, E. N. (2013). Fol'klor mordvy-mokshi: k probleme bytovaniya narodnykh primet [Folklore of Moksha Mordovians: The existence of folk tokens]. *Finno-ugorskiy mir* [Finno-Ugric world], 3, 58–66.

Vagner, K. R. (2008). *Semantika i sintaksis russkikh narodnykh primet s komponentom «zoonim» (v zerkale angliyskikh primet)* [Semantics and syntax of Russian folk signs with the zoonym component (In the mirror of English omens)]. PhD in Philological sci. diss. Kazan : Tatar State Humanitarian Pedagogical University. (In Russ.).

Vasil'ev, V. P., Vasil'eva, E. V. (2013). Primeta kak kul'turno-assotsiativnyy slot meteonimicheskogo kontsepta [Omen as a cultural-associative slot of a meteonomic concept]. *Slovo: fol'klorno-dialektologicheskiy al'manakh* [Word: folklore-dialectological almanac], 10, 152–160. (In Russ.).

Grushko, E. A., Medvedev, Yu. M. (2000). *Entsiklopediya russkikh primet* [Encyclopedia of Russian omens] (GM). Nizhny Novgorod : “Russkiy kupets” Press, “Brat'ya slavyane” Press. (In Russ.).

Grushko, E. A., Medvedev, Yu. M. (1995). *Slovar' russkikh sueveriy, zaklinaniy, primet i poveriy* [Dictionary of Russian superstitions, spells, omens and beliefs] (GM-SS). Nizhny Novgorod : “Russkiy kupets” Press, “Brat'ya slavyane” Press. (In Russ.).

Gudkov, D. B. (2005). Kody russkoy kul'tury: problemy opisaniya [Russian culture codes: Problems of description]. *Mir russkogo slova* [The World of Russian Word], 1–2, 25–31. (In Russ.).

Guketlova, F. N. (2009). *Zoomorfnyy kod kul'tury v yazykovoy kartine mira (na materiale raznostrukturnykh yazykov: frantsuzskogo, kabardino-cherkesskogo i russkogo yazykov)* [The zoomorphic culture code in the language picture of the world (Based on languages with different structures: French, Kabardino-Circassian and Russian)]. Author’s abstract of PhD in Philological sci. diss. Moscow : Institute of Linguistics Russian Academy of Sciences. (In Russ.).

Gura, A. V. (1997). *Simvolika zhivotnykh v slavyanskoy narodnoy traditsii* [Symbolism of animals in the Slavic folk tradition]. Moscow : Indrik Press. (In Russ.).

Gurevich, T. M., Izotova, N. N. (2008). Spetsifika zoologicheskogo koda yaponskoy kul'tury [Specifics of the zoological code of Japanese culture]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 8 (2A), 28–36. (In Russ.).

Dahl, V. (1989). *Poslovitsy russkogo naroda: sbornik V. Dalya* [Proverbs of the Russian people: A collection of V. Dahl] (DP). Moscow : Khudozhestvennaya literatura Press. (In Russ.).

Evstafyeva, M. A., Tsvetkova, A. A. (2019). Semanticheskie invarianty prorocheskikh snovideniy i narodnykh primet [Semantic invariants of prophetic dreams and folk signs]. *Vestnik Baltijskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Filologiya, pedagogika, psihologiya* [IKBFU's Vestnik. Philology, pedagogy, and psychology], 3, 55–64. (In Russ.).

Ermolov, A. S. (2013). *Narodnaya sel'skokhozyajstvennaya mudrost' v poslovitsakh, pogovorkakh i primetakh* [Folk agricultural wisdom in proverbs, sayings and omens]. Moscow : Institut russkoy tsivilizatsii Press. (In Russ.).

Zayanchkovskiy, I. F. (2021). *Zhivotnye, primety i predrassudki* [Animals, omens and prejudices]. Retrieved December 14, 2021 from <Royallib.com>. (In Russ.).

Ivanova, N. N. (2005). *Strukturno-semanticheskie osobennosti i lingvokul'turologicheskiy potencial primety* [Structural and semantic features and linguistic and cultural potential of omens]. PhD in Philological sci. diss. Pskov : Pskov State Pedagogical University. (In Russ.).

Ivanilov, V. M. (2006). *Assotsiativnyy potentsial slova kak osnova tolkovaniya snovideniy* [Associative potential of the word as the basis for the interpretation of dreams]. Author's abstract of PhD in Philological sci. diss. Yekaterinburg : Ural State Pedagogical University. (In Russ.).

Ivanov, V. V, Toporov, V. N. (1965). *Slavyanskie yazykovye modeliruyushchie semioticheskie sistemy (Drevniy period)* [Slavic language modeling semiotic systems (Ancient period)]. Moscow : Nauka Press. (In Russ.).

Krasnyh, V. V. (2016). *Slovar' i grammatika lingvokul'tury. Osnovy psikholingvokul'turologii* [Dictionary and grammar of linguoculture. Fundamentals of psycholinguoculturology]. Moscow : Gnozis Press. (In Russ.).

Kul'kova, M. A. (2011). *Kognitivno-smyslovoe prostranstvo narodnoy primety* [Cognitive-semantic space of folk signs]. PhD in Philological sci. diss. Kazan : Tatar State Humanitarian Pedagogical University. (In Russ.).

Kutyeva, M. V. (2009). *Natsional'no-kul'turnaya spetsifika perenosnykh znacheniy ornitonimov v russkom i ispanskom yazykakh* [National and cultural specificity of figurative meanings of ornithonyms in Russian and Spanish]. Author's abstract of PhD in Philological sci. diss. Moscow : RUDN University. (In Russ.).

Nikitina, S. E. (1994). Kontsept sud'by v russkom narodnom soznanii (na materiale ustno-poeticheskikh tekstov) [The concept of fate in the Russian folk consciousness (Based on Oral Poetic Texts)]. In N. D. Arutyunova (Ed.), *Ponyatie sud'by v kontekste raznykh kul'tur* [The concept of fate in the context of different cultures] (pp. 130–136). Moscow : Nauka Press. (In Russ.).

Nikitina, A. V. (1999). *Obraz-simvol v traditsionnoy narodnoy kul'ture: russko-slavyanskie vzaimosvyazi na materiale fol'klora o kukushke* [Image-symbol in traditional folk culture: Russian-Slavonic relationships in folklore about the cuckoo]. Author's abstract of PhD in Philological sci. diss. St Petersburg : Institute of Russian Literature IRLI (Pushkin House), Russian Academy of Sciences. (In Russ.).

Permyakov, L. G. (1970). *Ot pogovorki do skazki (Zametki po obshchey teorii klishe)* [From saying to fairy tale (Notes on the general theory of cliches)]. Moscow : Nauka Press. (In Russ.).

Permyakov, L. G. (1975). K voprosu o strukture paremiologicheskogo fonda [About the structure of the paremiological fund]. *Tipologicheskie issledovaniya po fol'kloru : sbornik statey pamyati Vladimira Yakovlevicha Proppa (1895–1970)* [Typological studies in folklore : A collection of articles in memory of Vladimir Yakovlevich Propp (1895–1970)] (pp. 247–274). Moscow : Nauka Press. (In Russ.).

Permyakov, L. G. (1988). *Osnovy strukturnoy paremiologii* [Fundamentals of structural paremiology]. Moscow : Nauka Press. (In Russ.).

Propp, V. Ya. (1995). *Russkie agrarnye prazdniki: (Opyt istoriko-etnograficheskogo issledovaniya)* [Russian agrarian holidays: (Experience of historical and ethnographic research)]. St Petersburg : Terra – Azbuka Press. (In Russ.).

Proshina, L. (1993). *Chernyy kot i razbitoe zerkalo* [Black cat and broken mirror] (PCHK). Moscow : Otechestvo Press. (In Russ.).

Morgunova, O. V., Krivoshchapova, Yu. A., Osipova, K. V. (2021). *Russkiy narodnyy kalendar'. Etnolingvisticheskiy slovar'* [Russian folk calendar. Ethnolinguistic Dictionary] (RNK-ES). Moscow : AST-PRESS SHKOLA. (In Russ.).

Royter, T. (1994). Suevernye predstavleniya o sud'be: russkie primety v soznanii sovremennogo gorodskogo zhitelya [Superstitious ideas about fate: Russian omens in modern city dweller minds]. *Ponyatie sud'by v kontekste raznykh kul'tur* [The concept of fate in different cultures] (pp. 187–190). Moscow : Nauka Press. (In Russ.).

Sadova, T. S. (2004). *Narodnaya primeta kak tekst i problemy lingvistiki fol'klornogo teksta* [Folk omen as a text and problems of linguistics of a folklore text]. PhD in Philological sci. diss. St Petersburg : St Petersburg State University. (In Russ.).

Sadova, T. S. (2012). Narodnaya primeta o traditsionnykh tsennostyakh [Folk sign about traditional values]. *Russkiy yazyk v shkole* [Russian Language at School], 3, 78–81. (In Russ.).

Strausov, V. N., Strausova, S. K., Frolova, A. V. (2018). Semantiko-funktsional'nye klassy primet s binarnoy oppozitsiey «chast'-tseloe» [Semantic-functional classes of omens with the binary opposition "part : whole"]. *Juvenis Scientia*, 7, 14–17. (In Russ.).

Strausov, V. N., Strausova, S. K., Zavrumov, Z. A., Akopyanc, A. M. (2020). *Osnovy strukturno-semioticheskogo analiza narodnyhh primet* [Fundamentals of structural and semiotic analysis of omens]. Kazan : Buk Press. (In Russ.).

Zimin, V. I. (2020). *Slovar'-tezaurus russkikh poslovits, pogovorok i metkikh vyrazheniy* [Dictionary-thesaurus of Russian proverbs, sayings and apt expressions] (STRPPM). Moscow : AST-PRESS SHKOLA. (In Russ.).

Teliya, V. N. (1996). *Russkaya frazeologiya. Semanticheskiy, pragmaticheskiy i lingvokul'turologicheskiy aspekty* [Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguoculturological aspects]. Moscow : Shkola «Yazyki russkoy kul'tury» Press. (In Russ.).

Tonkova, E. E. (2007). *Narodnaya primeta s pozitsiy lingvokognitivistiki i lingvokul'turogii* [Folk sign from the standpoint of linguocognitive science and linguoculturolog]. PhD in Philological sci. diss. Belgorod : Belgorod State University. (In Russ.).

Tuganova, S. V. (2006). *Sintagmatika i paradigmatika russkih i angliyskikh suevernykh primet antropologicheskoy napravlennosti* [Syntagmatics and paradigmatics of Russian and English superstitious signs of anthropological nature]. Author's abstract of PhD in Philological sci. diss. Kazan : Tatar State Humanitarian Pedagogical University. (In Russ.).

Fattahova, N. N. (2002). *Semantika i sintaksis narodnykh primet v russkom i tatarskom yazykakh: sopostavitel'nyy aspekt* [Semantics and syntax of folk signs in Russian and Tatar languages: A comparative aspect]. PhD in Philological sci. diss. Kazan : Kazan State Pedagogical University. (In Russ.).

Fidarova, F. T. (2001). *Logiko-diskursivnaya struktura tekstov fol'klornogo zhanra primet i poveriy (na materiale frantsuzskikh i russkikh primet)* [Logical-discursive structure of texts of folklore genre of omens and beliefs (Based on French and Russian omens)]. PhD in Philological sci. diss. Moscow : Lomonosov Moscow State University. (In Russ.).

Il'ichev, L. F., Fedoseev, P. N., Kovalev, S. M., Panov, V. G. (1983). *Filosofskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Philosophical Encyclopedic Dictionary] (FES). Moscow : Sovetskaya entsiklopediya Press. (In Russ.).

Kharchenko, V. K., Tonkova, E. E. (2008). *Lingvistika narodnoy primety* [Linguistics of folk signs]. Belgorod : Belgorodskaya oblastnaya Press. (In Russ.).

Huo, X. (2021). Ornitologicheskiy kod kul'tury v russkikh paremiyakh, otrazhayushchikh brachnye otnosheniya: lingvokul'turologicheskiy aspekt (na fone kitayskogo yazyka) [Ornithological code of culture in the Russian proverbs reflecting the marital relations: Linguoculturological aspect (against the background of the Chinese language)]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Filologicheskie nauki* [Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University. Philology], 6, 133–141. (In Russ.).

Khristoforova, O. B. (1998 a). K voprosu o strukture primety [To the question of the structure of omens]. Arbor mundi, 6, 30–47. (In Russ.).

Khristoforova, O. B. (1998 b). Logika tolkovaniy: Fol'klor i modelirovanie povedeniya v arhaicheskikh kul'turakh [Logic of interpretations: Folklore and behavior modeling in archaic cultures]. Moscow : Russian State University for the Humanities Press. (In Russ.).

Tsivyan, T. V. (1990). Lingvisticheskie osnovy balkanskoy modeli mira [Linguistic foundations of the Balkan model of the world]. Moscow : Nauka Press. (In Russ.).

PY (2021). Retrieved December 14, 2021 from <http://primeta.yaxy.ru/>. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 10.09.2021; одобрена после рецензирования 10.01.2022; принята к публикации 28.01.2022.
The article was submitted 10.09.2021; approved after reviewing 10.01.2022; accepted for publication 28.01.2022.

УДК 81'42 doi: 10.22250/24107190_2022_8_1_113

Ма Татьяна Юрьевна✉, Танцура Игорь Дмитриевич
Амурский государственный университет
г. Благовещенск, Российская Федерация
tdovnar@mail.ru

Прецедентное высказывание «melting pot» в материалах телеканала CNN 2011–2021 годов

Аннотация
В статье представлен анализ прецедентного высказывания *melting pot*, которое встречается в материалах сайта телеканала CNN, датируемых 2011–2021 гг. Данное прецедентное высказывание, которое стало синонимом процесса культурной ассимиляции иммигрантов в 1920-годах в США, получает новое прочтение в современных американских СМИ, новые социокультурные коннотации, свидетельствующие о его непреходящей эмоциональной, когнитивной значимости в модели мира американской языковой личности. В ходе исследования авторы приходят к выводу о том, что прецедентное высказывание *melting pot* используется в текстах CNN как в своём первоначальном значении – американизации иммигрантов, так и для описания явлений современного мира, не связанных с такой областью знаний, как история США. В статьях, посвящённых кулинарии, туризму, моде, спорту, бизнесу, прецедентное высказывание *melting pot* приобретает новые оттенки значения и новые мелиоративные социокультурные коннотации.

Ключевые слова: прецедентное высказывание, языковая личность, социокультурная коннотация, текст СМИ

© Ма Т. Ю., Танцура И. Д. 2022

Для цитирования: Ма Т. Ю., Танцура И. Д. Прецедентное высказывание «melting pot» в материалах телеканала CNN 2011–2021 годов // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2022. Вып. 8, № 1. С. 113–124. https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_1_113

Tatyana Yu. Ma✉, Igor D. Tantzura
Amur State University
Blagoveshchensk, Russian Federation
tdovnar@mail.ru

“Melting pot” precedent phrase in the CNN TV channel publications in 2011–2021

Abstract
The article presents an analysis of the precedent phrase *melting pot* found in the materials of the CNN TV channel web-site, dated 2011–2021. This precedent phrase, which became synonymous with the process of assimilation of immigrants in the 1920s in the United States, receives a new reading in modern American media, new sociocultural connotations, testifying to its enduring emotional and cognitive significance in the model of the world of the American linguistic personality. In the course of the study, the conclusion is made that the precedent phrase *melting pot* is used by the authors of CNN texts both in its original meaning – the Americanization of immigrants, and to describe the phenomena of the modern world that are not related to such a field of knowledge as US history. Instead, precedent phrase *melting pot* acquires new shades of meaning and new meliorative sociocultural connotations in publications about tourism, business, style and sport.

Keywords: precedent phrase, language personality, sociocultural connotation, mass-media text

© Ma T. Yu, Tantzura I. D. 2022

For citation: Ma, T. Yu, Tantzura, I. D. (2022). Pretsedentnoe vyskazyvanie «melting pot» v materialakh telekanala CNN 2011–2021 godov [“Melting pot” precedent phrase in the CNN TV channel publications in 2011–2021]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 8 (1), 113–124. https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_1_113

1. Введение [Introduction]

Изучение прецедентных феноменов сформировалось как научное направление в лингвистике в конце XX века в тесной связи с развитием теории языковой личности. Сегодня оно оказывается все более актуальным в связи с процессами глобализации, происходящими в мире, и необходимостью подготовки специалистов в области межкультурной коммуникации. Прецедентные феномены играют особую роль в формировании вторичной языковой личности лингвиста-переводчика как эмоционально и когнитивно значимые единицы коммуникации, которые оказывают непосредственное влияние на восприятие и интерпретацию текста как объекта переводческой деятельности.

В теории прецедентности накоплен большой опыт описания данных единиц на материале разных языков и разных дискурсов [Багаева и др., 1997 ; Карасик, Слышкин, 2011 ; Нахимова, 2018, Будаев, 2020 и др.]. Тем не менее, существуют феномены, которые не только не утрачивают своей эмоциональной и когнитивной значимости с течением времени, но и становятся всё более привлекательными для научного анализа и интерпретации в лингвистике и межкультурной коммуникации [Ма, Хлопова 2019 ; Ма и др., 2021].

Ц е л ь ю данного исследования было выявить и обобщить случаи использования прецедентного высказывания *melting pot* в материалах телеканала CNN 2011–2021 годов. Это позволит сделать вывод о том, какой ценностной значимостью для современных носителей американского варианта английского языка обладает данный феномен, и по-новому оценить феномен «плавильного котла», ставший языковым синонимом и символом культурной ассимиляции иммигрантов.

Melting pot 'плавильный котёл' – это метафора, обозначающая США как место, где разные культуры смешиваются, создавая новую формацию – американскую нацию. В настоящей статье данная метафора рассматривается как прецедентный феномен, относящийся к ядру когнитивной базы американского лингвокультурного сообщества.

Высказывание *melting pot*, которое было впервые зафиксировано в словаре *Merriam-Webster* в 1887 году [Merriam-Webster, 2021], известно каждому жителю США. Однако популярным оно стало только в 1908 году благодаря одноимённой пьесе английского драматурга Израэла Зангвилла, которая ознаменовала процесс ассимиляции иммигрантов в Америке начале XX века: “… *America is God's Crucible, the great Melting-Pot where all the races of Europe are melting and re-forming!*” [Zangwill, 1908]. Представители разных этнических культур, которые прибывали в США, превращались в новый сплав, выкованный в тигле демократии, свободы и гражданской ответственности.

С начала 1960-х годов американские исследователи, занимавшиеся вопросами взаимодействия культур, отвергли концепцию плавильного котла как противоречащую идеям свободы и демократии в Соединенных Штатах и других странах. В рамках теории мультикультурализма были предложены альтернативные модели для описания процессов культурной ассимиляции иммигрантов, такие, как метафоры *salad bowl* 'салатница', *pizza* 'пицца', *mozaic* 'мозаика' [Ма, 2006]. Однако метафора *melting pot* уже стала к этому времени национально-прецедентным феноменом, в котором была запечатлена одна из важнейших страниц американской истории.

Г и п о т е з а настоящего исследования состояла в том, что прецедентный феномен *melting-pot* по-прежнему обладает особой когнитивной, эмоциональной значимостью в модели мира американской языковой личности и используется в самых разных контекстах, в том числе, с новыми оттенками значения. Для проверки данной гипотезы проведён эксперимент, в ходе которого были проанализированы случаи апелляции к указанному феномену.

2. Прецедентное высказывание '*melting pot*' в материалах CNN [Precedent phrase '*melting pot'* in CNN publications]

2.1. Материал и методика исследования

Источником материала послужило такое важнейшее СМИ США, как телеканал CNN. Методом сплошной выборки в режиме автоматического поиска по ключевому слову – *melting pot* – на сайте CNN было выявлено 287 статей, датируемых 2011–2021 годами, в которых авторы использовали высказывание *melting pot* в самых разных коммуникативных ситуациях: освещая политические, социальные, экономические проблемы, темы кулинарии, туризма, моды и спорта. В этих статьях прецедентное высказывание было реализовано 289 раз (в двух статьях по две реализации, в остальных – по одной). Поиск осуществлялся как по сайту в целом, так и отдельно по рубрикам. Метод классификации использовался для тематической группировки случаев употребления прецедентного высказывания *melting pot*, а контекстуальный анализ был применён для верификации информации семантического характера.

2.2. Обсуждение результатов [Results and discussion]

В основных рубриках сайта – "News", "Entertainment", "Business", "Travel", "Style" и "Sport" – было выявлено 260 случаев апелляций к данному прецедентному феномену, что указывает на его высокую популярность как средства образности, воздействия и оценки независимо от тематической сферы публикации. При этом более чем в 79% случаев (206 примеров) высказывание *melting pot* используется с новыми оттенками значения.

Приведём, в первую очередь, наиболее интересные примеры, в которых прецедентное высказывание *melting pot*, в соответствии с т р а д и ц и о н н о й трактовкой, обозначает США – страну иммигрантов, где языки и культуры смешиваются и формируют новую нацию – американский народ (54 примера):

(1) *After all,* ***America is a melting pot*** *of different cultures, ideas and perspectives* (November 10, 2020) – 'В конце концов, Америка – это котёл, в котором плавятся разные культуры, идеи, перспективы';

(2) *We have to believe in this country with all of its great history, with all of its great sort of* ***melting pot*** *and historical success* (September 2, 2020) – 'Мы должны верить в эту страну со всей её великой историей, со всем её большим плавильным котлом и историческими успехами';

(3) *Remember that America is, foundationally,* ***a melting pot*** (February 21, 2020) – 'Не забывайте, что Америка, по сути, является плавильным котлом';

(4) *country's* ***melting pot*** *of diverse cultures* (September 15, 2021)– 'плавильный котёл различных культур страны';

(5) *My family, their traditions, and those of other Asian Americans in my community were part of the America I knew –* ***a melting pot of cultures*** (April 11, 2021) – 'Моя семья, их традиции и традиции других американцев азиатского происхождения в моём сообществе были частью той Америки, которую я знал, – плавильного котла культур'.

Америка по-прежнему воспринимается как плавильный котёл этнических культур, но эти культуры сохраняют идентичность своих носителей. По мнению представителей национальных меньшинств, сегодня называть США плавильным котлом политически некорректно:

(6) *It used to be OK to call* ***America the melting pot****, now the politically correct one wants to say, look we can't impose our culture on others, we can't impose our values on others, that's nonsense* (June 22, 2015) – 'Раньше было допустимо называть Америку плавильным котлом, теперь человек, придерживающийся политически корректного стиля речевого поведении, скажет, что мы не можем навязывать свою культуру другим людям, мы не можем навязывать им свои ценности, – это нонсенс'.

Нельзя насильственным путём ассимилировать другие этнические группы, предлагая им свои ценности, нельзя называть Америку *melting pot* в понимании «стопроцентных» американцев начала XX века. Жители США, независимо от этнической принадлежности, воспринимают свою страну как место, где культуры объединяются, но не утрачивают свою идентичность. Сегодня это, скорее, метафора салатницы – *salad bowl*, но популярность прецедентного высказывания *melting pot* оказывается доминирующим фактором обращения авторов к образу плавильного котла, поскольку он неизменно выполняет важнейшие для прецедентных феноменов функции – идентификации «своих» и «чужих», воздействия и оценки.

Melting pot – это «удобная» метафора, потому что заключённый в ней образ хорошо знаком любому представителю США и неизменно ассоциируется с ними, а идеологический подтекст данного прецедентного высказывания, несомненно, обладает сильнейшим прагматическим потенциалом для языковой личности американского гражданина независимо от его цвета кожи и социального статуса. Свидетельством этому может служить следующий пример:

(7) *We have to believe in this country with all of its great history, with all of* ***its great sort of melting pot*** *and historical success* (September 2, 2020) – 'Мы должны верить в эту страну со всей ее великой историей, со всем ее большим плавильным котлом и историческими успехами'.

В статье "*Why the first Hispanic CEO of a major US airline still believes in the American Dream*" – 'Почему первый в истории исполнительный директор латиноамериканского происхождения крупной американской авиакомпании "*United Airlines*" до сих пор верит в американскую мечту', Оскар Мунос – американец мексиканского происхождения – сделал особый акцент на значимости концепции плавильного котла как неотъемлемой части исторического величия страны.

Наличие двух вариантов оттенков значений, закреплённых за прецедентным высказыванием *melting pot* и противопоставленных на шкале оценки, создаёт определённый когнитивный диссонанс в сознании читателя. С одной стороны, Америка воспринимается как плавильный котёл, благодаря которому сформировалась окончательно американская нация и страна добилась значительных успехов во всех сферах жизни – "*a place where a variety of peoples, cultures, or individuals assimilate into a cohesive whole*" – 'место, где различные народы, культуры или люди сливаются в единое целое' [Merriam-Webster, 2021]. С другой стороны, идея переплавки этнических культур обострила социальные противоречия, разрешить которые не удаётся до настоящего времени.

Следствием существующих в американском обществе противоречий между историей и современностью, желаемым и действительным стало обращение авторов текстов СМИ к метафоре плавильного котла как способу языковой объективации темы расовой дискриминации. Использование прецедентного высказывания *melting pot* в следующих примерах – это попытка привлечь внимание читателя к самой острой социальной проблеме современных США:

(8) ***In the idealized view of the great American melting pot****, though … everyone should be welcome, regardless of their origin story* (November 22, 2020) – 'Однако в идеализированном представлении о великом американском плавильном котле… каждого следует принимать радушно, независимо от его происхождения';

(9) ***Owning slaves*** *was a part of their strategy to assimilate into American society … Roberts tells the story of how Oklahoma became* ***a melting pot*** (May 9, 2021) – 'Владение рабами было частью их стратегии по ассимиляции в американском обществе… Робертс рассказывает историю о том, как Оклахома стала плавильным котлом';

(10) *Trump received great support in perceived and outwardly* ***racist language****. … Trump stirred* ***America's melting pot of diversity*** (November 27, 2018) – 'Трамп получил большую поддержку благодаря откровенно расистским высказываниям. … Трамп всколыхнул американский плавильный котёл';

(11) *Combine* ***racial fluidity*** *with another trend – the US is projected to become a majority-minority country by 2044 – and many envision a Brown New World where there will be such a bewildering gumbo in* ***the nation's melting pot*** *that a racist would get exhausted trying to hate people who look different* (March 2, 2018) – 'Совместите расовую изменчивость с другой тенденцией – по прогнозам, к 2044 году США станут страной «большинства-меньшинства», – и многие почувствуют приближение «Коричневого Нового мира», где в плавильном котле наций будет такое рагу культур, что у расистов не хватит сил ненавидеть людей, которые выглядят иначе'.

Когда публикации посвящены проблемам расовой дискриминации, прецедентное высказывание *melting pot* нередко используется как с мелиоративными, так и с пейоративными социокультурными коннотациями, что приводит к амбивалентности восприятия самого сообщения:

(12) *As Latinos, we are one big family, and mixture, or mestizaje, is evidence of equal acceptance of all parts of the mix. There is no problem with racism because we are* ***a melting pot****…* (June 18, 2021) – 'Как латиноамериканцы, мы одна большая семья, и дети от смешанных браков, или метисы, являются свидетельством признания обоих родителей. У нас нет расовых проблем, потому что мы – плавильный котёл'. И там же, далее: *But statistics and the lived experiences of Afro-Latinos tell a different story about* ***the so-called melting pot****. … places like Puerto Rico still wrestle with social caste systems* – 'Но статистика и жизненный опыт афро-латиноамериканцев говорят о другом плавильном котле. … Такие места, как Пуэрто-Рико, всё ещё борются с кастовой системой'.

Добавление такого языкового компонента, как *the so-called* 'так называемый', передаёт авторскую иронию, сомнения в ценностной значимости идеи плавильного котла или, по крайней мере, её однозначно положительного восприятия американцами.

Данный факт является иллюстрацией того, что концепция американизации иммигрантов изначально была построена на противоречии – с одной стороны, желании иммигрантов стать полноправными гражданами США, декларируемой для них свободе выбора и, с другой стороны, насильственной ассимиляции переселенцев и открытой дискриминацией со стороны «стопроцентных американцев». Однако благодаря этому противоречию, соединению в одной языковой единице положительных и отрицательных социокультурных коннотаций метафора *melting pot* сохраняет на протяжении столетия свой прагматический потенциал и остаётся эмоционально, когнитивно значимым феноменом в модели мира американской языковой личности.

Наряду с узуальными социокультурными коннотациями прецедентное высказывание *melting pot* очень активно используется авторами текстов СМИ в таких тематических сферах, как «кулинария» и «туризм», где у словосочетания 'плавильный котёл' возникают новые, дополнительные оттенки значения.

Семантика 'плавильного котла', несомненно, близка кулинарной сфере, поэтому статьи, в которых присутствует прецедентное высказывание melting pot, являются яркой иллюстрацией этой стороны человеческого существования (91 пример). Приведём несколько примеров:

(13) ***A huge melting pot*** *of Italian, Greek, Vietnamese and other Asian immigrants has made fusion cooking an authentic local cuisine* (September 6, 2012) – 'Огромный плавильный котёл итальянских, греческих, вьетнамских и других иммигрантов из Азии сделали «фьюжн» фирменным стилем местной кухни';

(14) *One way to exemplify the success of the American* ***melting pot*** *is to take a bite into the humble sandwich* – 'Один из способов продемонстрировать успех американского плавильного котла – съесть небольшой гамбургер' (May 19, 2013),

(15) *The roots of Peru's gastronomic excellence are not hard to identify. Its cuisine is a* ***literal melting pot*** *of flavors and traditions from every corner of the globe* (June 29, 2017) – 'Корни гастрономического совершенства Перу нетрудно определить. Его кухня представляет собой плавильный котел вкусов и традиций со всех уголков земного шара';

(16) *Describing the city as a "****melting pot****" of different cultures and nationalities, Woodbridge said the name would honor the city's "proud heritage as a culinary crossroads*"(June 22, 2020) – 'Описывая город как «плавильный котёл» разных культур и национальностей, Вудбридж сказал, что это название отражает «гордое наследие города как кулинарного перекрёстка»';

(17) *"****A true melting pot****," it boasts what might just be Sydney's most eclectic food scene* (October 7, 2020) – 'Он может претендовать на звание самой эклектичной гастрономической площадки Сиднея – «настоящий плавильный котёл»';

(18) *The capital of India is* ***the melting pot*** *of all of India's regions and ethnicities, providing a round-the-country tour of culinary traditions* (December 10, 2018) – 'Столица Индии – это плавильный котёл всех регионов и национальностей страны, предлагающий кругосветное путешествие по её кулинарным традициям';

(19) *I think America is* ***the world's most awesome melting pot*** *– and that encompasses my approach to food* (June 30, 2020) – 'Я думаю, что Америка – самый удивительный плавильный котёл в мире, и это включает в себя мои представления о еде';

(20) *The Kleinmarkthalle is a delightful mix of a traditional German market and* ***an international melting pot****. It's a great place to pick up fresh food, smoked sausages, wine, cheese olive oils, flowers and more* (May 11, 2019) – 'Kleinmarkthalle – это восхитительное сочетание традиционного немецкого рынка и международного плавильного котла. Это отличное место, где можно купить свежие продукты – копчёные колбасы, вино, сыр, оливковое масло – цветы и многое другое'.

«К у л и н а р и я» стала той тематической сферой, где прецедентное высказывание *melting pot* приобрело новое, особое звучание (91 пример). Авторы часто прибегают к сравнению национальной кухни, меню с плавильным котлом, где смешиваются, но в то же время сохраняют национальный колорит традиционные для разных стран мира блюда.

Ярким примером может служить статья

(21) *Guam: This small island – technically an American territory – In the Pacific Ocean is* ***a melting pot*** *of culinary culture, with foods that show the influence of the various countries that colonized the land over the centuries* (March 4, 2021) – 'Гуам. Этот небольшой остров – фактически территория США в Тихом океане – представляет собой плавильный котёл кулинарной культуры с продуктами, которые свидетельствуют о влиянии различных народов, которые осваивали эту землю на протяжении веков'.

Когда дело доходит до продуктов для завтрака во всём мире, существует столько же способов насладиться первым приёмом пищи за день, сколько и сказать «доброе утро». От сливочного торта из кукурузного хлеба в Бразилии и пикантного тунисского

супа из нута до пышных украинских блинов и сладких тостов с кокосовым джемом в Сингапуре. И даже если вкусы в некоторых из этих блюд могут быть неожиданными, основываясь на вашем типичном выборе, представления, скорее всего, знакомы.

В статье автор Кейси Барбер рассказывает о вариантах завтрака в различных странах мира. При описании завтрака жителей острова Гуам она использует прецедентное высказывание *melting pot*. Причиной апелляции к прецедентному феномену является то, что данный небольшой остров в Тихом океане является плавильным котлом кулинарной культуры, с продуктами, которые демонстрируют влияние различных стран, колонизировавших эту землю на протяжении веков. Прецедентное высказывание *melting pot*, которое используется автором статьи для описания кулинарной сферы, актуализирует мелиоративные социокультурные коннотации, позволяющие передать идею разнообразия, микширования, вариативности и мозаичности местной кухни, которая этим и привлекает туристов. Прямое значение словосочетания *melting pot* гораздо ближе к теме статьи, чем оригинальная метафора Зангвилла, что позволяет автору удачно обыгрывать его в новом коммуникативном контексте.

Прецедентное высказывание *melting pot*, действительно, часто используется авторами в материалах, посвящённых национальным кухням мира, способствуя популяризации не только места, которое служит предметом описания в статье, но и самого высказывания. В качестве примера приведём статью *How Italy changed Stanley Tucci forever* (February 14, 2021) – 'Как Италия навсегда изменила Стенли Туччи'. По словам автора статьи, в Америке есть много ложных стереотипов о том, что такое «итальянский», поэтому Стэнли Туччи – американский актер, писатель, продюсер и режиссёр итало-американского происхождения – решил сделать новое шоу, чтобы развеять некоторые из этих мифов об Италии.

(22) *I'd like people to see that incredible diversity, and how it came about – from geography, from invasions, from the influences of the Arab world, from the Spanish, the Normans, the Austrians. It's* ***an incredible culinary melting pot*** – 'Туччи хотел бы, чтобы люди увидели и оценили разнообразие итальянской кухни и то, как оно возникло благодаря географии, вторжениям, влиянию арабов, испанцев, норманнов, австрийцев'. По его словам, Италия – это 'невероятный кулинарный плавильный котёл', привлекательность которого состоит в уникальном сочетании блюд национальных кухонь мира.

Прецедентное высказывание *melting pot* используется в тексте в значении, которое стало одним из наиболее часто реализуемых в современных СМИ – 'разнообразие', то есть, фактически, противоположном изначально заложенному в него Израэлом Зангвиллом значению.

Следующий пример использования прецедентного высказывания *melting pot* был найден в статье *The pandemic has devastated restaurants. These people are opening new ones anyway* (May 9, 2021) – 'Пандемия опустошила рестораны, но эти люди всё равно открывают новые'.

Ресторатор Стив Миллан открыл более десятка заведений в Соединённых Штатах и за рубежом для компаний и инвесторов, которые ими владели. 4 ноября 2020 года он подписал договор аренды помещения и открыл свой собственный ресторан, однако город был фактически закрыт на неопределённый срок из-за пандемии. Стив задался вопросом, должен ли он просто сдаться, но его жена убедила его не делать этого. Заказы на дом дали ему возможность доработать своё меню, списки вин и безалкогольных напитков.

(23) *But Millan said both he and his customers have been very happy with his restaurant's food – a mix of American fare, which he said offers* ***"a melting pot" of options*** – 'По словам Миллана, его клиенты были очень довольны едой на вынос в ресторане, разнообразием американских блюд в меню, которое предлагает 'плавильный котел' вариантов'.

Прецедентное высказывание *melting pot* используется для того, чтобы охарактеризовать ресторанное меню как удовлетворяющее запросы любого гурмана. При этом

метафора плавильного котла не предполагает гомогенность – наоборот, подчёркивает наличие большого выбора блюд – на любой вкус.

Уход от 'единоообразия', 'смешения до однородной массы', 'переплавки', появление новых положительных коннотаций делают исследуемое высказывание удобной формой сравнения, а узнаваемость прецедентного феномена и его эмоционально-ценностная значимость обусловливают роста числа случаев апелляций к нему в материалах CNN.

« Т у р и з м» – ещё одна тематическая сфера, где авторами активно используется прецедентное высказывание *melting pot* (79 примеров). Наиболее привлекательными для туристов сегодня становятся города и страны, в которых соединены элементы культуры разных народов, представлены разные традиции в архитектуре и искусстве:

(24) *Mauritius: **The great melting pot*** (July 31, 2014) – 'Маврикий: большой плавильный котёл';

(25) *Sicily is **a melting pot*** (November 4, 2021) – 'Сицилия – это плавильный котёл';

(26) *We feel the area is **a melting pot of culture, good vibes and incredible venues**!* (June 10, 2021) – 'Мы чувствуем, что этот регион представляет собой плавильный котёл культуры, хорошего настроения и невероятных мест!';

(27) ***A melting pot of cultures and traditions**, Zanzibar is known for its sunsets and spices, and has grown in popularity as a tourist destination* (June 10, 2020) – 'Занзибар – это плавильный котёл культур и традиций. Занзибар известен своими закатами и специями, и его популярность как туристического направления значительно возросла';

(28) *If you could boil India's architecture down to a single word or phrase, what would it be? Dynamic? **Melting pot**?* (February 26, 2020) – 'Если бы вы могли описать архитектуру Индии одним словом или фразой, что бы это было? Динамический? Плавильный котёл?';

(29) *Malaysia: what you need to know about **Asia's melting pot*** (February 26, 2020) – 'Малайзия: что нужно знать об азиатском плавильном котле'.

Для описания этнического разнообразия метафора плавильного котла, в котором видна уникальность каждой культуры, действительно, подходит больше всего. Она позволяет подчеркнуть своеобразие и привлекательность туристического направления, в основе создания которого лежит история взаимодействия народов.

Другой тематической сферой использования прецедентного высказывания *melting pot* стала « М о д н а я и н д у с т р и я» (19 примеров).

Статья "*Paris Fashion Week: Highlights from the latest menswear shows*"– 'Неделя моды в Париже: самое интересное в показах мужской одежды' (January 19, 2021), посвящённая творчеству дизайнера Вирджила Абло, была опубликована в январе, когда прошёл год после потрясений, вызванных пандемией коронавируса, и модные дома стали демонстрировать свои последние разработки в цифровом формате с помощью предварительно снятых видеороликов и виртуальных шоу в прямом эфире.

Пандемия замедлила развитие мировой индустрии путешествий, поэтому решение Вирджила Абло представить видео-шоу в импровизированном зале ожидания аэропорта стало невероятно интересным для зрителей, наблюдающих трансляцию из своих гостиных. Модели бродили по отделанному мрамором помещению с кофейными чашками в руках и газетами, зажатыми под мышками, или катили за собой хромированные чемоданы. Коллекция, стилизованная под зал ожидания, представляла собой плавильный котел влияний и эстетики, наводящий на мысль о светском человеке, который много путешествует:

(30) *The collection ... was **a melting pot** of influences and aesthetics, suggesting the worldliness of a well-traveled person* – 'Коллекция… была плавильным котлом влияний и эстетики, которая представляла миру обычного человека, который много путешествует'.

Концепция слияния народов и культур очень характерна для мира современной моды. Многие бренды сочетают в одном образе одежду, привычную для жителей различных стран, создавая посредством этого свой уникальный стиль. Поэтому прецедент-

ное высказывание *melting pot*, объективирующее в языковой форме идею микширования разных элементов одежды и аксессуаров, позволило автору использовать образ плавильного котла в качестве сравнения и достижения необходимого воздействия на читателя.

Эклектика новой коллекции, с одной стороны, была подчёркнута автором статьи посредством использования прецедентного высказывания *melting pot*, с другой стороны, позволила публике воспринять её как посыл человека мира, для которого не существует разделяющих людей границ и культур.

Тема с п о р т а на сайте CNN не стала исключением (14 примеров). В заголовках и текстах статей авторы используют прецедентное высказывание *melting pot*, чтобы подчеркнуть мультикультурализм этой сферы общественной жизни:

(31) *When you look at an NFL organization … it's like* ***the ultimate melting pot*** *of different people and different races and different stories that get together with one goal. To be a part of that is special* (January 24, 2021) – 'Когда вы смотрите на Национальную футбольную лигу, … вы видите плавильный котел людей, рас и историй, объединенных одной целью – быть частью этого сообщества';

(32) *Toronto Raptors: NBA's* ***melting pot*** *led by Nigerian…* (January 22, 2016) – 'Торонто Рэпторс: плавильный котел НБА во главе с нигерийцем…'.

Мир современного спорта является яркой иллюстрацией метафоры плавильного котла, в котором некоторые виды соревнований давно стали ступенькой на пьедестале почета для спортсменов с разным цветом кожи.

Трудовая миграция превращает страны, ранее закрытые для иностранной рабочей силы, в Америку начала XX века (8 примеров). Города конкурируют за 'звание' плавильного котла в разных уголках планеты:

(33) *Despite America's historic reputation as* ***an international melting pot*** *and the shining city on a hill, Canada, Singapore and Sweden all boast a more diverse workforce than ours* (January 18, 2018) – 'Несмотря на историческую репутацию Америки как международного плавильного котла и сияющего града на холме, Канада, Сингапур и Швеция могут похвастаться бóльшим этническим разнообразием рабочей силы, чем мы';

(34) *This influx of people coming into our state from not only across the country but across the globe, has only sort of underscored Georgia as this (cosmopolitan)* ***melting pot*** (January 3, 2021) – 'Этот поток людей, прибывающих в наш штат не только со всей страны, но и со всего мира, сделал Джорджию своеобразным космополитическим плавильным котлом',

(35) *Singapore is* ***a melting pot*** *of cultures with a diverse population, its residents hailing from Malaysia, China, India and more* (January 3, 2021) – 'Сингапур – это плавильный котел культур. Его жители прибыли из Малайзии, Китая, Индии и других стран'.

Поэтому в статьях, посвящённых событиям из мира бизнеса, прецедентное высказывание *melting pot* выполняет моделирующую функцию, информируя читателя о современном состоянии международного рынка труда.

Самое большое количество примеров использования прецедентного высказывания *melting pot* было выявлено в новостных статьях. Темы, которые затрагивают авторы, посвящены самым разным событиям в стране и в мире, а 24-х часовое вещание телеканала CNN, которое ведётся в 212 странах, делает метафору плавильного котла всё более популярной, востребованной и воспроизводимой.

Итак, основными тематическими сферами, где сегодня прецедентное высказывание *melting pot* используется с новыми оттенками значения, стали «кулинария» (91), «туризм» (79), «мода» (19), «спорт» (14) и «бизнес» (8) – всего 211 реализаций (остальные 78 относятся к традиционной сфере «политика»). Тематическое распределение употреблений *melting pot* (табл. 1) частично совпадает с распределением его употреблений по рубрикам “News” (127), “Travel” (80), “Style” (19), “Sport” (14), “Entertainment” (12), “Business” (8) (процентное соотношение см. табл. 2).

Т а б л и ц а 1. **Распределение употреблений *melting pot* в новых значениях по тематическим сферам**
[T a b l e 1. ***Melting pot* occurrences distribution in new meanings by topics**]

Кулинария	Туризм	Мода	Спорт	Бизнес
31,50%	27,30%	6,60%	4,80%	2,80%

Примечание к таблице 1 : проценты подсчитаны от общего количества найденных примеров (289).

Т а б л и ц а 2. **Распределение употреблений *melting pot* по рубрикам**
[T a b l e 2. ***Melting pot* occurrences distribution by rubrics**]

News	Travel	Style	Sport	Entertainment	Business
48,80%	30,80%	7,30%	5,40%	4,60%	3,00%

Примечание к таблице 2 : проценты подсчитаны от общего количества примеров в основных рубриках (260)

Полученные данные говорят о том, что идея, изначально заложенная в название пьесы Израэла Зангвилла, трансформировалась в прецедентный феномен, который не только не утратил свою когнитивную и эмоциональную значимость в начале XXI века, но и приобрёл невероятную популярность как языковое средство образности, воздействия и оценки в СМИ, получил новые дополнительные оттенки значения и новые положительные коннотации.

3. Заключение [Conclusion]

Проведённое исследование показало, что прецедентное высказывание *melting pot* становится всё более популярным в современном мире благодаря процессам глобализации. Проблемы, которые решала Америка в начале XX века, сегодня актуальны для многих стран. Миграция населения способствует превращению городов в плавильные котлы, где ежедневно взаимодействуют представители разных этнических групп, и формируется локальная культура, главной отличительной особенностью которой становится её мозаичность.

Во всех рубриках на сайте CNN были выявлены примеры обращения авторов к прецедентному феномену *melting pot*, что подтверждает его отнесённость к ядру когнитивной базы американского лингвокультурного сообщества, его эмоциональную и когнитивную значимость для носителей американского варианта языка.

Прецедентное высказывание *melting pot* активно используется авторами текстов CNN в своём первоначальном значении – ассимиляции иммигрантов, которая остаётся и проблемой, и задачей современного американского общества. В нём по-прежнему ведётся борьба за права меньшинств, активно продвигается идея политической корректности.

Журналисты вынуждены освещать проблемы расовой дискриминации, возникающие как результат тесного взаимодействия культур на одной территории в течение длительного времени, и хотя метафора *melting pot* изначально предполагала кооперацию народов, активная миграция способствовала появлению конфликтов на почве расовой неприязни.

Метафора плавильного котла, которая в начале XX века обозначила США как место, где смешиваются и превращаются в единую нацию народы и культуры, стала прецедентным феноменом, и по-прежнему актуальна, если речь идёт о проблемах трудовой

миграции, делового сотрудничества, которые выступают объектом описания в материалах CNN в новостных статьях и деловых обзорах.

В то же время, прецедентное высказывание *melting pot* всё чаще используется авторами текстов СМИ в таких тематических сферах, как кулинария и туризм, чтобы передать идею этнического разнообразия и взаимодействия.

Любое туристическое направление сегодня позволяет человеку окунуться в плавильный котел этнических традиций, исторических артефактов, ощутить себя человеком мира, «прикоснуться» к шедеврам архитектуры и искусства. Для гурманов ресторанный перекрёсток культур – настоящая приманка, и образ плавильного котла способен оказать нужное воздействие на читателя, готового к гастрономическому путешествию по национальным кухням мира.

В статьях прецедентное высказывание *melting pot* наряду с устоявшимися, знакомыми читателю социокультурными коннотациями, приобретает новые, в первую очередь, положительные оттенки значения – 'разнообразие', 'мозаичность', 'вариативность', – что свидетельствует о его непреходящей эмоциональной, когнитивной значимости, популярности и воспроизводимости в модели мира современной американской языковой личности.

Библиографический список

Багаева и др., 1997 – Багаева Д. В., Гудков Д. Б., Захаренко И. В., Красных В. В. Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации // Вестник Московского ун-та. Сер. 9 : Филология. 1997. № 3. С. 62–85.

Будаев, 2020 – Будаев Э. В. Кино как сфера-источник прецедентных имен в СМИ Великобритании (2010–2019 гг.) // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2020. Т. 6, № 3. С. 72–84. https://doi.org/10.18413/2313-8912-2020-6-3-0-6

Будаев, 2021 – Будаев Э. В. Прецедентные имена в СМИ: методики исследования [Precedent names in the media: research methods] // Политическая лингвистика. 2021. № 3 (87). С. 22–36. https://doi.org/10.26170/1999-2629_2021_03_02

Карасик, Слышкин, 2011 – Карасик В. И., Слышкин Г. Г. Прецедентные онимы в СМИ // Политическая лингвистика. 2011. № 3 (37). С. 266–268.

Ма, 2006 – Ма Т. Ю. Онтология американизма: язык и национальное самосознание. Благовещенск : Изд-во АмГУ, 2006. 146 с.

Ма, Хлопова, 2019 – Ма Т. Ю., Хлопова Т. В. Прецедентное имя библейского истока «DAVID» в материалах электронной версии журнала «TIME» // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2019. Вып. 5, № 2. С. 77–87. https://doi:10.22250/24107190_2019_5_2_41_57

Ма и др., 2021 – Ма Т. Ю., Ройба Н. В., Болконская А. В. Художественная литература как сфера-источник прецедентных феноменов в англоязычных СМИ // Известия Волгоградского гос. пед. ун-та. 2021. № 5 (158). С. 143–149.

Нахимова, 2018 – Нахимова Е. А. О классификации и дифференциации видов прецедентных феноменов в политической коммуникации // Политическая лингвистика. 2018. № 1 (67). С. 41–46.

Berumen, 2019 – Berumen C. F. Resisting Assimilation to the Melting Pot: Validating the Cultural Curriculum of the Home // Journal of Culture and Values in Education. 2019. Vol. 2, N 1. P. 81–95. https://doi.org/10.46303/jcve.02.01.7

CNN – URL : https://www.cnn.com

Melting pot // Merriam-Webster.com Dictionary. URL : https://www.merriam-webster.com

Zangwill, 1908 – Zangwill I. The Melting-Pot. URL : https://www.gutenberg.org/files/23893/23893-h/23893-h.htm

References

Bagaeva, D. V., Gudkov, D. B., Zakharenko, I. V., Krasnykh, V. V. (1997). Kognitivnaya baza i pretsedentnye fenomeny v sisteme drugikh edinits i v kommunikatsii [Cognitive base and precedent phenomena in the system of other units and in communication]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya* [Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology], 3, 62–85. (In Russ.).

Budaev, E. V. (2020). Kino kak sfera-istochnik pretsedentnykh imen v SMI Velikobritanii (2010–2019 gg.) [Cinema as a source domain of precedent names in the UK mass media (2010–2019)]. *Nauchnyy rezul'tat. Voprosy teoreticheskoy i prikladnoy lingvistiki* [Research Result. Theoretical and Applied Linguistics], 6 (3), 72–84. (In Russ.). https://doi.org/10.18413/2313-8912-2020-6-3-0-6

Budaev, E. V. (2021). Pretsedentnye imena v SMI: metodiki issledovaniya [Precedent names in the media: Research methods]. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], 3 (87), 22–36. (In Russ.). https://doi.org/10.26170/1999-2629_2021_03_02

Karasik, V. I., Slyshkin, G. G. (2011). Pretsedentnye onimy v SMI [Precedent onyms in mass media]. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], 3 (37), 266–268. (In Russ.).

Ma, T. Yu. (2006). *Ontologiya amerikanizma: yazyk i natsional'noe samosoznanie* [Ontology of Americanism: Language and national consciousness]. Blagoveshchensk : Amur State University Press. (In Russ.).

Ma, T. Yu., Khlopova,T. V. (2019). Pretsedentnoe imya bibleyskogo istoka «DAVID» v materialakh elektronnoy versii zhurnala «TIME» [The biblical proper name “David” in the materials of the electronic journal “Time”]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 5 (2), 77–87. (In Russ.). https://doi.org/10.22250/24107190_2019_5_2_41_57

Ma, T. Yu., Royba, N. V., Bolkonskaya, A. V. (2021). Khudozhestvennaya literatura kak sfera-istochnik pretsedentnykh fenomenov v angloyazychnyh SMI [Fiction literature as the sphere-source of the precedent phenomena in the English mass media]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Izvestia of Volgograd State Pedagogical University], 5 (158), 143–149. (In Russ.).

Nakhimova, E. A. (2018). O klassifikatsii i differentsiatsii vidov pretsedentnykh fenomenov v politicheskoy kommunikatsii [Classification and differentiation of the types of precedent phenomena in political communication]. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], 1 (67), 41–46. (In Russ.).

Berumen, C. F. (2019). Resisting assimilation to the melting pot: Validating the cultural curriculum of the home. *Journal of Culture and Values in Education*, 2 (1), 81–95. https://doi.org/10.46303/jcve.02.01.7

CNN. Retrieved from <https://www.cnn.com>.

Melting pot. Merriam-Webster.com Dictionary. Retrieved from <https://www.merriam-webster.com>.

Zangwill, I. (1908). The melting-pot. Retrieved from <https://www.gutenberg.org/files/23893/23893-h/23893-h.htm>.

Статья поступила в редакцию 01.12.2021; одобрена после рецензирования 21.02.2022; принята к публикации 25.02.2022.
The article was submitted 01.12.2021; approved after reviewing 21.02.2022; accepted for publication 25.02.2022.

УДК 811.512.151+ 81’367.51 doi: 10.22250/24107190_2022_8_1_125

Озонова Айяна Алексеевна
Институт филологии СО РАН
г. Новосибирск, Российская Федерация
ajanao@mail.ru

Псевдоусловные конструкции в алтайском языке

Аннотация
Цель исследования – рассмотреть основные типы псевдоусловных полипредикативных конструкций в алтайском языке, которые ещё не были объектом специального исследования. Материалом для исследования послужила выборка примеров из художественных текстов. В работе использованы дескриптивный метод, методы структурного моделирования и анкетирования. В результате исследования установлено, что псевдоусловные конструкции в алтайском языке, как и в других языках, строятся по модели условной конструкции. Однако, несмотря на формальное сходство условных и псевдоусловных конструкций, они различаются по некоторым признакам, прежде всего модальностью зависимой части. Условные конструкции характеризуются нереальной модальностью зависимой предикативной единицы, псевдоусловные конструкции – реальной модальностью. В псевдоусловных конструкциях отсутствует условная семантика, они передают другие типы отношений между событиями. Выявлено, что псевдоусловные отношения встречаются в предложениях, в которых элиминирована модусная часть и отношения между их планом содержания и планом выражения асимметричны. Выявлены и описаны пять основных типов псевдоусловных конструкций: условно-временные, итеративные, условно-причинные, изъяснительные, сопоставительные.

Ключевые слова: тюркские языки, алтайский язык, синтаксис, полипредикативная конструкция, условная конструкция, псевдоусловная конструкция

© Озонова А. А. 2022

Для цитирвания: Озонова А. А. Псевдоусловные конструкции в алтайском языке // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2022. Вып. 8, № 1. С. 125–131. https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_1_125

Aiiana A. Ozonova
Institute of Philology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation
ajanao@mail.ru

Pseudo-conditional patterns in Altai language

Abstract
The paper aims to examine the main types of pseudo-conditional polypredicative patterns in the Altai language that have not been the focus of a special study so far. The material for the study was selected from fiction by continuous sampling. Further data processing was performed using the following methods: descriptive analysis, structural modeling and questionnaire. As a result, it was found that pseudo-conditional constructions in the Altai language, as in other languages, are built in accordance with the pattern of conditional structures. However, despite the formal similarity of conditional and pseudo-conditional patterns, they differ in some ways, primarily by the modality of the dependent clause. Conditional patterns are characterized by the unreal modality of the dependent predicative unit while pseudo-conditional patterns are characterized by the real modality. Pseudo-conditional patterns lack conditional semantics, they convey other types of relationships between events. It was discovered that pseudo-conditional relations occur in sentences where the modus part is eliminated and the

relationship between their content plan and the expression plan is asymmetric. Five main types of pseudo-conditional constructions were identified: conditional-temporal, iterative, conditional-causal, explanatory, comparative.

Keywords: Turkic languages, Altai language, syntax, complex sentence, conditional pattern, pseudo-conditional pattern

© Ozonova A. A. 2022

For citation: Ozonova, A. A. (2022). Psevdouslovnye konstruktsii v altayskom yazyke [Pseudo-conditional patterns in Altai language] . *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 8 (1), 125–131. https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_1_125

1. Введение [Introduction]

В алтайском языке выделяются конструкции, которые строятся по модели условных полипредикативных конструкций (далее – ППК), но не выражают условные отношения. В научной литературе такие конструкции называются квазиусловными [Акимова, Козинцева, 1998 ; Репнина, 2018], формально-условными [Корди, 1998], псевдоусловными [Буркова, 2003], несобственно-условными [Иванова, Кошкарева, 2013]. Псевдоусловные ППК отличаются от собственно условных ППК модальностью зависимой предикативной единицы (далее – ЗПЕ). Собственно-условные конструкции характеризуются нереальной модальностью ЗПЕ, псевдоусловные – реальной. В псевдоусловных ППК отсутствуют отношения условия (посылки) и следствия, поэтому они передают не условные, а другие типы отношений между событиями.

Основным средством выражения псевдоусловных отношений, как и условных, являются монофинитные ППК с условно-временной формой *-са* или условной аналитической формой, состоящей из основных причастных форм алтайского языка и бытийного глагола *бол=* 'быть, становиться' (Tv=прич. *болзо*) в функции сказуемого ЗПЕ. В алтайском языке ЗПЕ с условным показателем занимает линейно первую позицию.

Ц е л ь данной статьи – описать основные семантические типы псевдоусловных конструкций алтайского языка. В алтайском языке получили своё описание только собственно-условные конструкции [Шубина, 1986 ; Тажибаева, 2001 ; Озонова, 2021]. Псевдоусловные конструкции алтайского языка ещё не были объектом специального исследования. Этим обусловлена актуальность и новизна исследования. К псевдоусловным конструкциям относятся условно-временные, итеративные, условно-причинные, изъяснительные и сопоставительные конструкции. Экспериментальное исследование этих конструкций, предпринятое в настоящей статье, носит дескриптивный характер.

2. Семантические типы псевдоусловных конструкций [Semantic types of pseudo-conditional patterns]

2.1. Материал и методика исследования [Material and methods]

Материалом для исследования послужили примеры из художественных печатных текстов – произведений известных алтайских писателей Л. Кокышева, С. Манитова, Т. Шинжина, J. Маскиной, которые были изданы в 1980-е годы во время расцвета алтайской литературы. Некоторые произведения этого времени были переизданы в 2000-х годах. Примеры, содержащие псевдоусловные конструкции, отбирались вручную методом сплошной выборки. Объём выборки составил 120 предложений. В работе использованы дескриптивный метод, методы структурного моделирования и анкетирования.

2.2. Обсуждение результатов [Results and discussion]

2.2.1. Условно-временные конструкции [Conditional-temporal patterns]

Функционирование и семантика формы =са во временных конструкциях алтайского языка подробно описано в монографии [Филистович, 1991]. Её исследование показало, что эта форма используется в роли сказуемого ЗПЕ во временных ППК со значением общей временной соотнесённости, одновременности и следования.

(1) *Јаан болуп калзаң, бойың атту аданла кожо келип барарың* [Маскина, 2002, с. 42].

јаан	бол=уп	кал=за=ң		
большой	быть=CV	AUX: оставаться=COND=2SG		
бой=ың		ат=ту	ада=ң=ла	
сам=POSS.2SG		конь=POSSV	отец=POSS.2=INSTR	
кожо	кел=ип	бар=ар=ың		
POSTP	приходить=CV	идти=PrP=2SG		

'Когда вырастешь, сама с отцом верхом на коне съездишь'.

(2) *Мен кийим јунуп јатсам, эјем келди.*

мен	кийим	јун=уп	јат=са=м
я	одежда	стирать=CV	AUX=COND=1SG
эје=м		кел=ди	
старшая сестра=POSS.1SG		AUX: приходить=PAST	

'Когда я стирала одежду, пришла моя старшая сестра'.

Во временных ППК сказуемое ГПЕ может выступать в эвиденциальной форме прошедшего времени *-(ы)птыр*.

(3) *Санаа айлына кирип келзе, от өчүп калтыр* [Шинжин, 1983, с. 170].

Санаа	айл=ы=на	кир=ип	
Санаа	дом=POSS.3=DAT	входить=CV	
кел=зе		от	өч=үп
AUX: приходить=COND		огонь	гаснуть=CV
кал=тыр			
AUX: оставаться=EVID			

'Когда Санаа вошёл в дом, оказывается, огонь погас.'

В этом предложении элиминирована модусная часть: *Когда Санаа пришел, <то увидел, что> огонь, оказывается, погас*. Такие конструкции являются асимметричными: в плане выражения они являются бипредикативными, «в плане же содержания – полипропозитивными (трёхкомонентными) синтаксическими построениями» [Тажибаева, 2001, с. 223].

В состав зависимого сказуемого, выраженного формой =са, может входить усилительная частица *ла*. Конструкции с таким зависимым сказуемым выражают значение близкого следования.

(4) *Барнаулдаң письмо келзе ле, олор бир ле күн ончозы јүргүлей берер* [Кокышев, 1990, с. 46].

Барнаул=даң		письмо	кел=зе	ле	олор
Барнаул=ABL		письмо	приходить=COND	PTCL	они
бир	ле	кün	ончозы	јүр=гүле=й	
один	PTCL	день	все	уходить=ITER=CV	
бер=ер					

AUX: давать=PrP
'Как только из Барнаула придёт письмо, они в один день все уйдут'.

Временно́е значение формы *-са* реализуется прежде всего в предложениях, в которых выражаются «регулярные явления природы, наступление определённого времени года, части суток, дня», «возрастные изменения» и др. [Филистович, 1991, с. 73].

2.2.2. Итеративные конструкции [Iterative patterns]

Итеративные условные конструкции близки к временным. Итеративность в условных ППК выражается за счет использования определённых временных форм глагола-сказуемого, а также лексических средств итеративности. Одно из значений причастной формы *=аган/=байтан* – обычное, повторяемое действие в прошлом. В итеративных условных ППК она оформляет главное сказуемое, если зависимое сказуемое выражено условной аналитической формой прошедшего времени *-ган/-баган болзо*. Временной план этой конструкции относится к прошлому. Итеративные ППК выражают реальное действие, а не возможные или невозможные.

(5) *Јейнек келеле, јапажы јемирилип калган болзо, јаңыдаң чӱрче ле тудуп алатан* [Манитов, 1982, с. 97].

Јейнек	кел=еле		јапаж=ы
Дьейнек	приходить=CV		шалаш=POSS.3
јемир=ил=ип		кал=ган	
разрушаться=PASS=CV		AUX: оставаться=PART	
бол=зо	јаңыдаң	чӱрче	ле
быть=COND	заново	быстро	PTCL
туд=уп	ал=атан		
строить=CV	AUX: брать=PART		

'Если шалаш разрушился, Дьейнек придя, заново тут же строила'.

В итеративных конструкциях условная форма глагола «не выполняет функцию показателя условной связи, а лишь реализует значение альтерантивности (есть / нет)» [Буркова, 2003, с. 184].

2.2.3. Условно-причинные конструкции [Conditional-causal patterns]

В условно-причинных конструкциях событие в ЗПЕ служит объяснением (причиной) ситуации в ГПЕ.

(6) *Байа математикадаң болушпаган болзоң, эмди унчукпай ла ары јат* [Кокышев, 2010, с. 72].

байа	математика=даң		болуш=па=ган	
недавно	математика=ABL		помогать=NEG=PART	
бол=зо=ң	эмди	унчук=пай		ла
быть=COND=2SG	теперь	молчать=NEG.CV		PTCL
ары	јат			
туда	лежать.IMP.2SG			

'Раз недавно не помог по математике, теперь молча лежи'.

По мнению Т. П. Шубиной, исследователя конструкций обусловленности алтайского языка, «причина всегда есть условие определённого характера», но «условные предложения предполагают альтернативу, выбор из двух возможностей, а причинные такой альтернативы не предполагают» [Шубина, 1986, с. 73–75].

2.2.4. Сопоставительные конструкции [Comparative patterns]

В сопоставительных конструкциях условно-следственные отношения заменяются на сопоставительные. Действие в ГПЕ не обусловлено действием в ЗПЕ. Для предложений этого типа характерен параллелизм форм сказуемых в ГПЕ и ЗПЕ.

(7) *Амыр билбес болзо, Аржан билер.*

Амыр	бил=бес	бол=зо	Аржан
Амыр	знать=NEG.PrP	быть=COND	Аржан
бил=ер			
знать=PrP			

'Если Амыр не знает, [то] Аржан знает'.

(8) *Озодо айтпайтан болзо, эне, эмди айдып jат* [Шинжин, 1983, с. 59].

озодо	айт=па=йтан	бол=зо	эне
раньше	говорить=NEG=PART	быть=COND	мама
эмди	айд=ып	jат	
теперь	говорить=CV	AUX: лежать	

'Если раньше не говорили, мама, [то] теперь говорят'.

2.2.5. Изъяснительные конструкции [Explanatory patterns]

В изъяснительных конструкциях сказуемым ЗПЕ выступают глаголы оперирования информацией типа *слышать, видеть, думать, сказать* и т.д. Эти конструкции являются асимметричными и содержат имплицитное звено модусной семантики.

(9) Уксам, кайырчакта киске маарайт.

ук=са=м	кайырчак=та	киске
слушать=COND=1SG	сундук=LOC	кошка
маара=йт		
мурлыкать=PRES		

'Слышу, кошка в сундуке мурлычет' (букв.: Если послушать, <то можно услышать, что> кошка мурлычет)'.

В этом предложении нет непосредственной условной связи между её частями: если я не буду слушать, кошка не перестанет мурлыкать.

3. Заключение [Conclusion]

Исследование показало, что псевдоусловные конструкции в алтайском языке, как и в других языках [Храковский, 1998], имеют одинаковые формальные средства выражения с условными конструкциями. Основным средством выражения условных отношений, как и псевдоусловных, являются монофинитные ППК с условно-временной формой *-са* или условной аналитической формой Tv=прич. *болзо* в функции сказуемого ЗПЕ.

Условные и псевдоусловные конструкции различаются семантически. События в условных конструкциях гипотетические (возможные или невозможные), а в псевдоусловных – фактические. В отличие от условных конструкций, в псевдоусловных отношения условия и следствия отсутствуют.

В настоящем исследовании было выделено пять семантических типов псевдоусловных конструкций: условно-временные, итеративные, условно-причинные, сопоставительные, изъяснительные. В этих конструкциях событие в ГПЕ произошло или произойдёт независимо от псевдоусловия в ЗПЕ. Выявлено, что псевдоусловные отношения встречаются в предложениях, в которых элиминирована модусная часть и отношения между их планом содержания и планом выражения асимметричны.

Список условных обозначений

1Pl, 2Pl, 3Pl – личные аффиксы 1-го, 2-го и 3-го лица множественного числа; 1SG, 2SG, 3SG – личные аффиксы 1-го, 2-го и 3-го лица единственного числа; ABL – исходный падеж; AUX – вспомогательный глагол; COND – условная форма; CV – деепричастие; DAT – дательный падеж; EVID – эвиденциальная форма прошедшего времени *–(ы)птыр*; IMP – повелительное наклонение; INSTR – орудный падеж; ITER – форма итератива *–гыла*; LOC – местный падеж; NEG – отрицательная форма глагола, причастия, деепричастия; PART – причастная форма; PASS – форма страдательного залога; PAST – финитная форма прошедшего времени на *=ды*; POSTP – послелог; POSS – посессивный показатель; POSSV – форма обладания *–лу*; PRES – форма настоящего времени; PrP – форма причастия настояще-будущего времени на *=ар*; PTCL – частица; Tv – основа глагола; знак равенства – морфемный шов при словоизменительных и формообразовательных аффиксах.

Библиографический список

Акимова, Козинцева, 1998 – Акимова Т. Г., Козинцева Н. А. Условные конструкции в английском языке // Типология условных конструкций. СПб. : Наука, 1998. С. 306–324.

Буркова, 2003 – Буркова С. И. Сопоставительное описание функционально-семантических полей обусловленности в лесном и тундровом диалектах ненецкого языка. Новосибирск : Изд-во НГУ, 2003. 260 с.

Иванова, Кошкарева, 2013 – Иванова Г. П., Кошкарева Н. Б. Условные конструкции в вепсском языке // Вестник НГУ. Серия история, филология. 2013. Т. 12, Вып. 9 : Филология. С. 89–101.

Кокышев, 1990 – Кокышев Л. Jўс письмо [Сто писем]. Горно-Алтайск, 1990. 208 с.

Кокышев, 2010 – Кокышев Л. Туулардыҥ уулы [Мальчик гор]. Горно-Алтайск, 2010. 336 с.

Корди, 1998 – Корди Е. Е. Условные конструкции во французском языке // Типология условных конструкций. СПб. : Наука, 1998. С. 275–296.

Манитов, 1982 – Манитов С. Чалдыкпас чечектер [Неувядаемые цветы]. Горно-Алтайск, 1982. 128 с.

Маскина, 2002 – Маскина J. Jўрўмниҥ jуруктары [Картины жизни]. Горно-Алтайск : ГУ книжное изд-во «ЮчСумер», 2002. 184 с.

Озонова, 2021 – Озонова А. А. Структурно-семантические типы условных конструкций в алтайском языке // Сибирский филологический журнал. № 4. 2021. С. 300–313. https://doi.org/10.17223/18137083/77/23

Репнина, 2018 – Репнина Т. В. Квазиусловные конструкции в каталанском языке // Вестник НГУ. Сер. : Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. Т. 16, № 4. С. 103–115.

Тажибаева, 2001 – Тажибаева С. Ж. Каузальные полипредикативные конструкции казахского языка (сопоставительный аспект). Новосибирск: Сибирский хронограф», 2001. 271 с.

Филистович, 1991 – Филистович Т. П. Темпоральные полипредикативные конструкции алтайского языка (в сопоставлении с тувинским и хакасским). Новосибирск : Изд-во НГУ, 1991. 172 с.

Храковский, 1998 – Типология условных конструкций / под ред. В. С. Храковского. СПб. : Наука, 1998. 583 с.

Шинжин, 1983 – Шинжин Т. Кырлык суулардыҥ кожоҥдоры [Песни горных рек]. Горно-Алтайск, 1983. 184 с.

Шубина, 1986 – Шубина Т. П. Семантика обусловленности в сложноподчиненном предложении (на материале алтайского языка) // Синтаксическая и лексическая семантика на материале разных языков. Новосибирск, 1986. С. 66–78.

References

Akimova, T. G., Kozinceva, N. A. (1998). Uslovnye konstruketsii v angliyskom yazyke [Conditional constructions in English]. *Tipologiya uslovnyh konstruktsiy* [Typology of conditional constructions] (pp. 306–324). St Petersburg : Nauka Press. (In Russ.).

Burkova, S. I. (2003). *Sopostavitel'noe opisanie funktsional'no-semanticheskikh poley obuslovlennosti v lesnom i tundrovom dialektakh nenetskogo yazyka* [Comparative description of functional and semantic fields of conditionality in the forest and tundra dialects of the Nenets language]. Novosibirsk, NSU Press. (In Russ.).

Ivanova, G. P., Koshkareva, N. B. (2013). Uslovnye konstruktsii v vepsskom yazyke [Conditional sentences in the Veps Language]. *Vestnik NGU. Seriya: Istoriya i filologiya* [Vestnik NSU. Series: History and Philology], 12 (9): Philology, 89–101. (In Russ.).

Kokyshev, L. (1990). *Jüs pis'mo* [One hundred letters]. Gorno-Altaysk. (In Altai).

Kokyshev, L. (2010). *Tuulardyŋ uuly* [The boy of mountains]. Gorno-Altaysk. (In Altai).

Kordi, E. E. (1998). Uslovnye konstruktsii vo frantsuzskom yazyke [Conditional patterns in French]. *Tipologiya uslovnykh konstruktsiy* [Typology of conditional patterns] (pp. 275–296). St Petersburg : Nauka Press. (In Russ.).

Manitov, S. (1982). *Chaldykpas chechekter* [Unfading flowers]. Gorno-Altaysk. (In Altai).

Maskina, J. (2002). *Jürümniŋ juruktary* [Pictures of life]. GornoAltaysk. (In Altai).

Ozonova, A. A. (2021). Uslovnye konstruktsii v altayskom yazyke [Structural and semantic types of conditional sentences in the Altai language]. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal* [Siberian Journal of Philology], 4, 300–313. (In Russ.). https://doi.org/10.17223/18137083/77/23

Repnina, T. V. (2018). Kvaziuslovnye konstruktsrii v katalanskom yazyke [Quazi-conditional constructions in Catalan]. *Vestnik NGU. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsija* [NSU Vestnik. Series: Linguistics and Intercultural Communictaion], 6 (4), 103–115. (In Russ.).

Tazhibaeva, S. Zh. (2001). *Kauzal'nye polipredikativnye konstruktsii kazakhskogo yazyka (sopostavitel'nyy aspekt)* [Polipredicative patterns with clauses of cause in the Kazakh language (Comparative aspect)]. Novosibirsk : Sibirskiy khronograf Press. (In Russ.).

Filistovich, T. P. (1991). *Temporal'nye polipredikativnye konstruktsii altayskogo yazyka (v sopostavlenii s tuvinskim i khakasskim)* [Temporal polypredicative constructions of the Altai language (In comparison with Tuvan and Khakass)]. Novosibirsk, NSU Press. (In Russ.).

Khrakovskiy, V. (Ed.). (1998). *Tipologiya uslovnykh konstruktsiy* [Typology of conditional patterns]. St Petersburg : Nauka Press. (In Russ.).

Shinzhin, T. (1983). *Kyrlyk suulardyŋ kozhoŋy* [Songs of mountain rivers]. Gorno-Altaysk. (In Altai).

Shubina, T. P. (1986). Semantika obuslovlennosti v slozhnopodchinennom predlozhenii (na materiale altayskogo yazyka) [The semantics of conditionality in a complex sentence (Based on the material of the Altai language)]. *Sintaksicheskaya i leksicheskaya semantika na materiale raznykh yazykov* [Syntactic and lexical semantics based on the material of different languages] (pp. 66–78). Novosibirsk. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 27.08.2021; одобрена после рецензирования 13.01.2022; принята к публикации 17.02.2022.
The article was submitted 27.08.2021; approved after reviewing 13.01.2022; accepted for publication 17.02.2022.

УДК 811.112 doi: 10.22250/24107190_2022_8_1_132

Падерина Татьяна Сергеевна
Иркутский научный центр Сибирского отделения
Российской академии наук
г. Иркутск, Российская Федерация
jana-pad@mail.ru

Социолингвистические аспекты оппозиции «свой – чужой» (на материале немецкой художественной литературы)

Аннотация
Статья посвящена исследованию языковых средств для передачи социолингвистической оппозиции «свой – чужой». Материалом для исследования послужила немецкая художественная литература, описывающая события, предшествующие объединению Германии в 1989 году, а именно произведения Гюнтера Грасса («Mein Jahrhundert» = «Мой век»), Владимира Каминера («Vaters Rat» = «Совет отца», «Russen in Berlin» = «Русские в Берлине»), Катрин Шмидт («Brief zur Nacht» = «Письмо к ночи») и др. Для отбора материала применялся метод сплошной выборки. В ходе лексико-семантического анализа указанных произведений удалось определить оппозицию «свой – чужой» с точки зрения немцев, проживающих на территории Германии в указанный период, и описать отношения людей, проживающих на территориях ФРГ и ГДР, как к жителям одного и того же государства, так и к иммигрантам, проживающим на территории Германии в период объединения. В результате выявлено, что в создании изучаемой оппозиции важную роль играют такие грамматические средства, как личные и притяжательные местоимения, сослагательное наклонение и такие стилистические средства, как эпитеты, образные сравнения, метафора и метонимия, а также лексические единицы с соответствующими значениями (семья, родная территория vs незнакомец, чужак, стена и т. п.). Полученные результаты могут способствовать дальнейшему изучению оппозиции «свой – чужой», представленной в картине мира различных этносов, в частности, немецкого и русского, а также особенностей репрезентации данной оппозиции в сознании билингва.

Ключевые слова: бинарные оппозиции, «свой – чужой», языковое сознание, германистика, межкультурная германистика, грамматические средства, стилистические средства, лексическое значение

© Падерина Т. С. 2022

Для цитирования: Падерина Т. С. Социолингвистические аспекты оппозиции «свой – чужой» (на материале немецкой художественной литературы) // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2022. Вып. 8, № 1. С. 132–141. https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_1_132

Tatiana. S. Paderina
Irkutsk Scientific Center of Siberian Branch of the Russian Academy
jana-pad@mail.ru

Sociolinguistic aspects of “friend – foe” opposition (Based on modern German fiction)

Abstract
The article studies the language means of manifesting the “friend – foe” sociolinguistic opposition in modern German literature. The analysis was carried out on the material of works describing German Unification period in November 1989, namely the ones by such famous writers as Gunter Grass (“Mein Jahrhundert”), Wladimir Kaminer (“Vaters Rat”, “Russen in Berlin”), Katrin Schmidt (“Brief zur Nacht”) and some others. Continuous sampling was used to select the token for the study. Lexical-semantic analysis of the chosen tokens was

performed to determine the “friend – foe” opposition from the viewpoint of Germans who were living in Germany at that period as well as to describe the relationship between the FRG and the GDR residents as the citizens of one native country and their attitude to the immigrants living in Germany during the Reunification period. As a result, it was found that the opposition is expressed by such grammatical means as personal and possessive pronouns, Subjunctive Mood and by such figures of speech as epithets, similies, metaphors and metonymies as well as by lexical units with the particular meaning. The obtained results can contribute to further studies of the “friend – foe” opposition in the language picture of different ethnic groups, particularly German and Russian, as well as the ways to represent the opposition in the bilingual mind.

Keywords: binary oppositions, “friend – foe”, language awareness, German studies, cross-cultural German studies, grammatical means, figures of speech, lexical meaning

© Paderina T. S. 2022

For citation: Paderina, T. S. (2022). Sotsiolingvisticheskie aspekty oppozitsii «svoy – chuzhoy» (na materiale nemetskoy khudozhestvennoy literatury) [Sociolinguistic aspects of “friend – foe” opposition (Based on modern German fiction)]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 8 (1), 132–141. https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_1_132

1. Введение [Introduction]

Ситуация глобализации актуализирует ряд вопросов межнациональной коммуникации, решение которых находится в плоскости межкультурного и межъязыкового взаимодействия. Личность в условиях всё более «открывающегося» мира и стремления к единению вовлечена в многообразные и многоуровневые отношения, которые необходимы для решения задач разных типов коммуникации. В процессе установления и реализации межнациональных контактов «новая, иная, чужая реальность нарушает заданные «своей» культурой рамки и нормы» [Свердлова, 2018, с. 62]. Человек сравнивает события «чужой» культуры с нормами и стандартами «родной», при этом часто предполагая, что привычный («свой» / «родной») взгляд на мир является единственно правильным, а всё остальное – непонятное, странное, вызывает вопросы и по этой причине «чужое». В данной ситуации мы можем говорить о формировании в сознании человека бинарной оппозиции «свой – чужой».

Термин «бинарная оппозиция» (лат. *binarius* – двойной, двойственный, состоящий из двух частей) появился в лингвистической науке благодаря учёному Пражской лингвистической школы Н. С. Трубецкому. Данный термин, по его мнению, является универсальным средством рационального описания мира и используется для изучения двух противоположных понятий – утверждающего какое-то качество и отрицающих его (гласные – согласные, твёрдость – мягкость, глухость – звонкость) [Трубецкой, 2000, с. 72–88].

Универсальность бинарных оппозиций и их основополагающую роль в европейской научной мысли отмечены К. Леви-Строссом [Леви-Стросс, 1994, с. 115]. Каждая национальная картина мира содержит бинарные оппозиции и находит отражение в жизнедеятельности представителей отдельного этноса.

Закрепление в сознании особенностей поведения, культуры, характерных для определенного сообщества, происходит в языке. Под языковым сознанием принято подразумевать «особенности культуры и общественной жизни данного человеческого коллектива, определившие его психическое своеобразие и отразившееся в специфических чертах данного языка» [Ахманова, 1966, с. 428]. Со временем, в процессе заполнения концепта «чужой» («концепт в этом смысле есть сгусток жизненного опыта, зафиксированный в памяти человека» [Карасик, 2004, с. 127]), в языковом индивидуаль-

ном сознании всё более отчетливо формируется оппозиция «свой – чужой», структурируемая семантическим полем языка. Несмотря на то, что социальные изменения разных исторических периодов имеют важное значение для семантического наполнения концепта, оппозиция «свой-чужой» признана архетипической [Бенвинист, 1995, с. 236] и вербализуется в языке.

Информацию о «чужом» носитель языка получает через письменные и устные источники: художественная литература, СМИ, телевидение и интернет, реже – через непосредственные контакты с представителями другой культуры. Семантическая область концепта наиболее отчетливо может быть проанализирована, на наш взгляд, на материале современной художественной литературы, для которой характерно понятие «художественной нормы», связанной с коллективным языковым опытом, определённым периодом развития культуры, «интегрирующей общелитературную норму и традиции разговорной речи, допускает формальную стилизацию под устную разговорную речь, допускающей индивидуальное языковое творчество» [Винокур, 1974, с. 280].

Ц е л ь статьи заключается в анализе современной немецкой художественной литературы, описывающей события, касающиеся объединения Германии в ноябре 1989 года. Данный анализ поможет нам определить и описать оппозицию «свой-чужой» с точки зрения одного и того же народа. Выбор тематики художественных произведений и материала обусловлен тем, что 9 ноября 2019 г. отметили главный юбилей в истории современной Германии – 30-летие падения Берлинской стены и 30-летие немецкого единства. Именно такого рода события, отражение их в сознании народа и отдельного человека связаны с пониманием социального разделения и сближения, переходом от «чужого» к «своему».

Изучению оппозиции «свой – чужой» были посвящены труды некоторых отечественных учёных. Так, например, М. М. Бахтин рассматривал эту оппозицию в лингвокультурологическом аспекте [Бахтин, 1975]; в публицистическом жанре особенности реализации оппозиции рассмотрены А. А. Леглер [Леглер, 2011]; сравнительный анализ концепта «свой-чужой» в российской и французской художественной литературе был проведён М. Л. Петровой [Петрова, 2006]; особенности данной оппозиции в британском политическом дискурсе были представлены Т. В. Алиевой [Алиева, 2013] и др. Кроме этого, данная оппозиция рассматривалась на материале скетчей русского и немецкого комиков, работающих в жанре стэндап (техника выражения враждебности через осмеяние) [Дубровская, Манёрова, 2019], а также существительных в российских и английских СМИ по тематике вооружённого конфликта в Сирии [Зырянов и др., 2021].

В настоящей работе изучение художественной литературы с целью исследования вербальной составляющей бинарной оппозиции «свой-чужой» проводится в рамках межкультурной германистики. Если германистика, как академическая дисциплина, исследует, документирует и передаёт немецкий язык и немецкоязычную литературу в её исторических и современных проявлениях и её задача – изучение германских языков, их культуры и литературы, то межкультурная германистика – более узкое понятие. Эта дисциплина призвана помочь преодолению этноцентрической изоляции и способствует осознанию герменевтической функции этого многообразия. Она учит уважительно относиться к культурным отличиям и использовать свои знания для улучшения собственной и чужой культуры [Захарова, 2006, с. 218].

Для уточнения рамок изучения объекта исследования соотношение понятий «межкультурная коммуникация», «германистика» и «межкультурная германистика» можно представить в виде таблицы (табл. 1), которая была составлена автором настоящего исследования на основании анализа работ таких авторов как [Тер-Минасова, 2000 ; Садохин, 2003 ; Wierlacher, 2003 ; Heringer, 2007].

Т а б л и ц а 1. **Соотношение понятий «межкультурная коммуникация», «германистика» и «межкультурная германистика»**
[T a b l e 1. **Correlation of the terms “Cross-cultural communication”, “German studies” and “Cross-cultural German studies”**]

Название дисциплины	Статус	Определение	Задачи
Межкультурная коммуникация	научная субдисциплина	межкультурная коммуникация есть совокупность разнообразных форм отношений и общения между индивидами и группами, принадлежащими к разным культурам. [Садохин, 2003, с. 116]	развитие культурной восприимчивости; способности к правильной интерпретации проявлений коммуникативного поведения в различных культурах; формирование практических навыков и умений в общении с представителями других культур.
Германистика	академическая дисциплина	совокупность научных дисциплин, изучающих языки, литературы, историю, материальную и духовную культуру германоязычных народов [Германистика, 2019]	изучение германских языков, их культуры и литературы
Межкультурная германистика	научная субдисциплина	многокомпонентная дисциплина, которая включает в себя такие дисциплины как лингвистика, страноведение, германистика родного языка, зарубежная германистика, занимается исследованием немецкого языка как иностранного и изучает взаимосвязь культур, направленных на достижение взаимопонимания. [Wierlacher, 2003, S. 1]	формирование социокультурной компетенции

При наличии достаточно чётких различий в содержании и межкультурная коммуникация, и межкультурная германистика потенциально могут изучать взаимосвязи «свой – чужой».

2. Манифестация оппозиции «свой – чужой»: до объединения Германии [“Friend – foe” opposition before German reunification]

2.1. Материал и методика исследования [Material and methods]

Рассматривая понятия «свой – чужой» и их представление в художественной литературе Германии в определённый исторический момент, мы анализируем художественные произведения, описывающие события времён воссоединения Германии, то есть описывающие события, предшествующие объединению, сам день Народного единства, а также последствия падения Берлинской стены

Фоном для анализа произведений объекта нашего исследования – языкового содержания оппозиции «свой – чужой» – является изучение социальной ситуации объединения Востока и Запада страны, раскола в обществе, как одной из его ключевых проблем.

Нами было проанализировано четыре произведения из сборника рассказов, посвящённых двадцатилетней годовщине падения Берлинской стены [Delius, 2009 ; Gröschner, 2009 ; Schmidt, 2009 ; Unbekannter Autor, 2009], а также произведения Гюнтера Грасса [Grass, 2006]) и Владимира Каминера [Kaminer, 2002 a, b]. В процессе анализа мы определяем как образ Берлинской стены может найти отражение в оппозиции «свой – чужой».

Все анализируемые рассказы написаны от первого лица, что даёт представление о личном опыте авторов. «Свой» и «чужой» в этом повествовании практически всегда

соседствуют и тем самым подчёркивается связь этих понятий в индивидуальном сознании повествователя.

Для проведения исследования нами был использован метод сплошной выборки, а также метод лингвистического наблюдения для выделения изучаемых лексических единиц и для их последовательного описания с точки зрения их функционирования. Лексико-семантический анализ фрагментов текста был направлен на изучение семной структуры слов в оппозиции «свой – чужой». В общей сложности по изучаемым произведениям проанализировано около 50 контекстов, в которых репрезентирована оппозиция «свой – чужой». В настоящей статье представлен анализ 10 наиболее показательных, по мнению автора, контекстов.

2.2. Обсуждение результатов [Results and discussion]

Анализ материала показал, что в качестве «своего» авторы определяют главных героев, родителей, семью, дом, ближайшее окружение (как в рассказе «der See»), описание событий 1989 года, ребёнка («die Rache»), друзей, уроки иностранного языка («Cavallo bianco»), а так же автомобили, немецкие спиртные напитки («1989») или просто иностранцев, проживающих в Германии легально или незаконно (в работах В. Каминера [Kaminer, 2002 a, b]).

К понятию «чужой» при этом относят прежде всего образ неизвестного для рассказчика человека, например:

(1) *In der Nacht vor Heiligabend kommt **ein Mann** zu uns. Er hat einen schönen braunen Schuh an, aber nur einen <…>. Er denkt, er ist schon drüben. Er spricht mehrere Sprachen durcheinander, aber, wie es scheint, alle nur gebrochen <…>. **Die Fremden** bezahlen gut. Sowohl Mutter als auch Vater tragen mehrere Goldringe an den Fingern <…> („der See“)* – 'В ночь перед Сочельником к нам пришёл ***незнакомец***. На нём был красивый коричневый сапог, но только один. Он думал, что он уже прибыл на место. Он говорил на нескольких языках наперебой, но похоже, он знал все эти языки очень плохо. ***Чужаки*** платили хорошо. Настолько хорошо, что и мама и папа носили по несколько золотых колец на пальцах' (здесь и далее перевод наш – Т. П.).

«Чужими» также являются пограничники («der See»), Берлинская стена, хорошие условия жизни (для жителей ГДР) такие, например, как *Joggen* 'бег трусцой', *Parkettbogen* 'паркетная арка' , *Winterreifen* ' зимние шины'.

(2) *<…> fiel meinem Bekannten mit kurzem Blick in Richtung tonlose Mattschreibe auf, dass dort offenbar ein Film lief, nach dessen Handlung junge Leute auf die Mauer kletterten, rittlings auf derem oberen Wulst saßen und die Grenzpolizei diesem Vergnügen tatenlos zuschaute. Auf solche Missachtung <…> sagte der Bekannte meines Bekannten: „Typisch Westen!“. Dann kommentierten beide die laufende Geschmacklosigkeit – „Bestimmt ein Kalter-Kriegs-Film“! – und waren bald wieder bei den leidigen Sommerreifen und fehlenden **Winterreifen*** – '<…> мой знакомый, бросил короткий взгляд в сторону беззвучного экрана телевизора, по которому, очевидно показывали некий фильм, по сюжету которого люди поднимались на стену, сидели верхом на стене, и пограничники безучастно наблюдали за всем этим.<…> знакомый моего знакомого сказал: «Типичный Запад!». Затем оба прокомментировали текущую безвкусицу – «определённо это фильм о Холодной войне!» – и вскоре вернулись к обсуждению некачественных летних шин и отсутствующих ***зимних шин***'.

Для обеих сторон (речь здесь идёт о жителях как ГДР, так и ФРГ) *Joggen* 'бег трусцой' – это то, как через слово и метафору автор передаёт ощущение самореализации главных героев, то, как заимствованное слово становится «общим» для жителей разделённого государства:

(3) *Seinem Bericht zufolge kehrte er schwitzend vom* ***Joggen*** *aus dem Friedrichshain zurück. Nichts Ungewöhnliches, denn auch Ostberlinern war diese Selbstkasteiung amerikanischen Ursprungs mittlerweile geläufig.* – 'Согласно его отчёту, он вернулся вспотевший с ***пробежки*** по Фридрихсхайне. Ничего необычного, ведь восточные берлинцы уже были знакомы с этим самобичеванием, американского происхождения'.

Образ «чужого» передаётся также при помощи описания чувств главных героев произведений. Чаще всего эти чувства имеют двойственный характер:

– с одной стороны – это любопытство и радость:

(4) *Ich wusste,* ***die Zeit der Anarchie war*** *in diesem Moment* ***vorbei****. Die Mauer zu öffnen, war die letzte Rache derer, deren Macht längst dahingeschwunden war. Und es war ihre wirksamste.* ***Keine Diskussionen mehr.*** – 'Я знал, что в тот момент ***время анархии закончилось***. Открытие стены было последней местью тех, чья власть давно исчезла. И это был их самый эффективный метод. ***Больше никаких обсуждений'***.

– с другой стороны – это страх:

(5) <…> *mir wurde schlecht, ich bekam* ***Platzangst, keine Luft mehr. Ich wollte zurück in den Osten****. Aber die Mauer stand wie eine lebendige Mauer. Eine Mauer, die scherzte und Blutwurstbrote aß.* – 'Я чувствовала себя больной, у меня была ***клаустрофобия, я не могла дышать. Я хотела вернуться на Восток.*** Но стена стояла как живая. Стена, которая шутила и ела бутерброды с колбасой'.

При описании оппозиции «свой – чужой» авторы используют чаще всего аналогичные лингвостилистические средства, например, личные и притяжательные местоимения, обозначение реалий, сослагательное наклонение, а также многочисленные стилистические средства (метафоры, образные сравнения, метонимии и т. д.). При этом, однако, мы можем наблюдать определённое различие в степени эмоциональности: например, личное местоимение *wir* 'мы' в рассказе «der See» означает всех членов семьи:

(6) ***Wir*** *sind von kleinem Wuchs, haben runde Köpfe, blonde Haare und blaue Augen.* ***Wir*** *kommen alle nach unserem Vater <...>. Im Dorf sind wir bekannt als die, die aus den Gärten stehlen <…>* – '***Мы*** небольшого роста, у нас круглые головы, светлые волосы и голубые глаза. ***Мы*** все берём пример со своего отца <...>. В деревне нас называют теми, кто ворует из садов <...>'.

(7) <…> ***Wir*** *fegen gerade die Backstube. Diese Nacht haben* ***wir*** *nicht geschlafen. Wir haben wach gelegen, bis es endlich Mitternacht war und* ***wir*** *aufstehen konnten, um für Weihnachten zu backen.* – '***Мы*** подметаем пекарню. В эту ночь ***мы*** не спали. ***Мы*** лежали без сна, пока наконец не наступила полночь и мы могли встать, чтобы заняться выпечкой к Рождеству'.

В употреблении этого местоимения несколько раз в одном и том же предложении, мы видим гордость и единство всей семьи. Кроме этого, мы можем предположить, что это эгоцентричный маркер текста. Семья здесь представлена как нечто единое, это личный мир главной героини, «свой» мир. В произведении Гюнтера Грасса местоимение *мы* обозначает не только главного героя и его жену («Russen in Berlin»), но и всех жителей ФРГ по отношению к жителям ГДР.

(8) *Während* ***wir*** *uns, nun schon mit froher Botschaft im Herzen, Behlendorf näherten, lief im sogenannten „Berliner Zimmer“ des Bekannten meines Bekannten mit fast Null gedrehtem Ton das Fernsehen.* – 'Когда ***мы*** подъезжали к Белендорфу, теперь уже с радостной вестью в сердце, в так называемой "берлинской комнате" друга моего знакомого был включён телевизор, причём звук был убавлен почти до нуля'.

(9) *Während* ***wir*** *bereits im Bewusstsein der kommenden, der mauerlosen Zeit lebten und – kaum zu Hause angekommen – <…> dauerte es andererseits der Mauer noch ein Weichen, bis endlich der Bekannte meines Bekannten die paar Schritte übers frischverlegte Parkett machte und den Ton des Fernsehers voll aufdrehte*. – 'Хотя ***мы*** уже в предвкушении

грядущего времени без Стены и – едва придя домой – <...> с другой стороны, прошло немало времени, пока знакомый моего друга наконец сделал несколько шагов по свежеуложенному паркету и прибавил звук на телевизоре'.

Для передачи оценочных оппозиций «свой – чужой» авторы используют так же различные стилистические средства (напр., эпитеты, метафоры):

(10) <…> *die rot-schwarzen* ***Käfer****, ein paar* ***notorischen*** *Individualisten,* ***füsilierte*** *Studenten, die* ***hiesigen*** *Machthaber, das* ***verzerrte*** *Gesicht*<…>. – '<…> красно-чёрные ***божьи коровки***, несколько ***отъявленных*** индивидуалистов, ***фузионисты, местные власть имущие***, искажённое лицо <...>'.

Так, например, слово *Käfer* 'божья коровка' используется в качестве метафоры – это символ счастья, а цвета *rot-schwarz* 'красно-чёрный' – это два из трёх основных цветов национального флага Германии. Следующие 4 эпитета – *notorisch* 'пресловутый', *füsiliert* 'расстрелянный по закону военного времени', *hiesig* 'местный', *verzerrt* 'искажённый' – имеют негативный оттенок и могут быть отнесены к понятию «чужой».

Рассказы как образцы художественного стиля литературы богаты стилистическими средствами. В проанализированном материале отмечены разнообразные характерные эпитеты, сравнения и метафоры, придающие текстам образность, эмоциональность, динамичность. Все перечисленные лингвостилистические средства служат как для формирования образа «свой», так и для описания образа «чужой». Таким образом мы отмечаем сложность исследуемой бинарной оппозиции с точки зрения многообразия форм представления и разнообразия самих форм с лексической точки зрения.

4. Заключение [Conclusion]

Таким образом, проанализированные в нашей работе понятия «свой – чужой» семантически связаны в языковом сознании немцев. Понятие «свой» ассоциируется прежде всего с такими понятиями как привычное / нормальное; понятие «чужой» воспринимается как нечто новое / непривычное.

«Своё» – это личная жизнь героев и всё, что с ними связано: дом, семья (большая семья из 11 человек как в произведении «der See» или маленькая, как в рассказе «Die Rache»), а также, родная территория, будь то маленькая деревня, большой город или территория Западной и Восточной Германии целиком. «Чужое» – Восточная / Западная часть Германии, незнакомые люди, граница, пограничники, Берлинская стена.

Оценочный компонент исследуемой оппозиции контекстуально подчёркнут фактом наличия / отсутствия Берлинской стены, отделяющей восток и запад некогда единой страны. В сознании носителей языка уже разрушенная стена остаётся границей между «своим» и «чужим» и даже после 20 лет продолжает ею быть, на что указывает факт её упоминания в описании авторов. Стена между востоком и западом страны стала своеобразной границей между лексическими полями «своего» и «чужого».

В целом следует отметить, что сложная система оппозиций «свой – чужой» отражает разные социальные аспекты жизни человека и общества. В художественных текстах немецких авторов мы отмечаем как универсальные (религиозный, морально-этический, поведенческий), так и национальные (образ жизни, устои, немецкие реалии) характеристики жизнедеятельности представителя немецкого этноса в обществе, которые помогают уточнить своеобразие изучаемой оппозиции в немецком языковом сознании.

Масштабность социальных явлений, имеющих место в Европе, в частности, в Германии, способствует формированию новых ситуаций межкультурного взаимодействия, изучение которых, на наш взгляд, может внести дополнения в существующую концептосферу изучаемых понятий. Кроме того, представляет интерес и отражение оппозиции «свой – чужой» в современном языке русско-немецких билингвов. Получен-

ные результаты дают представление о формировании в индивидуальном языковом сознании изучаемых понятий и могут способствовать дальнейшему изучению оппозиции «свой – чужой», имеющейся в сознании представителей различных этносов, в частности, немецкого и русского, а также особенностей репрезентации данной оппозиции в сознании билингва.

Библиографический список

Алиева, 2013 – Алиева Т. В. Языковые средства реализации концептуальной оппозиции «свой – чужой» в британском политическом дискурсе: автореф. дис. … канд. филол. наук : 10.02.04 ; МГИМО. М., 2013. 28 с.

Ахманова, 1966 – Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М. : «Советская энциклопедия», 1966. 608 с.

Бахтин, 1975 – Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики: исследования разных лет. М. : Худож. Лит., 1975. 502 с.

Бенвенист, 1995 – Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. М. : Прогресс, 1995. 453 с.

Винокур, 1974 – Винокур Т. Г. К вопросу о норме в художественной речи // Синтаксис и норма / отв. ред. Г. А. Золотова. М. : Наука, 1974. С. 267–282.

Германистика, 2019 – Германистика // *Академик*. URL : https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/101122 (дата обращения : 30.08.2019).

Дубровская П. Д., Манёрова К. В. Лингвокультурологический анализ механизмов создания юмора в жанре «стендап» (на материале русского и немецкого языков) // *Теоретическая и прикладная лингвистика.* 2019. Вып. 5, № 4. С. 62–74. https://doi.org/10.22250/2410-7190_2019_5_4_62_74.

Захарова, 2006 – Захарова Г. В. Межкультурная германистика как основа межкультурного подхода к обучению иностранным языкам в Германии // *Вестник Томского гос. ун-та. Сер. «Филология».* 2006. № 291. С. 217–220.

Зырянов и др., 2021 – Зырянов М. С., Кашпур В. В., Андреева Т. Л. «Свой»: анализ языковой репрезентации и моделирование категории (на материале существительных, функционирующих в текстах российских и американских СМИ о вооруженном конфликте в Сирии) // *Теоретическая и прикладная лингвистика.* 2021. Вып. 7, № 1. С. 46–62. https://doi.org/10.22250/2410-7190_2021_7_1_46_62.

Карасик, 2004 – Карасик В. И. Лингвокультурные концепты: подходы к изучению // Социолингвистика вчера и сегодня : сб. науч. тр. / отв. ред. Н. Н. Трошина, А. М. Кузнецов. М., ИНИОН РАН, 2004. С. 132–162.

Леви-Стросс, 1994 – Леви-Стросс К. Первобытное мышление. М. : Республика, 1994. 384 с.

Леглер, 2011 – Леглер А. А. Особенности вербализации бинарно-понятийной оппозиции «свои – чужие» в художественной публицистике Гюнтера Вальрафа : автореф. дис. … канд. филол. наук : 10.02.19 ; Ставропольский гос. ун-т. Ставрополь, 2011. 22 с.

Петрова, 2006 – Петрова М. Л. Концепт «свой/чужой» в журналистике и литературе России и Франции на рубеже XX–XXI вв. : автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.10 ; РГГУ. М., 2006. 26 с.

Садохин, 2003 – Садохин А. П. Основы межкультурной коммуникации. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2003. 119 с.

Свердлова, 2018 – Свердлова Н. А. Формирование бикультурного билингва в свете концепций языковой картины мира // *Векторы развития филологии в контексте модернизации современного филологического образования*. М., 2018. С. 59–64.

Тер-Минасова, 2000 – Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. М. : Слово, 2000. 626 с.

Трубецкой, Н. С. Основы фонологии / пер. с нем. А. А. Холодовича. 2-е изд. М : Аспект Пресс, 2000. 352 с. [1-е изд. 1960].

Delius, 2009 – Delius F. C. Cavallo Bianco // *Die Nacht, in der die Mauer fiel – Schriftsteller erzählen* vom 9. November 1989. Frankfurt: Suhrkamp Verlag, 2009. S. 31–33.

Grass, 2006 – Grass G. 1989 // *Mein Jahrhundert.* München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 2006. S. 329–335.

Gröschner, 2009 – Gröschner A. Die Rache // *Die Nacht, in der die Mauer fiel – Schriftsteller erzählen* vom 9. November 1989. Frankfurt : Suhrkamp Verlag, 2009. S. 23–30.

Heringer, 2007 – Heringer H.–J. Interkulturelle Kommunikation. Tübingen und Basel : A Francke Verlag, 2007. 240 S.

Kaminer, 2002 a – Kaminer W. Russen in Berlin // *Russendisco*. München : Wilhelm Goldmann Verlag, 2002. S. 9–18.

Kaminer, 2002 b – Kaminer W. Vaters Rat // *Russendisco*. München : Wilhelm Goldmann Verlag, 2002. S. 23–26.

Schmidt, 2009 – Schmidt K. Brief zur Nacht // *Die Nacht, in der die Mauer fiel – Schriftsteller erzählen* vom 9. November 1989. Frankfurt : Suhrkamp Verlag, 2009. S. 135–147.

Unbekannter Autor, 2009 – Unbekannter Autor. Der See // *Die Nacht, in der die Mauer fiel – Schriftsteller erzählen* vom 9. November 1989. Frankfurt : Suhrkamp Verlag, 2009. S. 53–71.

Wierlacher, 2003 – Wierlacher A. Interkulturelle Germanistik. Zu ihrer Geschichte und Theorie. Mit einer Forschungbibliographie // *Handbuch interkulturelle Germanistik*. Stuttgard : J. B. Metzler Verlag, 2003. S 1–45.

References

Alieva, T. V. (2013). Jazykovye sredstva realizatsii kontseptual'noy oppozitsii «svoy – chuzhoy» v britanskom politicheskom diskurse [Language means to express “friend – foe” conceptual opposition in British political discourse]. Author’s abstract of PhD in Philological sci. diss. Moscow : MGIMO University. (In Russ.).

Akhmanova, O. S. (1966). Slovar' lingvisticheskikh terminov [Dictionary of linguistic terms]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Press. (In Russ.).

Bakhtin, M. M. (1975). Voprosy literatury i estetiki: Issledovaniya raznykh let [Issues of literature and aesthetics: Studies of different years]. Moscow : Khudozh. Lit. Press. (In Russ.).

Benvenist, E. (1995). Slovar' indoevropeyskikh sotsial'nykh terminov [Dictionary of Indo-European social terms]. Moscow : Progress Press. (In Russ.).

Vinokur, T. G. (1974). K voprosu o norme v hudozhestvennoj rechi. In G. A. Zolotova (Ed.), Sintaksis i norma [Syntax and the norm in fiction] (pp. 267–282). Moscow : Nauka Press. (In Russ.).

Germanistika (2019). *Akademik*. [online dictionary]. Retrieved August 30, 2019 from <https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/101122> (In Russ.).

Dubrovskaya, P. D., Manerova, K. V. (2019). Lingvokul'turologicheskiy analiz mekhanizmov sozdaniya yumora v zhanre «stendap» (na materiale russkogo i nemetskogo yazykov) [Linguoculturological analysis of the mechanisms of humor creating in stand up (On example of Russian and German)]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 5 (4), 62–74. (In Russ.). https://doi.org/10.22250/2410-7190_2019_5_4_62_74.

Zackharova, G. V. (2006). Mezhkul'turnaya germanistika kak osnova mezhkul'turnogo podkhoda k obucheniu inostrannym yazykam v Germanii [Intercultural germanistic as the basis of the intercultural approach to teaching foreign languages in Germany]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik Tomsk State University. Series “Philology”], 291, 217–220. (In Russ.).

Zyryanov, M. S., Kashpur, V. V., Andreeva, T. L. (2021). «Svoy»: analiz yazykovoy reprezentatsii i modelirovanie kategorii (na materiale sushchestvitel'nykh, funktsioniruyushchikh v tekstakh rossiyskikh i amerikanskikh SMI o vooruzhennom konflikte v Sirii) “Friend”: Analyzing linguistic representation and modeling the category (Based on Russian and American media texts on the armed conflict in Syria)]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 7 (1), 46–62. (In Russ.). https://doi.org/10.22250/2410-7190_2021_7_1_46_62.

Karasik, V. I. (2004). Lingvokul'turnye kontsepty: podkhody k izucheniu [Linguo-cultural concepts: Approaches to study]. In N. N. Troshina, A. M. Kuznetsov (Eds.), *Sociolingvistika vchera i segodnja* [Sociolinguistics yesterday and today] (pp. 132–162). Moscow, INION RAN Press. (In Russ.).

Lévi-Strauss, C. (1994). *Pervobytnoe myshlenie* [Primitive thinking]. Moscow : Respublika Press. (In Russ.).

Legler, A. A. (2011). *Osobennosti verbalizatsii binarno-ponyatiynoy oppozitsii «svoi – chuzhie» v khudozhestvennoy publitsistike Gyuntera Val'rafa* [Verbalization specifics of the binary oppositions “friend – foe” in Günter Wallraff’s fiction] : PhD in Philological sci. diss. Stavropol : Stavropol State University (In Russ.).

Petrova, M. L. (2006). *Kontsept «svoy / chuzhoy» v zhurnalistike i literature Rossii i Frantsii na rubezhe XX–XXI vv.* [“Friend/foe” concept in journalism and literature of Russia and France on the edge of XX–XXI centuries] : PhD in Philological sci. diss. Moscow : Russian State University for the Humanities (In Russ.).

Sadokhin, A. P. (2003). *Osnovy mezhkul'turnoy kommunikatsii* [Basics of cross-cultural communication]. Moscow : JuNITI-DANA Press (In Russ.).

Sverdlova, N. A. (2018) Formirovanie bikul'turnogo bilingva v svete kontseptsiy yazykovoy kartiny mira [Molding a bi-cultural bilingual through the language picture of the world concepts]. *Vektory razvitiya filologii v kontekste modernizatsii sovremennogo filologicheskogo obrazovaniya* [Philology development vectors in the context of modernizing philological education] (pp. 59–64). Irkutsk : Asprint Press (In Russ.).

Ter-Minasova, S. G. (2000). Yazyk i mezhkul'turnaya kommunikatsiya [Language and cross-cultural communication]. Moscow : Slovo Press (In Russ.).

Trubetzkoy, N. S. (2000). Osnovy fonologii [Principles of Phonology]. Translated from German by A. A. Kholodovich. 2nd edn. Moscow : Aspekt Press. [1st edn 1960]. (In Russ.).

Delius, F. C. (2009). Cavallo Bianco. *Die Nacht, in der die Mauer fiel – Schriftsteller erzählen* vom 9. November 1989 (SS. 31–33). Frankfurt, Suhrkamp Verlag.

Grass, G. (2006). 1989. *Mein Jahrhundert* (SS. 329–335). München : Deutscher Taschenbuch Verlag.

Gröschner, A. (2009). die Rache. *Die Nacht, in der die Mauer fiel* – Schriftsteller erzählen vom 9. November 1989 (SS. 23–30). Frankfurt : Suhrkamp Verlag.

Heringer, H.–J. (2007). *Interkulturelle Kommunikation*. Tübingen und Basel, A Francke Verlag.

Hunscha, S. (2002). Interkulturelle Kommunikation: Vortrag. *Interkulturelle Kommunikation* (SS. 9–11). Universität Bielefeld.

Kaminer, W. (2002 a). Russen in Berlin. *Russendisco* (SS. 9–18). München : Wilhelm Goldmann Verlag.

Kaminer, W. (2002 b). Vaters Rat. *Russendisco* (SS. 23–26). München : Wilhelm Goldmann Verlag.

Schmidt, K. (2009). Brief zur Nacht. *Die Nacht, in der die Mauer fiel – Schriftsteller erzählen* vom 9. November 1989 (SS. 135–147). Frankfurt : Suhrkamp Verlag.

Unbekannter Autor. (2009). Der See. *Die Nacht, in der die Mauer fiel – Schriftsteller erzählen* vom 9. November 1989 (SS. 53–71). Frankfurt : Suhrkamp Verlag.

Wierlacher, A. (2003). Interkulturelle Germanistik. Zu ihrer Geschichte und Theorie. Mit einer Forschungbibliographie. *Handbuch interkulturelle Germanistik* (S.S. 1–45). Stuttgard : J. B. Metzler Verlag.

Статья поступила в редакцию 18.02.2021; одобрена после рецензирования 15.11.2021; принята к публикации 15.01.2022.
The article was submitted 18.02.2021; approved after reviewing 15.11.2021; accepted for publication 15.01.2022.

УДК 81' 373.612.2 doi: 10.22250/24107190_2022_8_1_142

Панкратова Светлана Анатольевна
Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
svetpankrat@yandex.ru

Адаптирующий перевод в киноиндустрии (на примере перевода англоязычных фильмонимов)

Аннотация
Целью статьи является исследование перевода англоязычных фильмонимов в российском кинодискурсе, накладывающем специфический отпечаток на переводческие решения. В фокусе внимания актуальная проблема безэквивалентного транскреативного перевода. Новизна исследуемой темы обусловливается ростом международной конкуренции и требованием соблюдения языковых норм и авторских прав кинопроизведений в последние десятилетия. Применение метода типологического синхронного сравнения позволяет сопоставить переводы на предмет соблюдения баланса принимающей и исходной культуры. Сравнение базируется на постулате об адаптационной деформации исходного англоязычного варианта киноназвания. Если адаптация фокусируется на приближении транслята к специфике исходной культуры и ориентирована на взаимный диалог культур; то деформация, напротив, ставит в приоритет особенности принимающей стороны. Выдвигается тезис о том, что во многих случаях такой перевод является недостаточно толерантным и представляет кинозрителя как человека с низким уровнем интеллекта и неконтролируемыми эмоциями. Тенденция к аппроприирующему переводу с наложением позиции переводчика приводит к смещению фокуса с лингвистической верности к рыночной выгоде броского киноназвания. Результатом изучения перевода фильмонимов стало выделение десяти тенденций: драматизация, жаргонизм, инфернальность, дискурсивность, пояснительность, деперсонификация, мизогиния, негативизм, минимальная языковая игра и форенизация. Выделенные ведущие тенденции демонстрируют склонность переводчиков в сотрудничестве с локализаторами создавать и рекомбинировать новое киноназвание без обращения к сути фильма, игнорируя морально-этическую и идейную нагрузку кинопроизведения и ставя в приоритет требования прокатчиков и дистрибьюторов, обусловленные рыночной конъюнктурой.

Ключевые слова: локализация, фильмоним, транскреация, мизогиния, доместикация, форенизация

© Панкратова С. А. 2022

Для цитирования: Панкратова С. А. Адаптирующий перевод в киноиндустрии (на примере перевода англоязычных фильмонимов) // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2022. Вып. 8, № 1. С. 142–152. https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_1_142

Svetlana A. Pankratova
Saint-Petersburg State Institute of Film and Television
St Petersburg, Russian Federation
svetpankrat@yandex.ru

Adaptational translation in film industry (Based on English film titles translation)

Abstract
The article aims at studying the translation of English filmonyms in the Russian film discourse, which leaves its specific imprint on the translators' choice. The article focuses on the problem of non-equivalent trans-creative translation. The problem is scientifically new since the growth of international competition sets new

requirements to the translation of the filmonym connected with the necessity to observe the author's rights in films. The article is applying the method of typological synchronous comparison which allows to compare translation of the source and receiving culture. The comparison is based on the statement that the source variant can be transformed in accordance with the nature of the receiving culture. Adaptation is culture-friendly and aims at preserving the specifics of the translated original variant while deformation values the specifics of the receiving culture. The adaptational translation tends to be intolerant in depicting the viewer as a person of low intellectual level and uncontrolled emotions. The article reveals the tendency towards appropriational translation with superimposition of the translator's point of view. The superimposition results in the focus shift from the linguistic fidelity to the market attractiveness of the translation's final product. As the result, 10 strategies can be outlined: dramatisation, jargonism, infernality, discoursiveness, explanativity, depersonification, misogyny, negativity, minimal word play and foreignization. Their use demonstrates the tandem of translators and distributors towards recombination of original meaning without getting into much detail, ignoring moral issues and ideological importance of the film as well as making market considerations a top priority.

Keywords: localisation, filmonym, transcreation, misogyny, domestication, foreignization

© Pankratova S. A. 2022

For citation: Pankratova, S. A. (2022). Adaptiruyushchiy perevod v kinoindustrii (na primere perevoda angloyazychnykh fil'monimov) [Adaptational translation in film industry (Based on English film titles translation)]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 8 (1), 142–152. https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_1_142

1. Введение [Introduction]

Кино как «седьмое из искусств» обладает такими уникальными свойствами, как вещественность, сила прямой зрительной достоверности, а его мощнейший убеждающий потенциал нуждается в адекватной оценке, направляющей зрительский интерес и способствующей повышению общей планки образованности зрительской аудитории. В этой связи нельзя недооценивать значимость современных локализаторских решений, в первую очередь способствующих привлечению внимания к кинопродукции. Интерес к проблемам киноперевода также обостряется вследствие роста международной конкуренции и необходимости соблюдения не только языковых норм, но и авторских прав создателей вышеуказанных произведений. Новизна изучаемой темы в том, что перевод рассматривается как интеракция, взаимодействие принимающей и передающей культур и связана с тем, что приход на отечественную почву потока новых идей и технологий ярко отражается в новых фильмонимах последних двух десятилетий.

Классическая теория перевода рассматривает перевод как межъязыковую трансформацию исходного текста в вторичный (транслят) с участием отправителя, получателя перевода и переводчика, роль которого заключена в адекватной передаче концептуального содержания [Нелюбин, 2009]. Перевод, утверждается в классической теории перевода, должен восприниматься равноценно оригиналу и этой задаче подчиняются все переводческие решения. Традиционный подход постулирует, что при всей неизбежности смысловых потерь и добавлений, на выходе от перевода ожидается равноценность, максимально дистанцированная от поэтической свободы. По мнению Л. С. Бархударова, арсенал переводческих преобразований сводится к четырём элементарным операциям: перестановки, замены, добавления и опущения [Бархударов, 1975, с. 191]. Я. И. Рецкер выделяет следующие виды лексических трансформаций: конкретизация, генерализация, дифференциация значений, антонимический перевод и компенсации потерь [Рецкер, 1974]. Оперируя приёмами градации объёма исходного и результирующего материала, традиционный перевод подразумевает, что при «перекоди-

ровке» образности одного языка переводчик непременно должен стремиться к сохранению целостности информации за счёт частностей [Крупнов, 1976].

Как будет продемонстрировано в статье, в переводе киноназваний оказывается размытым понятие чуткого, бережного перевода. Н. К. Гарбовский отмечает в этой связи, что «…в процессе перевода не происходит никакого преобразования объекта, так как в строгом смысле слова любое преобразование влечёт за собой уничтожение первичного состояния, формы объекта и т. п., их замену новыми состояниями, формами и прочее. В переводе же объект, т. е. исходный текст, остаётся неизменным. В результате перевода создаётся новое произведение, новый объект. Поэтому реально никакие преобразования, ни трансформирующие его, ни деформирующие, в переводе невозможны» [Гарбовский, 2007, с. 360].

Что касается зарубежных исследований перевода фильмонимов на русский язык, эта область крайне мало освоена зарубежными авторами в силу специфических причин: невысокий интерес к проблематике русского кинематографа, утрата русским языком своей ведущей роли в мировой коммуникации, общая неосведомлённость зарубежных авторов проблематикой русского кино и его перевода [Snell-Hornby, 2001]. В русле открытий Лоуренса Венути зарубежные авторы ведут речь о доместикации как «беглом, невидимом» стиле перевода «transparent, fluent, 'invisible' style» и форенизации как отсылке читателя за рубеж «sending the reader abroad» [Munday, 2001, с. 147]. Сосредоточиваясь на технике субтитрирования, зарубежные исследователи подчёркивают, что эта техника наименее инвазивна в оригинал. В основном зарубежные исследователи ограничиваются общими пожеланиями по переводческим культуросберегающим тактикам. Как отметил Я. Догэнэ, перевод должен учитывать культурные элементы, логику, ментальность и лингво-культурный аспект, а также познавательные способности [Doganay, 2016, с. 56].

В новом понимании культурная асимметрия допускает некий «зазор», отказ от приближённой к точности передачи смысла в пользу своей культурной специфики. Как представляется, современный перевод фильмонимов не ставит задачу «прорваться» сквозь кинотекст и непосредственно к изображённой в фильме действительности. В итоге ведущим трендом перевода в кино становится стремление к реконцептуализации, что подразумевает отказ от разбирательств в сути идеи, заложенной в основе сообщения, мегаконцепта в пользу переиначивания на свой лад. Отвлечённость перевода фильмонима от содержания определяется ещё и системой прокатных отношений, которые играют более весомую роль в финальном выборе переводного названия из списка готовых и прежде существующих киноназваний. Алгоритм выбора киноназвания обычно вовлекает на первых этапах всех, кто имеет отношение к выпуску картины, от букинга и рекламщиков до технического отдела и генерального директора, все подают любые самые нерелевантные предложения. Этапы нейминга – «исследование рынка, утверждение требований к названию, генерация имени, предварительный отбор названий, тест на восприятие имени в контрольной группе, окончательный выбор. Постепенно из обилия предложений начинает высеиваться что-то достойное» [Шмитт, 2001].

В телепрограмме «Петербургский Телезритель» № 36 за 10–16 сентября 2018 года ведущему кинорубрики Александру Чекулаеву задали вопрос о том, отслеживают ли за рубежом то, как переводят в России названия их картин. По его словам «...большие студии отслеживают перевод и часто влияют на процесс в случае важных проектов, но с основной массой лент никто особенно не заморачивается (соблюдён стиль интервьюируемого, комментарий мой, С.П.), если русские считают, что «левое» адаптированное название поможет собрать больше денег – ну и ладно» [Петербургский телезритель, 2018, с. 10].

2. Результаты исследования [Results and discussion]

Объектом исследования послужили более 500 названий аудиовизуальных произведений англоязычной киноиндустрии, неэквивалентно переведённых в отечественном прокате. Они рассматриваются на предмет ценностного, культуроспецифического смыслового варьирования на отечественной почве.

В анализе локализованных фильмонимов применяется метод типологического синхронного сравнения, который позволяет сопоставить особенности, сходства и различия фильмонимов для выявления консонантности и / или диссонансности по отношению к культуре оригинала. Метод функционального анализа фильмонимов позволил учитывать степень удобства и лёгкости результирующего перевода в принимающей культуре, а также степень доверия к особенностям культуры исходного варианта. Стремясь постичь ведущие тенденции в локализации фильмонимов, автор статьи вела многолетний мониторинг неидентичных переводов фильмонимов конца XX – начала XXI века. В итоге было выявлено более 500 названий аудиовизуальных произведений, инаково переведённых на русский язык, среди которых выделяются следующие стратегии, которые будут обсуждены детальнее: 1) драматизация; 2) жаргонизм; 3) инфернальность; 4) дискурсивность; 5) пояснительность; 6) деперсонификация; 7) мизогиния; 8) негативизм; 9) минимальная языковая игра и 10) форенизация.

2.1. Драматизация киноназваний [Dramatization in film title translations]

В современных источниках [Петербургский телезритель, 2018] отобраны наиболее показательные фильмонимы, для перевода которых переводчиками применён приём драматизации: «Большая игра» (Molly’s Game) (2017), «Великий уравнитель 2» (The Equalizer 2) (2018), «Великолепная афера» (Matchstick Men) (2003) и др.

Как известно, кино вовлекает активную часть населения в новую для них действительность, приобретая всё большую власть над умами и душами. Выделенные локализованные драматизирующие киноназвания можно подразделить на несколько смысловых категорий: гиперболизация: «Великий уравнитель 2», романтизация: «Великолепная афера» (Matchstick Men), мистификация: «Тайна «Ордена» (The Order). Драматизация играет важную роль в наполнении перевода напряжённостью (эпитеты «самый», «опасный», «новый», «последний»), преувеличивая эмоциональный заряд сообщения, усиливая конфликтность описываемых событий. В киноиндустрии хорошо усвоили, что любая массовая коммуникация содержит в себе наивное и неявно проявляющееся иррациональное ожидание «чуда», чего-то удивительного и необычного. Грамотный переводчик использует это в своих целях, он может «организовать чудо», удвоив суггестивность воздействия на массовое сознание. Чудесное, которого ожидает публика, проявляется в романтическом, мистическом и гиперболизированном началах.

2.2. Жаргонизм киноназваний [Jargon in film title translations]

В современных источниках [Петербургский телезритель, 2018] отобраны наиболее показательные фильмонимы, в переводе которых применён приём опущения и контекстуальной замены с пейоративным флёром: «Армагеддец» (World’s End) (2013), «Клёвый парень» (Bowfinger) (1999), «Крутой и цыпочки» (Man of the House) (2005) и др.

Киноискусство, как наиболее молодой вид искусства, всегда адресовано молодому поколению 16–25 лет, отличающемуся ярко выраженным стремлением отмежеваться от ценностей старшего поколения. Молодые люди требуют признания своих ценностей, неординарного стиля жизни, самовыражения в языке за счёт жаргонных единиц, к примеру «клёвый», «фишка» и пр. Локализация служит удобным механиз-

мом фиксации подростковых предпочтений. Этот процесс уходит корнями во времена перестройки 90-х годов, когда ограниченные формы речи либерализировались, стали осознаваться даже носителями литературного языка как источник ярких, особо выразительных средств, допустимых в неофициальном, дружеском общении, при установке на юмор, иронию, в устном обращении к аудитории, в «раскрепощённой» журналистике. Негативным результатом игры с киноназваниями можно назвать некоторое легкомыслие касательно причинения зла, неудобства другим людям.

2.3.Инфернальность киноназваний [Infernality in film title translations]

Перечислим отобранные наиболее показательные киноназвания [Петербургский телезритель, 2018], для перевода которых переводчиками применён приём замены элементами демонизации: «Адская кухня» (Paradise Alley) (1978), «Дьявольский особняк» (Cold Creek Manor) (2003), «Призраки» (Wind Chill) (2007) и др.

В этом разделе необходимо остановиться на отмечаемой многими исследователями агрессивности в речевом поведении современности [Савватеева, 2008]. Благодаря шоковым киноназваниям адресат испытывает коммуникативный сбой (не может быть!) и вовлекается в интерпретацию. Теорию коммуникативного диссонанса разработал Л. Фестингер в рамках социальной психологии, понимая диссонанс как «затруднение понимания в связи с дисбалансом моделей мира» [Фестингер, 1999]. В результате негативные эмоции (страх, стыд, неприличное любопытство) мотивируют людей к принятию решения о просмотре фильма больше, чем положительные.

2.4. Дискурсивность киноназваний [Discursiveness in film title translations]

Перечислим обнаруженные в современных источниках наиболее показательные киноназвания [Петербургский телезритель, 2018] для перевода которых переводчиками применён приём диалогизации (дискурсивности): «Здравствуй, папа, Новый год!» (Daddy's Home) (2015), «Кто наш папа, чувак?» (Father Figures) (2017), «Секса не будет!!!» (Blockers) (2018) и др.

Чтобы адекватно оценить лингвистические структуры кинозаголовков, требуется выход на дискурс или коммуникативную ситуацию. Кино это, прежде всего, ментальный, межличностный и общественный диалог. Четыре ключевых параметра невербальной коммуникации реализуются в кинофильме: 1) кинетические (мимика, язык жестов), 2) окулесика (контакт глаз), 3) оптические (физиогномика), 4) акустические (просодика, ритмика). Эти параметры находят своё отражение и в дихотомии язык мысли vs. язык чувств, выдвинутой А. А. Потебней. Он полагал, что язык чувства манифестирует себя не только в линейке «общепонятных» модусных средств, таких, как собственно «...языковые единицы (частица, междометие, фразеологизм), но и мимика, жесты, тон» [Потебня, 1999, с. 84]. Наша, русская культура всегда была открыта ко всему новому, необычному, а осваивая языки, мы стремимся увидеть «образ мира» говорящих на английском языке американцев и британцев, знать «культурный минимум» из того, что окружает иностранцев в их каждодневности, в идеале они не должны быть для нас психологически чужими. Умение поставить себя на чужое место, сопереживать всегда были русской национальной чертой характера. Однако в последние десятилетия все явственнее сдвиг в направлении к терпимости по отношению ко всему нескромному, наглому, соблазнительному и кричащему, что прежде было нехарактерно для отечественного кинозрителя. Автор статьи полагает, что формирование вкусов и предпочтений массового зрителя, базирующееся не на разумном интеллекте, а на эмоциональном отклике оказывается «в заложниках у кассовых сборов» [Панкратова, 2019, с. 836].

2.5.Пояснительность киноназваний [Explanativeness in film title translations]

Перечислим отобранные в современных источниках наиболее демонстративные киноназвания [Петербургский телезритель, 2018] с применением приёма включения пояснения: «Джон Ф. Кеннеди: Выстрелы в Далласе» (JFK) (1991), «Мег: Монстр глубины» (The Meg) (2018), «Открытое море: новые жертвы» (The Reef) (2010), «Сламбер: Лабиринты сна» (Slumber) (2017) и др.

В данной категории выделяются названия, уточняющие фактологический материал, что несёт элемент достоверности, а также, традиционно, эмотивные, усиливающие эмоциональный посыл. В связи с этим нельзя не вспомнить Э. Холла, предложившего дихотомию низко- и высококонтекстуальных культур. Русскоязычная культура высококонтекстуальна, в ней ответственность за понимание текста распределена между писателем и читателем [Hall, 1966]. Совершенно в духе высококонтекстуальной восточной культуры авторы кинопереводов фильмонимов полагают необходимым пояснять недогадливому зрителю нечто о сути фильма в названии. Как представляется, в наши дни происходит переход от вдумчивого восприятия к стратегии поверхностности клипового мышления, к выбору «лакомых кусочков», а для таких зрителей «...требуются резкие раздражители, захватывающие темы, цепляющие заголовки, графическая сегментация, шрифтовой красочный набор, типографские знаки и цифры, нестандартная пунктуация, мемы, апеллятивы» [Леффлёр, 2003, с. 56]. Именно пояснительному киноназванию удаётся своей событийностью вовлечь адресата в область взаимодействий с миром, оказать на него ориентирующее воздействие, направить в кинозал.

2.6. Деперсонификация в киноназваниях [Depersonification in film title translations]

Перечислим показательные киноназвания с выдвижением на первый план личного имени [Петербургский телезритель 2018], для перевода которых переводчиками применены приёмы замены и транслитерации: «Руслан» (Driven To Kill) (2009), «Фрэнни» (The Benefactor) (2015), «Шеф Адам Джонс» (Burned) (2015) и др. Однако, в выборке деперсонифицированных фильмонимов напротив, более 30 примеров, что в два раза превышает персонифицированные примеры: «В пролёте» (Forgetting Sarah Marshall) (2008), «Король клетки» (Clementine) (2004), «Красавица из трущоб» (Trishna) (2011) и др.

Если имя собственное в кинозаголовке имеет целью придать фильму ощущение «аутентичности», достичь эффекта вовлеченности, то деперсонификация означает отказ от знакомства с реалиями инокультуры. Следуя далее в исследовании перевода личных имён и топонимов, в ряде случаев нами обнаружена тенденция к замене киноназваний по мотивам политической цензуры. Так, из киноназваний целенаправленно изымаются топонимы, связанные со странами Запада – Америка, Соединённые штаты, Калифорния, Англия. Замены по политическим мотивам: «Мой папа – псих» (California King) (2007), «Наёмник» (American Assassin) (2017), «Первый мститель» (Captain America) (2011), «Служители закона» (U.S. Marshals) (1998), «Снайпер» (American Sniper) (2014), «Тренер» (McFarland, USA) (2015). С одной стороны, можно понять американские киноназвания, основанные на патриотическом чувстве. Гордость за свою страну – важная идея, на которой строится американское общество. США производит наибольшее количество фильмов в мире (за исключением индийского кинематографа, популярного в арабских странах) транслируя концепты американской лингвокультуры на мировое сообщество. В нашем мире диалога культур вступление в контакт имеет более глобальную цель, чем передача сообщения, это изменение «универсума разделяемого дискурса» [Dimitrov, Russell, 1994]. И если незнакомых имён избегают, это симптом узкозамкнутости сознания и ксенофобии как защиты от травмирующего неизвестного.

2.7. Мизогиния киноназваний [Misogyny in film title translations]

Перечислим обнаруженные в современных источниках наиболее демонстративные киноназвания [Петербургский телезритель, 2018]. Первая подгруппа героизирует представителей мужского пола: «Вышибалы» (DodgeBall: A True Underdog Story) (2004), «Герой супермаркета» (Mall Cop) (2009), «Мальчишник в Вегасе» (Hangover) (2009). Очевидно, что мужские провалы в переводе киноназваний замалчиваются, негативные понятия (underdog, hangover) исключаются, на первый план выносится положительная сторона персонажа и это поддерживает устойчивый стереотип о мужском превосходстве.

Вторая группа показывает представительниц женского пола в невыгодном свете: «Замёрзшая из Майами» (New In Town) (2008), «Конченая» (Terminal) (2018), «Красотка на всю голову» (I Feel Pretty) (2018) и др. Судя по переводу фильмонимов, женщин подразделяют на несколько категорий: неудачницы, неумные, жертвы, преступницы, стервозные и тучные. Налицо явный сексистский уклон киноназваний. Во многом этот стереотип есть производная общественного нежелания по достоинству воспринимать женщин, отводить им равное место в общественной иерархии, результат зависти. Р. Лакофф отметила, что женщины как социальный субъект вынуждены проводить жизнь в ситуации так называемой «двойной связанности» (от англ.: double bind – двойной переплёт) – женщины, успешно сигнализирующие о своём авторитете и высоком социальном статусе подвергаются критике за то, что они не соответствуют общепринятым представлениям о женственности, тогда как женщины, демонстрирующие более феминные модели поведения, могут вызвать осуждение как неспособные к социальному и личностному росту [Lakoff, 1973]. Судя по переводу фильмонимов в России политкорректность пока что не стала всеобъемлющей идеологией, а неадекватный перевод наслаивает мировоззренческую позицию переводчика на оригинал. Рекомендацией может стать характеризация мужчин и женщин в единой системе координат, выравнивание гендерных статусов.

2.8. Негативизм киноназваний [Negativism in film title translations]

Перечислим обнаруженные в современных источниках самые показательные киноназвания [Петербургский телезритель 2018], для перевода которых переводчиками применён приём замены с позитивного значения на негативное: «Адская кухня» (Paradise Alley) (1978), «В активном поиске» (How To Be Single) (2016), «Жизнь хуже обычной» (Less Ordinary Life) (1997). Киноназвания дают богатый материал для размышлений о языковом вкусе и о языковой моде, но прежде всего о тенденциях в прагматическом поле оценочности. В. И. Жельвис пытается найти психологическое объяснение асимметрии в сторону слов “отрицательной оценочности” в языке, полагая, что отрицательные стороны жизни воспринимаются человеком намного острее, чем положительные. По данным психологии «...человек более детально различает отрицательные эмоции (опасность, болевые ощущения, дискомфорт), чем позитивный жизненный опыт» [Батыршин, 1984, с. 31]. Мы выделили рад фильмонимов-перевёртышей, в которых обыденная жизнь подаётся как нечто худшее, дом представлен как место опасное, а справедливая игра оборачивается несправедливой. Если концепт «позитивное мышление» занимает одно из ведущих мест в концептосфере и языковом сознании жителей Соединённых Штатов [Карпова, 2011], то не так обстоит дело с локализованными киноназваниями – налицо тенденция к акцентированию худшего, преуменьшению позитивного.

2.9. Минимальная языковая игра киноназваний [Minimum wordplay in film title translations]

В современных источниках [Петербургский телезритель, 2018] обнаружены фильмонимы, для перевода которых переводчиками применён приём опущения или

контекстуальной замены. В первой подгруппе выделяется цитация российской культурной специфики: «Красиво жить не запретишь» (Absolutely Fabulous) (2016), «Не пойман – не вор» (Inside Man) (2006), «С глаз долой, из чарта – вон!» (Music and Lyrics) (2007), «Третий лишний» (Ted) (2012) и др.

В другой, более обширной подгруппе выделяются кинозаголовки с игнорированием иноязычной культурной специфики: «Афера по-английски» (Trespass Against Us) (2016), «Голубая кровь» (Relative Values) (2000), «Ограбление казино» (Killing Them Softly) (2012) и др. Выбор кинозаголовка во многом построен на игре, когда «… намеренное нарушение языковых правил есть норма, цель которой создать подтекст, допускающий два пути разрешения конфликта – понимание и непонимание. Игра слов есть целенаправленное «балансирование» на грани нормы» [Темноход, 2013, с. 142–144]. Общая тенденция кинонаименований обусловлена культурной спецификой нации и не могла не отразиться на тематике фильмов и способе их именования. Так, для англичан характерны ирония, парадокс, каламбур, для американцев – деловитость, эксцентризм и эпатаж. Однако всё это игнорируется в русском переводе, не учтены ни религиозные аллюзии (Den of Thieves, Trespass Against Us), ни музыкальные (Killing Them Softly), ни языковая игра на грани фола (Whiskey, Tango, Foxtrot). В русском переводе отсылки к чужим смыслам часто сознательно вуалируются, скрываются, подаются как многозначительные намёки, порождающие множественные трактовки [Киселёва 2009]. Объяснить это можно сложностью данного типа перевода, поскольку он требует осмысления содержания фильма, а поиск эквивалентной замены есть энергоёмкий процесс.

2.10. Форенизация киноназваний [Foreignization in film title translations]

Прежде всего отметим, что в нашем списке переводных фильмонимов есть и названия, дословно переведённые на русский язык: «Бегущий по лезвию» (Bladerunner) (1982), «Начало» (Inception) (2010), «Страна тигров» (Tigerland) (2000). Далее представлен список обнаруженных в современных источниках наиболее показательных киноназваний [Петербургский телезритель 2018], для перевода которых переводчиками применён приём транслитерации, вводящий на русскую почву англицизмы. «Альфа Дог» (Alpha Dog) (2005), (2007), «Блейд» (Blade) (1998), «Блоу-ап» (Blow-Up) (1966) и др.

Проанализируем для примера одно киноназвание: «Дивергент» (Divergent) (2014) фантастика. В оригинале слово ‘divergent’ звучит как [daɪ'vɜ-dʒənt] (дай-вЁ-джент) и означает «другой, различный, отличный». Вариант переведённый с помощью практической транскрипции (дай-вЁ-джент) несколько неудобопроизносим на отечественной почве. Привлекает здесь скорее всего отсутствие прозрачной формы, непохожесть, эвфемистичность, скрытность импортных транслитератов-англицизмов. Готовые киноназвания таким путём входят в круг явлений современности, мы сами начинаем активно использовать их в качестве поговорок и мемов. Языковая среда России все больше билингвализуется, слова и целые предложения включаются в речь, демонстрируя небывалое кодовое смешение (от англ.: code switching). Тенденция к форенизации в переводе не противоречит такой черте русского менталитета, как любовь к всему иностранному. Нам свойственен интернационализм, что говорит о готовности понять другого, не отталкивать чужеродное, странное, неродное, а это позитивный тренд. Если изначально транслитерация кажется грубым вторжением в родную этнокультурную картину мира, то со временем включается «защитный механизм» языка и чужой материал превращается в освоенный, кажется солиднее, весомее.

3. Заключение [Conclusion]

Материал, лёгший в основу исследования перевода фильмонимов продемонстрировал, что эта тема актуальна, неоднозначна и поливариативна, а интерес к ней возрас-

тает в ходе развития международной конкуренции, требующей соблюдения не только языковых норм, но и авторских прав создателей фильмов. Зачастую переводчики и локализаторы создают, рекомбинируют новое название без обращения к сути фильма, что связано с морально-этической и идейной нагрузкой кинопроизведения. Обсуждаемые в статье примеры убеждают, что пункты клятвы святого Иеронима (обязательства переводчика быть понимающим, правдивым, чётким, надёжным, справедливым, стремящимся к самосовершенствованию) нарушаются повсеместно, а перевод теряет свойства экологичности. Верность языку трансформируется в лояльность к требованиям клиентов, продюсеров и прокатчиков, диктующих финальный вариант фильмонима-перевода. Если вспомнить знаменитое высказывание И. Хирша о тексте как о пикнике, на который автор приносит слова, а его читатели – значения слов (It has been said of Boehme that his books are like a picnic to which the author brings the words and the reader the meanings) [Hirsch, 1967], современный киноперевод приглашает зрителя не на изысканный банкет смыслов, а кормит низкопробным текстовым фастфудом. Доместицирующий перевод во многом показателен в плане пренебрежительного отношения к кинозрителю. По мнению принимающих решение о переводном фильмониме, это некий усреднённый зритель, которому требуется лёгкость и комфорт, который полагает иноязычные названия незначительными и отторгает чужеродность. Автор настоящей статьи полагает, что ситуация с локализацией аудиовизуальных произведений должна измениться в сторону уменьшения необоснованной апроприации принимающей культурой. Нужно обратить внимание на культуру языка, подчёркивать уважительное отношение к женщинам, по возможности избегать заниженной лексики, воспитывать умного кинозрителя. Перевод должен ценить творческие находки и не держать зрителя за низкоинтеллектуального индивида, которому всё требуется пояснять.

Список литературы

Бархударов, 1975 – Бархударов Л. С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). М. : Международные отношения, 1975. 240 с.

Батыршин, 1984 – Батыршин И. З. Структура семантического пространства словесных оценок поступков // Принципиальные вопросы теории знаний : тр. по искусственному интеллекту. Тарту, 1984. С. 29–42.

Гарбовский, 2007 – Гарбовский Н. К. Теория перевода. М. : Изд. Моск. ун-та, 2007. 387 с.

Карпова, 2011 – Карпова И. А. Лингвокультурологический концепт «позитивное мышление» в работах американских социальных психологов : автореф. дисс. … канд. филол. наук : 10.02.04 ; МПГУ. М., 2011. 25 с.

Киселёва, 2009 – Киселёва С. В. Сущность многозначного слова в английском языке. СПб. : Астерион, 2009. 215 с.

Крупнов, 1976 – Крупнов В. Н. В творческой лаборатории переводчика. М. : Международные отношения, 1976. 190 с.

Леффлёр, 2003 – Леффлёр З. Кто решит, что нам читать? // Знамя. 2003. № 11. С. 189–193.

Нелюбин, 2009 – Нелюбин Л. Л. Введение в технику перевода (когнитивный теоретико-прагматический аспект). М. : Флинта : Наука, 2009. 216 с.

Панкратова, 2019 – Панкратова С. А. Диалогическая природа локализованных киноназваний // Вестник Кемеровского гос. ун-та. 2019. Т. 21, № 3. С. 830–838.

Петербургский телезритель, 2018 – Петербургский телезритель. Девиз. СПб. 2018. № 36 (1107). С. 10–10.

Потебня, 1999 – Потебня А. А. Полное собрание трудов: Мысль и язык. М. : Изд-во «Лабиринт», 1999. 300 с.

Рецкер, 1974 – Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика. М. : Международные отношения. 1974. 159 с.

Савватеева, 2008 – Савватеева Л. В. Метаязык коммуникации: лингвистическая политкорректность и социальная толерантность // Вестник Тамбовского ун-та. Сер. : Гуманитарные науки. 2008. Вып. 10 (66). С. 27–31.

Темноход, 2013 – Темноход А. В. Игра слов – основа формирования игрового контекста (на материале французского языка) // На пересечении языков и культур. Актуальные вопросы гуманитарного знания. Вып. 3. Киров, Изд-во ВЯТГГУ, 2013. С. 141–143.

Фестингер, 1999 – Фестингер Л. Теория когнитивного диссонанса. СПб., Ювента, 1999. 320 с.

Шмитт, 2001 – Шмитт Б. Эмпирический маркетинг: Как заставить клиента чувствовать, думать, действовать, а также соотносить себя с вашей компанией / пер. с англ. К. Ткаченко. М. : Фаир-Пресс, 2001. 400 с.

Dimitrov, 1994 – Dimitrov V., Russell D. The fuzziness of communication: A catalyst for seeking consensus // Seized by agreement, swamped by understanding / L. Fell, D. Russell and A. Stewart (Eds). Sydney, 1994. P. 183–192.

Doganay, 2016 – Doganay Y. The issues on translation of film titles and publicistic headlines. Alatoo Academic Studies. 2016. № 1. P. 52–56.

Hall, 1966 – Hall E. T. The Hidden Dimension. NY: Anchor Books, 1966. 208 p.

Hirsch, 1967 – Hirsch E. D. Jr. Validity in interpretation. New Haven, London, Yale University press, 1967. 308 p.

Lakoff, 1973 – Lakoff R. Language and Woman's Place, New York, Edelweiss, 1973. 100 p.

Munday, 2001 – Munday J. Introducing Translation Studies. Theories and Applications. London and New York: Routledge, 2001. 388 p.

Snell-Hornby, 2001 – Snell-Hornby, M. (2001). Translation Studies: An Integrated Approach. Shanghai: Foreign Education Press. 184 p.

References

Barkhudarov, L. S. (1975). *Yazyk i perevod* (*Voprosy obshchey i chastnoy teorii perevoda*) [Questions of the General and Specific Translation Theory]. Moscow : Mezhdunarodnye otnosheniya Press. (In Russ).

Batyrshin, I. Z. (1984). Struktura semanticheskogo prostranstva slovesnykh otsenok postupkov [The Structure of the Semantic Space of the Slavic Evaluations Actions]. *Printsipial'nye voprosy teorii znaniy* [Basic issues of knowledge theory] : Papers on art and intellect (pp. 29–42). Tartu. (In Russ).

Garbovskiy, N. K. (2007). *Teoriya perevoda* [The theory of translation]. Moscow : Moscow University Press. (In Russ).

Karpova, I. A. (2011). Lingvokul'turologicheskiy kontsept «pozitivnoe myshleniye» v rabotakh amerikanskikh sotsial'nykh psikhologov [Lingvokulturological concept "Positive Thinking" in works of American social psychologists] : PhD in Philological sci. diss. Moscow : MPGU, 2011. (In Russ).

Kiseleva, S. V. (2009). Sushchnost' mnogoznachnogo slova v angliyskom yazyke [The essence of the polysemantic word in the English language]. St Petersberg : Asterion Press. (In Russ).

Krupnov, V. N. (1976). V tvorcheskoy laboratorii perevodchika [In the creative laboratory of the interpreter]. Moscow : Mezhdunarodnye otnosheniya Press. (In Russ).

Leffler, Z. (2003). Kto reshaet chto nam chitat'? [Who decides what we should read?]. *Znamya* [Banner], 11, 183–193. (In Russ).

Nelybin, L. L. (2009). *Vvedeniye v tekhniku perevoda* (kognitivno-pragmaticheskiy aspect) [Introduction into translation technology]. Moscow : Flinta Press ; Nauka Press. (In Russ).

Pankratova, S. A. (2019). Dialogicheskaya priroda lokalizovannykh kininazvaniy [The dialogical nature of localized filmonyms]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Kemerovo State University], 21 (3), 830–838. (In Russ).

Peterburgskiy telezritel'. Deviz [Petersburg TV viewers. Slogan]. (2018), 36 (1107), 10–10. (In Russ).

Potebnya, A. A. (1999). *Polnoe sobraniye trudov: Mysl' i yazyk* [The complete collection of works: Thought and language]. Moscow : Labirint Press. (In Russ).

Retsker, Ya. I. (1974). *Teoriya perevoda i perevodcheskaya praktika* [The theory of translation and translating practice]. Moscow : Mezhdunarodnye otnosheniya Press. (In Russ).

Savvateeva, L. V. (2008). Metayazyk kommunikatsii: lingvisticheskaya politkorrektnost' i sotsial'naya tolerantnost' [Metalanguage of communication: Linguistic political correctness and social tolerance]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya : Gumanitarnyye nauki* [Tambov University Review: Series Humanities], 10 (66), 27–31. (In Russ).

Temnokhud, A. V. (2013). Igra slov – osnova formirovaniya igrovogo konteksta (na materiale frantsuzskogo yazyka) [The word play – the framework of the formation of play context (On the example of the French language)]. *Na peresecheii yazykov i kul'tur. Aktual'nye voprosy gumanitarnogo znaniya* [At the crossing of languages and cultures. Current issues of Humanities] (Vol. 3, pp. 141–143). Kirov, VYTGGU Press. (In Russ).

Festinger, L. (1999). *Teoriya kognitivnogo dissonansa* [The theory of the cognitive dissonance]. St Petersburg, Juventa Press. (In Russ).

Schmitt, B. (2001). *Empiricheskiy marketing: Kak zastavit' klienta chuvstvovat', dumat', deystvovat', a takzhe sootnosit' sebya s vashey kompaniey* [Experiential marketing: How to get customers to sense, feel, act, relate to your company and brands]. Translated from English by K. Tkachenko. Moscow : Fair-Press. (In Russ).

Dimitrov, V., Russell, D. (1994). The fuzziness of communication: A catalyst for seeking consensus. In L. Fell, D. Russell, & A. Stewart (Eds), *Seized by agreement, awamped by understanding* (pp. 183–192). Sydney.

Doganay, Y. (2016). The issues on translation of film titles and publicistic headlines. *Alatoo Academic Studies*, 1, 52–56.

Hall, E. T. (1966). *The hidden dimension.* NY: Anchor Books.

Hirsch, E. D. Jr. (1967). *Validity in interpretation.* New Haven, London : Yale University Press.

Lakoff, R. (1973). *Language and woman's Place.* New York.

Munday, J. (2001). *Introducing translation studies. Theories and applications.* London and New York : Routledge.

Snell-Hornby, M. (2001). *Translation studies: An integrated approach.* Shanghai : Foreign Education Press.

Статья поступила в редакцию 23.02.2021; одобрена после рецензирования 22.04.2021; принята к публикации 23.04.2021.
The article was submitted 23.02.2021; approved after reviewing 22.04.2021; accepted for publication 23.04.2021.

УДК 81.373.2 doi: 10.22250/24107190_2022_8_1_153

Попцова Ольга Сергеевна✉, Шеремета Татьяна Владимировна
Пермский институт ФСИН России
г. Пермь, Российская Федерация
olya.olga-olga71@yandex.ru

Специфика присвоения кличек служебным собакам

Аннотация
Целью исследования был анализ специфики присвоения кличек служебным собакам в кинологической службе уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. Внимание было сосредоточено на способах и принципах номинирования служебных собак в 2019–2021 годах. В ходе исследования использовались эмпирический метод (сбор и анализ данных) и теоретический метод (классификация данных). В результате лингвистического анализа 1247 кличек выделено 15 основных категорий кличек служебных животных по значению. Установлено, что наиболее распространённым способом при присвоении кинонимов является использование антропонимов – 28,23% из общей совокупности исследованных кличек. Следующим по значимости способом номинирования отмечено использование топонимов, ойконимов, урбанонимов (11,55%) и фиктонимов (11,47%). Реже всего щенкам и собакам присваивались клички, отнесённые к категории космонимов и астронимов (1,76%), а также геологических терминов (1,92%). В отдельную категорию были выделены клички, которые невозможно однозначно идентифицировать (2,17%). По способам и механизмам образования кинонимов преимущественно использовались заимствования, метафоризация, суффиксация, отмечено использование словосочетаний. Основными принципами при выборе клички для служебной собаки оказались звучность, красота; отсутствовали традиционные «народные» клички и клички уничижительного характера, неблагозвучные, принадлежащие к уголовному жаргону.

Ключевые слова: ономастика, зооним, киноним, принцип присвоения клички, категория происхождения клички, способ образования

© Попцова О. С., Шеремета Т. В. 2022

Для цитрования: Попцова О. С., Шеремета Т. В. Специфика присвоения кличек служебным собакам // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2022. Вып. 8, № 1. С. 153–164. https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_1_153

Olga S. Poptsova✉, Tatiana V. Sheremeta
Perm Institute of the Federal Penal Service
Perm, Russian Federation
olya.olga-olga71@yandex.ru

Specifics of service dogs' naming

Abstract
The aim of the study was to analyze the specifics of assigning nicknames to service dogs in the cynological service of the Russian Federation penitentiary system. The focus was made on methods and principles for service dogs naming in 2019–2021. The study used empirical method (data collection and analysis) and theoretical method (data classification). As a result, 1247 dog names were classified into 15 main categories by meaning. It was established that the most frequent way was the use of anthroponyms that accounted for 28.23% of the total set of nicknames studied. Less frequent was the use of toponyms, oikonyms, urbanonyms (11.55%) and fiktonyms (11.47%). Least of all, puppies and dogs were given nicknames classified as cosmonyms and astronyms (1.76%) and as geological terms (1.92%). Nicknames whose identification with any of the suggested

groups was impossible were put in a separate category (2.17%). As for word-building patterns, borrowings, metaphorization, suffixation and compounding were mainly used. The main principles of choosing a nickname for a service dog turned out its sonority and beauty; traditional folk nicknames, and nicknames of a derogatory nature, dissonant, belonging to criminal jargon were not found.

Keywords: onomastics, zoonym, nickname, kinonym, naming principle, origin category, word-building pattern

© Poptsova O. S., Sheremeta T. V. 2022

For citation: Poptsova, O. S., Sheremeta, T. V. (2022). Spetsifika prisvoeniya klichek sluzhebnym sobakam [Specifics of service dogs' naming]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 8 (1), 153–164. https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_1_153

1. Введение [Introduction]

В своё время зоонимика, которая занимается изучением собственных имён (кличек) животных, считалась одним из самых молодых разделов ономастики [Рядченко, 1994, с. 77]. Развитие зоонимики началось с середины прошлого века, и в научной литературе уже накопилось значительное число публикаций, посвящённых изучению зоонимов. Однако кинонимы как языковые единицы остаются недостаточно изученными: имеются проблемы, связанные с систематизацией и анализом собранных сведений [Смирнов, 1971, с. 299 ; Кирпичева, 2016, с. 92–95 ; Марудова, 2017, с. 108 ; Драбкина, 2018, с. 89 ; Долбина, 2013, с. 208–210 ; Варникова, Зимичева, 2017, с. 73–76 ; Боброва, 2021, с. 5–13]. В первую очередь это связано с отсутствием документальной фиксации кличек, вследствие чего немалая часть оригинальных имён животных оказывается утраченной в национальном зоонимиконе. Недостаточное количество зоонимических словарей усугубляет эту проблему. Между тем, зоонимика, несомненно, является обширной темой для исследований, поскольку закономерности именования домашних питомцев во многом отражают особенности национальной культуры, современные запросы и отношение человека к животным [Багана, 2010, с. 21 ; Беляев, 2014, с. 58–61 ; Кирпичева, 2016, с. 92–95]. В каждой стране существуют свои традиции номинации домашних животных. В своих исследованиях учёные подчёркивают, что именно традиционный видовой состав кличек животных наиболее отчётливо характеризует лексико-семантические и структурно-грамматические особенности современных зоонимов [Варникова, 2017, с. 73 ; Драбкина, 2018, с. 89 ; Бородина, 2019, с. 10]. Как правило, наиболее хорошо изучены традиционные (народные) клички, присваиваемые кошкам, собакам, лошадям, крупному рогатому скоту, птице.

В то же время, на современном этапе в номинации животных неизбежно происходят обширные изменения, связанные с влиянием социальных факторов, расширением лексического многообразия, слиянием сельских и городских зоонимиконов, появлением новых дериватов, мотиваций, использованием имён нарицательных в качестве собственных и других причин. В силу этих факторов изменяются сами принципы номинирования животных, при этом частично теряются целые классы зоонимов, прежде всего традиционные (народные). На несоответствие соотношения частотных и традиционных кинонимов указывала Е. В. Гусева [Гусева, 2005]. Например, всё реже в кличках животных отражается масть (окрас) – Белянка, Рыжик, тип поведения (характер, норов) – Буйный, Пират, их привычки – Ласка, Пискля, исчезают традиционные видовые клички: Мурка, Муська – у кошек, Трезор, Полкан – у собак. Более актуальными остаются размеры – Малыш, Кнопка [Сафина, 2018, с. 162]. В то же время всё чаще в номинации животных используются новые семантические признаки, характеризующие прежде всего креативность мышления человека, его внутренний мир, способность к воображе-

нию, сказывается влияние социального положения человека, его статус. В работах [Кирпичева, 2016 ; Боброва, 2021] отмечается наличие стереотипных способов образования (трансонимизации и онимизации) собственных имён животных и подчёркивается коммуникативная значимость зоонимов.

В интернет-ресурсах имеются электронные базы кличек собак, сформированные по принципу присвоения, например, по букве алфавита, по размеру, по породной и половой принадлежности, по стране происхождения, по чертам поведения. Каждый класс в свою очередь подразделяется на категории, например, класс по «чертам поведения» содержит категории «верный», «грозный», «активный», «ласковый» и другие [Клички для собак, 2021], использование которых, несомненно, облегчает процесс выбора клички для питомца, но, по нашему мнению, постепенно приводит к однотипности и сужению круга кинонимов.

Развитие науки зоотехнии позволило выработать правила присвоения кличек и систематизировать этот процесс. Кроме зоотехнических принципов присвоения кличек существуют ещё и некоторые укоренившиеся в среде профессионалов-кинологов и обычных хозяев собак давать питомцу вместе с официальной ещё и «домашнюю» кличку, обычно сокращённую от исходной или уменьшительно-ласкательную, а иногда и совершенно отличную от указанной в племенных документах.

Одним из основных принципов присвоения клички собаке, выращенной профессиональным заводчиком в племенном питомнике, является подтверждение её принадлежности к данному питомнику. Например, клички Ириска с Иннокентьеевской слободы и Лав энд Спирит Хинди указывают на то, что это собаки, выращенные и полученные от племенных производителей питомников с названием «С Иннокентьевской слободы» и «Лав энд Спирит», а Ириска и Хинди – собственные имена собак. Такая традиция иногда оборачивается наличием у собак сложных для произношения полных кличек, состоящих из нескольких слов. Согласно требованиям Российской кинологической федерации (далее – РКФ) длина полного имени щенка вместе с заводской приставкой не может быть более 40 символов, включая пробелы. Этими же требованиями устанавливается, что длина заводской приставки не может быть свыше 15 символов. Кроме этого, общепринято всех щенков из одного помёта называть на одну и ту же букву, причём первому в текущем году помёту будет присвоена буква А, второму – Б и так далее. Одна и та же кличка в племенном питомнике может быть присвоена только через 30 лет. Клички присваиваются на русском языке, но при регистрации в РКФ заводчик может произвести транслитерацию [Положение о племенной работе, 2021].

Если помет рождён в питомниках, имеющих официальную регистрацию в РКФ, то при присвоении кличек щенкам выдаётся «Щенячья карточка» (метрика щенка), а на взрослую собаку – Родословная, в которых фиксируется полная кличка животного.

На данный момент племенные питомники служебного собаководства ФСИН России не зарегистрированы в РКФ и не имеют официальных названий питомников и заводских приставок, поэтому питомники разрабатывают свои образцы племенных документов, в которых указывается кличка собаки.

Специфика присвоения кличек служебным собакам в настоящее время изучена недостаточно. Между тем имеется необходимость такого лингвистического анализа, направленного на выявление и уточнение способов образования кинонимов; также важными задачами являются систематизация и учёт кинонимов и расширение их лингвистической базы.

Ц е л ь ю исследования был анализ специфики присвоения кличек служебным собакам в кинологической службе уголовно-исполнительной системы Российской Федерации (далее – УИС). Для этого было необходимо рассмотреть основные требования к присвоению кличек, установить способы и принципы номинирования служебных собак.

О б ъ е к т о м исследования послужили имена собственные (клички) племенных собак и щенков племенных питомников кинологической службы УИС. Работа в питомниках служебного собаководства территориальных органов ФСИН России ведётся с чистопородными собаками служебных пород: немецкая овчарка, восточноевропейская овчарка, кавказская овчарка, бельгийская овчарка (малинуа), лабрадор-ретривер.

В силовых структурах выбор клички имеет большое значение для кинолога, работающего в паре с собакой, которая выполняет не только функцию компаньона, но и является напарником, партнёром, от которого зачастую зависит качество выполнения служебных задач, а порой и жизнь, и здоровье людей. Называя собаку тем или иным именем, человек стремится отразить главные качества служебных собак – агрессию и непримиримость к врагам, силу, уравновешенность, преданность кинологу, отдавая тем самым дань уважения этим животным. В связи с этим были выработаны определённые критерии, которые должны соблюдаться при присвоении кличек в племенных питомниках служебного собаководства:

– кличка присваивается щенку, оставленному на выращивание, в возрасте 10–14 дней;

– кличка указывается в метрике щенка, которая оформляется на каждого щенка в помёте;

– клички щенков-однопомётников должны начинаться с одной буквы;

– одна и та же кличка может повториться только через 10 лет;

– кличка должна быть краткой и удобной для подачи команд [Попцова, Шеремета, 2018, с. 21].

2. Эксперимент [Experiment]

2.1. Материал исследований [Material and methods]

Материалом для эмпирического исследования послужили ежегодные отчёты по племенной работе питомников за 2019 и 2020 годы, из которых методом сплошной выборки были отобраны кинонимы. За указанный период по отчётной документации было найдено и проанализировано 1247 кличек, присвоенных щенкам и собакам в 20 племенных питомниках служебного собаководства территориальных органов ГУФСИН (УФСИН) России по Республикам Коми, Мордовия и Татарстан, по Приморскому, Красноярскому и Хабаровскому краям, Архангельской, Воронежской, Иркутской, Калининградской, Московской, Омской, Саратовской, Свердловской, Тульской, Тюменской, Ульяновской, Челябинской областям, Кемеровской области – Кузбассу и ФКОУ ВО Пермский институт ФСИН России. Найденные кинонимы были обработаны с помощью метода классификации в основном по тематическому принципу.

2.2. Результаты исследования и их обсуждение [Results and discussion]

Всего было исследовано 679 кличек кобелей и 568 кличек сук. В результате было выделено 15 основных зоонимических категорий кличек (табл. 1).

Согласно данным таблицы, из условно выделенных 15 категорий самая большая группа по вариациям кличек (28,23%) – это антропонимы, 157 вариаций кличек, присвоенных 352 собакам, вторая по численности группа (11,55%) – топонимы (62 вариации кличек, присвоены 144 собакам) и фиктонимы, которые составили третью группу, насчитывающую 11,47% (70 вариаций кличек, присвоенных 143 собакам). Остальные категории составляли менее 10% каждая от общего количества исследованных кличек. Ниже представлен состав выделенных 15 групп с указанием количества повторений каждого учитываемого кинонима.

Т а б л и ц а 1. **Категории происхождения кличек у служебных собак**
[T a b l e 1. **Categorizing the origin of service dogs nicknames**]

Категория происхождения, обозначение	**%**	**Количество вариаций кличек / количество собак, голов**		**Всего вариаций / всего собак, голов**
		для кобелей	для сук	
Антропонимы	28,23	78/171	79/181	157/352
Топонимы, ойконимы, урбанонимы	11,55	24/62	38/82	62/144
Фиктонимы	11,47	45/93	25/50	70/143
Прагмонимы	7,14	28/53	21/36	49/89
Военная, служебная терминология	3,21	12/23	11/17	23/40
Мифонимы, теонимы	4,33	9/25	11/29	20/54
Наименования природных явлений, погодные и климатические термины	3,69	12/32	9/14	11/46
Лексемы, характеризующие социальный статус, роль, положение человека в обществе, профессия, национальность	5,77	27/63	5/9	32/72
Геологические термины	1,92	11/17	3/7	14/24
Фитонимы	4,57	11/20	20/37	31/57
Зоонимы	3,93	14/28	8/21	22/49
Космонимы и астронимы	1,76	4/10	5/12	9/22
Заимствования из иностранных языков, алфавита и пр.	6,81	27/53	17/32	40/85
Апеллятивы	3,45	9/16	14/27	23/43
Клички, которые невозможно однозначно идентифицировать	2,17	13/13	13/14	26/27
Всего	100	321/679	279/568	600/1247

Г р у п п а 1. Антропонимы (имена людей, исторических личностей, знаменитостей). В данную группу вошли 171 кличка кобелей и 181 кличка сук.

Клички кобелей: Альфред (2), Арчи (3), Аскольд (3), Арчибальд (4), Ашер (2), Барри (3), Байрон (2), Брут (2), Винзор (1), Вольф (4), Вульф (3), Ганс (2), Гринберг (1), Дагер (2), Джастин (3), Джерри (4), Джой (5), Дик (4), Дитер (2), Елесей / Елисей (2), Ермак (2), Ефим (1), Жан (2), Жамал (1), Жерар (1), Зидан (1), Зорге (1), Кастро (1), Клаус (2), Клинтон (2), Колчак (3), Конфуций (1), Ларсон (2), Латиф (1), Линкольн (3), Лойд / Ллойд (4), Майк (4), Макс (5), Мики / Микки (3), Нельсон (2), Нолан (1), Нильс (1), Олаф (2), Оскар (1), Осман (1), Отто (2), Пеле (1), Ральф (4), Рем / Рэм (5), Ренат (1), Ричард (6), Рональд (2), Рональдо (4), Ронни (3), Сэм (3), Саймон (2), Тагор (4), Тайсон (5), Тимми (2), Уайт (2), Цезарь (3), Цейс (2), Феликс (2), Флойд (2), Фрэнки (1), Фред (3), Чарли (2), Чармен (1), Черчилль (1), Шелдон (1), Энди (2), Юджин / Юджик (4), Юрик (1).

Клички сук: Айна (2), Айрис (2), Акира (2), Алекса (1), Алисия (1), Альма (3), Альмира (2), Анабель (2), Анита (4), Беатриса (1), Белла / Бэлла / Бэла (7), Берта (3), Боня (3), Ванесса (3), Венди (3), Виола (3), Вупи (1), Гаяна (1), Дана (2), Дези (2), Дейзи (3), Джина (6), Джейн (2), Джоконда (1), Долли (2), Донна (3), Дора (3), Ева (4), Екатерина Великая (1), Жастин / Жастина (2), Зара (5), Зарайда (1), Злата (5), Зельма (2), Зита (4),

Ирма (6), Ильза (2), Каролина (2), Кристал (2), Лада (4), Лайза (3), Летти (1), Лола (2), Лота / Лотта (3), Люси (3), Магда (2), Магдалина (2), Марго (4), Меркель (1), Молли (1), Мишель (2), Мэри (2), Нола (1), Нора (4), Нэнси (2), Нэтта (1), Пегги / Пэгги (3), Перри / Пэрри (3), Рита (1), Саргона (1), Стелла (5), Сальма (1), Феня (2), Хайди (1), Хелен (2), Шелли (3), Шерри (5), Шейла (4), Шакира (2), Энжел (1), Юлианна (1), Ютана (2), Ядвига (2).

Г р у п п а 2. Топонимы, ойконимы, урбанонимы (географические термины, названия природных объектов или объектов, созданных человеком на Земле). В данную группу вошло 62 клички кобелей и 82 клички сук.

Клички кобелей: Алдан (2), Алтай (5), Амур (6), Арбат (1), Афган (1), Баград (1), Байкал (4), Герат (1), Дон (5), Евфрат (2), Енисей (3), Ергач (1), Кавказ (4), Казбек (4), Милан (4), Норд / Нордик (4), Оксфорд (1), Пирей (2), Рейн (2), Тайшет (2), Харбин (1), Эльбрус (3), Юкон (3).

Клички сук: Айла (1), Алания (1), Аляска (4), Ардена (4), Арланда (3), Атланта (3), Африка (2), Барселона (1), Бриттани (1), Варна (2), Верона (1), Висла (1), Вольта (1), Дакота (2), Дельта (1), Зея (2), Ирландия (1), Кама (3), Ниагара (1), Мальта (3), Мексика (3), Нева (2), Невада (3), Онега (3), Парма (3), Рига (1), Рица (1), Ривьера (1), Сахара (1), Терра (5), Ургa (1), Фиджи (1), Чара (4), Эллада (4), Эльба (4), Этна (4), Юрга (1), Юта (2).

Г р у п п а 3. Фиктонимы (имена литературных персонажей и героев кинофильмов, мультфильмов). Группа состоит из 93 кличек кобелей и 50 кличек сук.

Клички кобелей: Акела (1), Алдар (1), Атос (2), Арамис (1), Бадди (1), Балто (6), Балу (2), Бастер (2), Батлер (2), Блум (1), Бэк (2), Воланд (3), Вжик (2), Гарри (2), Гранд / Грант (3), Грей (2), Дукалис (2), Дункан (2), Живаго (2), Ингус (3), Индарго (1), Каспер (4), Конан (1), Лео (3), Мавр (1), Мейсон (3), Мерфи (1), Перси (1), Плуто (1), Рекс (5), Ресси / Рэсси (2), Ролли (1), Ромео (2), Санта (4), Урфин Джус (1), Фокс (3), Фрай (1), Халк (3), Честер (2), Шерхан (3), Элвин (3), Юстас (3).

Клички сук: Ариэль (3), Ассоль / Асоль (3), Багира (4), Бекки (1), Бэль (2), Гелла (3), Герда (3), Дарси (1), Дея (1), Жизель (4), Идэн (1), Искра (1), Кармен (4), Лаура (2), Лейла (2), Лилу (2), Мегги / Мэгги (2), Нарния (1), Пинки (2), Фиби (2), Флика (1), Чита (2), Эстер (3).

Г р у п п а 4. Прагмонимы (название известных брендов, торговых марок, фирм и т.п.). В группе насчитывается 53 клички кобелей и 36 кличек сук.

Клички кобелей: Амкар (2), Аякс (4), Вайбер (1), Верту (1), Гарант (2), Жарден (1), Зум (1), Интер (3), Кензо (2), Ларгус (2), Лексус (3), Майбах (2), Меган (1), Милки (1), Мэрс (1), Найк (3), Натс (2), Орбит (3), Порш (3), Редмонд (1), Саваж (2), Форд (1), Хаммер (3), Чеддер (2), Шерман (2), Шнапс (1), Чибо (2), Ярис (1).

Клички сук: Аванта (1), Астория (2), Ватра (1), Джуси Фрут (1), Елантра (1), Зольда (3), Инфинити (2), Королла (1), Корса (1), Магна (1), Мазда (1), Прада (2), Рокси (4), Сэла (2), Текила (1), Тифани / Тиффани (4), Хонда (1), Шеба (1), Шкода (4), Экстра (2).

Г р у п п а 5. Военная, служебная терминология. Данная группа представлена 23 кличками кобелей и 17 кличками сук.

Клички кобелей: Арс (1), Барк (4), Вальтер (2), Жандарм (1), Закон (1), Калибр (1), Культ (4), Марш (2), Маршал (2), Приказ (1), Рейд (2), Стелс (2).

Клички сук: Атака (4), Гильза (2), Диспозиция (3), Дисциплина (1), Егоза (1), Зенитка (1), Пуля (1), Ракета (1), Рота (1), Торпеда (1), Юстиция (1).

Г р у п п а 6. Мифонимы (имена богов, персонажей мифов). В данной группе учтено 25 кличек кобелей и 29 кличек сук

Клички кобелей: Аргус (5), Велес (2), Геракл (4), Гермес (3), Демон (1), Зевс (3), Икар (1), Локи (4), Янус (2).

Клички сук: Веста (6), Гера (9), Диана (1), Лакшми (2), Медея (1), Ника (4), Нимфа (1), Осса (1), Фемина (1), Фея (2), Ундина (1).

Г р у п п а 7. Наименования природных явлений, погодные и климатические термины. В группе 32 клички кобелей и 14 кличек сук.

Клички кобелей: Бархан (1), Буран (4), Вулкан (5), Град (2), Гром (4), Зенит (6), Мираж (1), Наст (1), Смерч (1), Тайфун (4), Туман (2), Ураган (1).

Клички сук: Буря (2), Вея (1), Гроза (2), Заря (3), Зима (1), Метель (2), Ночь (1), Пурга (1), Цунами (1).

Г р у п п а 8. Лексемы, характеризующие социальный статус, роль, положение человека в обществе, профессию, национальность. В группе насчитывается 63 клички кобелей и 9 кличек сук.

Клички кобелей: Атаман (2), Бандит (1), Босс (3), Варяг (3), Варвар (1), Викинг (1), Егерь (2), Граф (6), Дукс (1), Жиган (2), Жокей (1), Император (2), Киллер (2), Князь (2), Лидер (2), Лорд (8), Мажор (3), Мачо (2), Пилот (1), Принц (2), Спикер (1), Улан (2), Факир (1), Финн (1), Хан (3), Хантер (4), Шейх (4).

Клички сук: Леди (3), Персона (1), Принцесса (2), Шахиня (2), Фифа (1).

Г р у п п а 9. Геологические термины, названия ископаемых. В данную группу вошло 17 кличек кобелей и 7 кличек сук.

Клички кобелей: Алмаз (1), Голд (2), Жемчуг (1), Кварц (1), Карат (2), Кристалл (1), Оникс (2), Опал (1), Феррум (1), Янтарь (3), Яхонт (2).

Клички сук: Жемчужина (2), Эра (2), Яшма (3).

Г р у п п а 10. Фитонимы (названия растений и пр.). В группе насчитывается 20 кличек кобелей и 37 кличек сук.

Клички кобелей: Анчар (4), Крокус (2), Лотос (1), Орешек (2), Персик (2), Урман (2), Финик (1), Флокс (3), Цитрус (1), Цукат (1), Ясень (1).

Клички сук: Астра (6), Верба (1), Ежевика (2), Изюминка (1), Ирга (2), Калина (1), Кедра (1), Лаванда (3), Мандаринка (2), Мята (1), Нисса (1), Пальма (3), Пихта (1), Роза (4), Сакура (1), Тайга (2), Черника (1), Уэлси (1), Флора (2), Хурма (1).

Г р у п п а 11. Зоонимы (названия животных и птиц, зоологические термины). В эту группу вошли 28 кличек кобелей и 21 кличка сук.

Клички кобелей: Барс / Барсик (3), Беркут (3), Ирбис (4), Кайман (3), Лев (2), Орлан (1), Прайд (2), Раптор (1), Стриж (2), Тигр (2), Тапир (1), Турман (3), Ястреб (1).

Клички сук: Анаконда (1), Барракуда (1), Кайра (2), Кобра (3), Панда (1), Пантера (6), Пума (5), Рысь (2).

Г р у п п а 12. Космонимы и астронимы (названия астрономических тел и космических явлений). В группе насчитывается 10 кличек кобелей и 12 кличек сук.

Клички кобелей: Марс (6), Персей (1), Плутон (1), Уран (2).

Клички сук: Вега (4), Звезда (2), Комета (3), Лира (2), Луна (1).

Г р у п п а 13. Заимствования из иностранных языков, алфавита и т.п. В данной группе учтено 53 клички кобелей и 32 клички сук.

Клички кобелей: Бакс (4), Блэк / Блэки (6), Бест / Бэст (5), Гайтан (2), Дарк (3), Драйв (4), Евро / Еврик (3), Жарден (1), Зеро (1), Крейзи (2), Найт (1), Ривер (3), Санни (2), Смайл (2), Смоки (2), Соло (1), Танго (1), Фейк (1), Флай (2), Финт (1), Флирт (1), Цайт (3), Шерш (1), Шукрат (1).

Клички сук: Альфа (7), Баста (3), Вэри (1), Винтер (1), Вита (3), Вендетта (1), Гэта (1), Дольче Вита (1), Лаки (3), Омега (2), Пати (1), Прэтти (2), Стори (1), Феличита (2), Фора (1), Форева (1), Хинди (1).

Г р у п п а 14. Апеллятивы (слова любой части речи, не являющиеся онимами). В группе 16 кличек кобелей и 27 кличек сук.

Клички кобелей: Алый (3), Азарт (3), Верный (3), Вираж (1), Баско (1), Задор (2), Кураж (1), Лютый (1), Ярый (1).

Клички сук: Авантюра (6), Адреналина (1), Виза (2), Забава (2), Ириска (1), Ласка (3), Охра (1), Отрада (1), Лига (2), Сказка (1), Удача (1), Угроза (3), Услада (1), Яхта (2).

Г р у п п а 15. Клички, которые невозможно однозначно идентифицировать. В данной группе учтено 13 кличек кобелей и 14 кличек сук.

Клички кобелей: Бара (1), Бару (1), Воли (1), Вуд (1), Елай (1), Жеб (1), Жаз (1), Жарс (1), Иджи (1), Лапик (1), Мюгер (1), Нуки (1), Расти (1).

Клички сук: Артика (1), Вара (1), Есси (1), Еста (1), Ельма (1), Жига (1), Зильва (1), Цандра (1), Чейза (2), Чуда (1), Юлайя (1), Юргана (1), Юста (1).

Согласно данным, полученным при учёте кличек в составе выделенных групп, наиболее часто встречающимися кличками у сук являются: Гера (9), Альфа и Белла / Бэлла / Бэла (7), Авантюра, Астра, Веста, Джина, Ирма, Пантера (6), Зара Злата, Стелла, Терра, Шерри (5), а у кобелей – Лорд (8), Амур, Балто, Блэк / Блэки, Зенит, Граф, Марс, Ричард, Цезарь (6), Алтай, Аргус, Вулкан, Джой, Дон, Макс, Рекс, Тайсон (5).

Наличие таких достаточно распространённых кличек указывает на устойчивое сохранение традиций в среде владельцев собак, поскольку данные клички довольно широко были представлены в советское время, но не утратили актуальности на современном этапе. Тем не менее, следует отметить, что в основном вышеназванные собаки имеют возрастную категорию от 4 и старше лет, у собак младше четырёхлетнего возраста указанные клички имеют меньшее распространение, что позволяет предположить наличие процесса постепенного замещения части традиционных кличек на более современные варианты.

Также в выборе клички для собаки большую роль играют культурные и исторические нормы отдельного региона. Так, кличка Индус присвоена трём щенкам породы восточноевропейская овчарка из питомников Хабаровского и Приморского краев, в честь собаки этой же породы, с которой на Дальнем Востоке служил знаменитый пограничник Никита Федорович Карацупа. Во время сбора данных нами отмечено, что только в Сибири и на Урале (Пермский край, Омская и Свердловская области) злобных собак чёрного окраса называют Колчак, всего выявлено по одному случаю в каждом регионе.

При анализе кличек-топонимов мы пришли к выводу, что территориальная удалённость питомника от выбранного для клички географического объекта зачастую не имеет особого значения. Например, клички Байкал и Кама присваивались служебным собакам не только в Иркутской области и Пермском крае, но и в других регионах, например, Кама (Свердловская область), Байкал (Саратовская область, Приморский край), а клички Амур и Дон в различных регионах использовали шесть и пять раз соответственно.

В служебной кинологии собак часто называют в честь военачальников и героев сражений, а также используют военную терминологию: Атака (4), Барк (4), Диспозиция (3), Кольт (4), Пуля (1), Ракета (1), Рота (1), в связи с чем данные клички были выделены в отдельную категорию, которая составила 3,21% по распространённости при наличии 23 вариаций кличек.

В кличках активно используются мифонимы, в частности Веста (6), Аргус (5), Гера (9), Геракл (4), Зевс (3), Локи (4), всего установлено 20 вариаций кличек.

Во время исследования выяснилось, что среди кличек, присваиваемых в племенных питомниках ФСИН России, не встречаются популярные клички, распространённые в среде сельского населения, такие как Бим, Буся, Жулик, Кузя, Кукла, Найда, Пират, хотя неоднократно отмечены Лорд (8), Альма (3), Лада (4), Макс (5), Пальма (3), Рекс (5), которые часто используются гражданским населением. Также не принято называть служебных собак кличками, имеющими глагольное происхождение и широко распространённых в охотничьем собаководстве, например: Карай, Задирай, Хватай, хотя в группе

кличек, заимствованных из иностранных языков, выделена такая, как Шерш, которая в переводе с французского обозначает 'Ищи'.

Анализ данных указывает, что при подборе клички для собаки в основном руководствуются удобством произношения и личными представлениями о красоте клички, значительную роль при этом играют и предпочтения человека, уровень образованности, интеллектуальные качества, пол и возраст. В одном из питомников существовала традиция давать щенкам имена известных писателей, философов, политических деятелей, например: Конфуций (1), Черчилль (1), Шелдон (1), Екатерина Великая (1). Отмечено, что в питомниках, коллектив которых преимущественно состоит из женщин, щенкам чаще присваивали имена собственные с уменьшительно-ласкательным оттенком: Еврик, Лапик, Нордик, Орешек, Пинки, Персик, сокращенно-уменьшительные формы антропонимов: Арчи, Микки, Ронни, Фрэнки, Юджик, Юрик, женские имена и заимствования из иностранных языков, оканчивающиеся на и: Венди, Вэри, Дези, Дейзи, Долли, Крейзи, Летти, Люси, Молли, Пати, Пэгги, Пэрри, Санни, Стори, Хайди, Шелли, Шерри, а также статусные клички: Граф, Князь, Леди, Лидер, Лорд, Мажор, Мачо, Принц, Принцесса, Шейх, Хан.

Выбирая, как назвать щенков, в мужских коллективах предпочитали антропонимы, указывающие на основательность и мужественность: Арчибальд, Вольф, Джой, Ральф, Ричард, Рэм, Тагор, Тайсон, Фред, топонимы, выражающие силу и уверенность: Алтай, Аляска, Амур, Ардена, Енисей, Кавказ, Казбек, Норд, Парма, Чара, Эльбрус, Этна, Юкон, аналогично использовались и прагмонимы: Аванта, Аякс, Ватра, Зольда, Интер, Лексус, Майбах, Порш, Шнапс, а также другие группы, выделенные в массиве кинонимов.

Стоит отметить, что в кличках достаточно часто отражается темперамент служебного животного, например, собакам породы бельгийская овчарка, обладающим холеричным типом высшей нервной деятельности, присваиваются клички звучные и короткие: Атака (4), Вжик (5), Егоза (1), Каспер (4), Кураж (1), Омон (1), Пуля (1) и т. д. А, например, собакам породы кавказская овчарка, имеющим брутальный вид и характер, присваиваются клички, указывающие на мощь и величие, звучащие грозно и серьёзно: Байкал (4), Бархан (1), Екатерина Великая (1), Держава (1), Кавказ (4), Султан (1) и т. п.

Помимо породы, на выбор клички может влиять окрас шерсти собаки, например, чёрных собак часто называли Блэк / Блэки (6), Пантера (6), Пума (5), Ночь (1), Черника (1), собак с рыжим и светло-палевым окрасом – Злата (5), собак с белым окрасом называли Уайт (2), Норд / Нордик (4), одну собаку, имеющую на белом окрасе чёрное пятнышко, назвали Изюминка, собаку с ярко-рыжим окрасом назвали Мандаринкой.

Анализ кличек служебных собак, приобретённых у частных заводчиков из питомников, имеющих заводские приставки и состоящих из нескольких слов, нами не проводился, ввиду сложности отнесения их к какой-либо категории. Например, клички Солнечная Дубрава Жесть или Серебряная Луна Живанши однозначно классифицировать невозможно. Клички, образованные в результате аффиксации и префиксации от имён собственных, относили к той категории, к которой принадлежал исходный вариант, например: Нордик (исх. Норд) отнесён к географическим терминам, Юджик (исх. Юджин) к антропонимам.

3. Заключение [Conclusion]

Подводя итоги, можно сказать, что существуют определённые принципы присвоения кличек щенкам, характерные для ведомственных племенных питомников. Клички, используемые в служебном собаководстве, отличаются тем, что они довольно точно характеризуют отличительные качества собаки, удобны для кинолога и не сливаются с кличками обычных домашних собак. При присвоении кличек служебным собакам наиболее значительную роль играет социальный фактор – вкусы, предпочтения, уровень

образованности, интеллекта и эрудиции, а также пол и возраст специалистов-кинологов, подбирающих клички собакам.

При номинации служебных собак не установлено использования такого семантического признака, как размер; имеется незначительная часть кличек, образованных при использовании семантического признака «поведение животных» (Атака, Вжик, Угроза) и внешний отличительный признак (окрас) (Черника, Изюминка, Мандаринка). Не удалось установить особого значения соблюдения норм и правил русского языка, например, собакам присваивались клички Ассоль и Асоль, Маршал и Маршел, Елисей и Елесей, Чудо и Чуда. Возможно, это было сделано намеренно и стало проявлением лингвокреативности.

По способу номинации щенков в основном были использованы заимствования (Ариэль, Блэк, Спейс и т. д.), метафоризация (Изюминка – с маленьким чёрным пятнышком, Черника – чёрного окраса, Мачо – крупный красивый, активный, Вжик – мелкий, юркий, шустрый, суетливый), суффиксация (Блэки, Юджик, Фрэнки, Ириска, Кинга, Еврик, Нордик, Юрик), отмечено использование словосочетаний (Екатерина Великая, Урфин Джус).

В результате исследования установлено, что при присвоении кличек служебным собакам в племенных питомниках служебного собаководства УИС независимо от территориального расположения прослеживаются некоторые общие принципы наименования щенков:

1) кличка обычно короткая и состоит из одного слова, сочетания слов встречаются достаточно редко, в нашем исследовании выявлено только три случая (Екатерина Великая, Джусси Фрут, Урфин Джус);

2) кличка выбирается звучная, удобная для произношения в виде резкого окрика;

3) длинные клички при использовании собаки в служебной деятельности сокращаются до 3–4 букв, либо собаку подзывают особым «домашним» именем, не имеющим ничего общего с официальным;

4) служебным собакам не присваивают традиционные «народные» клички, такие как Дружок, Барсик, Шарик, Пушок, а также клички уничижительного характера, шуточные, неблагозвучные, принадлежащие к уголовному жаргону.

Таким образом, клички, присваиваемые щенкам и служебным собакам в племенных питомниках ФСИН России, достаточно чётко выделяются в ономастическом пространстве и заслуживают дальнейшего изучения как отдельного раздела национального зоонимикона.

Библиографический список

Багана, Михайлова, 2010 – Багана Ж., Михайлова Ю. С. Функционирование языковых единиц в аспекте национально-культурной специфики (на материале названий домашних животных в русском, английском и немецком языках) // Вестник ИГЛУ. 2010. № 3. С. 21–27.

Беляев, 2016 – Беляев А. Н. Этноязычность в ономастической номинации // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. №2-2 (56). С. 58–61.

Боброва, 2021 – Боброва М. В. Современный сельский зоонимикон в деривационном аспекте // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2021. Т. 13, Вып. 2. С. 5–13. https://doi.org/10.17072/2073-6681-2021-2-5-13

Бородина, 2019 – Бородина Н. А. Зоонимия произведений М. М. Пришвина // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2019. № 3 (34). С. 10–17.

Варникова, Зимичева, 2017 – Варникова Е. Н., Зимичева Н. Н. Зоонимикон современной деревни (на материале кличек животных с. Горицы Вологодской области) // Вестник ВОГУ. 2017. № 2. С. 73–77.

Гусева, 2005 – Гусева Е. В. Социально-культурные факторы номинации: на материале современных городских зоонимов : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 ; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. М., 2005. 220 с.

Долбина, 2013 – Долбина К. Д. Структурная классификация зоонимов (на материале английского, русского и украинского языков) // Вестник ВГУ. Сер. : Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2013. № 2. С. 208–210.

Драбкина, 2018 – Драбкина И. В. Прагматический потенциал англоязычных официальных паспортных кинонимов (на материале англоязычных кличек породистых собак породы немецкий боксёр) // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2018. № 4 (32). С. 89–97.

Кирпичева, 2016 – Кирпичева О. В. Зоонимические стереотипы (на материале экспериментального исследования) // Известия Волгогр. гос. пед. ун-та. Сер. «Филологические науки». 2016. № 9–10 (113). С. 92–95.

Марудова, 2017 – Марудова А. С. Наименования животных как объект ономастических исследований. Весці БДПУ. Серыя 1. 2017. № 2. С. 108–112.

Положение о племенной работе, 2021 – Положение о племенной работе. URL : http://rkf.org.ru (дата обращения : 01.04.2021).

Попцова, Шеремета, 2018 – Попцова О. С., Шеремета Т. В. Организация выращивания и содержания щенков в питомниках служебного собаководства кинологических подразделений учреждений уголовно-исполнительной системы : учеб. пособие. Пермь : Пермский институт ФСИН России, 2018. 77 с.

Рядченко, 1994 – Рядченко Н. Г. Зоонимика. Зоонимия русская // Русская ономастика и ономастика России. Словарь / под ред. О. Н. Трубачева. М. : Школа-Пресс, 1994. С. 77–84.

Сафина, Сафаров, 2018 – Сафина Э. И, Сафаров Р. Т Лексико-семантические особенности образования зоонимов в татарском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 9 (87). С. 162–165.

Смирнов, 1971 – Смирнов А. А. Из зоонимии Горьковской области // Ономастика Поволжья 2: Труды II конференции по ономастике Поволжья. Горький, 1971. С. 299–302.

Клички для собак, 2021 – Клички для собак. URL : https://klichki/dog/ (дата обращения : 12.04.2021).

References

Baghana, J. H., Mikhaylova, J. S. (2010). Funktsionirovanie yazykovykh edinits v aspekte natsional'no-kul'turnoy spetsifiki (na materiale nazvaniy domashnikh zhivotnykh v russkom, angliyskom i nemetskom yazykakh) [Functioning of language units in the context of national cultural specificity: A study of names of domestic animals in the russian, english and german languages], *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* [Bulletin of Irkutsk State Linguistic University], 3, 21–27. (In Russ.).

Belyaev, A. N. (2016). Etnoyazychnost' v onomasticheskoy nominatsii // [Ethno-linguism in the onomastic naming]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & practice], 2–2, (56), 58–61. (In Russ.).

Bobrova, M. V. (2021). Sovremennyy sel'skiy zoonimikon v derivatsionnom aspekte (na materiale zoonimov odnogo kusta dereven') [Contemporary rural zoonymicon in the derivational aspect (On the material of zoonyms of one group of villages)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 13 (2), 5–13. https://doi.org/10.17072/2073-6681-2021-2-5-13 (In Russ.).

Borodina, N. A. (2019). Zoonimiya proizvedeniy M.M. Prishvina [Zoonimia of M. M. Prishvin's works]. *Aktual'nye voprosy sovremennoy filologii i zhurnalistiki* [Actual Issues of Modern Philology and Journalism], 3 (34), 10–17. (In Russ.).

Varnikova, E. N., Zimicheva, N. N. (2017). Zoonimikon sovremennoy derevni (na materiale klichek zhivotnykh s. Goritsy Vologodskoy oblasti) [Modern Village Zoonymicon (On the material of animal names in the village of Goritsy of the Vologda region]. *Vestnik Vologodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoricheskie i filologicheskie nauki* [Bulletin of the Vologda State University. Series: Historical and philological sciences], 2, 73–77. (In Russ.).

Guseva, E. V. (2005). Sotsial'no-kul'turnye faktory nominatsii: na materiale sovremennykh gorodskikh zoonimov [Socio-cultural factors of the nomination: Based on modern urban zoonyms]: PhD in Philological sci. diss. Moscow : Lomonosov State University.

Dolbina, K. D. (2013). Strukturnaya klassifikatsiya zoonimov (na materiale angliyskogo, russkogo i ukrainskogo yazykov) [Structural classification of zoonyms (On the material of English, Russian and Ukrainian languages)]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and intercultural communication], 2, 208–210. (In Russ.).

Drabkina, I. V. (2018). Pragmaticheskiy potentsial angloyazychnykh ofitsial'nykh pasportnykh kinonimov (na materiale angloyazychnykh klichek porodistykh sobak porody nemetskiy bokser) [Pragmatic potential of official dog names (On the material of english-language names of deutscher boxer dogs)]. *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki* [Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics], 4 (32), 89–97. (In Russ.).

Kirpicheva, O. V. (2016). Zoonimicheskie stereotipy (na materiale eksperimental'nogo issledovaniya)* Zoonymic stereotypes (Based on empiric research) [Zoonymic stereotypes (based on empiric research]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya «Filologicheskie nauki»* [Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University. Philological Sciences], 9–10 (113), 92–95. (In Russ.).

Marudova, A. S. (2017). Naimenovaniya zhivotnykh kak ob"ekt onomasticheskikh issledovaniy. [Zoonyms as the object of the onomastic researches], *Vestsi BDPU. Seryya 1*. [BSPU News], 2, 108–112. (In Russ.).

Polozhenie o plemennoy rabote [The Order about breeding]. Retrieved April 12, 2021 from <http://rkf.org.ru/>. (In Russ.).

Poptsova, O. S. Sheremeta, T. V. (2018). *Organizatsiya vyrashchivaniya i soderzhaniya shchenkov v pitomnikakh sluzhebnogo sobakovodstva kinologicheskikh podrazdeleniy uchrezhdeniy ugolovno-ispolnitel'noy sistemy* [Organization of raising and keeping puppies in kennels of service dog breeding of cynological units of institutions of the penal system] : A coursebook. Perm : Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia Press. (In Russ.).

Ryadchenko, N. G. (1994). Zoonimika. Zoonimiya russkaya [Zoonymics. Russian zoonymics]. In O. N. Trubachev (Ed.), *Russkaya onomastika i onomastika Rossii. Slovar'* [Russian onomatology and onomatology of Russia. Dictionary]. Moscow : Shkola-Press. (In Russ.).

Safina, E. I, Safarov, R. T (2018). Leksiko-semanticheskie osobennosti obrazovaniya zoonimov v tatarskom yazyke [Lexico-semantic peculiarities of zoonyms formation in the tatar language], *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & practice], 9 (87), 162–165. (In Russ.).

Smirnov, A. A. (1971). Iz zoonimii Gor'kovskoy oblasti [From zoonymy of the Gorky region]. *Onomastika Povolzhya 2* [Povolzhye onomatology 2]: Proc. of the 2nd Conference on Povolzhye onomatology (pp. 299–302). Gorky : Gorky State Pedagogical University Press. (In Russ.).

Klichki dlya sobak [Dogs' names]. Retrieved April 12, 2021 from <https://klichki/dog>. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 05.05.2021; одобрена после рецензирования 04.02.2022; принята к публикации 09.02.2022.
The article was submitted 05.05.2021; approved after reviewing 04.02.2022; accepted for publication 09.02.2022.

УДК 81'37, 81'38 doi: 10.22250/24107190_2022_8_1_165

Солодилова Ирина Анатольевна
Оренбургский государственный университет
г. Оренбург, Российская Федерация
solodilovaira16@gmail.com

Образное сравнение как источник оценочного смыслообразования

Аннотация
В настоящей статье представлены результаты исследования, целью которого являлась разработка процедуры описания оценочных смыслов метафорического типа, относящихся к концептуальному типу ОЦЕНКА-ОБРАЗ, и выявление особенностей оценочной семантики, формирующейся на основе метафорических сравнений. Оценочная семантика исследуемых речевых единиц рассматривается с точки зрения когнитивного подхода к пониманию языка и в этом ключе как результат концептуальной интеграции и образование эмергентного типа. Обращение к данной проблеме обусловлено пониманием значимости когнитивных основ речетворческого процесса и семантического моделирования как актуального (в силу своей экспланаторности) метода лингвистического описания. Процесс оценочного смыслообразования на основе высказываний, содержащих образные сравнения, описывается с помощью четырёхэтапной процедуры анализа, базирующейся на положениях теории фрейма (фреймового подхода к описанию семантики) и рождённом в её недрах методе гиперонимической редукции, теории блендинга как частной теории концептуальной интеграции и понятии эмергентности как свойстве семантики, рождаемой в результате данной интеграции. Образные сравнения становятся источником оценочного смыслообразования двух типов. Оценка, как акт предикации, может «наследоваться», т. е. передаваться в семантическую структуру бленда от концепта-источника, связанного в сознании носителей языка с положительной или отрицательной оценкой, или представлять собой семантику эмергентного типа, т. е. рождённую в результате взаимодействия двух – «неоценочных» по своему типу – концептов. Предлагаемая процедура анализа и описания оценочных смыслов применима и для высказываний, содержащих метафоры. Образные сравнения относятся в этой связи к метафорическому типу оценочного смыслообразования. Исследование выполнено на материале художественных текстов немецкоязычной прозы конца XX – начала XXI века.

Ключевые слова: образное сравнение, концепт, оценка, фрейм, гиперонимическая редукция, эмергентный, блендинг

© Солодилова И. А. 2022

Для цитрования: Солодилова И. А. Образное сравнение как источник оценочного смыслообразования // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2022. Вып. 8, № 1. С. 165–177. https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_1_165

Irina A. Solodilova
Orenburg State University
Orenburg, Russian Federation
solodilovaira16@gmail.com

Figurative comparison as a source of evaluative meaning-making

Abstract
This article presents research results aiming to work out a procedure for describing evaluative meanings of metaphoric type, implementing the concept EVALUATION-IMAGE. Another aim of the study was to define evaluative semantics peculiarities based on simile. The evaluative semantics is defined through cognitive

approach to the language and in this regard is considered to be the result of conceptual integration and the emergent type formation. The authors address this problem realizing the importance of basic cognitive principles of speech production and the significance of semantic modeling as a valid method of linguistic description (due to its explanatoriness). The process of evaluative meaning-making on the basis of statements containing simile is described using a four-stage analysis procedure based on the provisions of the frame theory (the frame approach to the semantics description), the hyperonymic reduction method generated from it, the blending theory as one of the conceptual integration theories and the notion of emergence as a semantics feature developed as a result of this integration. Simile becomes the sources of evaluative meaning-making of two types. Evaluation as a predication act can be "inherited", i.e. transmitted to the blend's semantic structure from a concept-source, which native speakers associate with positive or negative evaluation, or represent emergent semantics, i.e. produced as a result of interaction between two concepts – "non-evaluative" in type. The suggested analysis procedure and description process of evaluative meanings can be applied to the statements containing metaphors either. Similes, in this regard, refer to the metaphorical type of evaluative meaning-making.

Keywords: simile, concept, evaluation, frame, hyperonymic reduction, emergent, blending

© Solodilova I. A. 2022

For citation: Solodilova, I. A. (2022). Obraznoe sravnenie kak istochnik otsenochnogo smysloobrazovaniya [Figurative comparison as a source of evaluative meaning-making]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 8 (1), 165–177. https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_1_165

1. Введение [Introduction]

1.1. Актуальность исследования [Motivation for the study]

Стилистические средства разных языков давно привлекают внимание исследователей и, в силу их принципиально креативного характера, остаются по-прежнему актуальными. В последнее время к различным видам метафор и образных сравнений обращаются довольно часто, рассматривая эти феномены с разных ракурсов, нередко с прагматическим уклоном. Так, на англоязычном материале предложена семантическая классификация гастрономических метафор с делением на 4 группы и указанием частотности каждой в американской рекламе [Ищенко, Трубицина, 2019], предпринята попытка построения артефактной метафорической модели в области дизайнерских продуктов на материале рекламных текстов [Цолоева, 2021], описана авторская процедура определения смысла и типов индивидуальных образных сравнений и особенности восприятия таких сравнений переводчиком [Баранова, 2020]. Предметом лингвистического анализа стали также образные сравнения в различных типах дискурса, восходящие к произведениям Гомера (охвачены образцы устного и письменного словесного искусства, в том числе выступления ораторов, на территории от Саудовской Аравии до Индонезии) [Ready, 2018]. На русском материале в диахронии сравнивалась частотность метафоры и метонимии [Алексеев, 2020]. На материале трёх языков – русского, английского и китайского (новогодние обращения лидеров стран) – выявлена корреляция между содержанием метафоры и эффектом её воздействия, предложена методика расчёта соответствующего индекса [Калинин, 2021]. Предпринято сопоставительное изучение устойчивых сравнений на материале трёх языков – русского английского, лезгинского [Ризаханова, 2021]. Средства образности представляют особый интерес и в когнитивном аспекте изучения с точки зрения механизмов их интерпретации и порождениях смыслов [Лебедева, 2011, Drößiger, 2007].

1.2. Постановка цели [Setting the purpose]

Целью настоящей статьи является описание результатов, полученных в ходе исследования процесса оценочного смыслообразования на основе высказываний, содер-

жащих образные сравнения. Задача проведённого исследования заключалась в разработке единой процедуры описания оценочной семантики метафорических единиц и рождаемого на их основе оценочного смысла. В качестве научной гипотезы утверждается положение о когнитивной природе оценочных смыслов вообще и метафорически обусловленных, в частности, и, соответственно, о процедуральной структурируемости знания, лежащего в их основе. Данное исследование выполнено на материале современной немецкоязычной прозы и является частью более широкого исследования концепта ОЦЕНКА, результатом которого стало выделение на основе трёх типов оценочного смыслообразования – признаковой, образной и ситуативной оценочности, – соотвественно, трёх концептуальных типов оценки: ОЦЕНКИ-ПРИЗНАКА, ОЦЕНКИ-ОБРАЗА, ОЦЕНКИ-СИТУАЦИИ (см. подробнее [Солодилова, 2014 a, 2014 b, 2014 c, 2014 d, 2015, 2017, 2019]).

1.3. Образное сравнение vs метафора [Simile vs metaphor]

Образные сравнения относятся нами к средствам, реализующим в языке ОЦЕНКУ-ОБРАЗ и составляющим основу образного, а именно метафорического типа оценочного смыслообразования. Не вдаваясь в глубины дискуссии о тождестве и противопоставлении сравнения и метафоры, укажем лишь на некоторые принципиальные для нас позиции в этом споре. В большинстве своём мы признаём основные доводы, приводимые в защиту неправомерности отождествления метафоры и образного сравнения, которые касаются преимущественно логических и синтаксических характеристик этих феноменов (см. подробнее [Дэвидсон, 1990 ; Арутюнова, 1999]), хотя и в этих доводах есть, как нам кажется, слабые места. Так, утверждаемая выше указанными учёными и их последователями истинность сравнения и ложность метафоры едва ли значимы для понимания смысла, выражаемого этими языковыми единицами, как и их синтаксические преференции, а отказ метафорическим именам в обозначении с л у ч а й н о г о п о д о б и я, что свойственно сравнению, кажется нам не вполне обоснованным. На наш взгляд, вполне допустима ситуация, в которой можно, например, сказать: «*Вчера на вечере она была просто серой мышкой*» или «*Вчера в окружении юных особ он был настоящим светским львом*». Провозглашая «глобальную» разницу между метафорой и сравнением, учёные в то же время достаточно часто делают уступки. В частности, Блэк, утверждая, что метафорическая конструкция не является простым замещением сравнения, и указывая на то, что метафора создаёт сходство, выстраивая новые перспективы для сопоставления, тогда как сравнение апеллирует к существующим стереотипам восприятия действительности, тут же добавляет: «нет сомнения в том, что граница, существующая между некоторыми метафорами и некоторыми сравнениями, не так очевидна» [Блэк, 1990, с. 157]. Ранее проведённый анализ оценочных высказываний, содержащих метафоры и сравнения [Солодилова, 2015, с. 295–323], показал, что образные сравнения очень часто могут быть источником совершенно неожиданного видения предмета, в то время как метафора совсем не гнушается стереотипными представлениями и устойчивыми ассоциативными связями [Солодилова, 2014 b].

Изучение оценочных смыслов, рождаемых на основе метафоры и образного сравнения, позволяет утверждать их сопоставимость и в отношении процедуры выявления оценочного смысла, и в отношении видов рождаемой оценочности. Данное обстоятельство объясняется тем, что, во-первых, метафора и сравнение имеют единую когнитивную основу, а именно операцию уподобления или отождествления, в результате которой устанавливаются отношения сходства или аналогии; во-вторых, и в основе метафоризации, и в основе сравнения лежит акт предикации определённых признаков одного концепта другому; в-третьих, и метафора, и образное сравнение строятся на

контрасте с онтологией объектов. Кроме этого, следует указать и на значимость для оценочного смыслообразования на основе как метафоры, так и сравнения а с с о ц и а т и в н ы х с в я з е й между концептом-источником и концептом-целью.

1.4. Методы и модели описания метафорической семантики [Methods and patterns to describe metaphoric meaning]

Процесс оценочного смыслообразования на основе образных лексических единиц описывается в исследовании исходя из положений теории фрейма, теории блендинга и понятия эмергентности. В основу разработанной нами процедуры описания оценочных смыслов метафорического типа был положен метод гиперонимической редукции К.-П. Конердинга, базирующийся также на теории фреймовой семантики Ч. Филлмора [Филлмор, 1983, 1988].

Метод гиперонимической редукции К.-П. Конердинга [Konerding, 1993, S. 139–217] представляет собой лингвистически обоснованный метод определения вакантных позиций фрейма с помощью вопросов. Рассматривая языковые выражения (тексты), представляющие фрейм, как список стратегически важных вопросов, Конердинг основывается на положениях общей теории получения информации [Hintikka J., Hintikka M. B., 1985], которая предполагает экспликацию подразумеваемого знания («знания по умолчанию») посредством вопросов. Метод Конердинга даёт возможность создания фрейма не ad hoc, а системно, исходя из обозримых критериев и процедур. Исходным пунктом является предположение, что доступ к концептуальному знанию возможен через предикации, которые употребительны в языковом обществе, то есть через те, которые совпадают с узуальными контекстами соответствующих обозначений [Konerding, 1993, S. 166]. В основе метода лежит процедура, называемая «гиперонимической редукцией» („Hüperonymtypenreduktion“), заключающаяся в том, что значение слова, репрезентирующего концепт, эксплицируется через его гипероним, который в свою очередь семантически (на основе лексикографических источников) определяется через гипероним следующего уровня, что в итоге приводит к сведению исследуемого концепта к матричному (далее не определяемому): *дом – сооружение – здание – постройка – то,* ***что*** *построено* [www.ozhegov.slovaronline.com/дом]. Конердинг сводит такого рода дефиниции, содержащие наречие *что* в функции союзного слова (в нем. *etwas*), к матричному фрейму ОБЪЕКТ (OBJEKT). В качестве матричных выделяются также LEBEWESEN 'живое существо', HANDLUNG 'действие', PROZESS 'процесс'.

Использование данной процедуры обосновано тем, что отношение гипонимов к гиперонимам определяется как отношение составляющих к схеме. Тот факт, что составляющая (гипоним) с конкретизирующими её деталями семантически а б с о л ю т н о с о в м е с т и м а со схемой (гиперонимом), означает, что гипонимы и гиперонимы принципиально связаны с одними и теми же референциями (в теории фрейма – вакантными позициями), предикации при этом могут варьироваться в зависимости от информативной плотности. В приложении к теории фрейма это значит, что гипонимы и гиперонимы могут быть сведены к одному и тому же фрейму, а вакантные позиции будут заполняться величинами различной степени абстракции и конкретизации.

В «Когнитивной Грамматике» феномен фиксации структурных составляющих фрейма (схемы) известен под термином “entrenchment” [Langacker, 1991, p. 45], а факторы, обуславливающие их когнитивное закрепление как “token frequency” и “type frequency” [Evans et al, 2006, p. 118]. Термин *type frequency* описывает высокую частотность заполнения одной и той же вакантной позиции различными эксплицитными предикациями, что ведёт к фиксации данной позиции в структуре фрейма и тем самым к фиксации всей структуры. Высокая (по сравнению с другими) частотность отдельной предикации, описываемая термином “token frequency”, закрепляет именно данное зна-

чение, что со временем обуславливает переход данной предикации из эксплицитной в имплицитную (т. е. типичную, подразумеваемую по умолчанию).

Типичные значения, таким образом, соответствуют структурно имплицитным предикациям, отличающимся от эксплицитных тем, что носители языка вызывают информацию в данном случае из памяти каждый раз при восприятии имени концепта. Типичные величины представляют собой продукты нашего языкового употребления и возникают при условии повторяющихся связей между схемой и её составляющими (high token frequency), что ведёт к когнитивной фиксации этих значений в структуре фрейма.

Когда определённый аспект знания об объекте референции определяется значительно большим числом предикаций, то данная вакантная позиция заполняется, соответственно, бóльшим числом различных значений (high type frequency), это в итоге ведёт к закреплению данной вакантной позиции внутри фрейма и к укреплению структуры всего фрейма. Тем самым данные явления обуславливают то обстоятельство, что ни один фрейм в действительности не вызывает в сознании человека необозримый объём знаний, а, напротив, лишь небольшое количество так называемого «знания по умолчанию».

Таким образом, фреймы, представляя собой определённый набор вакантных позиций, или слотов, систематически управляют контекстуализацией выражений их активизирующих. Определение данных вакантных позиций возможно через матричный фрейм с помощью метода гиперонимической редукции. Фреймы-матриксы позволяют выявить «унаследованные» связи вакантных позиций, а также выявить общие вакантные позиции анализируемых фреймов. В отношении метафорической семантики это означает, что два концепта, вступающие во взаимодействие в результате операции сравнения или уподобления, могут быть сведены к одному – матричному фрейму и, соответственно, к выявлению значимой для о б о и х концептов (фреймов) вакантной позиции (аспекта знания), служащей основой сопоставления (сравнения).

Теория концептуальной интеграции Ж. Факонье и М. Тернера (теория блендинга) описывает, как известно, процедуру образования (порождения) интегрального ментального пространства, несущего новые смыслы. Понятие эмергентности [Fauconnier, Tuerner, 2002, p. 42–44, 48] объясняет п р и р о д у новой, возникающей в результате взаимодействия ментальных пространств семантики.

Эмергентность как свойство семантики новой концептуальной структуры или составляющих её элементов возникает в результате ряда операций. К таковым относятся, во-первых, установление новых отношений между элементами области-источника и области-цели, вошедших в бленд (“composition”), во-вторых, «укомплектование», или пополнение области-бленда информацией за счёт дополнительной активации некоторого знания (“completion”) и, в-третьих, развитие бленда (“running the blend”), т. е. рождение новой семантики как результат взаимодействия находящихся в бленде информаций (уже расширенных после пополнения) (“elaboration”) [Там же]. Иными словами, свойство эмергентности может характеризовать различные феномены, а именно: новые концептуальные отношения, возникающие между элементами, спроецированными в бленд из области-источника и области-цели; дополнительно активируемое концептуальное знание, принадлежащее чаще всего вышестоящим структурам знания, элементы которых из входных областей были спроецированы в бленд, и новые концептуальные элементы, возникшие на основе имеющегося расширенного знания как результат развития бленда.

2. Эксперимент [Experiment]

2.1. Материал и методика исследования [Material and methods]

Материалом для исследования послужили оценочные высказывания, содержащие образные сравнения, определяемые как оценочные на основе интерпретативного

анализа и отобранные вручную методом сплошной выборки в текстах немецкоязычной художественной литературы. Критерием отбора явилось оценочное отношение говорящего (в широком смысле) к объекту речи. Источником фактического материала исследования стали следующие художественные произведения немецких авторов второй половины XX – начала XXI веков: романы Г. Бёля «Глазами клоуна» и П. Мерсье «Настройщик», повести А. Мюллера-Шталя «Ханна» и У. Тимма «Открытие колбасы “карри”» и книга Г. Грасса «Моё столетие». Целесообразность обращения к речевым реализациям оценки в художественном тексте как к единицам анализа обусловлена тем обстоятельством, что художественный текст, отражая как индивидуально-авторское, так и общенациональное миропонимание, представляет концепт ОЦЕНКА во всём многообразии и общенационального, и индивидуального способов осмысления мира. Выбор указанных выше произведений не является принципиальным, но определяется необходимостью обращения к современному литературному немецкому языку во всех его стилистических регистрах – от разговорного до возвышенного.

На основе модели фреймовой семантики, методе гиперонимической редукции и теории блендинга, описанных выше, нами была разработана следующая процедура выявления и описания процесса метафорического смыслообразования:

э т а п 1: определение взаимодействующих в метафоре / метафорическом сравнении концептов;

э т а п 2: установление с помощью метода гиперонимической редукции общего для обоих концептов фрейма суперординатного уровня, или матричного фрейма, с целью выявления общих для обоих концептов вакантных позиций высокой частотности, составляющих основу метафоризации / сравнения;

э т а п 3: определение типичных (стандартных – *default values*) и вариативных элементов, занимающих выявленные позиции и образующих общее пространство (*generic space*) в процессе метафоризации;

э т а п 4: определение на основе контекстного употребления метафорической единицы имеющихся трансформаций и новообразований семантической структуры бленда.

2.2. Обсуждение результатов [Results and discussion]

В ходе анализа экспериментального материала, среди оценочных смыслов, рождаемых на основе образных сравнений, были выделены два типа: 1) так называемая «унаследованная» оценочность и 2) оценочность как совершенно новая семантика.

Первая рождается на основе устойчивых сравнений, а также таких, в которых образный компонент (концепт-источник) уже содержит оценочный элемент:

(1) „*Gegen zwanzig Uhr kam sie endlich. Ich umarmte sie, war so übermäßig glücklich, dass ihr nichts zugestoßen war. Ich nahm ihre verweinten Augen zur Kenntnis, stellte aber keine Fragen. Ich streichelte ihre Wangen, küsste die Tränen aus ihren Augenwinkeln, betrachtete sie* ***wie ein Geschenk des Himmels***“ (Hannah, S. 46) – 'Около двадцати часов она, наконец, вернулась. Я обнял её, был бесконечно счастлив, что с ней ничего не случилось. Я заметил её заплаканные глаза, но не стал задавать вопросов. Я гладил её щёки, целовал её слезы в уголках глаз, смотрел на неё, как на подарок небес' (Здесь и далее перевод мой – И. С.).

(2) „*Und denn kam die Grippe noch über uns und hat, wie inne Zeitung stand, reichlich Ernte jehalten. Und denn, nachdem strengen Winter, keene Kartoffeln nich, immer nur Steckrüben. >****Schmeckt wie Drahtverhau****< hat meen Mann jesagt, als er auf Urlaub kam*“ (Mein Jahrhundert, S. 71) – 'А потом на нас свалился грипп и, как писали в газетах, имел богатый урожай. А потом, после злой зимы – никакой картошки, только брюква. >На вкус, как проволока< сказал мой муж, когда приехал в отпуск'.

(3) „*Elegant sahen die beiden in ihren Khaki-Uniformen mit den übergroßen Seitentaschen. Hatten viel weniger Leder am Körper als die deutschen Soldaten, die immer* ***wie schwitzende Pferde rochen****, sagte die geruchsempfindliche Frau Brücker*“ (Die Entdeckung der Currywurst, S. 116.) – 'Очень элегантно выглядели оба в своей форме цвета хаки с огромными боковыми карманами. В их одежде было гораздо меньше кожаных деталей по сравнению с немецкими солдатами, которые воняли как потные лошади, сказала чувствительная на запахи госпожа Брюккер'.

В (1) оценочный смысл рождается в результате взаимодействия концептов FRAU 'женщина' и GESCHENK DES HIMMELS ('подарок небес'). Гиперонимическая редукция данных концептов (***Frau*** *– Person – Mensch – Lebewesen – Wesen –* ***etwas****, was in bestimmter Gestalt ,<…> existiert, in Erscheinung tritt* [www.duden.de/Frau]; ***Geschenk*** *–* ***etwas****, was man jemandem schenkt* [www.duden.de/Geschenk]) позволяет выявить в качестве матричного для них концепт OBJEKT ('объект'), который определяет *общую* для обоих концептов вакантную позицию. Объекты характеризуются через их свойства, таким образом, вакантной позицией высокой частотности в обоих фреймах является позиция (слот) СВОЙСТВА/ХАРАКТЕРИСТИКИ. Во фрейме FRAU ('женщина') (концепт-цель) данная позиция остается не занятой стандартными величинами, а заполняется каждый раз конкретными в зависимости от ситуации. В отличие от него фрейм GESCHENK DES HIMMELS ('подарок небес') (концепт-источник) характеризуется наличием определённых типичных элементов, заполняющих указанную вакантную позицию: GESCHENK DES HIMMELS – *‘неожиданный’, ‘знак благосклонности высших сил / судьбы’* („eine unerwartet günstige Fügung“ [www.duden.de/Geschenk] ('неожиданно благосклонное провидение')). Названные семантические элементы заполняют вакантную позицию фрейма-цели (FRAU), помогая читателю понять огромную значимость женщины для говорящего. Положительная оценка является, как показывает анализ, унаследованной от семантики фрейма-источника, эмергентность (новое в семантике) характеризует в данном случае концептуальные отношения, возникающие между элементами взаимодействующих фреймов.

В текстовом фрагменте (2) во взаимодействие вступают концепты STECKRÜBE ('брюква') и DRAHTVERHAU ('проволочное заграждение') (матричный фрейм OBJEKT), в (3) – концепты DEUTSCHE SOLDATEN ('немецкие солдаты') и PFERDE ('лошади') (матричный фрейм LEBEWESEN ('живое существо'). Глаголы *schmecken* ('иметь вкус') и *riechen* ('иметь запах') определяют направление сравнения, вследствие чего достаточно просто определяется общая вакантная позиция взаимодействующих фреймов: в (2) – вкусовые качества, в (3) – издаваемый запах. Используемые в сравнениях образы основаны на восприятии органами чувств, поэтому не связаны с трудностями понимания. Устойчивые ассоциации обеспечивают появление соответствующей оценочной семантики: DRAHTVERHAU ('проволочное заграждение') активизирует семантический элемент ‘*безвкусный*’, ‘*грубый на вкус*’, SCHWITZENDE PFERDE ('потные лошади') – ‘*источающий неприятный, резкий запах*’. И в том, и в другом случае оценочный элемент содержится в семантике концептов-источников и переносится вместе с соответствующими значениями в структуру нового фрейма.

Достаточно распространенным в художественном тексте является использование авторских сравнений, оценочность которых вырастает из взаимодействия семантики исходных концептов, то есть представляет собой эмергентный тип оценочности. Следующие примеры демонстрируют это.

(4) „*Dann säßest du jetzt in Berlin in deinem verrückten Tonstudio und beschäftigst dich mit etwas, das Papa in den letzten Tagen seines Lebens abzustreifen versuchte, weil es für ihn keinerlei Bedeutung mehr hatte. Seine Musik sie war* ***wie eine leere Hülse***“ (Der Klavierstimmer, S. 423) – 'И вот ты сидишь в Берлине в своей чёртовой студии звукоза-

писи и занимаешься тем, от чего папа пытался избавиться в последние дни жизни, потому что это уже не имело для него никакого значения. Его музыка была, словно пустая гильза'.

(5) „*Ich stand auf, schob Hannahs Mendelsonkonzert in den Recorder. Sie spielte unvergleichlich, nie habe ich es schöner, leichter, anmutiger gehört, als von ihr. Der letzte Satz* ***wie ein Tanz über den Wolken***“ (Hannah, S. 17) – 'Я поднялся и вставил концерт Мендельсона в исполнении Ханны в магнитофон. Она играла неподражаемо, я ни у кого не слышал исполнения более прекрасного, легкого, изящного, чем у нее. Последняя фраза – как танец над облаками'.

В обоих случаях целью метафоризации является музыка, представленная, однако, различными концептами: в первом случае речь идет о музыкальных произведениях, создаваемых отцом главных героев (концепт MUSIKSTÜCK ('музыкальное произведение')), во втором – о музыкальной игре, о звучащей музыке (концепт MUSIKKLANG ('музыкальное звучание')). Преобладание предметности в первом и процессуальности во втором (что доказывается и процедурой гиперонимической редукции) обуславливает соответствующий выбор концепта-источника. Концепты MUSIKSTÜCK ('музыкальное произведение') и HÜLSE ('гильза') редуцируются до концепта OBJEKT (*Musikstück – Werk – Produkt –* ***etwas****, was das Ergebnis menschlicher Arbeit ist* [www.duden.de/Musikstück]; *Hülse – Hülle –* ***etwas****, worin etwas verpackt, verhüllt wird* [www.duden.de/Hülse]. Концепты MUSIKKLANG ('музыкальное звучание') и TANZ ('танец') редуцируются до общего концепта BEWEGUNG ('движение'): *Musikklang – Musiktöne – Schwindung der Luft – (Hin- und Her)* ***bewegung*** [www.duden.de/Musikklang]; Tanz – (Abfolge von) (Körper) ***bewegung***(en) [www.duden.de/Tanz].

Взаимодействующие концепты и в том, и в другом случае достаточно далеки друг от друга в существующей онтологии объектов, которые они представляют, что обеспечивает яркость образа с одной стороны, и определенную сложность интерпретации, с другой, которая, однако, полностью снимается контекстом. Общей вакантной позицией высокой частности для фреймов MUSIKSTÜCK ('музыкальное произведение') и HÜLSE ('гильза'), как для объектов вообще, а также для фреймов MUSIKKLANG ('музыкальное звучание') и TANZ ('танец'), как представляющими некий процесс, действо, является слот СВОЙСТВА/ХАРАКТЕРИСТИКИ. Во фрейме-цели (MUSIKSTÜCK и MUSIKKLANG) эта позиция является свободной, незанятой типичными величинами. В HÜLSE к типичным величинам относится семантический элемент ‘*полый*’, ‘*заполняемый неким содержанием*’. Используемое в тексте прилагательное *leer* активизирует дополнительное знание о пустой гильзе – ‘*ненужный*’, ‘*непредназначенный для дальнейшего использования*’. Занимая свободное место указанной позиции в новом фрейме, данный семантический элемент подвергается трансформации, предицируя концепту-цели MUSIKSTÜCK такое качество, как ‘*ненужный*’, ‘*неважный*’, ‘*не имеющий значения*’. Этот оценочный смысл находится в полном соответствии с общим контекстом высказывания и лишь усиливает сказанное образным характером своего представления.

Во фрейме-источнике TANZ (5) анализируемая вакантная позиция СВОЙСТВА/ХАРАКТЕРИСТИКИ не представлена типичными значениями, но заполняется конкретными под воздействием знаний, актуализируемых выражением *über den Wolken <tanzen>* ('танцевать над облаками'): ‘*необычайно легкий*’. Попадая в новое окружение, этот, в основе своей амбивалентный, признак получает в отношении музыкального исполнения положительную оценку, позволяя автору высказать своё отношение. И если в первой части высказывания эта оценка выражена скорее рационально, то во второй именно образное сравнение позволяет говорящему высказать и свою эмоцию – эмоцию восхищения.

Гораздо большей сложностью характеризуется процесс оценочного смыслообразования на основе сравнений, построенных на использовании в качестве концепта-источника образа некоторой ситуации:

(6) „*Ich langweile mich über mich selbst. Wenn ich vorstelle, dass es Clown gibt, die dreißig Jahre lang dieselben Nummern vorführen, wird mir so bang ums Herz,* ***als wenn ich dazu verdammt wäre, einen ganzen Sack Mehl mit einem Löffel leer zu essen***“ (Ansichten eines Clowns, S. 109) – 'Мне скучно от самого себя. Когда я представляю, что есть клоуны, которые тридцать лет подряд показывают одни и те же номера, мне становится так страшно, словно я обречён съесть ложкой целый мешок муки'.

Использование предложенной нами процедуры анализа и в данном случае оправдано тем, что ситуации могут также описываться в терминах теории фрейма. В вышеприведённом текстовом фрагменте характеристике подвергается чувство, которое названо (*bang ums Herz* ('страшно, тревожно на сердце')) – чувство боязни, жуткого беспокойства, испытываемое артистом-клоуном при мысли о необходимости на протяжении всей жизни показывать одни и те же номера. Чувства и эмоции относятся к тем областям эмпирического познания, которые не имеют чётко узнаваемой проконцептуальной структуры, и, как следствие, структурируются часто путём проекции *образно-схематичных* или *пропозициональных концептуальных метафор* на эти области [Baldauf, 2002, S. 75]. В данном случае метафоры, как указывают Дж. Лакофф и М. Джонсон, представляют собой способы интерпретации, объяснения нашим мышлением умопостигаемых предметов гипотетического, невидимого пространства (событий, действий, эмоций, идей) как реальных, эмпирически постигаемых человеком предметов и веществ [Lakoff et al., 2006, S. 33–34]. В данных рассуждениях американских когнитологов речь идёт о языковых метафорах, описывающих эмоции человека. Однако важным здесь является, на наш взгляд, общий принцип, согласно которому эмоции человека получают концептуальную основу и своё место в общей концептосфере. Этим принципом часто является проекция концептов физиологических реакций на эмоциональную сферу.

Обозначение испытываемого говорящим эмоционального состояния с помощью лексемы *bang* 'боязливо, беспокойно, жутковато' является недостаточным, так как оно гораздо более сложное, нежели это может передать указанная лексема в своем значении. Внутреннее состояние человека описывается в данном случае через сравнение с некоторой ситуацией (поедание ложкой мешка муки), образ которой актуализирует в сознании определённую физиологическую реакцию организма. Интерпретация оценочного смыслообразования посредством описанной выше процедуры анализа обуславливает выделение в качестве взаимодействующих фреймов фрейм EMOZIONELLER ZUSTAND ('эмоциональное состояние') и фрейм описываемой ситуации EINEN GANZEN SACK MEHL MIT DEM LÖFFEL LEER ESSEN ('съесть целый мешок муки ложкой'). Поскольку данная ситуация призвана актуализировать наглядное представление некоторой физиологической реакции человека, то можно считать, что матричным фреймом для обоих концептов является фрейм ZUSTAND ('состояние'), вакантной позицией высокой частотности которого является позиция ФОРМА ПРОЯВЛЕНИЯ/РЕАКЦИЯ. Незанятость этой позиции во фрейме-цели приводит к заполнению её типичными элементами фрейма-источника при их взаимодействии в общем пространстве, рождаемом сравнением. Эти элементы являются результатом актуализации в нашем сознании представлений о реакции человека на поедание ложкой мешка муки: ‘*отвращение*’, ‘*мучительное физиологическое состояние*’, ‘*рвотный рефлекс*’, и т. п. В результате данного сравнения идеальный, малодоступный непосредственному эмпирическому познанию феномен – эмоция-отношение (в данном случае жутковатое беспокойство, страх) получает своё представление через образ конкретного фрагмента действительности, основанный на чувственном познании, и получает при этом оценку говорящего. Оценка является в данном случае результатом концептуальной интеграции имеющейся в сознании человека информации о двух объектах действительности и носит эмергентный характер.

3. Заключение [Conclusion]

Анализ 57 оценочных высказываний, содержащих образные сравнения, отобранных в текстах современной немецкоязычной художественной прозы, был проведён на основе процедуры, разработанной в результате сопряжения теорий блендинга, эмергентности, фрейма и метода гиперонимической редукции К.-П. Конердинга. Использование данной процедуры позволило научно обоснованно описать механизм оценочного смыслообразования, запускаемый использованием метафорических сравнений и заключающийся во взаимодействии семантических пространств двух концептов (концепта-цели и концепта-источника). Было выявлено, что суть данного взаимодействия определяется (в терминах фреймовой семантики) заполнением вакантной позиции концепта-цели семантическими элементами аналогичной позиции концепта-источника. Определение последних позволило установить наличие оценочности двух типов.

Оценочность, рождаемая на основе образного представления, продуцирующего описываемому объекту некоторые ценностные признаки, может характеризоваться как конвенциональностью (в большей или в меньшей степени), так и инновативностью. Эта особенность зависит от объёма, или значимости, стереотипного знания в семантике концепта-источника. Чем меньше семантика концепта-источника связана с конкретным знаком оценки, чем менее прочными являются ассоциативные связи, тем выше степень новизны (неожиданности, креативности) рождаемого оценочного смысла. Оценочная семантика образного типа рождается на основе соотнесения объекта оценки с целостным представлением о некотором классе объектов, который характеризуется, как правило, развитой сетью оценочных ассоциаций, вызываемых у носителей языка соответствующим именем (языковым знаком). Являясь результатом концептуальной интеграции, образная семантика может, таким образом, наследовать оценочные элементы взаимодействующих концептов или генерировать их как эмергентные по своей природе.

Метод гиперонимической редукции позволяет снять обвинения в субъективности интерпретации смыслов, рождаемых на основе образных языковых средств, поскольку он ограничивает процедуру описания конвенционально закреплёнными значениями и применяется в неизменном виде для любой семантики образного типа. Обращение к модели блендинга и понятию эмергентности даёт возможность смоделировать механизм образования оценочного смысла и выявить его природу.

Используемая в исследовании процедура анализа позволяет не только выявить скрытые связи между различными феноменами мира, свойственные представителям того или иного лингвокультурного сообщества, но и дешифровать знание говорящего об окружающей действительности и его (говорящего) внутренний мир, а также описать лингвокогнитивный механизм деятельности человеческого сознания в процессах оценочной номинации.

Источники материала [Sources for the material]

Böll, 1997 – Böll H. Ansichten eines Clowns. Roman. 21. Auflage. Köln: Verlag Kiepenheuer& Witsch, 1997. 240 S.

Grass, 2002 – Grass G. Mein Jahrhundert. 3. ungekürzte Ausgabe. München: Deutscher Taschenbuchverlag, 2002. 383 S.

Mercier, 2000 – Mercier P. Der Klavierstimmer. 14. Auflage. – München: verlag in der Verlagsgruppe Random House GmbH, 2000. 509 S.

Mueller-Stahl, 2006 – Mueller-Stahl A. Hannah. 2. Auflage. Berlin: Taschentuchverlag GmbH, 2006. 134 S.

Timm, 2011 – Timm U. Die Entdeckung der Currywurst. 16. Auflage. München: Deutscher Taschenbuchverlag, 2011. 187 S.

Библиографический список

Алексеев, 2020 – Алексеев А. В. Соотношение символа, метафоры и метонимии в истории слова // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2020. Вып. 6, № 2. С. 18–25. https://doi.org/10.22250/2410-7190_2020_6_2_18_25

Арутюнова, 1999 – Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М. : Языки русской культуры, 1999. 896 с.

Баранова, 2020 – Баранова Т. М. Типология индивидуальных образных сравнений с позиции их восприятия реципиентом в аспекте перевода // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13, Вып. 5. С. 274–280. https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.5.54

Блэк, 1990 – Блэк М. Метафора «Models and metaphors» // Теория метафоры / пер. под ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журинской. М. : Прогресс. 1990. С. 153–172.

Дэвидсон, 1990 – Дэвидсон Д. Что означают метафоры // Теория метафоры / пер. под ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журинской. М. : Прогресс. 1990. С. 172–193.

Ищенко, Трубицина, 2019 – Ищенко И. Г., Трубицина О. Ф. Гастрономическая метафора в рекламном тексте сферы туризма // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2019. Вып. 5, № 4. С. 75–83. https://doi.org/10.22250/2410-7190_2019_5_4_75_83.

Калинин, 2021 – Калинин О. И. Речевое воздействие и содержание метафоры: к вопросу об индексе функциональной типологии // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2021. Вып. 7, № 3. С. 90–102. https://doi.org/10.22250/24107190_2021_7_3_90_102.

Лебедева, 2011 – Лебедева С. В., Зубкова О. С. Метафора как лингвосемиотическая модель: Семиогенез и интеракциональные возможности // Вопросы когнитивной лингвистики. 2011. № 3. С. 112–120.

Ризаханова, 2021 – Ризаханова З. З. Структурносемантические и стилистические особенности устойчивых сравнений в языках различных типологий (на примере сопоставления русского, английского и лезгинского языков) // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2021. Вып. 7, № 2. С. 92–103. https://doi.org/10.22250/2410-7190_2021_7_2_92_103.

Солодилова, 2014 a – Солодилова И. А. Глагольная оценочность: когнитивные основы оценочного смыслообразования // Филологические науки. Вопросы теории и практики, 2014. № 3 (33). С. 173–176.

Солодилова, 2014 b – Солодилова И. А. Оценочность метафорической семантики и способы ее описания: пути решения проблемы // Вопросы когнитивной лингвистики. 2014. № 3 (040). С. 37–46.

Солодилова, 2014 c – Солодилова И. А. Метонимия: попытки описания и моделирования // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: лингвистика и межкультурная коммуникация, 2014. № 4. С. 31–35.

Солодилова, 2014 d – Солодилова И. А. Оценочный смысл в коммуникативных ситуациях упрека // Европейский журнал социальных наук. 2014. № 5 (44), т. 1. С. 279–286.

Солодилова, 2015 – Солодилова И. А. Оценка: концептуальные и языковые особенности реализации. Оренбург : ОГУ, 2015. 482 с.

Солодилова, 2019 – Солодилова И. А. Концепт "Оценка": опыт типологизации и моделирования // Проблемы и тенденции научных исследований в системе образования : сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. (9 дек. 2019 г., Тюмень) : в 4 ч. Ч. 4. Уфа : Омега Сайнс, 2019. С. 90–95.

Филлмор, 1983 – Филлмор Ч. Основные проблемы лексической семантики // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 12. М. : Прогресс, 1983. С. 74–122.

Филлмор, 1988 – Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. М. : Прогресс, 1988. С. 52–92.

Цолоева, 2021 – Цолоева С. Б. Метафорические модели, вербализуемые в англоязычном профессиональном рекламном дискурсе: артефактная метафорическая модель // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2021. Вып. 7, № 1. С. 183–191. https://doi.org/10.22250/2410-7190_2021_7_1_183_191.

Baldauf, 2002 – Baldauf Ch. Metapher und Kognition. Grundlagen einer Theorie der Alltagsmetapher. Frankfurt a. M. : Lang, 2002. 357 S.

Drößiger, 2007 – Drößiger H-H. Metaphorik und Metonymie im Deutschen. Hamburg : Verlag Dr. Kovač, 2007. 370 S.

Evans et al, 2006 – Evans V., Green M. Cognitive Linguistic: An introduction. Edingburg : Edingburg University Press, 2006. 864 p.

Fauconnie, Tuerner, 2002 – Fauconnier G., Tuerner M. The Way We Think. Conceptual Blending and the Mind´s Hidden Complexities. New York : Basic Books, 2002. 440 p.

Hintikka J., Hintikka M. B., 1985 – Hintikka J., Hintikka M. B. Scherlock Holmes in Konfrontation mit der modernen Logik. Zu einer Theorie des Informationserwerbs durch Befragung // Eco U., Sebeok Th. (Hrsg): Der Zirkel oder im Zeichen der Drei. Dupin, Holmes, Peirce, München : Fink, 1985. S. 231–251.

Konerding, 1993 – Konerding K-P. Frames und lexikalisches Bedeutungswissen. Untersuchungen zur linguistischen Grundlegung einer Frametheorie und zu ihrer Anwendung in der Lexikographie. Tübingen : Niemeyer, 1993. 301 S.

Lakoff et al, 2006 – Lakoff G., Jonson M. Leben in Metaphern. Konstruktion und Gebrauch von Sprachbildern. Heidelberg : Carl Auer Verlag, 2006. 272 S.

Langacker, 1993 – Langacker R. W Reference-point constructions // Cognitive Linguistics. 1993. Vol. 4, N 1. P. 1–38. https://doi.org/10.1515/cogl.1993.4.1.1

Ready J. L. The Homeric simily in comparative perspectives. Oral traditions from Saudy Arabia to Indonesia. Oxford : Oxford University Press, 2018. [xv] + 315 p.

References

Alekseev, A. V. (2020). Sootnoshenie simvola, metafory i metonimii v istorii slova [Symbol, metaphor and metonymy in the history of the word]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 6 (2), 18–25. (In Russ.). https://doi.org/10.22250/2410-7190_2020_6_2_18_25.

Arutyunova, N. D. (1999). *Yazyk i mir cheloveka.* [Language and the world of man]. Moscow : Yazyki russkoy kul'tury Press. (In Russ.).

Baranova, T. M. (2020). Tipologiya individual'nykh obraznykh sravneniy s pozitsii ikh vospriyatiya retsipientom v aspekte perevoda [Typology of original similes from the viewpoint of the recipient's perception in the translation aspect]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], 13 (5), 274–280. (In Russ.). https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.5.54

Black, M. (1990). Metafora «Models and metaphors» [Metaphor «Models and metaphors»]. In N. D. Arutyunova, M. A. Zhurinskaya (Eds), *Teoriya metafory* [Theory of Methaphors] (pp. 153–172); Moscow : Progress Press. (In Russ.).

Davidson, D. (1990). Tshchto oznachayut metafory [What Metaphors Mean]. In N. D. Arutyunova, M.A. Zhurinskaya (Ed.), *Teoriya metafory* [Theory of Methaphors] (pp. 172–193). Moscow : Progress Press. (In Russ.).

Ishchenko, I. G., Trubitsina,O. F. (2019). Gastronomicheskaya metafora v reklamnom tekste sfery turizma [Gastronomic metaphor in advertising texts in the sphere or tourism]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 5 (4), 75–83. (In Russ.). https://doi.org/10.22250/2410-7190_2019_5_4_75_83.

Kalinin, O. I. (2021). Rechevoe vozdeystvie i soderzhanie metafory: k voprosu ob indekse funktsional'noy tipologii [Metaphor power and source domain content: Metaphor functional typology index]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 7 (3), 90–102. (In Russ.). https://doi.org/10.22250/24107190_2021_7_3_90_102

Lebedeva, S. V., Zubkova, O. S. (2011). Metafora kak lingvosemioticheskaja model: Semiogenez i interakzionalnyje vozmozhnosti [Methaphor as a lingvosemiotical model: Semiogenesis and interactional opportunities]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki* [Issues of Cognitive Linguistics], 3, 112–120. (In Russ.).

Rizakhanova, Z. Z. (2021). Strukturnosemanticheskie i stilisticheskie osobennosti ustoychivykh sravneniy v yazykakh razlichnykh tipologiy (na primere sopostavleniya russkogo, angliyskogo i lezginskogo yazykov) [Structural semantic and stylistic features of stable comparisons in the languages of different typologies (Based on Russian, English and Lezghi)] *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 7 (2), 92–103. (In Russ.). https://doi.org/10.22250/2410 7190_2021_7_2_92_103

Solodilova, I. A. (2014 a). Glagolnaya otsenochnost: kognitivnye osnovy otsenochnogo smysloobrazovaniya [Verbal evaluation: Cognitive foundations of evaluative meaning formation]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], 3 (33), 173–176. (In Russ.).

Solodilova, I. A. (2014 b). Otsenochnost metaforicheskoy semantiki i sposoby ee opisaniya: puti resheniya problem [Several metaphorical semantics and how to describe it: The way forward]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki* [Issues of Cognitive Linguistics], 3 (040), 37–46. (In Russ.).

Solodilova, I. A. (2014 c). Metonimiya: popytki opisaniya i modelirovaniya [Metonymy: Attempts at description and modeling]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsiya* [Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and intercultural communication], 4, 31–35. (In Russ.).

Solodilova, I. A. (2014 d). Otsenochnyy smysl v kommunikativnykh situatsiyakh upreka [Evaluative meaning in communicative situation of “reproach”]. *Evropeyskiy zhurnal sotsialnykh nauk* [European Social Science Journal], 5-1 (44), 279–286. (In Russ.).

Solodilova, I. A. (2015). *Otsenka: kontseptualnye i yazykovye osobennosti realizatsii* [Evaluation: Cognitive and linguistic features of realization]. Orenburg : Orenburg State University Press. (In Russ.).

Solodilova, I. A. (2019). Kontsept "Otsenka": opyt tipologizatsii i modelirovaniya [Evaluation concept: Typology and modeling experiences]. *Problemy i tendentsii nauchnykh issledovaniy v sisteme obrazovaniya* [Research problems and trends in the education system] (December 9, 2019, Tyumen) : In 4 volumes (Vol. 4, pp. 90–95). Ufa : Omega Science Press. (In Russ.).

Fillmore, Ch. (1983). Osnovnye problemy leksicheskoy semantiki [Topics in lexical semantics]. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike* [New in foreign linguistics] (Vol. 12, pp. 74–122). Moscow : Progress Press. (In Russ.).

Fillmore, Ch (1988). Freymy i semantika ponimaniya [Frames and the semantics of understanding]. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike* [New in foreign linguistics] (Vol. 23, pp. 52–92). Moscow : Progress Press. (In Russ.).

Tsoloeva, S. B. (2021). Metaforicheskie modeli, verbalizuemye v angloyazychnom professional'nom reklamnom diskurse: artefaktnaya metaforicheskaya model' [Metaphorical models verbalized in English-language professional advertising discourse: artifact metaphorical model]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 7 (1), 183–191. (In Russ.). https://doi.org/10.22250/2410-7190_2021_7_1_183_191.

Baldauf, Ch. (2002). *Metapher und Kognition. Grundlagen einer Theorie der Alltagsmetapher.* Frankfurt a. M. : Lang.

Drößiger, H.-H. (2007). *Metaphorik und Metonymie im Deutschen.* Hamburg : Verlag Dr. Kovač.

Evans, V., Green, M. (2006). Cognitive Linguistic: An introduction. Edingburg : Edingburg University Press.

Fauconnie, G., Tuerner, M. (2002). *The Way We Think. Conceptual Blending and the Mind´s Hidden Complexities.* New York : Basic Books Press.

Hintikka, J., Hintikka, M. B. (1985). Scherlock Holmes in Konfrontation mit der modernen Logik. Zu einer Theorie des Informationserwerbs durch Befragung. In U. Eco, Th. Sebeok (Hrsg), *Der Zirkel oder im Zeichen der Drei* (SS. 231–251). Dupin, Holmes, Peirce, München : Fink.

Konerding, K-P. (1993). *Frames und lexikalisches Bedeutungswissen. Untersuchungen zur linguistischen Grundlegung einer Frametheorie und zu ihrer Anwendung in der Lexikographie.* Tübingen : Niemeyer.

Lakoff, G., Jonson, M. (2006). *Leben in Metaphern. Konstruktion und Gebrauch von Sprachbildern.* Heidelberg : Carl Auer Verlag,

Langacker, R. W. (1993). Reference-point constructions. *Cognitive Linguistics*, 4 (1), 1–38. https://doi.org/10.1515/cogl.1993.4.1.1

Ready, J. L. (2018). *The Homeric simily in comparative perspectives. Oral traditions from Saudy Arabia to Indonesia.* Oxford : Oxford University Press.

Статья поступила в редакцию 20.05.2021; одобрена после рецензирования 24.01.2022; принята к публикации 05.02.2022.
The article was submitted 20.05.2021; approved after reviewing 24.01.2022; accepted for publication 05.02.2022.

УДК 81'33 doi: 10.22250/24107190_2022_8_1_178

Чернявская Янина Леонидовна
Тюменский государственный медицинский университет
г. Тюмень, Российская Федерация
ChernyavskayaYL@tyumsmu.ru

Аутентичный звучащий текст в курсе РКИ: мультфильм «Чертёнок №13»

Аннотация
В статье представлен вариант работы с аутентичным звучащим текстом на занятиях по русскому языку как иностранному (РКИ) на первом сертификационном уровне (В1). В качестве материала для аудирования был выбран мультфильм «Чертёнок № 13», характеризующийся небыстрым темпом воспроизведения, чёткой дикцией героев, лексикой и грамматикой, соответствующей выбранному уровню. Особенно полезен данный мультфильм для изучении рефлексивного местоимения *себя*, поскольку оно неоднократно повторяется в разных падежных формах. Кроме того, наличие 110 знаменательных слов, реализующихся в разных грамматических формах, делает его подходящим для повторения базового лексического минимума. Неадаптированное произведение, подобранное с учётом уровня владения языком, позволяет не только активизировать изучаемую на занятиях лексику и грамматику, но также может являться мотивирующим фактором для изучающих русский язык как иностранный благодаря транслируемым положительным эмоциям, юмору и визуальному ряду, заинтересовывающему нестандартными героями и необычной обстановкой. Представленные задания направлены на неоднократное проговаривание изучаемого лексико-грамматического материала, а также самостоятельное построение высказываний в процессе коммуникации.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, аудирование, юмор, методика, аутентичные тексты, местоимение *себя*

© Чернявская Я. Л. 2022

Для цитирования: Чернявская Я. Л. Аутентичный звучащий текст в курсе РКИ: мультфильм «Чертёнок №13» // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2022. Вып. 8, № 1. С. 178–185. https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_1_178

Yanina L. Chernyavskaya
Tyumen State Medical University
Tyumen, Russian Federation
ChernyavskayaYL@tyumsmu.ru

Authentic sounding text in the course of Russian as a foreign language: Cartoon “Little devil number 13”

Abstract
The article presents a content of a lesson built on authentic-sounding text in teaching Russian as a foreign language (RFL) at B1 level. The cartoon “Little devil number 13” was chosen as a suitable material for listening as far as it is characterized by clear articulation and vocabulary and grammar adopted at the chosen level. The cartoon is particularly useful for studying the reflexive pronoun *себя* 'self' that is repeated in different case forms. In addition to that, it contains 110 notional words manifested in various grammatical forms which make it useful for basic vocabulary revision. An unadapted artwork selected in accordance with the level of language proficiency enables not only to activate the vocabulary and grammar studied in the classroom, but also can be a motivating factor for students of Russian as L2 due to the transmitted positive emotions, humor and visual series

representing non-standard characters and unusual surroundings that interest learners. The presented tasks are aimed at repeated reproducing of the studied lexical units and grammatical patterns, as well as at constructing utterances while imitating communication process.

Keywords: Russian as a foreign language, listening skills, humor, methodology, authentic texts, the pronoun *self*

© Chernyavskaya Ya. L. 2022

For citation: Chernyavskaya, Ya. L. (2022). Autentichnyj zvuchashhij tekst v kurse RKI: mul'tfil'm «Chertjonok №13» [Authentic sounding text in the course of Russian as a foreign language: Cartoon "Little devil number 13"]. Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics], 8 (1), 178–185. https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_1_178

1. Введение [Introduction]

Работа с текстом занимает важное место в процессе преподавания иностранного языка. Изучение лексики и грамматики необходимо обучающемуся не само по себе, а в плане практического применения этого материала. Получению навыка работы с письменным текстом уделяется большое внимание во многих учебных пособиях по русскому языку как иностранному (РКИ). Дидактических материалов по работе с текстом звучащим значительно меньше. Большинство из них задействуют учебные, искусственно созданные тексты, которые, без сомнения, легче встроить в курс, т. к. автор сам задаёт необходимые параметры, учитывая пройденный лексико-грамматический материал и уровень владения иностранным языком. Однако, по мнению И. А. Гончар, «обучение аудированию иноязычных текстов возможно … с использованием исключительно аутентичных материалов» [Гончар, 2011, с. 26]. Аутентичные фильмы не только представляют живой язык с его различными отклонениями от «нормы» (той системы, которая даётся на базовом уровне РКИ), но и являются мощным стимулирующим фактором [Чернявская, 2011, с. 121], т. к. содержат функцию развлечения зрителя.

Игровые фильмы и мультфильмы позволяют получить положительные эмоции, используемый в них юмор помогает создать лучшую рабочую атмосферу на занятиях. По мнению И. Ксайбок-Тверефу, студенты, которые боятся говорить и участвовать в обсуждениях группы, в «облегчённой» атмосфере забудут о своей проблеме, и сделают первый шаг в коммуникации [Csajbok-Twerefou, 2011, p. 329]. А поскольку мультфильмы рассматриваются как нейтральный ресурс, студенты могут отвечать, шутить о возможных интерпретациях и реагировать на преувеличения, не обижаясь [Bahrani, Soltani, 2011, p. 20].

Возможности развить и реализовать коммуникативные умения при работе с аутентичным текстом на иностранном языке уделяют большое внимание исследователи, изучающие преподавание английского языка иностранной аудитории. Иноязычные мультфильмы рекомендуется использовать для инициирования классных дискуссий, дебатов, ролевых игр, диалогов и написания эссе, чтобы способствовать более глубокому уровню вовлечённости в проблемы с помощью «критического мышления» [Gamage, 2019, p. 115]. Причём даже пассивный просмотр иноязычного контента позволяет совершенствовать речевую деятельность, а также улучшить произношение [Alghonaim, 2019, p. 30] и получить способность бессознательно генерировать правильные языковые конструкции, соответствующие контексту [Abuzahra et al., 2016, p. 242]. Это возможно не только благодаря сильной текстовой составляющей, но и с помощью визуальных и звуковых стимулов [Yıldırım, Torun, 2014, p. 58], невербальных компонентов, представляющих контекст.

Значение неязыкового контекста достаточно велико. Как показывают результаты исследования, включение юмористических рисунков в обучающий текстовый контент

увеличивает скорость чтения, повышает понимание прочитанного и удовлетворенность чтением [Chua, 2012, p. 360]. Развлекательная и юмористическая составляющая является важным фактором мотивации при работе с печатным и звучащим текстом. В исследовании Барани и Сима студенты были разделены на 3 группы, каждая из которых работала с аудиовизуальным материалом (новости, фильмы и мультфильмы). Вторая и третья группы улучшили своё владение языком в течение периода исследования, участники же первой группы, которые были подвержены воздействию новостей, значительно не улучшили своё знание языка [Bahrani, Sim, 2012, p. 62].

Работа с аутентичным материалом при должной подготовке с учётом уникальности аутентичного текста [Гончар, 2011, с. 30] может проводиться на любых уровнях изучения РКИ, являясь логичным продолжением изучения лексики и грамматики. Аутентичные тексты отражают современное состояние языка, являются источником национально-культурной информации, способствует закреплению и активизации лексики, расширению словарного запаса, формированию языковой компетенции и в целом соответствует особенностям восприятия нового поколения студентов, для которых характерно повседневное применение цифровых технологий и активное использование визуальных материалов [Борзенкова, Котеняткина, 2020, с. 110]. Аутентичные аудиовизуальные произведения также представляют собой источник положительных эмоций и мотивации к дальнейшему изучению языка.

Иностранец, изучающий русский язык, становится тем самым зрителем, для которого и создавалось произведение, при условии, что он понимает текст. Для решения этой задачи (понимания аутентичного текста) преподаватель на разных этапах работы с фильмом предлагает задания, которые призваны как подготовить обучающегося к восприятию текста, так и помочь понять отдельные моменты.

Традиционно предлагается предъявлять текст 2 раза: первый раз – ознакомительный просмотр, второй – более детальная работа с текстом. Иногда возможно подробное рассмотрение эпизодов, деление их на более мелкие фрагменты (как, напр., Е. В. Кожевникова отмечает особенность китайской методики обучения аудированию: «после первого и четвёртого прослушиваний – задания в вопросно-ответной форме, после второго и третьего прослушиваний – задания с опорой на печатный текст (восстановление в тексте пропущенных слов или коротких фраз; тест множественного выбора) [Кожевникова, 2020, с. 97]). Однако, слишком большое количество повторов может погасить интерес обучающихся к произведению и нивелировать эмоциональную составляющую. Поэтому дотекстовый этап имеет особую значимость. Предтекстовые задания должны максимально полно подготовить обучающегося к восприятию аудиовизуального материала, чтобы понимание текста позволило получить и положительные эмоции от просмотра.

Несомненно, не менее важно уже на этапе подбора текста учитывать уровень владения иностранным языком, т. к. несоответствие звучащего текста освоенной программе препятствует полноценной работе с ним и не позволяет достичь необходимого уровня понимания его обучающимися. На начальном (А1), базовом (А2) и первом сертификационном (В1) уровнях трудности восприятия звучащего текста, такие как высокий темп воспроизведения, фоновые шумы, индивидуальные особенности произношения говорящего; незнакомая лексика (а также новые значения и грамматические формы знакомых слов) [Андреева, 2018, с. 94] имеют большое значение. Даже обладая необходимыми знаниями по лексике и грамматике, обучающийся не сможет распознать текст, предъявляемый в форме, не соответствующей его возможностям на данном этапе обучения. Поэтому для первых уровней важно отбирать аудиовизуальные произведения с небыстрым темпом воспроизведения и чёткой дикцией героев.

Этим критериям соответствует мультфильм 1982 года «Чертёнок № 13». Данное произведение также содержит лексику и грамматику, соответствующую уровню В1.

Ещё одна ценность этого мультфильма – неоднократное использование местоимение *себя*, поэтому наиболее удобно включить работу с мультфильмом именно в тему по изучению возвратных местоимений.

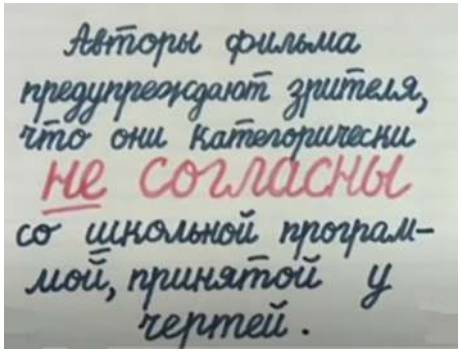
2. Работа с текстом [Working with text]

Мультфильм «Чертёнок № 13» представляет собой законченное произведение аудиовизуального формата длительностью около 9 минут. Небольшая продолжительность фильма позволяет включить его в традиционное занятие в рамках работы по аудированию, а также для закрепления пройденного лексико-грамматического материала.

Местоимение *себя* в мультфильме повторяется 11 раз (в родительном, дательном и винительном падежах), также можно не однократно в различных формах услышать местоимение *весь* (*вся, все, всех, ко всем, на всех* и т. п.). Всего в звучащем тексте употребляется около 110 знаменательных слов, входящих в лексический минимум базового уровня. Причём многие используются в разных грамматических формах (напр., глаголы разных наклонений, лиц и т. д.: *сидишь* – изъяв. накл., 2 л., *сидит* – изъяв. накл., 3 л., *сядь* – пов. накл.), некоторые объединяются в словообразовательные пары (напр., глагол – существительное: *любить – любовь, жить – жизнь, начхать – начхательство* и т. п.).

Глаголы движения представлены не только отдельными приставочными глаголами (*входит, перевели*), но и устойчивыми выражениями (напр., *с ума сошёл*); также присутствует эмоционально окрашенная лексика (напр., *шляться*), которая требует отдельного перевода и объяснения.

Если обучающиеся уже освоили пассивные причастия и краткие формы прилагательных, в качестве первого предтекстового задания даётся текст из начальных кадров (рис. 1). Предлагается его прочитать и понять, самостоятельно пройдя несколько этапов: расшифровку рукописного текста, перевод незнакомых лексических единиц (*зритель, чёрт, категорически, принять*) и всего текста. Правильность понимания можно проверить с помощью теста.

Р и с у н о к 1. **Начальный текстовый фрагмент**
[F i g u r e 1. **The initial fragment of the cartoon**]

Что это значит? Выберите вариант:
А. Авторы фильма не знакомы со школьной программой чертей.
Б. Зрители не согласны учиться у чертей.
В. Авторы не согласны со зрителями.
Г. Авторы фильма считают, что в школе чертей учат неправильно.

Предложенный текст позволяет получить первую информацию о содержании мультфильма и даже может вызвать удивление. Поэтому необходимо показать изображения героев мультфильма (рис. 2), отметив, что черти в нём выглядят, как обычные

люди. У них есть дети, взрослые и школы. Кроме того, на стоп-кадрах видны номера на одежде учеников. Можно заострить на них внимание, вспомнив порядковые прилагательные: *тринадцатый, пятьдесят седьмая*.

Р и с у н о к 2. **Герои мультфильма**
[F i g u r e 2. **Cartoon characters**]

Глядя на стоп-кадры, обучающиеся могут предположить суть школьной программы, с которой не согласны авторы фильма.

Как вы думаете, чему учат на уроке любви?
А. Любить людей.
Б. Любить других чертей.
В. Никого не любить.
Г. Любить только себя.
Д. Дружить, но не любить

Выбор варианта не оценивается преподавателем. Каждый обучающийся может остановиться на любом варианте, исходя из предложенной текстовой и визуальной информации, аргументировав свой ответ.

Поскольку лексико-грамматические характеристики звучащего текста в мультфильме соответствуют уровню А2, то работа с ним возможна и на более раннем этапе. В этом случае преподаватель может самостоятельно объяснить смысл рукописного текста, а также провести работу по подготовке к пониманию новой лексики. Или, например, можно привести систему оценок в российской школе, дав как официальные, так и разговорные варианты (*два, неудовлетворительно, двойка* и т. п.).

Обязательный компонент, который должен быть освоен перед просмотром – это местоимение *себя*.

При просмотре мультфильма обучающиеся ищут ответы на вопросы:

1. Кого должен любить чёрт?
2. Что думает пятьдесят седьмая, кого должен любить чёрт?
3. Кого любит новенькая?
4. Кого любит тринадцатый?
5. Что такое «начхательство»?

На начальных уровнях можно на выбор предложить варианты ответов. Для первых четырёх вопросов – *новенькую, других чертей, учителя, себя*. Для пятого вопроса – *уважение, ненависть, любовь, безразличие, внимание.*

Послетекстовые задания возможны как на понимание услышанного, так и на коммуникацию. В предложенных 10 примерах из мультфильма необходимо заполнить пустые строки. Обучающиеся могут попробовать это сделать без опоры на оригинальный текст и потом проверить себя при повторном прослушивании.

Вставьте слова:

1. Учитель говорит: «Тема сегодняшнего урока – _____».

2. – Кого должен любить чёрт?

– Ну, других чертей, наверное.

– Хе-хе, _____ . (какую оценку ставит учитель?)

3. Но мало только любить себя. Любовь у нас чертей – это любовь к себе, плюс полное стопроцентное _____ на других.

4. Дома _____ сидеть старый чёрт, а не шляться чёрт знает где.

5. В общем, люби себя, чихай на всех, и в жизни ждёт тебя _____.

6. – Ну-с, тринадцатый, кого должен любить чёрт?

– Люби себя.

– Чихай на всех.

– _____ _____.

7. Разговор о любви мы продолжим в _____ _____.

8. Это Восьмушка, мой _____.

9. – Ну, Тринадцатый, теперь ты понял, кого должен любить чёрт?

– Понял, кажется... Кажется, _____.

10. Да, Тринадцатый, плохо у тебя с любовью. _____ (оценка) тебе по любви.

Освоение грамматических форм местоимений себя и весь проверяется тестами закрытого типа:

На уроке любви черти учатся любить ... .

а) в себе, б) себя, в) к себе, г) от себя, д) себе.

Чёрт думает ... .

а) себе, б) себя, в) к себе, г) от себя, д) о себе.

Тринадцатый взял Восьмушку ... в школу.

а) с собой, б) себя, в) для себя, г) от себя, д) в себе.

Правило «Любить себя» можно отнести ... чертям.

а) от всех, б) у всех, в) ко всем, г) всего, д) на всех.

Учитель говорит, что надо чихать ... .

а) от всех, б) у всех, в) ко всем, г) всего, д) на всех.

Также возможна работа над заданиями, которые позволяют вспомнить, изучить, закрепить глаголы в устойчивых выражениях (*Тринадцатый ... с ума а) съехал, б) сполз, в) перешёл, г) сошёл, д) перепрыгнул*), пассивные причастия и краткие формы прилагательных (*Авторы фильма категорически а) не согласны, б) несогласны, в) не согласные, г) несогласные со школьной программой, а) принявшей, б) принятой, в) принимавшей у чертей*), проверить понимание стилистически окрашенного слова (*Что значит выделенный глагол: Дома должен сидеть старый чёрт, а не* ***шляться*** *чёрт знает где? а) прыгать, б) летать, в) ходить, г) бегать, д) ездить*).

Завершается работа над мультфильмом перекрёстной беседой об отношении к просмотренному. Обращается внимание на юмор произведения и его дидактическую составляющую «от обратного».

3. Заключение [Conclusion]

Итак, анализ литературных источников по теме показал высокую эффективность использования мультфильмов при изучении иностранных языков для более успешного формирования навыков аудирования, изучения, закрепления и повторения лексико-грамматического материала и, в итоге, совершенствования навыков говорения. Ведь использование на занятии развлекательного контента помогает сделать процесс обучения более лёгким и комфортным.

Представленное аудиовизуальное произведение, являющееся аутентичным русскоязычным текстом, может быть использовано как материал для аудирования, говорения, а также закрепления изученного материала на уровнях A2-B1 благодаря подходящим лексике, грамматике и фонетическим характеристикам. Нами были показаны упражнения на понимание содержания мультфильма, повторение грамматических форм глаголов, включая глаголы движения, устойчивых выражений, пассивных причастий и кратких форм прилагательных, местоимения *весь*, а также на освоение местоимения *себя*, которое отсутствует во многих языках и может вызывать у иностранного слушателя затруднение. Часть этих заданий носила тестовый характер, другая часть – творческий. Предложенный комплекс упражнений вполне универсален и может использоваться при работе над любыми речевыми произведениями при преподавании любого иностранного языка.

Список литературы

Андреева, 2018 – Андреева Н. В. Основные трудности в обучении аудированию зарубежных студентов (уровень B1-B2) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2018. Т. 8. № 1(26). С. 91–97.

Борзенкова, Котеняткина, 2020 – Борзенкова А. А., Котеняткина И. Б. Методика работы с аутентичными публицистическими материалами на занятиях по испанскому языку // Ученые записки Национального общества прикладной лингвистики. 2020. № 1 (29). С. 103–110.

Гончар, 2011 – Гончар И. А. Звучащий текст как объект методики в аспекте РКИ // Русский язык за рубежом. 2011. № 2. С. 25–31.

Кожевникова, 2020 – Кожевникова Е. В. Комплексный подход к работе с медиатекстом в китайской аудитории // Мир русского слова. 2020. № 2. С. 95–99.

Чернявская, 2019 – Чернявская Я. Л. Телевизионный комический скетч как материал для аудирования на занятии РКИ (методические разработки для номера «Задачка про землекопов», шоу «Уральские пельмени») // Русский язык на перекрестке эпох: традиции и инновации в русистике: IV Международная научно-практическая конференция. Сборник научных статей. Ч. 2. Ер.: РАУ, 2019. С. 120–125.

Abuzahra, 2016 – Abuzahra N. A. A., Farrah M. A. A., Zalloum S. Using cartoon in language classroom from a constructivist point of view // Arab world English journal. 2016. № 3. P. 229–245.

Alghonaim, 2019 – Alghonaim A. S. Impact of watching TV English cartoons on EFL language acquisition: a case study of an Arabic young child // Arab journal for scientific publishing. 2019. 10. 2. P. 23–53.

Bahrani, Sim, 2012 – Bahrani T., Sim T. S. Audiovisual news, cartoons, and films as sources of authentic language input and language proficiency enhancement // The Turkish online journal of educational technology. 2012, Vol. 11, Iss. 4. P. 56–64.

Bahrani, Soltani, 2011 – Bahrani T., Soltani R. The pedagogical values of cartoons // Research on Humanities and Social Sciences. 2011. Vol. 1, N 4. P. 19–21.

Chua, 2012 – Chua Y. P. Using content-based humorous cartoons in learning materials to improve students' reading rate, comprehension and motivation: It is a wrong technique? // Procedia – social and behavioral sciences. 2012, N. 64. P. 352–361.

Csajbok-Twerefou, 2011 – Csajbok-Twerefou I. Humor In Foreign Language Teaching // Practice and Theory in Systems of Education. 2011. V. 6. N 4. P. 327–336.

Gamage, 2019 – Gamage S. Cartoons as an authentic supplementary teaching tool in English as a second language classrooms // Advances in language and literary studies. 2019. Vol. 10, Iss. 1. P. 107–116.

Yıldırım, Torun, 2014 – Yıldırım R., Torun F. P. Exploring the value of animated stories with young English language learners // The Turkish online journal of educational technology. 2014. Vol. 13. Iss. 4. P. 47–60.

References

Andreeva, N. V. (2018). Osnovnyye trudnosti v obuchenii audirovaniyu zarubezhnykh studentov (uroven B1-B2) [The main difficulties in teaching listening skills to foreign students (level B1-B2)]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika* [Proceedings of the South-West State University. Series: Linguistics and Pedagogy], 8, 1 (26), 91–97. (In Russ.).

Borzenkova, A. A., Kotenyatkina, I. B. (2020). Metodika raboty s autentichnymi publitsisticheskimi materialami na zanyatiyakh po ispanskomu yazyku [Methodology of work with authentic journalistic materials in the Spanish language classes]. *Uchenyye zapiski Natsionalnogo obshchestva prikladnoy lingvistiki* [Scientific notes of the National Society of Applied Linguistics], 1 (29), 103–110. (In Russ.).

Gonchar, I. A. (2011). Zvuchashchiy tekst kak obyekt metodiki v aspekte RKI [Sounding text as an object of methodology in the aspect of RFL]. *Russkiy yazyk za rubezhom* [Russian language abroad], 2, 25–31. (In Russ.).

Kozhevnikova, E. V. (2020). Kompleksnyy podkhod k rabote s mediatekstom v kitayskoy auditorii [A comprehensive approach to working with media text in the Chinese audience]. *Mir russkogo slova* [The world of the Russian word], 2, 95–99. (In Russ.).

Chernyavskaya, Ya. L. (2019). Televizionnyy komicheskiy sketch kak material dlya audirovaniya na zanyatii RKI (metodicheskiye razrabotki dlya nomera «Zadachka pro zemlekopov», shou «Uralskiye pelmeni») [TV comic sketch as a material for listening at the RCT class (methodological developments for the issue "The task about the diggers", the show "Ural Pelmeni")]. *Russkiy yazyk na perekrestke epokh: traditsii i innovatsii v rusistike* [Russian language at the crossroads of epochs: Traditions and innovations in Russian Studies]: Proc. IV International Scientific and practical Conference. Erevan, 2, 120–125. (In Russ.).

Abuzahra, N. A. A., Farrah, M. A. A., Zalloum, S. (2016). Using cartoon in language classroom from a constructivist point of view. *Arab world English journal*, 3, 229–245.

Alghonaim, A. S. (2019). Impact of watching TV English cartoons on EFL language acquisition: a case study of an Arabic young child. *Arab journal for scientific publishing*, 10 (2), 23–53.

Bahrani, T., & Sim, T. S. (2012). Audiovisual news, cartoons, and films as sources of authentic language input and language proficiency enhancement. *The Turkish online journal of educational technology*, 11 (4), 56–64.

Bahrani, T., & Soltani, R. (2011). The pedagogical values of cartoons. *Research on Humanities and Social Sciences*, 1 (4), 19–21.

Chua, Y. P. (2012). Using content-based humorous cartoons in learning materials to improve students' reading rate, comprehension and motivation: It is a wrong technique? *Procedia - Social and Behavioral Sciences*, 64, 352–361.

Csajbok-Twerefou, I. (2011). Humor in foreign language teaching. *Practice and Theory in Systems of Education*, 6 (4), 327–336.

Gamage, S. (2019). Cartoons as an Authentic Supplementary Teaching Tool in English as a Second Language Classrooms. *Advances in Language and Literary Studies*, 10 (1), 107–116.

Yıldırım, R., Torun, F. P. (2014). Exploring the value of animated stories with young English language learners. *The Turkish online journal of educational technology*, 13 (4), 47–60.

Статья поступила в редакцию 20.05.2021; одобрена после рецензирования 15.09.2021; принята к публикации 16.09.2021.
The article was submitted 20.05.2021; approved after reviewing 15.09.2021; accepted for publication 16.09.2021.

УДК 81'27 doi: 10.22250/24107190_2022_8_1_186

Чэнь Яо
Пермский государственный национальный исследовательский университет
г. Пермь, Российская Федерация
chen.yao@yandex.ru

Представления о характере у китайских женщин и мужчин: кросс-групповое исследование

Аннотация
В данной статье исследуются авто- и гетеростереотипы характера китайских женщин и мужчин. Проводится сопоставление автостереотипа с гетеростереотипом. Внимание уделяется детальному описанию реакций информантов, выявлению сходств и различий в авто- и гетеростереотипах двух полов. Материалом для исследования послужили результаты социолингвистического эксперимента, проведённого в виде анкетирования с 60 китайскими информантами (30 женщинами и 30 мужчинами). В ходе анкетирования было получено 288 реакций о характере китайских женщин и 304 реакции о характере китайских мужчин. Проведённый анализ показал, что в целом авто- и гетеростереотипы о характере китайских женщин схожи, ядро стереотипных представлений формируется одними и теми же признаками (китайские женщины нежные, добрые и заботливые). Автостереотип китайских женщин более положителен, чем гетеростереотип. Авто- и гетеростереотипы о характере китайских мужчин не схожи. В связи с большим набором индивидуальных реакций в структуре двух видов стереотипов оказалось невозможным выделить ядро и среднюю зону. Автостереотип китайских мужчин менее положителен, чем гетеростереотип. Доля отрицательных реакций в стереотипных представлениях китайских мужчин о себе и китайских женщинах доказывает критичное отношение китайских мужчин к себе и другим. В целом можно сказать, что представления о характере китайских женщин более стереотипизированы, чем представления о характере китайских мужчин.

Ключевые слова: характер, автостереотип, гетеростереотип, китайцы, мужчины, женщины, семантический признак

© Чэнь Я. 2022

Для цитирования: Чэнь Я. Представления о характере у китайских женщин и мужчин: кросс-групповое исследование // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2022. Вып. 8, № 1. С. 186–201. https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_1_186

Chen Yao
Perm State University
Perm, Russian Federation
chen.yao@yandex.ru

Perceptions of Chinese women and men character: A cross-group study

Abstract
This article explores the auto- and hetero-stereotypes of Chinese women and men character. Autosteretype is compared to heterosteretype. The focus is made on detailed description of the informants' reactions, identification of similarities and differences in auto- and heterostereotypes of the two sexes. The material for the study was collected during sociolinguistic experiment conducted in the form of a questionnaire with 60 Chinese participants (30 women and 30 men). As a result, 288 reactions about Chinese women character and 304 reactions about Chinese men character were obtained. The analysis showed that, in general, auto- and hetero-stereotypes about

Chinese women character were similar, the core of stereotypes being formed by the same character traits (Chinese women are gentle, kind and caring). In addition, female autostereotype was more positive than heterostereotype. Auto- and hetero-stereotypes about Chinese men character were not similar. Due to a large set of individual reactions in the two types of stereotypes structure, it was impossible to identify the core and the middle zone. Chinese men autostereotype was less positive than heterostereotype. The share of negative reactions in Chinese men's stereotypes about themselves and Chinese women proves critical attitude of Chinese men towards themselves and others. In general, it can be said that the ideas about Chinese women character are more stereotyped than those of Chinese men.

Keywords: character, autostereotype, heterostereotype, Chinese, men, women, semantic feature

© Chen Y. 2022

For citation: Chen, Y. (2022). Predstavleniya o kharaktere u kitayskikh zhenshchin i muzhchin: kross-gruppovoe issledovanie [Perceptions of Chinese women and men character: A cross-group study]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 8 (1), 186–201. https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_1_186

1. Введение [Introduction]

1.1. Понятие «стереотип» [The notion of stereotype]

Понятие стереотипа как элемента картины мира, обладающего свойствами упорядоченности, схематичности, детерминированности культурой и упрощённости, было внедрено американским журналистом и социологом У. Липпманом [Липпман, 2004]. Он считал причиной возникновения стереотипов экономию познавательных усилий при восприятии вещей и поддержании групповых норм и ценностей. Не соглашаясь с тем, что стереотипы всегда являются отрицательными, У. Липпман отмечает, что они обладают двойственностью: существуют не только негативные, но и позитивные стереотипы. Первые включают слишком упрощённые или ложные представления о какой-то группе, а вторые играют важную роль в идентификации социальных групп, формировании и закреплении ценностей и снятии коммуникационных барьеров [Там же].

Изучение феномена стереотипа развивается в течение многих десятилетий в разных отраслях гуманитарных наук. Лингвисты также активно занимаются проблематикой стереотипа [Бартминьский, 2005 ; Крысин, 2005 ; Белова, 2005 ; Квастхофф, 2013 и др.] и получают плодотворные результаты в изучении лингвистических черт стереотипных единиц.

По мнению О. В. Беловой, в языке стереотип – это «установленные конвенциональные семантические и / или формальные конструкции, которые формируют культурно-языковой образ объекта» [Белова, 2005, с. 13]. На основе данного определения, можно рассматривать языковые стереотипы с точки зрения двух разных лингвистических классификаций. Одна из них формальная (рассматриваются различного рода фразеологические единицы, речевые клише, а также принципы сочетаемости в рамках языковых конструкций); другая семантическая (классификации подвергаются смысловые коннотации языковых единиц) [Бартминьский, 2005, с. 154].

В Китае стереотипы стали изучаться только с начала XXI века: с 2004 по 2009 гг. изучение стереотипов стало важным предметом исследования в психологии. В настоящее время при их изучении делается акцент на внутренних когнитивных механизмах формирования и развития стереотипов, большое внимание уделяется исследованиям гендерных, культурных и профессиональных стереотипов [Ван, 1999 ; Ху и др., 2004 ; Ван, Сунь, 2008 ; Ань, Чжан, 2010 ; Цзо, 2015].

1.2. Гендерные стереотипы [Gender stereotypes]

Термин «гендер» был разработан американским психологом Р. Столлером в 1968 г. По его мнению, «гендер – это понятие, которое базируется на психологических и

культурных пояснениях, достаточно независимых от тех, которые толкуют биологический пол» [Stoller, 1968, p. 80]. Поэтому гендер по сути является социальным и культурным явлением. Гендерные стереотипы рассматриваются как «схематизированные, обобщённые образы маскулинности и фемининности» [Renzetti, 1999, p. 292]. Гендерные стереотипы включают представления о качествах и свойствах, приписываемых обществом женщинам и мужчинам, социальных ролях женщин и мужчин. Как одна разновидность стереотипов, гендерные стереотипы обладают сущностными свойствами стереотипов – устойчивостью, эмоционально-оценочным характером, высокой согласованностью и нормативностью [Рябова, 2001].

В 1974 г. психологи Е. Маккоби и К. Джеклин в работе «Психология половых различий» на основе анализа большого количества экспериментальных данных доказали, что в психологических свойствах отсутствуют большие врождённые различия [Maccoby, Jacklin, 1974]. С выводами Маккоби и Джеклин соглашаются многие современные исследователи (напр., [Горошко, 2002 ; Кирилина, 2005 ; Кирилина, Томская, 2005]). Они подтверждают, что социальные ожидания имеют важное значение в формировании психического пола и социальной роли.

В гендерных стереотипах разделяются бинарные оппозиции – «мужское» и «женское». Результаты эксперимента, проведённого исследователями гендерных стереотипов Эшмор и Дель Бока, показывают, что мужчины обладают качествами, связанными с активностью и деятельностью, со стремлением к власти и доминированию и в целом эти качества для мужчин оцениваются как положительные; к таким качествам относятся, например, решительность, ответственность, амбициозность, уверенность в себе, сила и т. д. Наоборот, женщины характеризуются такими качествами, как покорность, нелогичность, зависимость, слабость, безответственность и т. п. [Ashmore, Del Boca, 1986].

1.3. Авто- и гетеростереотипы [Auto- and heterostereotypes]

В данной статье исследуются представления китайских женщин и мужчин о самих себе и друг о друге, в связи с чем необходимо рассмотреть два понятия – автостереотип и гетеростереотип. Первое является представлением некой социальной группы о самой себе, а второе – восприятием данной группой «чужой» социальной группы. Разные учёные по-разному называют эти две разновидности стереотипов: Э. Кастано – in-group и out-group стереотип [Castano et al., 2002], О. А. Леонитович – эндостереотипы и экзостереотипы [Леонтович, 2005]. Вслед за Г. У. Солдатовой и Т. Г. Стефаненко, в данной статье принимаются термины «автостереотип» и «гетеростереотип» [Солдатова, 1998 ; Стефаненко, 1999].

Говоря об оценочной окраске авто- и гетеростереотипов, нельзя не упомянуть явление «ингруппового фаворитизма». По мнению А. П. Садохина «ингрупповой фаворитизм подразумевает формирование более позитивного образа собственной культуры по сравнению с другими» [Садохин, 2005, с. 236]. Это явление часто сопровождается явлением «аутгрупповая дискриминация» [Buhl, 1999 ; Pettigrew, Meereens, 1995], что выражается в недооценке чужой группы и её представителей. Другими словами, автостереотипы более положительны, чем гетеростереотипы. Это было подтверждено более ранним исследованием авто- и гетеростереотипов о внешности китайских мужчин и женщин [Чэнь, Ерофеева, 2021]. Между тем следует подчеркнуть, что образы в двух видах стереотипов не обязательно противоположные. Исследование, проведённое Т. Г. Стефаненко в 1987 г. показывает, что авто- и гетеростереотипы социальных групп, особенно этнических групп, дополняют друг друга [Стефаненко, 1999, с. 111].

Кроме эмоционально-оценочной окраски авто- и гетеростереотипов, стоит выделять ещё и содержательные их различия: «по содержанию гетеростереотипы более го-

могенны и монолитны, а автостереотипы более разнообразны и комплексны» [Солдатова, 1998, с. 74] по причине дефицита информации о чужой социальной группе и детализированного знания о своей. Чем более интенсивный контакт имеют группы, тем разнообразнее гетеростереотипные образы. Кроме этого, автостереотип неоднороден в связи с внутриэтническим делением, что объясняется влиянием таких факторов, как территориальные, этнокультурные, религиозные, языковые и т. п. факторы, действующие внутри «своего» социума [Там же].

Вышеуказанные характеристики авто- и гетеростереотипов были использованы в настоящем исследовании для анализа результатов анкетирования, содержащих автостереотипы о китайских женщинах и мужчинах, и гетеростереотипы двух полов друг о друге. В качестве предмета исследования в данной статье были выбраны авто- и гетеростереотипы о характере китайских женщин и мужчин.

2. Эксперимент [Experiment]

2.1. Материал и методика исследования [Material and methods]

В данной статье использована та же методика проведения исследования и те же методы анализа, которые представлены нами ранее в исследовании, посвящённом стереотипным представлениям о внешности китайских мужчин и женщин [Чэнь, Ерофеева, 2021]. Для сбора языковых материалов о стереотипах китайских женщин и мужчин об их характере был проведён социолингвистический эксперимент, в ходе которого было опрошено 60 китайских информантов (30 женщин и 30 мужчин). Информантов просили написать 5 слов или словосочетаний, описывающих характер китайских женщин, и 5 слов или словосочетаний, описывающих характер мужчин. В результате анкетирования было получено 592 реакции: 288 реакций китайских женщин и 304 реакции китайских мужчин.

Для обработки полученного в социолингвистическом эксперименте материала применялись семантический анализ и статистический анализ. Все полученные реакции были расклассифицированы в семантические группы на основе возможности выделения в них общего семантического признака, при этом одна реакция могла входить в несколько семантических групп, например реакция 大气 *daqi* 'великодушные' включена в группы «доброта», «щедрость» и «правильность». Выделенные семантические группы можно трактовать как признаки характера, которые составляют основу представлений о характере китайских женщин и мужчин в сознании информантов. Был определён объём (частота данных реакций) каждой семантической группы и предложена следующая зависимость: чем больше объём группы, тем больший вес она имеет в структуре представлений о характере; группы с наибольшими объемами составили основу стереотипных представлений.

2.2. Обсуждение результатов [Results and discussion]

Признаки характера и их частоты для разных гендерных групп показаны в таблице 1. Сумма реакций в группах не равна общему количеству реакций, поскольку одна и та же реакция, как было указано выше, была отнесена к разным группам на основе актуализации в ней нескольких семантических признаков. Стоит отметить, что в данном эксперименте были получены признаки, не описывающие характер человека, например, «красота» и «ум» (см. табл. 1), однако они не были исключены из рассмотрения, поскольку они важны для восприятия целостного образа китайцев. По сравнению со стереотипами о внешности, стереотипные представления о характере китайцев более размыты и неопределённы, поэтому мы получили больше признаков, чем ранее в эксперименте о внешности [Чэнь, Ерофеева, 2021]. Из-за обилия признаков признаки с 1–2 реакциями сгруппированы в «другие характеристики».

Т а б л и ц а 1. **Частота актуализации признаков характера в авто- и гетеростереотипах (абс. ед.)**
[T a b l e 1. **Frequency of auto- and heterostereotype features**]

Признаки	**Женщины о**		**Мужчины о**	
	женщинах	**мужчинах**	**женщинах**	**мужчинах**
Мягкость	26	6	19	2
Доброта	20	3	16	6
Заботливость	15	6	13	1
Сдержанность	9	7	8	9
Воспитанность	8	7	6	10
Общительность	7	6	6	8
Ум	6	3	4	3
Настойчивость	5	7	2	11
Необщительность	5	3	7	6
Красота	5	1	7	0
Трудолюбие	5	8	3	9
Бережливость	4	0	1	1
Активность	4	9	6	2
Правильность	3	3	3	8
Оптимизм	3	0	3	1
Независимость	1	1	6	1
Консерватизм	0	0	5	0
Эгоизм	0	4	5	0
Спокойствие	1	1	3	5
Простота	1	3	3	7
Щедрость	1	3	2	8
Несдержанность	0	4	2	7
Скромность	0	1	1	6
Прямота	1	9	0	6
Осмотрительность	1	3	0	5
Честность	1	7	1	5
Смелость	0	5	0	5
Чувствительность	1	1	1	3
Мужественность	0	4	1	2

В результатах анализа частотного распределения семантических признаков для каждого стереотипа выделены ядро, средняя зона и периферия.

2.2.1. Автостереотип о характере китайских женщин [Female character autostereotype]

Таблица показывает, что китайские женщины рассматривают «мягкость», «доброту» и «заботливость» как главные признаки своего характера. Из 143 реакций 26 реакций, описывающих «мягкость» китайских женщин. Информанты-женщины считают себя 温柔 *wenrou* 'нежными' (16), 温和 *wenhe* 'мягкими' (5), 小鸟依人 *xiaoniaoyiren* 'ласковыми' (2), 温暖 *wennuan* 'тёплыми' (1), 爱笑 *aixiao* 'улыбчивыми' (1) и 刚柔并济 *gangroubingji* 'сильными и мягкими' (1). Следуя за признаком «мягкость», признак «доброта» (20 реакций) занимает второе место по количеству реакций. Такие реакции, как 善良 *shanliang* 'добрые' (11), 贤惠 *xianhui* 'милосердные' (5), 友善 *youshan* 'дружелюбные' (3) и 好客 *haoke* 'гостеприимные' (1), говорят о доброте китайских женщин. Следующим признаком по частоте реакций информантов является «заботливость» (15 реакций). Информанты отмечают, что китайские женщины 体贴 *titie* 'заботливые' (5), 善解人意 *shanjierenyi* 'понимающие' (3), 乐于助人 *leyuzhuren* 'с радостью помогают другим' (3), 细致 *xizhi* 'внимательные' (3), 知书达理 *zhishudali* 'разумные и понимающие' (1). Таким образом, признаки «мягкость», «доброта» и «заботливость» составляют ядро стереотипных представлений китайских женщин о своем характере.

Для информантов-женщин признаки «сдержанность» (9 реакций), «воспитанность» (8 реакций) и «общительность» (7 реакций) также выступают важными составными элементами образа своего характера. Из «сдержанности» информанты выделяют следующие характеристики: 内敛 *neilian* 'сдержанные' (4), 忍耐，耐心 *rennai*, *naixin* 'терпеливые' (2), 文静 *wenjing* 'уравновешенные' (2), 平和 *pinghe* 'мирные' (1). Информанты в анкетах также отмечают «воспитанность» – 优雅 *youya* 'элегантные' (3), 温文尔雅 *wenwenerya* 'благовоспитанные' (2), 知性 *zhixing* 'интеллигентные' (2) и 大方得体 *dafangdeti* 'пристойные' (1); «общительность» – 热情 *reqing* 'приветливые' (2), 开朗 *kailang* 'приветливые и открытые' (2), 平易近人 *pingyijinren* 'общительные' (1), 随和 *suihe* 'легкие в общении' (1) и 外向 *waixiang* 'экстраверты' (1). Признаки «сдержанность», «воспитанность» и «общительность» составляют среднюю зону автостереотипа о характере китайских женщин.

Оставшиеся признаки по количеству реакций существенно менее значимы в структуре автостереотипа (количество реакций варьирует от 3 до 6) и формируют его периферию. Перечислим их с примерами:

– «ум»: 秀外慧中 *xiuwaihuizhong* 'хороши собой и умны' (2), 聪明伶俐 *congminglingli* 'сметливые' (1), 聪慧 *conghui* 'сообразительные' (1), 聪明 *congming* 'умные' (1), 知书达理 *zhishudali* 'разумные и понимающие' (1).

– «настойчивость»: 坚强 *jianqiang* 'упорные' (3), 坚韧 *jianren* 'волевые' (1), 固执 *guzhi* 'упрямые' (1).

– «необщительность»: 害羞 *haixiu* 'застенчивые' (2), 内向 *neixiang* 'интроверты' (2), 腼腆 *miantian* 'стеснительные' (1).

– «красота»: 秀外慧中 *xiuwaihuizhong* 'хороши собой и умны' (2), 爱美 *aimei* 'любят наряжаться' (1), 可人 *keren* 'милые' (1), 可爱 *keai* 'симпатичные' (1).

– «трудолюбие»: 勤劳 *qinlao* 'трудолюбивые' (4), 努力 *nuli* 'старательные' (1).

– «бережливость»: 勤俭持家 *qinjianchijia* 'бережливые в домашнем быту' (3), 爱计较 *aijijiao* 'мелочные' (1).

– «активность»: 积极 *jiji* 'активные' (2), 活泼 *huopo* 'живые' (1), 果断 *guoduan* 'решительные' (1).

– «правильность»: 静若处子动如脱兔 *jingruochuzidongrutuotu* 'в покое не шевельнется, в действии бросается стремительно' (1), 优秀 *youxiu* 'хорошие' (1), 蕙质 *huizhi* 'чистые сердцем и духом' (1).

– «оптимизм»: 乐观 *leguan* 'оптимисты' (3).

– «другие характеристики» (18): включают такие признаки, как «непостоянность», «ответственность», «уступчивость», «простота», «прямота» и т. д.

Кроме того, следует обратить внимание на эмоционально-экспрессивную окраску реакций-прилагательных. Из 143 реакций зафиксировано 11 реакций с отрицательной окраской (7.7%), все в периферийной зоне автостереотипа, что показывает достаточно положительные представления китайских женщин о своём характере.

Итак, ядро автостереотипа о характере китайских женщин занимают признаки «мягкость», «доброта» и «заботливость» (китайские женщины нежные, добрые и заботливые). В среднюю зону попадают признаки «сдержанность», «воспитанность» и «общительность» (китайские женщины сдержанные, элегантные и приветливые). Остальные 10 признаков составляют его периферию.

2.2.2. Гетеростереотип о характере китайских женщин [Female character heterostereotype]

Согласно данным таблицы 1, характер китайских женщин в представлениях информантов-мужчин прежде всего характеризуются через признаки «мягкость», «доброта» и «заботливость». Из 148 реакций 19 реакций, описывающих «мягкий» характер китайских женщин: 温柔 *wenrou* 'нежные' (15), 温和 *wenhe* 'мягкие' (2), 温婉 *wenwan* 'ласковые' (1). Только один информант думает, что китайские женщины 少有主见 *shaoyouzhujian* 'мягкотелые, без собственного мнения' (1). «Доброта» китайских женщин упоминается информантами 16 раз: 善良 *shanliang* 'добрые' (9), 贤惠 *xianhui* 'милосердные' (5), 友好 *youhao* 'дружелюбные' (2). «Заботливость» также является значимым для мужчин признаком (13 реакций). Китайские мужчины считают, что китайские женщины 体贴 *titie* 'заботливые' (11), 善解人意 *shanjierenyi* 'понимающие' (1), 乐于助人 *leyuzhuren* 'с радостью помогают другим' (1). Таким образом, ядром гетеростереотипа китайских мужчин о характере женщин являются признаки «мягкость», «доброта» и «заботливость».

Следующими признаками по частоте реакций выступают «сдержанность» (8 реакций), «красота» (7 реакций), «необщительность» (7 реакций). Информанты отмечают, что китайские женщины 忍耐耐心 *rennainaixin* 'терпеливые' (4), 矜持 *jinchi* 'сдержанные' (2), 文静 *wenjing* 'уравновешенные' (1) и 自持 *zichi* 'выдержанные' (1). Как было упомянуто выше, признак «красота» представляет собой не черту характера, но важную ориентацию для восприятия образа китайцев. Наши информанты отмечают, что китайские женщины 爱美 *aimei* 'любят наряжаться' (3), 美丽 *meili* 'красивые' (2), 可人 *keren* 'милые' (1) и имеют 娇小 *jiaoxiao* 'тонкую фигуру' (1). Обратим внимание на отрицательный признак «необщительность», из которого информанты выделяют такие характеристики, как 保守 *baoshou* 'закрытые, консервативные' (5), 内向 *neixiang* 'интроверты' (1) и 忸怩 *niuni* 'стеснительные' (1). В целом признаки «сдержанность», «красота» и «необщительность» составляют средню зону в представлениях китайских мужчин о характере китайских женщин.

Периферию в гетеростереотипе о характере китайских женщин составило 13 признаков. Приведём примеры, встречаемые в корпусе реакций от 3 до 6 раз:

– «активность»: 活泼 *huopo* 'живые' (2), 积极 *jiji* 'активные' (1), 好动 *haodong* 'подвижные' (1), 处事果断 *chushiguoduan* 'решительные' (1), 精神充沛 *jingshenchongpei* 'энергичные' (1).

– «общительность»: 随和 *suihe* 'легкие в общении' (2), 热情 *reqing* 'приветливые' (1), 善于与人交往 *shanyuyurenjiaowang* 'общительные' (1), 开朗大方 *kailangdafang* 'открытые' (1), 开朗 *kailang* 'приветливые и открытые' (1).

– «воспитанность»: 温文尔雅 *wenwenerya* 'благовоспитанные' (1), 端庄 *duanzhuang* 'благопристройные' (1), 温婉可亲 *wenwankeqin* 'благосклонные' (1), 知性 *zhixing* 'интеллигентные' (1), 委婉 *weiwan* 'деликатные' (1), 高雅 *gaoya* 'элегантные' (1).

– «независимость»: 独立 *duli* 'независимые' (4), 顺而不从 *shunerbucong* 'непокорные' (1), 有平权意识 *pingquanyishi* 'осознают свое равноправие' (1).

– «консерватизм»: 保守 *baoshou* 'закрытые, консервативные' (5).

– «эгоизм»: 自大 *zida* 'самодовольные' (2), 任性 *renxing* 'своевольные' (2), 撒娇 *sajiao* 'капризничают' (1).

– «ум»: 通情达理 *tongqingdali* 'здравомыслящие' (3), 狡猾 *jiaohua* 'хитрые' (1).

– «оптимизм»: 乐观 *leguan* 'оптимисты' (3),

– «трудолюбие»: 勤劳 *qinlao* 'трудолюбивые' (3),

– «спокойствие»: 沉静 *chenjing* 'спокойные' (2), 安静 *anjing* 'тихие' (1).

– «правильность»: 顺服 *shunfu* 'послушные' (2), 爱国 *aiguo* 'патриоты' (1).

– «простота»: 朴实 *pushi* 'простодушные' (2), 天真 *tianzhen* 'наивные' (1).

– «другие характеристики» включают такие признаки, как «настойчивость», «щедрость», «трусость», «эксцентричность» и т. д.

Из 148 реакций 32 оказались с отрицательной окраской (21.6%) и в среднюю зону гетеростереотипа попал отрицательный признак «необщительность», что показывает более критическое отношение мужчин к характеру китайских женщин, чем самих женщин.

Исходя из полученных данных можно сделать вывод о том, что основой гетеростереотипа китайских мужчин о характере китайских женщин выступают признаки «мягкость», «доброта» и «заботливость» (китайские женщины нежные, добрые и заботливые), за которыми следуют признаки «сдержанность» (китайские женщины терпеливые), «красота» (китайские женщины любят наряжаться) и «необщительность» (китайские женщины закрытые и консервативные»; остальные признаки составляют периферию гетеростереотипа.

2.2.3. Сопоставление автостереотипа с гетеростереотипом о характере китайских женщин [Comparing female character auto- and heterostereotypes]

Частоты семантических признаков в авто- и гетеростереотипах о характере китайских женщин наглядно представлены на рисунке 1.

Сопоставляя автостереоотип с гетеростереотипом о характере китайских женщин, можно заметить следующие с х о д с т в а:

1. В стереотипных представлениях всех информантов ядро составляют признаки «мягкость», «доброта» и «заботливость» (26, 20 и 15 реакций в автостереотипе, 19, 16 и 13 реакций в гетеростереотипе). В целом обе группы информантов считают, что китайские женщины 温柔 *wenrou* 'нежные', 善良 *shanliang* 'добрые' и 体贴 *titie* 'заботливые'. Только один информант-мужчина отмечает, что китайские женщины 少有主见 *shaoyouzhujian* 'мягкотелые, без собственного мнения'.

2. Признак «сдержанность» оказывается в средней зоне и автостереотипа, и гетеростереотипа. Информанты единодушно полагают, что китайские женщины 内敛 *neilian* 'сдержанные' и 忍耐耐心 *rennainaixin* 'терпеливые'.

3. Несмотря на разные места признаков «воспитанность» и «красота» в структуре стереотипов, обе группы информантов отмечают, что китайские женщины 温文尔雅 *wenwenerya* 'благовоспитанные' и 爱美 *aimei* 'любят наряжаться'.

4. В периферии авто- и гетеростереотипов включаются признаки «активность», «ум», «оптимизм», «трудолюбие», «правильность». В большинстве случаев информан-

ты считают, что китайские женщины 积极活泼 *jijihuopo* 'активные и живые', 聪明 *congming* 'умные', 乐观 *leguan* 'оптимисты' и 勤劳 *qinlao* 'трудолюбивые'.

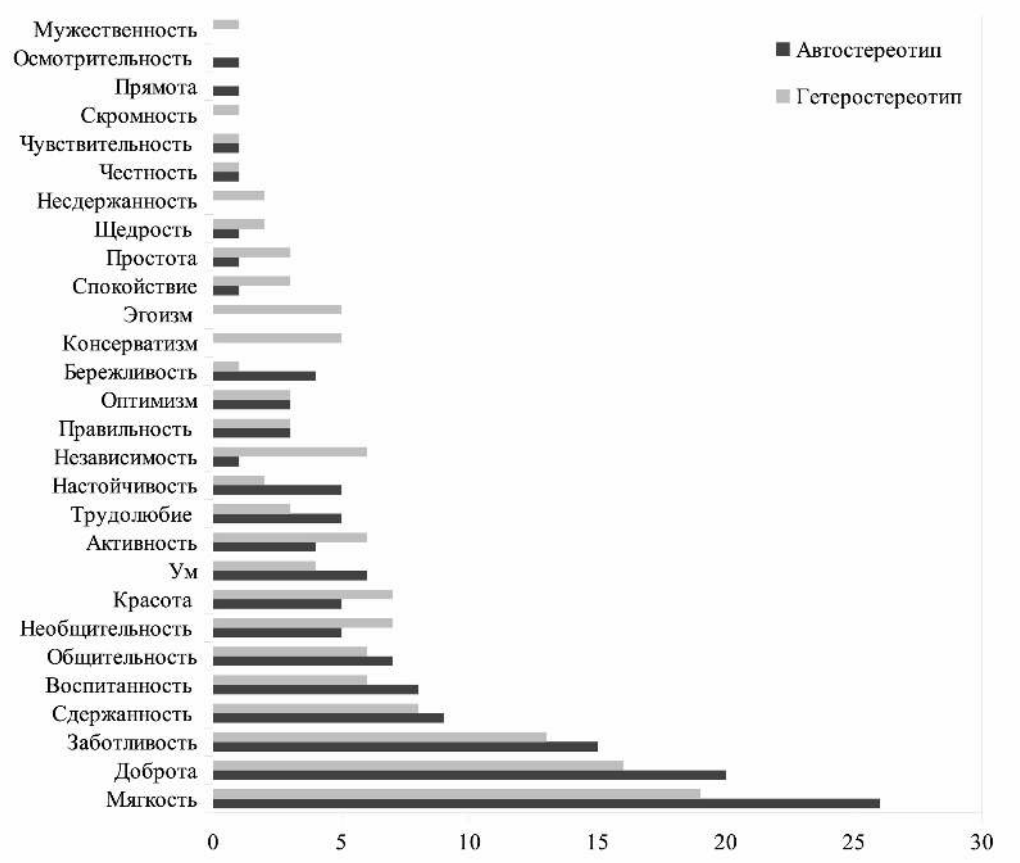
Различия между мнениями информантов сводятся к следующим.

1. Количество признаков в двух видах стереотипов разные: в автостереотипе 33 признака (в том числе 18 признаков с 1 или 2 реакциями, включённых в «другие характеристики»), а в гетеростереотипе 43 признака (учитывая 25 признаков, отнесённых к признаку «другие характеристики»). Это значит, в сознании китайских женщин их характер более стереотипизирован, чем в сознании китайских мужчин.

2. В среднюю зону автостереотипа входит признак «воспитанность», который оказывается в периферийной зоне гетеростереотипа. И наоборот, периферийный признак «красота» в автостереотипе принадлежит средней зоне в представлениях мужчин о характере китайских женщин.

3. Об «общительности» характера китайских женщин существуют разные мнения. Признак «общительность» появляется в средней зоне автостереотипа и периферии гетеростереотипа. Периферийный в автостереотипе признак «необщительность» оказывается в средней зоне гетеростеретипа. Таким образом, информанты-женщины считают себя 'приветливыми', а информанты-мужчины считают китайских женщин 'закрытыми и консервативными'.

4. Доля реакций с отрицательной окраской в автостереотипе (7.7%) значительно меньше, чем в гетеростереотипе (21.6%), что является ярким примером феномена ингруппового фаворитизма.

Р и с у н о к 1. **Авто- и гетеростереотипы о характере китайских женщин**
[F i g u r e 1. **Female character: Auto- and stereotypes**]

Исходя из вышеизложенного можно заключить, что в целом авто- и гетеростереотипы о характере китайских женщин схожи, ядерная зона образуется одинаковыми признаками, однако в средней и особенно периферийной зонах мнения информантов расходятся.

2.2.4. Автостереотип о характере китайских мужчин [Male character autostereotype]

Как видно из таблицы 1, реакции о характере китайских мужчин распределены по очень широкому диапазону, в связи с чем ядро в структуре автостереотипа не образуется. Поэтому мы опишем полученные реакции, не выделяя ядро, среднюю зону и периферию.

К самым частотным были отнесены признаки «настойчивость» с 11 реакциями и «воспитанность» с 10 реакциями. Информанты-мужчины считают себя 坚毅 *jianyi* 'твёрдыми' (5), 坚强 *jianqiang* 'упорными' (3), 坚韧 *jianren* 'волевыми' (1), 不屈 *buqu* 'непоколебимыми' (1) и 野心勃勃 *yexinbobo* 'амбициозными' (1). Кроме этого, мужчины в анкетах отмечают, что они 温文尔雅 *wenwenerya* 'благовоспитанные' (3), 儒雅 *ruya* 'изысканные' (2), 不卑不亢 *bubeibukang* 'держатся с достоинством' (2), 绅士 *shenshi* 'джентльмены' (1), 文质彬彬 *wenzhibinbin* 'приличные' (1) и 客套 *ketao* 'учтивые' (1).

Менее частотными оказались признаки «трудолюбие» (9 реакций), «сдержанность» (9 реакций), «общительность» (8 реакций), «щедрость» (8 реакций) и «правильность» (8 реакций). Информанты считают себя 勤劳 *qinlao* 'трудолюбивыми' (5), 吃苦耐劳 *chikunailao* 'выносливыми и трудолюбивыми' (3), 勤劳朴实 *qinlaopushi* 'трудолюбивыми и простодушными' (1). Кроме этого, информанты отмечают, что они 稳重 *wenzhong* 'выдержанные' (4), 忍耐 *rennai* 'терпеливые' (2), 内敛 *neilian* 'сдержанные' (2) и 以和为贵 *yiheweigui* 'мирные' (1). Описывая свою «общительность», мужчины используют такие прилагательные, как 随和 *suihe* 'лёгкие в общении' (4), 热情 *reqing* 'приветливые' (3), 开朗 *kailang* 'приветливые и открытые' (1). Говоря о «щедрости», мужчины в анкетах упоминают, что они 大气 *daqi* 'великодушные' (5) и 大方 *dafang* 'щедрые' (3). Что касается «правильности», информанты указывают, что они 大气 *daqi* 'великодушные' (5), 优秀 *youxiu* 'отличные' (1), 正经 *zhengjing* 'порядочные' (1) и 中正 *zhongzheng* 'справедливые' (1).

Оставшиеся признаки характеризуются низкой частотой встречаемости. Перечислим их с примерами:

– «простота»: 老实 *laoshi* 'простодушные' (5), 勤劳朴实 *qinlaopushi* 'трудолюбивые и простодушные' (1), 表里如一 *biaoliruyi* 'что на уме, то и на языке' (1).

– «несдержанность»: 放荡不羁 *fangdangbuji* 'необузданные' (3), 性格暴躁 *xinggebaozao* 'вспыльчивые' (2), 不羁 *buji* 'вольные' (2).

– «скромность»: 谦虚 *qianxu* 'скромные' (6).

– «прямота»: 率直 *shuaizhi* 'откровенные' (3), 豪爽 *haoshuang* 'прямые' (3).

– «необщительность»: 内向 *neixiang* 'интроверты' (3), 保守 *baoshou* 'закрытые, консервативные' (2), 沉默寡言 *chenmoguaya* 'молчаливые' (1).

– «доброта»: 大气 *daqi* 'великодушные' (5), 善良 *shanliang* 'добрые' (1).

– «осмотрительность»:谨慎 *jinshen* 'осторожные' (3), 沉稳 *chenwen* 'осмотрительные' (2).

– «спокойствие»: 沉着 *chenzhuo* 'спокойные' (5).

– «честность»: 真诚 *zhencheng* 'искренние' (3), 诚实 *chengshi* 'честные' (1), 正直 *zhengzhi* 'правдивые' (1).

– «смелость»: 勇敢 *yonggan* 'смелые' (4), 豪迈 *haomai* 'отважные' (1).

– «ум»: 傻 *sha* 'дураки' (1), 大智若愚 *dazhiruoyu* 'истинный ум всегда скромен' (1), 狡猾 *jiaohua* 'хитрые' (1).

– «чувствительность»: 浪漫 *langman* 'романтичные' (1), 闷骚 *mensao* 'полны скрытой страсти' (1), 多愁善感 *duochoushangan* 'сентиментальные' (1).

– «другие характеристики» содержат признаки «непостоянство», «уступчивость», «ответственность», «мягкость», «оптимизм» и т. д.

Необходимо отметить, что из 156 реакций, полученных от информантов-мужчин, 27 реакций были с отрицательной окраской (≈17.3%), демонстрирующих «несдержанность» и «необщительность» китайских мужчин.

Таким образом, стереотипные представления о характере китайских мужчин размыты и не образуют ядро, среднюю зону и периферию. Кроме этого, некоторые информанты-мужчины критично относятся к себе, считая себя «несдержанными» и «необщительными».

2.2.5. Гетеростереотип о характере китайских мужчин [Male character heterostereotype]

По данным таблицы 1, как и автостереотип, гетеростереотип о характере китайских мужчин размыт, поскольку реакций, явно преобладающих по частоте встречаемости и характеризующихся высокой частотностью, выделить невозможно. Из всех признаков «активность» (9 реакций) и «прямота» (9 реакций) имеют больше реакций, чем остальные. Для информантов-женщин китайские мужчины 精明 *jingming* 'предприимчивые' (3), 积极 *jiji* 'активные' (2), 果敢 *guogan* 'решительные' (2), 雷厉风行 *leilifengxing* 'быстрые и решительные' (1) и 精力旺盛 *jingliwangsheng* 'энергичные' (1). Из признака «прямота» информанты выделяют 耿直 *gengzhi* 'прямодушные' (4), 率直 *shuaizhi* 'откровенные' (2), 干脆 *gancui* 'прямые' (1), 表里如一 *biaoliruyi* 'что на уме, то и на языке' (1), 刚正不阿 *gangzhengbue* 'твёрдые и прямолинейные' (1).

За вышеуказанными двумя признаками следуют признаки «трудолюбие» (8 реакций), «воспитанность», «настойчивость», «честность» и «сдержанность» (каждые по 7 реакций). Информанты полагают, что китайские мужчины 勤劳 *qinlao* 'трудолюбивые' (7) и 勤奋 *qinfen* 'прилежные' (1); 彬彬有礼 *binbinyouli* 'вежливые' (3), 绅士 *shenshi* 'джентльмены' (3) и 正人君子 *zhengrenjunzi* 'благородные' (1). Из признака «настойчивость» информанты выделяют 坚强 *jianqiang* 'упорные' (2), 目标明确 *mubiaomingque* 'целеустремлённые' (2), 坚韧 *jianren* 'волевые' (1), 坚毅 *jianyi* 'твёрдые' (1), 刚正不阿 *gangzhengbue* 'твёрдые и прямолинейные' (1). Кроме того, китайские женщины считают китайских мужчин 诚实 *chengshi* 'честными' (3), 正直 *zhengzhi* 'правдивыми' (2), 真诚 *zhencheng* 'искренними' (1) и 爽朗 *shuanglang* 'чистосердечными' (1). Информанты также пишут, что китайские мужчины 稳重 *wenzhong* 'выдержанные' (5), 内敛 *neilian* 'сдержанные' (1) и 忍耐耐心 *rennainaixin* 'терпеливые' (1).

Оставшиеся признаки представлены индивидуальными реакциями:

– «заботливость»: 体贴 *titie* 'заботливые' (3), 细心 *xixin* 'внимательные' (1), 为他人着想 *weitarenzhuoxiang* 'думают о других' (1), 乐于助人 *leyuzhuren* 'с радостью помогают другим' (1).

– «общительность»: 善于交际 *shanyujiaoji* 'общительные' (2), 开朗 *kailang* 'приветливые и открытые' (2), 热情 *reqing* 'приветливые' (1), 热情 *reqingbenfang* 奔放 'оживлённые' (1).

– «мягкость»: 温柔 *wenrou* 'нежные' (4), 刚柔并济 *gangroubingji* 'и сильные и мягкие' (1), 温和 *wenhe* 'мягкие' (1).

– «надёжность»: 踏实 *tashi* 'надёжные' (3), 顾家 *gujia* 'хорошие семьянины' (1), 义气 *yiqi* 'преданные' (1), 专一 *zhuanyi* 'верные' (1).

– «смелость»: 勇敢 *yonggan* 'смелые' (5).

– «эгоизм»: 傲慢 *aoman* 'высокомерные' (2), 自大 *zida* 'самодовольные' (1), 好强 *haoqiang* 'самолюбивые' (1).

– «мужественность»: 大男子主义 *dananzizhuyi* 'мужской шовинизм' (2), 阳刚 *yanggang* 'мужественные' (1), 爷们 *yemen* 'настоящие мужики' (1).

– «несдержанность»: 粗犷 *cuguang* 'необузданные' (4).

– «необщительность»: 腼腆 *miantian* 'стеснительные' (2), 沉默寡言 *chenmoguayan* 'молчаливые' (1).

– «неактивность»: 优柔寡断 *yourouguaduan* 'нерешительные' (2), 呆板 *daiban* 'неподвижные' (1).

– «простота»: 老实 *laoshi* 'простодушные' (3).

– «юмор»: 幽默 *youmo* 'люди с юмором' (3).

– «ум»: 高智商 *gaozhishang* 'высокий IQ' (1), 大智若愚 *dazhiruoyu* 'истинный ум всегда скромен ' (1), 狡猾 *jiaohua* 'хитрые' (1).

– «щедрость»: 大气 *daqi* 'великодушные ' (2), 大方 *dafang* 'щедрые' (1).

– «правильность»: 大气 *daqi* 'великодушные' (2), 本分 *benfen* 'законопослушные' (1).

– «доброта»: 大气 *daqi* 'великодушные' (2), 善良 *shanliang* 'добрые' (1).

– «осмотрительность»: 沉稳 *chenwen* 'осмотрительные' (2), 冷静 *lengjing* 'трезвые' (1).

– в «других характеристиках» отмечаются признаки «ответственность», «скромность», «сила», «одаренность» и т. д.

Следует отметить, что среди 145 реакций 20 реакций (≈13.8%) обладают отрицательной окраской и описывают «несдержанность», «необщительность» и «неактивность» китайских мужчин.

Полученные данные показывают, что представления информантов-женщин о характере мужчин не стереотипизированы.

2.2.6. Сопоставление автостереотипа с гетеростереотипом о характере китайских мужчин [Comparing male character auto- and heterostereotypes]

На рисунке 2 представлено сопоставление семантических признаков в стереотипах о характере китайских мужчин.

Анализ записанных информантами в анкетах реакций выявил следующие с х о д с т в а между авто- и гетеростереотипами о характере китайских мужчин:

1. Количество признаков в двух видах стереотипов почти одинаковы: в автостереотипе 48 признаков (29 признаков от «других характеристик»), в гетеростереотипе 47 признаков (23 признаков от «других характеристик»).

2. В структуре автостереотипа и гетеростереотипа невозможно выделить ядро, средние и периферийные зоны, поскольку представления двух групп информантов очень разные.

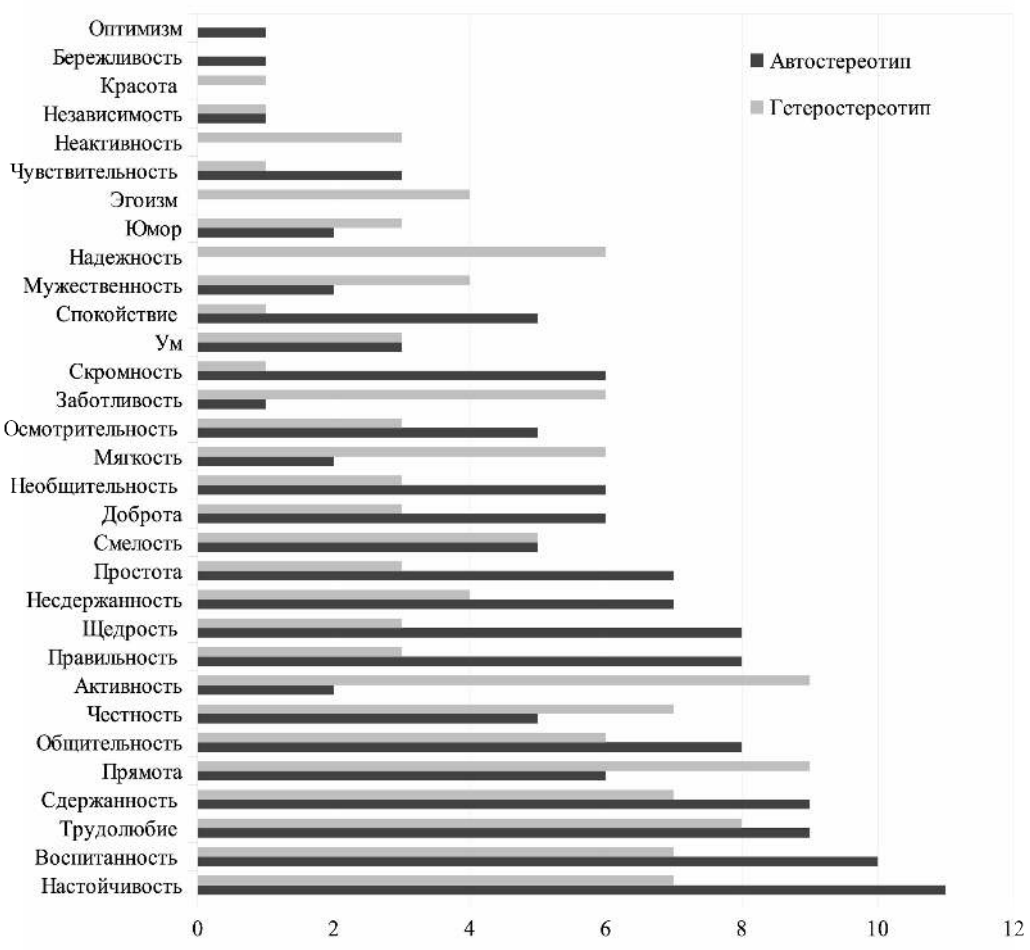
3. Реакции с отрицательной окраской занимают сходную долю в двух видах стереотипов: в автостереотипе насчитывается 17.3%, а в гетеростереотипе – 13.8%. Эти реакции в основном описывают «необщительность» и «несдержанность» китайских мужчин.

Различия между авто- и гетеростереотипами о характере китайских мужчин заключаются в следующем:

1. Информанты разных полов обращают главное внимание на совсем разные аспекты характера китайских мужчин. Информанты-мужчины в анкетах чаще всего пишут о своей «настойчивости» и «воспитанности», а информанты-женщины – об «активности» и «прямоте» китайских мужчин.

2. Кроме отрицательных признаков «необщительность» и «несдержанность», упомянутых двумя группами информантов, информанты-женщины пишут об «эгоизме», «неактивности», «мужском шовинизме» китайских мужчин.

Таким образом, можно прийти к выводу о несхожести авто- и гетеростереотипов о характере китайских мужчин.

Р и с у н о к 2. **Авто- и гетеростереотипы о характере китайских мужчин**
[F i g u r e 2. **Male character: Auto- and stereotypes**]

4. Заключение [Conclusion]

На основе проведенного анализа авто- и гетереостереотипов о характере китайских женщин и мужчин удалось прийти к следующим выводам. Во-первых, объёмы словников обеих групп информантов, описывающих характер китайских женщин почти равны. Ядро авто- и гетеростереотипов составляют такие признаки, как «мягкость», «доброта» и «заботливость». В средней, и особенно в периферийной зонах, представлены разные признаки и разные индивидуальные реакции. Кроме этого, разное количество признаков в авто- (33) и гетеростереотипах (43) доказывает, что в сознании китайских женщин их характер более стереотипизирован, чем в сознании китайских мужчин.

Во-вторых, авто- и гетеростереотипы о характере китайских мужчин непохожи. Выявлен большой набор разных индивидуальных реакций, что свидетельствует о нестереотипизированности представлений о характере китайских мужчин.

В-третьих, в стереотипах информантов о характере китайских женщин выделяется ядро, которое в стереотипах о характере мужчин не удается выделить. Поэтому, можно сказать, что в целом представления о характере китайских женщин более стереотипизированы, чем представления о характере китайских мужчин.

Наконец, доля отрицательных реакций в автостереотипе о характере китайских женщин значительно меньше, чем в гетеростереотипе. Наоборот, в автостереотипе о характере китайских мужчин доля реакций с отрицательной окраской больше, чем в гете-

ростереотипе. Это означает, что китайские мужчины критично относятся не только к другим, но и к себе.

Библиографический список

Бартминьский, 2005 – Бартминьский Е. Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике / пер. с польского. М. : Индрик, 2005. 528 с.

Белова, 2005 – Белова О. В. Этнокультурные стереотипы в славянской народной традиции. М. : Индрик, 2005. 288 с.

Горошко, 2002 – Горошко Е. И. Образы мужчины и женщины в языковом сознании // Словарь гендерных терминов / под ред. А. А. Денисовой. М. : Информация XXI век, 2002. URL: http://www.owl.ru/gender/284.htm (дата обращения : 25.01.2022).

Квастхофф, 2013 – Квастхофф У. Социальный предрассудок и коммуникация: лингвистический анализ стереотипов // От лингвистики к мифу: Лингвистическая культурология в поисках «этнической ментальности» / сост. А. В. Павлова. СПб. : Антология, 2013. С. 113–137.

Кирилина, Томская, 2005 – Кирилина А. В, Томская М. В. Лингвистические гендерные исследования // Отечественные записки. 2005. № 2. С. 112–132.

Кирилина, 2005 – Кирилина А. В. Гендер и язык. М. : Языки славянской культуры, 2005. 624 с.

Крысин, 2005 – Крысин Л. П. Этностереотипы в современном языковом сознании: к постановке проблемы // Философские и лингво-культурологические проблемы толерантности / отв. ред. Н. А. Купина, М. Б. Хомяков. М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2005. С. 450–455.

Леонтович, 2005 – Леонтович О. А. Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения. М. : Гнозис, 2005. 352 с.

Липпман, 2004 – Липпман У. Общественное мнение / пер. с англ. Т.В. Барчунова ; под ред. К. А. Левинсон, К. В. Петренко. М. : Общественное мнение, 2004. 384 с.

Рябова, 2001 – Рябова Т. Б. Гендерные стереотипы и гендерная стереотипизация: методологические подходы // Женщина в российском обществе. 2001. № 3–4. С. 3–12.

Садохин, 2005 – Садохин А. П. Введение в теорию межкультурной коммуникации. М. : Высшая школа, 2005. 310 с.

Солдатова, 1998 – Солдатова Г. У. Психология межэтнической напряженности. М. : Смысл, 1998. 389 с.

Стефаненко, 1999 – Стефаненко Т. Г. Этнопсихология. М.: Академ. проект, 1999. 320 с.

Чэнь, Ерофеева, 2021 – Чэнь Я., Ерофеева Е. В. Авто- и гетеростереотипы китайских мужчин и женщин // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2021. Вып. 7, № 3. С. 204–219.

Ashmore, Del Boca, 1986 – Ashmore R. D., Del Boca F. K. The Social Psychology of Female-male Relations: A Critical Analysis of Central Concepts. N.Y., 1986. 368 p.

Buhl, 1999 – Buhl T. Positive-negative asymmetry in social discrimination: meta-analytical evidence // Group Processes and Intergroup Relations. 1999. Vol. 2. P. 51–58.

Castano et al., 2002 – Castano E., Paladino M.-P., Coull A. Protecting the ingroup stereotype: Ingroup identification and the management of deviant ingroup members // The British journal of social psychology. 2002. Vol. 41 (3). P. 365–386.

Maccoby, Jacklin, 1974 – Maccoby E. E., Jacklin C. N. The Psychology of Sex Differences. Stanford, CA : Stanford University Press, 1974. 634 p.

Pettigrew, Meeriens, 1995 – Pettigrew T. F., Meeriens R. W. Subtle and blatant prejudice in Western Europe // European Journal of Social Psychology. 1995. Vol. 25. P. 57–75.

Rentzetti er al., 1999 – Rentzetti C. M., Curran D. J., Maier S. L. Women, Men and Society. 6th edn. Boston MA : Pearson, 2012.

Stoller, 1968 – Stoller R. Sex and gender: On the development of masculinity and femininity. New York City : Science House, 1968. 383 p.

Ань, Чжан, 2010 – 安桂花，张海钟．国内关于刻板印象研究的回顾与反思．山西高等学校社会科学学报第 22 卷，第 8 期, 2010. 92–93 页 [Ань Г., Чжан Х.. Обзор и размышления о отечественных исследованиях стереотипов // Вестник социальных наук колледжей и университетов Шаньси. 2010. Т. 22, № 8. С. 92–93].

Ван, 1999 – 王沛．刻板印象的社会认知研究述论．心理科学第 22 卷第四期，1999. 342–345 页[Ван П. Обзор исследования стереотипного социального познания // Психологическая наука. 1999. Т. 22, № 4. С. 342–345].

Ван, Сунь, 2008 – 王沛，孙连荣．广告中人物角色的性别刻板印象效应．心理科学第 31 卷第 5 期．2008. 1139–1142 页 [Ван П., Сунь Л. Эффект гендерного стереотипа персонажей в рекламе. Психологическая наука. 2008. Т. 31, № 5. С. 1139–1142].

Ху и др., 2004 – 胡海志，梁建宁，徐维东．职业刻板印象及其影响因素研究．心理科学第 27 卷第 3 期． 2004. 628–631 页 [Ху Х., Лян Ц., Сюй В. Исследование профессионального стереотипа и факторов, влияющих на него. Психологическая наука. 2004. Т. 27, № 3. С. 628–631].

Цзо, 2015 – 佐斌．刻板印象内容与形态．华中师范大学出版社．2015. 274 页 [Цзо Б. Содержание и форма стереотипов. Изд-во Центрально-Китайского пед. ун-та. 2015. 274 с.].

References

Bartminskiy, E. (2005). *Yazykovoy obraz mira: ocherki po etnolingvistike* [Linguistic image of the world: Essays on ethnolinguistics]. Translated from Polish. Moscow : Indrik Press. (In Russ.).

Belova, O. V. (2005). *Etnokul'turnye stereotipy v slavyanskoy narodnoy traditsii* [Ethnocultural stereotypes in the Slavic folk tradition]. Moscow : Indrik, 2005.288 p. (In Russ.).

Goroshko, E. I. (2002). Obrazy muzhchiny i zhenshchiny v yazykovom soznanii [Images of a man and a woman in the linguistic consciousness]. A. A. Denisova (Ed.), *Slovar' gendernykh terminov* [Dictionary of gender terms]. Moscow : Informatsiya XXI vek. Retrieved January 25, 2022 from <http://www.owl.ru/gender/284.htm>. (In Russ.).

Quasthoff, W. (2013). Sotsial'nyy predrassudok i kommunikatsiya: lingvisticheskiy analiz stereotipov [Social prejudice and communication: linguistic analysis of stereotypes]. In A. V. Pavlova (Compiler), *Ot lingvistiki k mifu: Lingvisticheskaya kul'turologiya v poiskakh "etnicheskoy mental'nosti"* [From linguistics to myth: Linguistic cultural studies in search of "ethnic mentality"] (pp. 113–137). St Petersburg: Anthologiya, Press. (In Russ.).

Kirilina, A. V., Tomskaya, M. V. (2005). Lingvisticheskie gendernye issledovaniya [Linguistic gender studies]. *Otechestvennye zapiski* [Scientific Notes], 2, 112–132. (In Russ.).

Kirilina, A. V. (2005). *Gender i yazyk* [Gender and language]. Moscow : Yazyki slavyanskoy kul'tury Press.

Krysin, L. P. (2005). Etnostereotipy v sovremennom yazykovom soznanii: k postanovke problemy [Ethnostereotypes in modern linguistic consciousness: A problem statement]. In N. A. Kupina, M. B. Khomyakov (Eds), *Filosofskie i lingvo-kul'turologicheskie problemy tolerantnosti* [Philosophical and linguo-cultural problems of tolerance] (pp. 450–455). Moscow : OLMA-PRESS. (In Russ.).

Leontovich, O. A. (2005). *Russkie i amerikantsy: paradoksy mezhkul'turnogo obshcheniya* [Russians and Americans: Paradoxes of Intercultural Communication]. Moscow : Gnosis Press. (In Russ.).

Lippmann, W. (2004). *Obshchestvennoe mnenie* [Public opinion]. Translated from English by T. V. Barchunov, ed. by K. A. Levinson, K. V. Petrenko. Moscow : Obshchestvennoe mnenie Press. (In Russ.).

Ryabova, T. B. (2001). Gendernye stereotipy i gendernaya stereotipizatsiya: metodologicheskie podkhody [Gender stereotypes and gender stereotyping: Methodological approaches]. *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve* [Woman in Russian society], 3-4, 3–12. (In Russ.).

Sadokhin, A. P. (2005). *Vvedenie v teoriyu mezhkul'turnoy kommunikatsii* [Introduction to the theory of cross-cultural communication]. Moscow : Vysshaya shkola Press. (In Russ.).

Soldatova, G. U. (1998). *Psikhologiya mezhetnicheskoĭ napryazhennosti* [Psychology of cross-ethnic tension]. Moscow : Smysl Press. (In Russ.).

Stefanenko, T. G. (1999). *Etnopsykhologiya* [Ethnopsychology]. Moscow : Akadem. Proyekt Press. (In Russ.).

Chen, Y., Erofeeva, E. V. (2021). Avto- i geterostereotipy kitayskikh muzhchin i zhenshhin [Auto- and heterostereotypes of Chinese women and men: Appearance]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 7 (3), 204–219. (In Russ.). https://doi.org/10.22250/2410-7190_2021_7_3_204_219.

Ashmore, R. D., Del Boca, F. K. (1986). The social psychology of female-male relations: A critical analysis of central concepts. N. Y.

Buhl, T. (1999). Positive-negative asymmetry in social discrimination: Meta-analytical evidence. *Group Processes and Intergroup Relations*, 2, 51–58.

Castano, E., Paladino, M.-P., Coull, A. (2002). Protecting the ingroup stereotype: Ingroup identification and the management of deviant ingroup members. *The British journal of social psychology*, 41 (3), 365–386.

Maccoby, E. E., Jacklin, C. N. (1974). *The Psychology of Sex Differences.* Stanford, CA : Stanford University Press.

Pettigrew, T. F., Meeriens, R. W. (1995). Subtle and blatant prejudice in Western Europe. *European Journal of Social Psychology*, 25, 57–75.

Rentzetti, C. M., Curran, D. J., Maier, S. L. (2012). *Women, men and society.* 6th edn. Boston MA : Pearson, 2012.

Stoller, R. (1968). *Sex and gender: On the development of masculinity and femininity.* New York City : Science House.

An, G., Zhang, H. (2010). Guo nei guan yu ke ban yin xiang yan jiu de hui gu yu fan si [Review and Reflections on Russian Studies of Stereotypes]. *Shan xi gao deng xue xiao she hui ke xue xue bao dì* [Bulletin of Social Sciences of Shanxi Colleges and Universities], 22 (8), 92–93. (In Chinese).

Wang, P. (1999). Ke ban yin xiang de she hui ren zhi yan jiu shu lun [Review of the study of stereotyped social cognition]. *Xin li ke xue* [Psychological Science], 22 (4), 342–345. (In Chinese).

Wang, P., Sun, L. (2008). Guang gao zhong ren wu jiao se de xing bie ke ban yin xiang xiao ying [The effect of gender stereotype of characters in advertising]. *Xin li ke xue* [Psychological Science], 31 (5), 1139–1142. (In Chinese).

Hu, H., Liang, J., Xu., W. (2004). Zhi ye ke ban yin xiang ji qi ying xiang yin su yan jiu [Study of a professional stereotype and factors influencing it]. *Xin li ke xue* [Psychological Science], 27 (3), 628–631. (In Chinese).

Zuo, B. (2015). Ke ban yin xiang nei rong yu xing [Content and form of stereotypes]. *Hua zhong shi fan da xue chu ban she* [Central China Normal University Press]. (In Chinese).

Статья поступила в редакцию 08.07.2021; одобрена после рецензирования 02.02.2022; принята к публикации 05.02.2022.
The article was submitted 08.07.2021; approved after reviewing 02.02.2022; accepted for publication 05.02.2022.

УДК 81’34, 81-13 doi: 10.22250/24107190_2022_8_1_202

Шамина Елена Анатольевна
Санкт-Петербургский государственный университет
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
e-mail: e.shamina@spbu.ru

Обучение иноязычному произношению: когнитивные, психолингвистические и социолингвистические основания[1]

Аннотация
В статье декларируется первостепенная важность коммуникации в устной форме и, как следствие, обосновывается необходимость обучения произношению на всех уровнях владения иностранным языком. В пользу такого положения приводятся когнитивные, психолингвистические и социолингвистические аргументы. При этом содержание понятия «произношение» может быть существенно различным в зависимости от целей и задач обучения и потребностей обучаемых. В связи с этим основной задачей преподавателя, который далеко не всегда имеет квалификацию фонетиста, видится постоянное внимание к произносительной стороне иностранного языка, а также привлечение к процессу обучения аутентичных (аудио) материалов. На материале английского языка как иностранного обсуждаются объём и виды фонетических сведений, актуальных для разных типов обучаемых, и приводятся примеры фонетических заданий.

Ключевые слова: английское произношение, когнитивный подход, психолингвистика, социофонетика, методика преподавания

© Шамина Е. А. 2022

Для цитирования: Шамина Е. А. Обучение иноязычному произношению: когнитивные, психолингвистические и социолингвистические основания // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2022. Вып. 8, № 1. С. 202–213. https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_1_202

Elena A. Shamina
St Petersburg State University
St Petersburg, Russian Federation
e-mail: e.shamina@spbu.ru

Foreign Language Pronunciation Teaching: cognitive, psycholinguistic and sociolinguistic grounds

Abstract
The article declares the primary importance of oral communication and the consequent need for teaching pronunciation at all levels of foreign language acquisition. The view is augmented with cognitive, psycholinguistic and sociolinguistic arguments. The notion of “pronunciation”, however, should be interpreted in very different ways depending on the learning objectives and the types of learners. The main duty of the teacher, who is not always a qualified phonetician, is defined as constant attention to the sound form of the foreign language in question and in introducing authentic (audio) materials into the classroom. Taking English as a foreign language as an example, the extent of phonetic information relevant for different types of learners is discussed and some types of phonetic exercises and activities are described.

[1] Данная статья представляет собой развитие идей, высказанных автором в докладе «From the Heart of the Phonetics Teacher with Love» на 13 конференции Дальневосточной Ассоциации преподавателей английского языка FEELTA в июне 2021 г.

Keywords: English pronunciation, cognitive approach, psycholinguistics, sociophonetics, teaching methodology

© Shamina E. A. 2022

For citation: Shamina, E. A. (2022). Obuchenie inoyazychnomu proiznosheniyu: kognitivnye, psikholingvisticheskie i sotsiolingvisticheskie osnovaniya [Foreign Language Pronunciation Teaching: cognitive, psycholinguistic and sociolinguistic grounds]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 8 (1), 202–213. https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_1_202

1. Введение [Introduction]

В области обучения иноязычному произношению в последние десятилетия наблюдается столкновение нескольких разнонаправленных тенденций, обусловленных целым рядом экстралингвистических факторов. К последним можно причислить политические и экономические изменения в мире: процессы глобализации привели к тому, что отдельные языки (в особенности, английский) стали востребованы как *lingua franca* и потому используются и изучаются повсеместно, и нет недостатка в учебных пособиях самого разного свойства, в том числе фонетических. Открытые границы, доступность путешествий (за исключением периода пандемии COVID-19), использование высокотехнологичных мобильных приложений сделали возможными непосредственные контакты с носителями того или иного языка и, следовательно, прямое обучение устной речи во всех её проявлениях. Интернет обеспечивает практически мгновенный доступ не только к переводным словарям, но и произносительным образцам того или иного языка. Все это, казалось бы, должно облегчить обучение иностранному языку и, в частности, его фонетике. Однако разнородность и непоследовательность поступающей таким свободным образом информации, не опосредованной социолингвистическим и собственно лингвистическим, в том числе и фонологическим, анализом, ведёт к формированию наивных и часто неверных представлений о произношении изучаемого языка. Без помощи преподавателя студенты оказываются не в состоянии ни интерпретировать воспринимаемые фонетические явления, ни выбрать образец для подражания [Gilakjani, Ahmadi, 2011].

С другой стороны, и в преподавательской, и в студенческой среде всё ещё существуют традиционные представления о фонетике как об элитарной форме знания и умения говорить на иностранном языке, вызывающие желание определить идеальный стандарт (напр., Queen’s English, в случае английского языка). Если же такой стандарт оказывается не достижим (например, в силу нехватки учебного времени), то фонетический аспект изымается из рассмотрения вовсе. Необходимо подчеркнуть, что «хорошее» произношение не имеет никакого отношения к умению говорить «идеально», «красиво» или «выразительно». Его оценка с необходимостью должна быть функциональной: произношение можно считать хорошим, если оно отвечает уровню владения иностранным языком и потребностям говорящего на нём иностранца.

Именно с функциональным подходом к обучению произношению связаны последние исследования в данной области [Jenkins, 2004]. Однако, как показывает опыт автора настоящей статьи, когда преподаватель, который вовсе не обязан иметь квалификацию фонетиста, сталкивается с детальным описанием произносительных вариантов и их социолингвистической значимости, у него возникает соблазн посчитать такую информацию излишней и отказаться от её использования на занятии, особенно если оно не посвящено фонетике специально. Либо, под влиянием обстоятельств (например, традиции, которая сильна в образовательных учреждениях России), преподаватель может отводить определённое время на тренировку произношения, не вникая в суть фонетических явлений и терминов, а также в их соотнесённость с фонетическими явлениями родного языка обучаемых. Печальной иллюстрацией такого положения дел является ро-

лик с видеозаписью школьных фонетических занятий, размещенный на платформе *youtube* (https://www.youtube.com/watch?v=Hbn1Rn-OKR8). Документальная съёмка показывает, как молодые учителя из разных стран с энтузиазмом учат школьников читать английские слова: так, как они сами их привыкли их произносить, и так, что слова эти опознать невозможно.

Для преодоления указанных препятствий к тому, чтобы обучение иноязычному произношению заняло достойное место в ряду «аспектов» предмета «иностранный язык» на всех образовательных уровнях, необходимо помнить о том, что нет языка без произношения (если не считать языков мёртвых, искусственных и тех, что специально предназначены для общения в беззвучной среде, включая жестовые языки) и что произношение столь же важно, сколь грамматика или лексика (если не важнее – в условиях устной коммуникации).

2. Произношение как одно из базовых свойств языка [Pronunciation as a basic language feature]

2.1. Когнитивные основания обучения произношению [Cognitive grounds for teaching pronunciation]

Никто, наверное, не сомневается в том, что человеческий язык возник в устной форме, а уж затем человечество научилось писать. Известно, что онтогенез повторяет филогенез: каждый может на личном опыте убедиться, что человеческий младенец (в норме) сначала научается говорить, а уж затем писать, причём часто с большим трудом. При этом системы письма в разных лингвокультурах различаются гораздо больше, чем устная речь на разносистемных языках: последняя всегда разворачивается синтагматически, содержит гласно- и согласно-подобные сегменты, соблюдает принципы слогового контраста (какую бы роль ни играл слог в данном языке), использует просодические средства и, в частности, интонацию. Изобретая наиболее удобный способ коммуникации, человечество было обречено прибегнуть именно к устной речи: только наша (конечно, развившаяся со временем) способность производить и быстро изменять звуковые последовательности при помощи артикуляторного аппарата обеспечивает производство достаточно надёжных коммуникативных сигналов.

Таким образом, фонетическая сторона языка выходит на первый план. Многолетний опрос сменяющихся поколений студентов-филологов СПбГУ, проводимый автором статьи, показывает, что говорение, а также восприятие и понимание речи на слух, как и прежде, являются основными процедурами использования языка как средства коммуникации, даже в эпоху повсеместного распространения мультимедийных информационных платформ и поголовного увлечения мессенджерами, где общение часто осуществляется посредством визуальных символов.

Признав за произношением первенство в назывании предметов и явлений окружающего мира, как в исторической перспективе, так и в условиях современности, необходимо помнить о важности первичной номинации. Будь то малыш, сочиняющий первые слова для обозначения того, что он видит вокруг, или учёный, подыскивающий термин для научного открытия, призванного изменить наши представления о вселенной, – им всем нужно создать имя. Номинация – абсолютно необходимый этап познания. Вспомним Татьяну Ларину, любимую героиню А. С. Пушкина, когда она раздумывает о сущности человека, которого полюбила: «Ужель загадку разрешила? Ужели слово найдено?». Истинно так, ибо если найти нужное слово, то оно позволит ухватить самую суть называемого.

Далее, если имя, название столь важны, то, по всей вероятности, и звуки этого имени важны тоже. Тем более, что они могут быть напрямую связаны со значением – и в этом случае мы имеем дело с иконическими языковыми единицами [Шамина, 2019].

Например, если в одно и то же высказывание на английском языке с общим значением «Он направился к двери» вставлять разные (иконические) глаголы: *He SHUFFLED / PRANCED / WIGGLED to the door*, скорее всего, можно догадаться, в каком случае он добрался до двери быстрее, произвёл больше шума, сделал это с радостью или неохотой и т. п., даже не будучи совершено уверенными в словарной дефиниции соответствующих глаголов. Звуки могут сами всё рассказать, и пренебрежение ими – не в интересах человека говорящего или слушающего, каким бы языком он ни пользовался.

2.2. Психолингвистические основания обучения произношению [Psycholinguistic grounds for teaching pronunciation]

Имеются также психолингвистические основания того, чтобы уделять произношению особое внимание при обучении иностранному языку на всех уровнях. Так, те, кто не умеет говорить на понятном языке, часто приравниваются к тем, кто не умеет говорить вовсе. Таково, например, происхождение слова *немец* в русском языке. Этимологический словарь русского языка М. Фасмера отмечает общую для всех славянских языков первоначальную семантику этого обозначения представителя германских народов – 'немой', из которого затем развились значения 'человек, говорящий неясно, непонятно; иностранец' [Фасмер, 1986]. Следовательно, люди, которые говорят неясно и непонятно, оцениваются как в определённых отношениях ущербные. В английском языке *dumb* обозначает, в соответствии с Cambridge English Dictionary, 1. *unable to speak* 'немой', 2. *stupid* 'глупый' [https://dictionary.cambridge.org]. То есть, в языковой картине мира как английского, так и русского языков умение говорить непосредственно связано с умственными способностями. В самом деле, если задуматься, с кем обычно разговаривают громко и медленно, то ответ не заставит себя ждать: с теми, кто плохо слышит, и с дураками. А ещё с иностранцами, приравнивая их таким образом к тем или другим. Если преподаватель не хочет, чтобы его ученики воспринимались как умственно отсталые, учить их произношению придётся.

Более того, если сравнивать «вклад» привычных языковых подсистем (лексики, грамматики и фонетики) в общее значение высказывания, употреблённого в устной повседневной речи (в рамках этой дискуссии предлагается оставить в стороне другие виды дискурса, требующие особого отношения к содержательной стороне коммуникации), то придётся признать главенствующую роль фонетики. Интонация во многих языках может легко превратить утвердительное высказывание в вопрос (ср. англ. *That's \right. That's / right?*), а в русском языке в этом заключается основная функция интонационной конструкции 3 (ИК-3), по классификации Е. А. Брызгуновой [Брызгунова, 1977] (ср. *Сегодня пятница*[1]. *Сегодня пятница*[3]?). Помимо прямого изменения коммуникативной направленности высказывания, интонация способствует передаче многочисленных коннотаций, эмоциональных оттенков значения, так что традиционное русское приветствие *Здравствуйте*! может при изменении интонационного контура превратиться в порицательное междометие *Здрааавствуйте*… На материале английского языка данное явление можно продемонстрировать при помощи сцены из фильма Гая Ричи «Большой куш» (Guy Ritchie, The Snatch, 2000), в которой слово *London* произносится шестью разными способами, каждый раз выражая иной оттенок значения (https://www.youtube.com/watch?v=bRBZw4IU8rg&ab_channel=Facu Verdun).

2.3. Социолингвистические основания обучения произношению [Sociolinguistic grounds for teaching pronunciation]

Социолингвистические основания обучения фонетике иностранного языка обусловлены его социолингвистическим варьированием и значимостью вариантов, а пото-

му могут существенно различаться в зависимости от изучаемого языка. Здесь речь идёт об английском – самом изучаемом в качестве иностранного языка в мире.

Английский язык существует в нескольких национальных вариантах, каждый из которых имеет свои региональные и социальные варианты (т. е. диалекты, нормы, профессиональные и иные жаргоны и т. д.) [Wells, 1982], даже если оставить в стороне его роль как языка интернационального, о которой говорилось выше. Всё это означает, что английский язык далеко не однороден, и произношение его носителей может значительно разниться, вплоть до взаимного непонимания. Одним из способов убедиться в этом может стать изучение отображения произносительных вариантов английского языка в англоязычной литературе [Шамина, 2017]. Вот как разговаривают герои Родди Дойла (ирландский английский), Стивена Кинга (один из южных диалектов американского английского) и Колина Декстера (британский диалект, известный как кокни):

Jaysis! Wha' tracks are yis doin', eejits? (Roddy Doyle, The Commitments);

Those chirrun were heartbroken for the baby-uns. (Steven King, Duma Key);

It's the real fing 'ere, sir, innit? (Colin Dexter, The Jewel that was Ours).

У студентов, встречающихся со столь разнообразным произношением, может возникнуть ощущение, что позволено говорить, как угодно. Однако это вовсе не так. В гораздо более выраженной степени, чем в других лингвокультурах, в англоязычных странах произношение выполняет важную социолингвистическую функцию. Если в России «встречают по одежке», то в Великобритании и США – по тому, как человек говорит. Это, в частности, доказывает следующая цитата из романа Х. Лори: '*Yes, I've got a poncy voice, and a poncy job, and my boyfriend works in the city. ... Half the people I meet never take me seriously because of the way I talk, and the other half only take me seriously because of the way I talk. Gets on your nerves after a while*' (Hugh Laurie, The Gun Seller, 1996).

В англоязычных культурах ожидается, что человек с высшим образованием и престижной работой говорит соответствующим образом, при этом от иностранцев ждут того же [Абрамова, 2009]. Более того, в экспериментальной работе американских авторов показано, что произносительные ошибки в речи иностранцев оцениваются наивными носителями английского языка существенно строже, чем грамматические, хотя они и не влияют на восприятие смысла высказывания (см., напр., [Johnson, Frederick, 1994]).

Следовательно, обучение английской фонетике совершенно необходимо не только студентам филологических факультетов, но и специалистам во всех областях науки и техники. Ведь именно владение английским языком в той или иной степени является в настоящее время инструментом связи с внешним миром за пределами отдельной страны, позволяющим вливаться в мировое культурное и научное пространство.

Имеется ещё одна причина уделять внимание произношению при обучении английскому языку русскоязычных студентов. Так уж случилось, что русский акцент не вызывает у носителей английского языка приятных ассоциаций, ни на уровне супрасегментики (напр., интонации, так как разговариваем мы в слишком низком регистре, с излишне глубокими нисходящими тонами и чрезмерно резкими восходящими тонами), ни на уровне сегментики (напр., гласных, которых в русском языке, как минимум, в 3 раза меньше, чем в английском). Первое заставляет англичан и американцев думать, что русские агрессивны и всегда чем-то недовольны, а второе приводит к тому, что даже слова аудиторного обихода русские произносят почти как ругательства, например: *mark* «оценка» = *muck* «дерьмо» (в случае использования британского английского), *piece* «кусочек» = *piss* «мочиться», и т. п. [Шамина, 2013].

3. Цели и задачи обучения произношению [Goals and objectives of pronunciation teaching]

3.1. Общие методологические соображения [General considerations: methodology]

Всё, сказанное выше, неизбежно приводит к заключению, что иностранного языка необходимо. Однако объём получаемых студентами знаний и отрабатываемых ими умений и навыков, а, следовательно, и методические приёмы и дидактические материалы должны соответствовать поставленным задачам обучения и могут существенно различаться в зависимости от условий и целей образовательного процесса. Определению содержательной стороны курса произношения должен предшествовать анализ потребностей обучаемых, включающий выявление целей обучения, оценку уровня владения иностранным языком, ожиданий обучающихся от изучения иностранного языка в учебном заведении и предыдущего опыта овладения им. Именно они должны находиться в центре внимания как при составлении программы учебной дисциплины, так и при разработке лингводидактических материалов и методов [Brown, 2013].

Об этом говорил ещё Л. В. Щерба, выдающийся лингвист, основатель Петербургской фонологической школы, которая, формулируя теоретические законы строения и функционирования звуковой системы языка, никогда не теряет из виду реальную языковую деятельность носителей этого языка, в том числе и такие практические её проявления, как обучение иностранному языку. В своей работе «Как надо изучать иностранные языки» [Щерба, 1929] Л. В. Щерба приводит список 9 умений, непосредственно отражающих цели, которые ставит перед собой человек, начинающий изучать иностранный язык, и даёт советы относительно того, какие действия следует предпринять для их достижения. Книга написана без малого 100 лет назад, и, естественно, в настоящий период целеполагание и условия обучения существенным образом отличаются от описанных в ней, однако некоторые положения не теряют своей актуальности и сегодня. Так, Л. В. Щерба отмечает большое значение произношения при обучении устной речи, классифицирует произносительные ошибки на основании их коммуникативной значимости и подчёркивает пользу использования аутентичных аудио материалов. Особо обращает на себя внимание мысль классика о главенствующей роли в постановке иноязычного произношения опытного преподавателя, опирающегося на строго научные фонетические сведения.

Эти сведения, помимо общего представления о работе артикуляторных органов и акустических эффектах тех или иных артикуляторных движений, должны включать знание сходных и различных черт фонетических систем изучаемого и родного для студентов языков. Объяснению, постановке, тренировке и закреплению должны подвергаться только те произносительные явления, что не привычны для обучаемых [Androsova, 2015 b].

3.2. Фонетический курс для филологов [The pronunciation course for language majors]

Основной целью обучения студентов-филологов является формирование профессиональных компетенций специалиста в области языка и литературы, преподавателя или переводчика. Она достигается включением в учебные программы особого фонетического раздела в курсе основного иностранного языка (продолжительностью от 2 до 3 семестров), а также таких практических дисциплин как Аудирование и Культура речи переводчика на старших курсах, не говоря о Теоретической фонетике изучаемого языка. В традициях кафедры фонетики СПбГУ, где преподает автор, (а также некоторых других университетов) предполагается проведение в начале обучения интенсивного вводного (sic! не корректировочного) фонетического курса. Таким образом, внимание звуковой стороне иностранного языка уделяется на протяжении всего курса обучения студента-филолога. Преподавание ведётся с использованием новейших фонетических

данных и современных технологий, в лингафонных и компьютерных классах, силами опытных преподавателей, т. е. в строгом соответствии со взглядами Л. В. Щербы. На примере преподавания английской фонетики, можно утверждать, что материал охватывает все уровни фонетической системы: фонемы и их модификации, модели словесного ударения, ритмические тенденции и интонационное оформление английской речи, содержит обобщение сведений относительно различий в артикуляторных и перцептивных базах английского и русского языков и даёт студентам детальное представление об английском языке как основном средстве устного общения в различных коммуникативных ситуациях, различных типах дискурса и различных национальных, культурных и социальных сообществах. При этом используются как дидактические материалы ведущих международных издательств, так и те, что разрабатываются сотрудниками соответствующих кафедр, на основании системного сравнения фонетических систем изучаемого и родного для студентов языков (ср. [Андросова и др., 2017 ; Sukhovalov et al., 2021]). Обучение строится таким образом, чтобы студенты могли сознательно воспитывать у себя стойкие навыки стилистически и фонетически правильной устной английской речи в условиях переводческой, преподавательской и иной профессиональной деятельности [Шамина, 2007].

Следует заметить, что описанный выше подход осуществляется в отсутствии непосредственного иноязычного окружения и, тем не менее, позволяет достичь впечатляющих результатов, о которых потом с гордостью рассказывают выпускники. Совершенно понятно, что при обучении студентов других специальностей и с другими целями такого пристального и затратного (в терминах учебного времени) внимания к произношению не требуется, и оно вполне может осуществляться преподавателем-практиком, который совсем не обязан быть фонетистом.

3.3. Произношение в общем курсе иностранного языка [Pronunciation teaching for general communicative competency]

Основной целью обучения в общем курсе иностранного языка, подобном школьному курсу или тем, что предлагаются широким спектром негосударственных языковых центров, является обеспечение эффективной коммуникации на иностранном языке. Поскольку чаще всего имеется в виду устная коммуникация (см. выше), то преподавание произношения должно приобретать особое значение. Однако, по наблюдениям автора, обычно задачи обучения фонетике рассматриваются в отрыве от задач обучения таким навыкам, как понимание на слух или говорение. В результате занятия по фонетике изучаемого языка проводятся, в основном, на начальных этапах обучения, а в дальнейшем преподаватель не находит аудиторного времени для этого «не столь важного» аспекта.

Бытуют также некоторые устоявшиеся заблуждения относительно различий между русским произношением и произношением в том или ином иностранном языке и роли отдельных произносительных элементов в создании иноязычного акцента. Так, если иметь в виду преподавание английской фонетики, то принято считать, что основные различия касаются звуков (фонем) и их сочетаний, а не словесного и фразового ударения, ритма или интонации. В полном соответствии с такими представлениями и строится обучение, в ходе которого происходит объяснение артикуляции и/или имитация отдельных звуков и слов. Далее от студента обычно требуется чтение вслух, коммуникативная задача которого представляется весьма сомнительной. Фонетическое занятие, таким образом, может легко превратиться в конкурс декламации, когда от студента требуется чётко и выразительно прочитать текст. Не умаляя достоинств такого способа мотивации студентов, как проведение конкурсов, в том числе и конкурсов декламации, следует все-таки подчеркнуть, что занятия по фонетике не имеют к ним ни малейшего отношения, так как при этом истинные трудности английского произноше-

ния, имеющие непосредственное отношение к овладению основными коммуникативными навыками, остаются вне зоны внимания преподавателя и студента.

Для того чтобы преподавание фонетики соответствовало современным методическим требованиям, его необходимо строить с позиций коммуникативного подхода и проводить обучение иноязычным звукам, акцентным моделям и интонационным контурам в коммуникативных ситуациях [Шамина, 2004]. Современные учебные пособия, фильмы, многочисленные англоязычные ролики в сети Интернет по любой интересной для обучаемых тематике дают для этого богатый и разнообразный материал. Основная задача преподавателя видится в том, чтобы регулярно привлекать внимание студентов к различиям в фонетических явлениях родного и изучаемого языков.

Применительно к обучению сегментным единицам это означает, что отработка звуков должна строится на материале текста, который студенты читают, или темы, которую они обсуждают. При этом разнообразие упражнений весьма велико, и они не требуют много учебного времени. Можно предложить студентам найти в тексте слова с тем или иным звуком, правильно повторять их, имитируя произношение преподавателя или, что значительно лучше, запись в аудиофайле, приложенном к учебному пособию, или их озвучивание в любом онлайн словаре, а далее непременно употребить их в собственном высказывании по теме. Особое внимание следует уделять гласным, так как в английском языке их значительно больше, чем в русском, и для русскоязычных обучаемых их неразличение чревато ошибками как в восприятии, так и порождении речи на английском языке. При этом необходимо подчёркивать, что система письма в современном английском языке основана далеко не на фонетических принципах, и одна буква изображает очень разные звуки: *pot* /pɑt/, *cord* /kɔrd/, *code* /koʊd/, *son* /sʌn/ (для американского английского).

Ошибки в моделях словесного ударения имеют ничуть не меньшую коммуникативную значимость и могут привести к неразличению форм существительного и глагола (так сказать, к грамматической ошибке), например, в парах типа *'im‚port – im'port*, а также к порождению двусмысленных высказываний например, *Have you seen a 'walking 'stick* (шагающая палка)? вместо *Have you seen a 'walking ‚stick (трость)?*

Естественная для (даже нормативного) английского языка редукция частотных служебных слов, часто приводящая к модификации звукового состава как самого служебного слова, так и соседнего с ним полнозначного слова (типа *Digeet yet*? = *Did you eat yet*?) представляют для русскоязычных студентов особенные трудности и часто приводят к непониманию естественной английской речи (см., напр., [Андросова, 2015 а]). Неверное (гиперкорректное?) же употребление так называемых «сильных» или полных форм служебных слов вместо «слабых», редуцированных, ведёт к стойкому русскому акценту в английской речи обучаемых и даже может привести к незапланированной смене социолингвистического регистра речевой ситуации (speaking as a preacher).

То же касается и интонации, которая напрямую связана с коммуникативной задачей и реализуется только в коммуникативной ситуации. Ошибки, вызванные влиянием интонационной системы родного языка, могут привести как к непониманию, так и, что еще хуже, к неправильному пониманию речевой интенции говорящего. Очевидна поэтому важность и даже необходимость обучения типичным интонационным контурам в типичных речевых ситуациях, например, формулам вежливости, которые представляют собой неразложимое идиоматическое единство лексики, грамматики и интонации (Hello!, Take care!, After you, Excuse me, etc.). Необходимо подчеркнуть, что не требуется быть специалистом в области интонации, чтобы стимулировать обучаемых на просмотр имеющихся в изобилии видеоматериалов на английском языке и их частичную имитацию. Подражание не только голосу, но и невербальному поведению (жестам, мимике, положению тела в пространстве) в этом случае только помогают делу [Portnova, Shamina, 2021].

3.4. Произношение в курсе иностранного языка для специальных целей [Pronunciation teaching in the Language for Specific Purposes Course]

За последние 20 лет потребности студентов нелингвистических специальностей в отношении владения иностранными языками существенно изменились. Теперь они не только должны разбираться в письменном тексте по специальности (а иногда и переводить его), но и воспринимать устную речь, участвовать в конференциях, общаться с коллегами и обмениваться с ними мнениями и исследовательскими данными. Иными словами, им необходимо уметь понять и быть понятыми. Ясно, что при этом знание лексических единиц, правил их употребления и соединения в высказывание, способность опознавать их в письменном виде и на слух, а также умение их произносить одинаково важны. Следует отдавать себе отчёт в том, что грамматика и фонетика, наряду с другими языковыми явлениями, тесно переплетены в каждом акте коммуникации [Шамина, 2018]. Следовательно, обучению этим навыкам на занятии по иностранному языку должно уделяться если не равное, то хотя бы сопоставимое внимание. Это в особенности касается изучения английского языка, в связи с его ролью языка глобального, универсального *lingua franca*, основного средства межъязыкового и межкультурного общения в настоящий период.

Очевидно, что обучение английскому для специальных целей (ESP) должно проводиться на материалах, непосредственно связанных с профессиональными потребностями будущих специалистов. Изучение терминологии не может исключать формирование умения опознавать её на слух и озвучивать при визуальном восприятии. Способствовать этому могут достаточно простые упражнения на перевод с английского и обратно пар терминов со схожими звуками и морфологическими и акцентными моделями. Вот примеры таких пар из области медицинской терминологии: *diagnosis – цирроз*, *arthritis – менингит*, *neurosis – терапевтический*, *homogeneous – гомеопатия*, *acupuncture – лигатура*, и т. п. При этом такие тонкие различия между фонетическими системами, как наличие в английском аспирации или апикально-альвеолярного уклада переднеязычных согласных не играют столь существенной роли (поэтому в данном случае ими можно пренебречь), как реализация второстепенного ударения, утрата которого ведёт к неразборчивости речи.

Привлечение аутентичных аудио материалов представляется совершенно необходимым для студентов и данной группы; ими могут служить, например, лекции по актуальным темам на интернет-платформе TED или многочисленные научно-популярные фильмы BBC. Задания должны включать не только ответы на вопросы, что предполагает понимание общего содержания, но и поиск определённых терминов или профессиональных выражений, а также анализ (пусть в какой-то мере субъективный) их произношения и имитацию. Необходимым компонентом обучения следует считать организацию регулярных устных сообщений на английском языке, во время которых студенты имеют возможность практиковать навыки публичного научного выступления. Такое выступление обычно включает использование некого набора структурных элементов (*In today's presentation I'd like to …, Firstly …, After that …, Finally …, If you look at the next graph …, On the other hand…, If you have any questions …,* etc.), реализующихся с определённым интонационным контуром (нисходяще-восходящим или Fall-Rise), который тоже должен стать предметом изучения, так как обеспечивает правильное толкование содержательной части.

3. Заключение [Conclusion]

Обучение произношению – не только прямая обязанность любого преподавателя иностранного языка, но и повод получить удовольствие как от предмета, так и процесса преподавания. На современном этапе оно потеряло отвлечённый характер обучения ради обучения (как это было во времена жизни за «железным занавесом», хотя и в тот пе-

риод лучшие представители нашей профессии сохранили принципы российской методической школы) и приобрело вполне конкретные цели. А быть полезным – это ли не высшая награда любого учителя? Кроме того, обучение фонетике в игровой форме – прекрасная возможность убить сразу двух методических зайцев: оживить атмосферу на занятии и привлечь внимание к непростым для овладения аспектам иностранного языка [Besedina et al., 2021]. Учебного времени на них уйдёт немного, и потрачено оно будет с несомненной выгодой для всех.

Немаловажно также научить других сопричастности великим достижениям мировой культуры, представленной произведениями на самых разных языках. В стремлении заразить студентов своей увлеченностью английской фонетикой автор показывает им отрывок из известного мюзикла «Моя прекрасная леди» (*My Fair Lady*, 1964) режиссёра Дж. Кьюкора, созданного по мотивам пьесы Дж. Б. Шоу «Пигмалион», в котором в юмористическом виде представлен урок произношения. Понимание предмета, ведущее к успеху, наступает у нерадивой студентки после слов учителя: *The majesty and grandeur of the English language is the greatest possession we have. The noblest thoughts that ever flowed through the hearts of men are contained in its extraordinary, imaginative, and musical mixtures of sounds. And that's what you've set yourself out to conquer* (*Величие и богатство английского языка – огромнейшее наше достояние. Самые благородные мысли, когда-либо наполнявшие сердца людей, заключены в его удивительном, выразительном и мелодичном звучании. Именно его вы и собрались постичь*. Пер.- Е. Ш.). Этих слов достойна фонетика любого языка.

Список литературы

Абрамова, 2009 – Абрамова И. Е. Фонетическая вариативность вне естественной языковой среды. Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2009. 347 с.

Андросова и др., 2017 – Курс фонетики американского варианта английского языка. 3-е изд., испр. и доп. / С. В. Андросова, С. В. Деркач, М. А. Пирогова, Е. А. Шамина : учеб. пособие. Благовещенск : Изд-во АмГУ, 2017. 113 с.

Андросова, 2015 а – Андросова С.В. Неканонические фонологические модели морфем и слов в русском и английском языках // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2015. Вып. 1, № 1. С. 5–15.

Брызгунова, 1977 – Брызгунова Е. А. Звуки и интонация русской речи. М. : Русский язык, 1977. 194 с.

Шамина, 2004 – Шамина Е. А. Обучение произношению как составляющая обучения говорению // Материалы IV научно-практической конференции «Дополнительные образовательные программы по иностранным языкам». СПб. : Изд-во СПбГУ. 2004. С. 70–72.

Шамина, 2007 – Шамина Е. А. Задачи курса «Культура английской речи переводчика» и материалы к нему // Англистика XXI века : сб. материалов III Всероссийской науч. конф. СПб. : Филологический ф-т СПбГУ. 2007. С. 387–393.

Шамина, 2013 – Шамина Е. А. Психологическая атака или русский акцент в английском // Материалы XII науч.-практ. конф. «Дополнительные образовательные программы по иностранным языкам». СПб. : Изд-во СПбГУ. 2013. С. 106–109.

Шамина, 2017 – Шамина Е. А. Речь литературных персонажей как отражение социолингвистической ситуации: фонетический аспект // Теоретическая и Прикладная Лингвистика. 2017. Вып. 3, № 3. С. 94–109. https://doi.org/10.22250/2410-7190_2017_3_3_94_109

Шамина, 2018 – Шамина Е. А. Фонетика и грамматика – близнецы-братья: обучение произношению английских грамматических структур // Обучение иностранному языку студентов высших и средних образовательных учреждений на современном этапе : материалы Всероссийской нац. науч.-метод. видеоконф., Благовещенск, 26 января 2018 года. Благовещенск : Изд-во АмГУ, 2018. С. 129–135.

Шамина, 2019 – Шамина Е. А. Когнитивные аспекты фоносемантики // Материалы XIX междунар. конф. «Язык и мышление». Покров : Ин-т лингв. исследований РАН. 2019. С. 116–120.

Щерба, 1929 – Щерба Л. В. Как надо изучать иностранные языки. М. : Госиздат. 1929. 52 с.

Фасмер, 1986 – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М. : Прогресс. 1986. В 4-х т.

Androsova, 2015 b – Androsova S. V. Challenges of teaching speech production and speech perception for Russian learners of English: Phonetic issues that really matter // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2015. Вып. 3, № 1. С. 5–15.

Besedina et al., 2021 – Besedina E., Kuzmich I., Maklakova N., Shamina E. Learning English? – Enjoy the Game! (Language Games for All Occasions) // EDULEARN21 Proceedings of 13th International Conference on Education and New Learning Technologies. Online Conference, 5–6 July, 2021. IATED, 2021. P. 1874–1884.

Brown, 2013 – Brown H. D. Learner-Centered English Language Education. New York : Routledge, 2013. 304 p.

Cambridge English Dictionary – Cambridge English Dictionary. URL : https://dictionary.cambridge.org

Gilakjani, Ahmadi, 2011 – Gilakjani A. P., Ahmadi M. R. Why is Pronunciation So Difficult to Learn? // English Language Teaching. 2011. Vol. 4, N 3. URL : https://www.ccsenet.org/journal/index.php/elt/article/view/11877

Jenkins, 2004 – Jenkins J. Research in Teaching Pronunciation and Intonation // Annual Review of Applied Linguistics. 2004. N 24. P. 109–125.

Johnson, Frederick, 1994 – Johnson R., Frederick L. Native Speakers' Perceptions of Nonnative Speakers: Related to Phonetic Errors and Spoken Grammatical Errors : Paper presented at the Annual Meeting of TESOL (28th, Baltimore, MD, March 8–12, 1994). URL : https://eric.ed.gov/?id=ED372653

Portnova, Shamina, 2021 – Portnova A. A., Shamina E. A. Intonation and body language: Intonation learning made easy // Proc. of the 13th Far Eastern English Language Teachers' Association International Conference "Language Studies and Language Teaching: Dreams, hopes, aspiration, achievement" / S. V. Androsova (Ed.). Blagoveshchensk : Amur State University Press, 2021. P. 80–87.

Sukhovalov et al., 2021 – Sukhovalov I., Shamina E., Besedina E. Systemic approach to Teaching Pronunciation (A case of teaching General American English pronunciation to Russian speakers) // EDULEARN21 Proceedings of 13th International Conference on Education and New Learning Technologies. Online Conference, 5–6 July, 2021. IATED, 2021. P. 1866–1874.

Wells, 1982 – Wells J. C. Accents of English. Vol. I. Cambridge : Cambridge University Press, 1982. 277 p.

References

Abramova, I. E. (2009). Foneticheskaya variativnost' vne estestvennoy yazykovoy sredy [Phonetic variation outside the language environment]. Petrozavodsk : PetrGU Press. (In Russ.).

Androsova, S. V., Derkach, S. V., Pirogova, M. F., Shamina, E. A. (2017). Kurs fonetiki amerikanskogo varianta angliyskogo yazyka [The American English phonetics course]. 3d edn, with corrections and addenda. Blagoveshchensk : Amur State university Press. (In Russ.).

Androsova S. V. (2015 a). Nekanonicheskie fonologicheskie modeli morfem i slov v russkom i angliiyskom yazykakh [Non-canonical models of morphemes and words in Russian and English]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 1 (1), 5–15. (In Russ.).

Bryzgunova, E. A. (1977). *Zvuki i intonatsiya russkoy rechi* [Sounds and intonation in Russian Speech]. Moscow : Russkiy yazyk Press. (In Russ.).

Shamina E. A. (2004). Obuchenie proiznosheniyu kak sostavlyayushhaya obucheniya govoreniyu [Teaching pronunciation as an element of teaching speaking]. *Dopolnitel'nye obrazovatel'nye programmy po inostrannym yazykam* [Additional educational foreign language programs] : Proc. IV Scientific-Practical Conference (pp. 70–72). St Petersburg : St Petersburg University Press. (In Russ.).

Shamina, E. A. (2007). Zadachi kursa «Kul'tura angliyskoy rechi perevodchika» i materialy k nemu [Objectives of the Interpreters Speaking course and the didactic materials for it]. *Anglistika XXI veka* [English studies in the XXI century]: Proc. of the III All-Russian Scientific Conference (pp. 387–393). St Petersburg : St Petersburg University Press. (In Russ.).

Shamina, E. A. (2013). Psihologicheskaya ataka ili russkiy aktsent v angliyskom [Psychological attack or Russian accent in English]. *Dopolnitel'nye obrazovatel'nye programmy po inostrannym yazykam* [Additional educational foreign language programs] : Proc. IV Scientific-Practical Conference (pp. 106–109). St Petersburg : St Petersburg University Press. (In Russ.).

Shamina, E. A. (2017). Rech' literaturnykh personazhey kak otrazhenie sotsiolingvisticheskoy situatsii: foneticheskiy aspekt [Literary characters' speech as a mirror of the sociolinguistic situation: A phonetic approach]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 3 (3), 94–109. (In Russ.). https://doi.org/10.22250/2410-7190_2017_3_3_94_109

Shamina, E. A. (2018). Fonetika i grammatika – bliznetsy-bratya: obuchenie proiznosheniyu angliyskikh grammaticheskikh struktur [Phonetics and grammar as twins: Teaching pronunciation of English grammatical structures]. *Obuchenie inostrannomu yazyku studentov vysshikh i srednikh obrazovatel'nykh uchrezhdeniy na sovremennom etape* [Current trends in teaching a foreign language for university and secondary school students] : Proc. of the All-Russian Conference, Blagoveshchensk, January 26, 2018 (pp. 129–135). Blagoveshhensk : Amur State University Press. (In Russ.).

Shamina, E. A. (2019). Kognitivnye aspekty fonosemantiki [Cognitive aspects of phonosemantics]. *Yazyk i myshlenie* [Language and thinking] : Proc. of the XIX International Conference (pp. 116–120). Pokrov : Institute of Language Research, Russian Academy of Sciences Press. (In Russ.).

Shherba, L. V. (1929). *Kak nado izuchat' inostrannye yazyki* [How to learn foreign languages]. Moscow : Gosizdat Press. (In Russ.).

Vasmer, M. (1986). *The etymological dictionary of the Russian language.* Moscow : Progress. In 4 volumes.

Androsova, S. V. (2015 b). Challenges of teaching speech production and speech perception for Russian learners of English: Phonetic issues that really matter. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 3 (1), 5–15.

Besedina, E., Kuzmich, I., Maklakova, N., Shamina, E. (2021). Learning English? – Enjoy the game! (Language games for all occasions). EDULEARN21 Proc. of 13th *International Conference on Education and New Learning Technologie*s. Online conference, 5–6 July, 2021 (pp. 1874–1884). IATED Press.

Brown, H. D. (2013). *Learner-Centered English Language Education*. New York : Routledge.

Cambridge English Dictionary. Retrieved January 19, 2022 from <https://dictionary.cambridge.org>.

Gilakjani, A. P., Ahmadi, M. R. (2011). Why is Pronunciation So Difficult to Learn? *English Language Teaching*, 4 (3). Retrieved from <https://www.ccsenet.org/journal/index.php/elt/article/view/11877>.

Jenkins, J. (2004). Research in teaching pronunciation and intonation. *Annual Review of Applied Linguistics*, 24, 109–125.

Johnson, R., Frederick, L. (1994). Native speakers' perceptions of nonnative speakers: Related to phonetic errors and spoken grammatical errors : Paper presented at the Annual Meeting of TESOL (28th, Baltimore, MD, March 8–12, 1994). Retrieved from <https://eric.ed.gov/?id=ED372653>.

Portnova, A. A., Shamina, E. A. (2022). Intonation and body language: Intonation learning made easy. In S. V. Androsova (Ed.), *Language studies and language teaching: Dreams, hopes, aspiration, achievement : Proc. of the 13th Far Eastern English Language Teachers' Association International Conference* (pp. 80–87). Blagoveshchensk : Amur State University Press.

Sukhovalov, I., Shamina, E., Besedina, E. (2021). Systemic approach to teaching pronunciation (A case of teaching General American English pronunciation to Russian speakers). *EDULEARN21 Proc. of 13th International Conference on Education and New Learning Technologies*. Online conference, July 5–6, 2021 (pp. 1866–1874), IATED Press.

Wells, J. C. (1982). *Accents of English*. Vol. I. Cambridge : Cambridge University Press.

Статья поступила в редакцию 01.08.2021; одобрена после рецензирования 25.11.2021; принята к публикации 31.12.2021.
The article was submitted 01.08.2021; approved after reviewing 25.11.2021; accepted for publication 31.12.2021.

Наши авторы

Аврутина Аполлинария Сергеевна, д.-р филол. наук, доцент, проф. кафедры теории и методики преподавания языков и культуры Азии и Африки, директор Центра исследований современной Турции и российско-турецких отношений Санкт-Петербургского гос. ун-та, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, email: a.avrutina@spbu.ru

Алексеев Александр Борисович, преподаватель Российской академии народного хозяйства и гос. службы при президенте Российской Федерации, г. Красногорск, Российская Федерация, email: neuausstatten@mail.ru

Аль Хаснави Али Ради Машджель, канд. филол. наук, доцент кафедры теоретических наук Ун-та Ти-кара, г. Насирия, Республика Ирак, email: ali88.2000@utq.edu.iq

Васильева Дарья Олеговна, студент Сибирского фед. ун-та, г. Красноярск, Российская Федерация, email: dodoririmn@gmail.com

Гаврилова Ирина Александровна, канд. филол. наук, доцент кафедры английской филологии Южно-Уральского гос. гум.-пед. ун-та, г. Челябинск, Российская Федерация, email: gavrilovaia@cspu.ru

Грищенко Наталия Анатольевна, канд. филол. наук, доцент кафедры Маркетинга и международного администрирования Сибирского фед. ун-та, г. Красноярск, Российская Федерация, email: ashatanatal@mail.ru

Дармаева Оюн Бадмажаповна, преподаватель Санкт-Петербургского гос. ун-та, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, email: st084410@student.spbu.ru

Каксин Андрей Данилович, д.-р филол. наук, ведущий научный сотрудник Ин-та гум. исследований и саяно-алтайской тюркологии Хакасского гос. ун-та им. Н.Ф. Катанова, г. Абакан, Российская Федерация, email: adkaksin@yandex.ru. https://orcid.org/0000-0001-9632-8286

Кошева (Гочияева) Астра Шагабановна, канд. филол. наук, доцент, доцент кафедры русского и иностранных языков Северо-Кавказской гос. академии, г. Черкесск, Российская Федерация, email: kosheva57@bk.ru

Лян Мэнцзе, аспирант кафедры филологии и медиакоммуникаций Мурманского арктического гос. ун-та, г. Мурманск, Российская Федерация, email: mentsze2018@gmail.com

Ма Татьяна Юрьевна, д-р филол. наук, доцент, зав. кафедрой перевода и межкультурной коммуникации Амурского гос. ун-та, г. Благовещенск, Российская Федерация, email: tdovnar@mail.ru

Озонова Айяна Алексеевна, канд. филол. наук, старший научный сотрудник Сектора языков народов Сибири, ИФЛ СО РАН, г. Новосибирск, Российская Федерация, email: ajanao@mail.ru. https://orcid.org/0000-0003-0136-7499

Падерина Татьяна Сергеевна, специалист по учебно-организационной работе, младший научный сотрудник лаборатории лингво-педагогических исследований, Иркутский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук, г. Иркутск, Российская Федерация, email: jana-pad@mail.ru

Панкратова Светлана Анатольевна, д.-р филол. наук, доцент, профессор кафедры иностранных языков Санкт-Петербургского гос. ин-та кино и телевидения, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, email: svetpankrat@yandex.ru

Попцова Ольга Сергеевна, старший лейтенант внутренней службы, Пермский ин-т ФСИН России, г. Пермь, Российская Федерация, email: olya.olga-olga71@yandex.ru

Солодилова Ирина Анатольевна, д.-р филол. наук, доцент, декан факультета филологии, проф. кафедры немецкой филологии и методики преподавания немецкого языка Оренбургского гос. ун-та, г. Оренбург, Российская Федерация, email: solodilovaira16@gmail.com

Танцура Игорь Дмитриевич, учитель английского языка МОБУ Ромненской СОШ, п. Ромны, Амурская область, Российская Федерация

Чернявская Янина Леонидовна, канд. филол. наук, доцент, руководитель подготовительного курса для иностранцев отделения довузовской подготовки Тюменского гос. мед. ун-та, г. Тюмень, Российская Федерация, email: yaninak@yandex.ru

Чэнь Яо, аспирант кафедры теоретического и прикладного языкознания Пермского гос. нац. исслед. ун-та, г. Пермь, Российская Федерация, email: chen.yao@yandex.ru

Шамина Елена Анатольевна, канд. филол. наук, доцент кафедры фонетики и методики преподавания иностранных языков Санкт-Петербургского гос. ун-та, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, email: e.shamina@spbu.ru

Шеремета Татьяна Владимировна, канд. пед. наук, старший преподаватель кафедры кинологии Пермского ин-та ФСИН России, г. Пермь, Российская Федерация

Our authors

Apollinaria S. Avrutina, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Theory and Methods of Teaching Languages and Cultures of Asia and Africa, Director of the Center for Research on Modern Turkey and Russian-Turkish Relations, St Petersburg University, St Petersburg, Russian Federation, email: a.avrutina@spbu.ru

Alexander B. Alekseev, lecturer, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Krasnogorsk, Russian Federation, email: neuausstatten@mail.ru

Al-Hasnawi Ali Radhi Mashjel, PhD in Philology, Assistant Professor, Department of Theoretical Sciences, University of Thi-Qar, Nasiriya, Republic of Iraq, email: ali88.2000@utq.edu.iq

Darya O. Vasilieva, student, Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russian Federation, email: dodoririmn@gmail.com

Irina A. Gavrilova, PhD in Philology, Assistant Professor, English Philology Department, South Ural State Humanitarian Pedagogical University, Chelyabinsk, Russian Federation, email: gavrilovaia@cspu.ru

Nataliia A. Grishchenko, PhD in Philology, Associate Professor, Marketing and International Administration Department, Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russian Federation, email: ashatanatal@mail.ru

Oyun B. Darmaeva, lecturer, St Petersburg University, St Petersburg, Russian Federation, email: st084410@student.spbu.ru

Andrei D. Kaksin, Doctor of Philology, Leading Researcher, Institute of Humanities and Sayan-Altai Turkology, Katanov Khakass State University, Abakan, Russian Federation, email: adkaksin@yandex.ru. https://orcid.org/0000-0001-9632-8286

Astra Sh. Kosheva (Gochiiaeva), PhD in Philology, Associate Professor, North-Caucasian State Academy, Cherkessk, Russian Federation, email: kosheva57@bk.ru

Liang Mengjie, PhD student, Department of Philology and Media Communications, Murmansk Artic State University, Murmansk, Russian Federation, email: mentsze2018@gmail.com

Tatyana Yu. Ma, Doctor of Philology, Associate Professor, Head of Department of Translation and Cross-Cultural Communication, Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation, e-mail: tdovnar@mail.ru

Aiiana A. Ozonova, PhD in Philology, Senior Researcher, Department of the Siberian Peoples' Languages, Institute of Philology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation, email: ajanao@mail.ru; https://orcid.org/0000-0003-0136-7499

Tatiana. S. Paderina, specialist in educational and organizational work, junior researcher, Laboratory of Linguistic and Pedagogical Research, Irkutsk Scientific Center, Siberian Branch of the Russian Academy, Irkutsk, Russian Federation, email: jana-pad@mail.ru

Svetlana A. Pankratova, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of Foreign Languages Department, Saint-Petersburg State Institute of Film and Television, Saint-Petersburg, Russian Federation, email: svetpankrat@yandex.ru

Olga S. Poptsova, senior lieutenant of internal service, Perm Institute of the Federal Penal Service, Perm, Russian Federation, email: olya.olga-olga71@yandex.ru

Irina A. Solodilova, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of German Philology and methods of teaching Gearman Department, Orenburg State University, Orenburg, Russian Federation, email: solodilovaira16@gmail.com

Igor D. Tantzura, teacher of English, Romny Secondary School, Romny Village, Amur Region. Russian Federation

Yanina L. Chernyavskaya, PhD in Philology, Associate Professor, Head of the Preparatory Course for Foreigners, Pre-university Department, Tyumen State Medical University, Tyumen, Russian Federation, email: yaninak@yandex.ru

Chen Yao, PhD student, Theoretical and Applied Linguistics Department, Perm State University, Perm, Russian Federation, email: chen.yao@yandex.ru

Elena A. Shamina, PhD in Linguistics, Associate Professor, Department of Phonetics and Methods for Teaching Foreign Languages, St Petersburg University, St Petersburg, Russian Federation, email: e.shamina@spbu.ru

Tatiana V. Sheremeta, PhD in Pedagogics, senior teacher, Canine Studies Department, Perm Institute of the Federal Penal Service, Perm, Russian Federation

СОДЕРЖАНИЕ

Научные статьи

Аврутина А. С., Дармаева О. Б.	Синтаксические модели в агглютинативном языке (на материале корейского и турецкого языков)	5
Алексеев А. Б.	Консубстанциональные термины «политика», «политик» в политическом и масс-медийном дискурсах	20
Аль Хаснави А. Р. М.	Структурная организация высказываний с семантикой «превращение» в русском языке (на англ)	34
Гаврилова И. А.	Особенности функционирования русизма *gulag* в англоязычном медиапространстве	53
Грищенко Н. А., Васильева Д. О.	Пополнение лексического состава английского языка в период пандемии Covid-19	63
Каксин А. Д.	Замечания, наставления, расспросы: разнообразие речевых жанров в поэме Н. В. Гоголя «Мёртвые души»	72
Кошева А. Ш.	Семантика и функциональный потенциал дискурсива *керти* в карачаево-балкарском языке	82
Лян М.	Семиотический подход к исследованию русских примет (на материале примет о птицах)	95
Ма Т. Ю., Танцура И. Д.	Прецедентное высказывание «melting pot» в материалах телеканала CNN 2011–2021 годов	113
Озонова А. А.	Псевдоусловные конструкции в алтайском языке	125
Падерина Т. С.	Социолингвистические аспекты оппозиции «свой – чужой» (на материале немецкой художественной литературы)	132
Панкратова С. А.	Адаптирующий перевод в киноиндустрии (на примере перевода англоязычных фильмонимов)	142
Попцова О. С., Шеремета Т. В.	Специфика присвоения кличек служебным собакам	153
Солодилова И. А.	Образное сравнение как источник оценочного смыслообразования	165
Чернявская Я. Л.	Аутентичный звучащий текст в курсе РКИ: мультфильм «Чертёнок No13»	178
Чэнь Я.	Представления о характере у китайских женщин и мужчин: кросс-групповое исследование	186
Шамина Е. А.	Обучение иноязычному произношению: когнитивные, психолингвистические и социолингвистические основания	202
Наши авторы		214

CONTENTS

Original Papers

Avrutina A. S., Darmaeva O. B.	Syntactic models in the agglutinative language (Based on Korean and Turkish)	5
Alekseev A. B.	Consubstantial terms 'politics, 'politician' in the political and massmedia discourses	20
AlHasnawi, A. R. M.	Structural organization of the utterances with the semantics of "transformation" in Russian	34
Gavrilova I. A.	Functioning peculiarities of the Russism *gulag* in English language mass media	53
Grischenko N. A., Vasilieva D. O.	Enlarging the lexical body of the English language during the Covid-19 pandemic	63
Kaksin A. D.	Comments, instructions, inquiries: Variety of speech genres in the poem of N. V. Gogol "Dead souls"	72
Kosheva A. Sh.	Semantics and functional potential of discursive marker *kerti* in Karachay-Balkar language	82
Liang M.	Semiotic approach to studying omens in the Russian culture (Based on the omens related to birds)	95
Ma T. Yu, Tantzura I. D.	"Melting pot" precedent phrase in the CNN TV channel publications in 2011–2021	113
Ozonova A. A.	Pseudoconditional patterns in Altai language	125
Paderina T. S.	Sociolinguistic aspects of "friend – foe" opposition (Based on modern German fiction)	132
Pankratova S. A.	Adaptational translation in film industry (Based on English film titles translation)	142
Poptsova O. S., Sheremeta T. V.	Specifics of service dogs' naming	153
Solodilova I. A.	Figurative comparison as a source of evaluative meaningmaking	165
Chernyavskaya Ya. L.	Authentic sounding text in the course of Russian as a foreign language: Cartoon "Little devil number 13''	178
Chen Y.	Perceptions of Chinese women and men character: A cross-group study	186
Shamina E. A.	Foreign Language Pronunciation Teaching: cognitive, psycholinguistic and sociolinguistic grounds	202
Our authors		214

Теоретическая и прикладная лингвистика. Выпуск 8, No 1, 2022.

Журнал распространяется по подписке. Каталог печатных изданий «Пресса России», подписной индекс: Е45085

Сдано в набор 04.03.2022. Подписано к печати 02.03.2022. Дата выхода в свет 24.03.2022.
Редактор – С. В. Андросова.
Компьютерная вёрстка – Е. Ю. Андросов, В. Г. Караваева.
Формат 60x84/8. Усл. печ. л. 25,57. Тираж 1000. Заказ 202. Свободная цена.

Учредитель: Амурский государственный университет.
Издатель: Амурский государственный университет.
Отпечатано в типографии Амурского государственного университета.
Адрес издателя: 675027, г. Благовещенск Амурской обл., Игнатьевское шоссе, 21, кор. 1, аудитория 406.
Адрес редакции: 675027, г. Благовещенск Амурской обл., Игнатьевское шоссе, 21, кор. 7, аудитория 502.
Адрес типографии: 675027, г. Благовещенск Амурской обл., Игнатьевское шоссе, 21, кор. 3, офис 20.